Российская академия наук
Институт психологии

Историческая психология: прошлое, настоящее, будущее

Ответственные редакторы:
А. Л. Журавлев,
Е. В. Харитонова,
Е. Н. Холондович

Издательство
«Институт психологии РАН»
Москва – 2020

УДК 159.9
ББК 88
И 90

*Все права защищены. Любое использование материалов
данной книги полностью или частично
без разрешения правообладателя запрещается*

Рецензенты:
А. В. Юревич, член-корреспондент РАН,
доктор психологических наук, профессор;
Э. В. Тихонова, кандидат психологических наук, доцент

И 90 **Историческая психология: прошлое, настоящее, будущее** / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. В. Харитонова, Е. Н. Холондович. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2020. – 447 с. (Методология, история и теория психологии)
doi: 10.38098/thry.2020.25.72.000

УДК 159.9
ББК 88

ISBN 978-5-9270-0426-3

В сборник научных трудов включены статьи, посвященные методологическим и теоретическим проблемам развития исторической психологии, ее кросскультурным аспектам, изучению российского менталитета и жизненного пути исторических личностей, анализу особенностей становления, сохранения и осмысления исторического опыта в индивидуальном и групповом сознании. Выделение этих разделов обусловлено актуальными задачами, стоящими перед психологией в целом и отражающими широкий комплекс проблем современного общества.

Книга подготовлена по Госзаданию № 0159-2020-006

© ФГБУН «Институт психологии РАН», 2020

ISBN 978-5-9270-0426-3

Содержание

РАЗДЕЛ 3
Изучение историогенеза психического и психобиографические исследования

РАЗДЕЛ 4
Кросскультурные психолого-исторические исследования

РАЗДЕЛ 5
Исследования исторического сознания

Предисловие: Традиции и возможности развития исторической психологии как научной отрасли

Е. Н. Холондович

doi: 10.38098/thry.2020.25.72.001

Настоящий сборник является попыткой коллектива психологов и историков осмыслить путь, пройденный исторической психологией за последние несколько десятилетий. Наша задача – выделить и проанализировать актуальные на сегодняшний день проблемы, касающиеся методологических и теоретических аспектов развития данной отрасли, а также представить как можно шире ее основные научные направления и современные исследовательские разработки: изучение российского менталитета и психологических характеристик людей разных исторических эпох, анализ эволюции психики и психобиографические исследования, рассмотрение кросскультурных аспектов исторической психологии, выявление особенностей становления, сохранения и осмысления исторического опыта в индивидуальном и групповом сознании. Структура сборника обусловлена актуальными задачами, стоящими перед психологией в целом и отражающими широкий комплекс проблем современного общества.

Понимание генезиса различных социально-психологических феноменов как никогда актуально. Источники разных форм индивидуальной и общественной жизнедеятельности современного человека сокрыты в историческом прошлом, их выявление и объяснение является важнейшей задачей исторической психологии. Они заключены в менталитете, традициях, стереотипах поведения, исторической памяти и др. Историческая психология помогает понять психологию участников исторических событий, тем самым выделяя психологическую и антропологическую составляющие исторического процесса (подробнее см.: Историческая психология..., 2004; История и психология, 1971; Кольцова, 2011; Королёв и др., 2011; Шкуратов, 1979; и др.).

Б. Г. Ананьев обосновывал необходимость изучать человека как целостное явление, не дробя его на отдельные функции, свойства и состояния (Ананьев, 2001; см. также: Головей и др., 2017; и др.). В этом

он видел задачу психологии будущего. Именно историческая психология, имея статус *междисциплинарной отрасли* научного знания, дает возможность осуществить *комплексный подход* к исследованию человеческой психологии (Методология комплексного человекознания, 2008; и др.).

В свою очередь историческая психология в полной мере осуществляет и *субъектный подход,* который разрабатывали С. Л. Рубинштейн, А. В. Брушлинский, К. А. Абульханова и который в настоящее время активно развивается в Институте психологии РАН (см., например: Личность и бытие..., 2008; Субъектный подход..., 2009; и др.). В рамках данного подхода человек рассматривается как активный субъект деятельности, продукты которой, воплощенные в памятниках культуры, выступают важнейшими источниками знания о психологии их создателей.

Предсказательный характер данной дисциплины позволяет объяснить и спрогнозировать те или иные феномены в психологии современного человека, что, по мнению А. Л. Журавлева, является одной из труднейших задач. Он отмечает, что вклад исторической психологии в теорию психологии еще в достаточной мере не оценен, между тем как она «приближает к пониманию, например, культурно-исторической обусловленности психологии человека, закономерностей формирования индивидуального и группового сознания, механизмов порождения индивидуальных, групповых и массовых социальных действий, взаимодействия индивидуального и коллективного сознания и поведения и др.» (Историческая психология..., 2004, с. 11).

Важнейшими функциями исторической психологии являются прогностическая и мировоззренческая. Имея междисциплинарный статус в психологии и гуманитарном знании в целом, эта отрасль выполняет также и методологическую функцию, так как позволяет осуществить плодотворное взаимодействие номотетических и идиографических методов исследования.

Несмотря на то, что историческую психологию принято считать молодой отраслью, история ее становления и развития насчитывает не одно десятилетие. Ее началом можно считать вторую половину XIX в. – время формирования психологии как самостоятельной науки, когда В. Вундт впервые заявил о необходимости выделения в отдельные направления эмпирической психологии и психологии народов. Им был создан десятитомный труд «Психология народов. Исследование законов развития языка, мифов и обычаев» (1900–1920). Автор сформулировал цель: изучение человеческого поведения в истории, т. е. социально-психологических аспектов человеческого

развития и существования. По его мнению, психология народов тесно соприкасается с историей, этнологией и социологией, что в свою очередь указывает на междисциплинарный статус зарождающегося научного направления. Исторический материал Вундт рассматривал как результат естественного эксперимента, позволяющего строить гипотезы о том или ином психологическом явлении. Его задача заключалась в расширении опыта понимания психологической составляющей исторического процесса, хотя он осознавал, что ошибки при подобных исследованиях будут неизбежны в связи со сложностью их предмета и объекта (Сметанина, 1999).

В. Дильтей также указывал на необходимость разделять психологию объяснительную (эмпирическую) и психологию описательную, или науку о «духе», предметом которой выступают общество, история и человек (Дильтей, 1996). Задачей последней является изучение психологических закономерностей, составляющих основу культуры, и самих продуктов культуры. Объектами изучения, по мнению Дильтея, должны выступать внутренний опыт человека, феномен его целостной душевной жизни, главным показателем которого выступает переживание. Понимание себя, своего внутреннего мира и мира других людей опосредовано единой духовной субстанцией, на которой строится жизнь народа. Исходя из этого, предметом изучения «наук о духе» должна стать психология народов, которая воплощается в их религии, праве и языке, а также в нормах и правилах, регулирующих поведение. Таким образом, человек выступает как продукт и в то же время активный деятель культурно-исторического процесса, поэтому, изучая культурно-исторический контекст его жизни, исследователь может подойти к пониманию его внутреннего мира.

Французский ученый И. Мейерсон разработал теорию психолого-исторической реконструкции прошлого. На основе исследований материала культуры как продуктов деятельности человека он выделил следующие позиции для тщательного анализа: психические реакции, поступки, социальную иерархию, приемы творения искусства, орудия труда. Ученый предлагал рассматривать их с позиции анализа поведения и «психологических функций», под которыми он понимал ментальную активность человека. При этом он отказывался от общепринятых в психологии эмпирических методов исследования, заменяя их анализом исторического развития языка, науки, искусства, литературы и др. Свою задачу он видел в раскрытии тех духовных усилий, которые были вложены в историю создания той или иной дисциплины. Более конкретного определения «психологических функций» им не было представлено.

Несколько другой ракурс развития психолого-исторические исследования получили в работах этнологов Э. Д. Тейлора, К. Леви-Стросса, Л. Леви-Брюля, которые изучали проблемы сознания и мышления представителей первобытного общества, а также осуществляли сравнение культур, относящихся к различным цивилизациям, имеющим разные уровни развития. В отечественной науке данное направление легло в основу концепции историогенеза психики П. П. Блонского, Л. С. Выготского, Б. Д. Поршнева и способствовало разработке знаковой модели психики А. Р. Лурией, А. Н. Леонтьевым, В. П. Зинченко, А. Г. Асмоловым и др. В культурно-исторической парадигме, в частности, в работах Л. С. Выготского, психика человека включена в контекст культуры: высшие психические функции рассматриваются как результат культурного развития и характеризуются как социальные, культурные, исторические.

Представленная выше ветвь изучения человеческой психологии в условиях исторического процесса касалась группового сознания и поведения, в то время как групповые и индивидуальные особенности психики рассматривались в психоаналитических концепциях З. Фрейда, К. Г. Юнга, Э. Эриксона, В. Райха и других исследователей «психоисторического» направления. Изучение жизненного пути исторических личностей проводилось в русле гуманистической психологии А. Маслоу, Г. Олпортом и др. (Более детальный обзор психоисторических исследований представлен в статье Д. С. Самохвалова.)

Нужно сказать, что свой статус научной отрасли историческая психология получила в исследованиях представителей французской школы «Анналов» (Л. Февр, М. Блок, Ф. Бродель, Р. Мандру, Ж. Ле Гофф и др.), изучавших ментальность больших и малых социальных групп. В России эта школа обрела своих последователей в лице А. Я. Гуревича и др. (Гуревич, 1993). Л. Февр и М. Блок, ее основатели, сформулировали задачу изучения «мыслительных структур, присущих всем членам общества» (Гуревич, 1993, с. 48), а также сознания и поведения (*ментальности*) людей определенной эпохи. Причем ученые указывали на то, что ментальности имеют универсальный характер и, как правило, неосознаваемы. Они воспроизводятся «помимо воли людей», представителей больших и малых социальных групп, а также отдельного индивида. Изучение социально-психологических механизмов их функционирования заставляло исследователей изменять ракурс видения проблемы: от изучения поведения они обращались к анализу области эмоций и коллективных представлений, которые коренятся в учениях и верованиях. По их мнению, необходимо проникнуть «в тайники мыслительной деятельнос-

ти людей» (там же, с. 49), исследовать их словарь, символы, ритуалы, в которых выражались «существенные аспекты их поведения», вычленить следы человеческой мысли и деятельности.

Российская наука имеет богатый опыт исследования социально-психологических проблем общества в контексте истории. Русские философы, историки, этнографы конца XIX–начала XX в. (К. Д. Кавелин, Н. И. Надеждин, М. П. Погодин, Н. Я. Данилевский, К. С. Аксаков, Н. О. Лосский, Н. А. Бердяев, Н. И. Костомаров, Н. О. Ключевский, С. М. Соловьев, К. Н. Леонтьев и мн. др.) разрабатывали проблемы национального характера, его структуры, становления, факторов формирования. Они были уверены в том, что «психологический склад» народа должен стать предметом тщательного изучения, так как от верного его понимания зависит дальнейшее развитие общества (Кольцова, Журавлев, 2017, с. 10). Исследования, выполненные российскими учеными в области этнической, юридической и военной психологии во второй половине XIX–начале XX века, также можно рассматривать как эмпирические предпосылки исторической психологии. Они внесли существенный вклад в ее становление. (Историко-психологический анализ развития исторической психологии в русле социально-психологических исследований будет дан в статье В. П. Познякова.)

В Институте психологии РАН исследования психологической составляющей исторического процесса начались в середине 1970-х годов. Это прежде всего работы Е. А. Будиловой об истории становления социальной психологии в России; коллективный сборник научных трудов под редакцией Л. И. Анцыферовой и Б. Ф. Поршнева, представляющий собой объединение усилий историков и психологов по разработке новых подходов к исследованиям в области исторической психологии; исследования менталитета, предпринятые в 1990-е годы К. А. Абульхановой-Славской, А. В. Брушлинским, М. И. Воловиковой и др. (Обзор «советского периода» в развитии исторической психологии будет осуществлен в статье Е. В. Харитоновой.)

Активный интерес сотрудников Института психологии РАН к проблемам исторической психологии привел к тому, что в 1991 г. в рамках лаборатории истории психологии было создано направление исторической психологии. Под руководством В. А. Кольцовой проводились исследования становления личности в структуре психики человека на ранних этапах истории (А. Д. Барская), психолого-исторические реконструкции менталитета народа и ментальности представителей различных социальных групп (В. А. Кольцова, И. Р. Федоркова, Т. И. Артемьева, А. А. Гостев и др.), изучение

динамики и трансформации личностных и групповых социально-психологических характеристик под влиянием переломных периодов в истории (Л. В. Спицына, Е. В. Харитонова, Б. Н. Тугайбаева, Е. Н. Холондович), психобиографические исследования (Е. Н. Холондович). В первые десятилетия XXI в. появляются работы В. А. Кольцовой и А. Л. Журавлева, посвященные исследованию российского менталитета, истории появления самого понятия и его разработке в русской науке XIX в. Подготовлены к изданию два выпуска сборника научных трудов «Историогенез и современное состояние российского менталитета». Все названные и другие научные направления исторической психологии представлены в статьях настоящего сборника.

Первый раздел посвящен обсуждению методологических вопросов исторической психологии. Авторы указывают на целый комплекс проблем, стоящих сегодня перед этой научной дисциплиной.

Открывается раздел статьей Е. В. Харитоновой, в которой рассматривается развитие исторической психологии как научной дисциплины в зарубежной и отечественной науке, раскрываются ее междисциплинарные связи (на примере анализа развития других дисциплин: исторической социологии, исторической культурологии, исторической антропологии), обозначается ее предметное поле, подчеркивается значимость использования междисциплинарных методов в психолого-исторических исследованиях.

В следующей статье В. П. Позняков излагает свое видение предмета, задач, методов исторической психологии, анализирует предпосылки ее зарождения в отечественной науке, делает акцент на близости этой научной дисциплины к социальной психологии и предлагает рассматривать результаты исследований в области социальной психологии в качестве эмпирической базы для психолого-исторических исследований.

О. Е. Серова исследует характер различий истории и психологии: первая изучает процессуально-временной аспект исторических явлений, вторая – содержательный. Как пишет автор, «логика исторического исследования моделирует и воспроизводит процесс, а логика психологического исследования – содержание внутренних состояний личности». При этом О. Е. Серова отмечает и точки их соприкосновения: концепт предпосылочного аксиологического «живого знания» служит, по мысли автора, «методологическим указанием к обоснованию возможности адекватного постижения смыслов актуально ненаблюдаемой, восстановленной творческим мышлением исследователя информации, заключенной в интегративных психо-

лого-исторических феноменах, составляющих проблемное поле исторической психологии».

Историк Д. С. Самохвалов ставит под сомнение возможность интеграции этих наук, так как у них нет общего проблемного поля, целей и задач, не выработаны единые методологические подходы и методы исследований. Наиболее удачным ему представляется соединение истории и психологии в зарубежной психоистории (хотя, как подчеркивает В.А. Мазилов, психоистория – это только особое направление в исследовании личности), а также предложенный еще в 1970-е годы известным советским ученым Б. Ф. Поршневым подход к изучению исторических событий и в целом исторического. Поставленная проблема действительно имеет место быть, но необходимо отметить, что существуют различные уровни анализа предметной области исторической психологии, которые дают возможность привлекать к исследованию общенаучные, специально-научные, а также конкретно-предметные методы, и их сочетание при использовании процедуры психолого-исторической реконструкции расширяет возможности междисциплинарного взаимодействия. (Более подробно о методах исторической психологии говорится в статье Е. Н. Холондович.)

Известный методолог психологии В. А. Мазилов в своей работе подчеркивает именно мультидисциплинарный характер исторической психологии. По мысли автора, он заключается в одностороннем дополнении одной дисциплины другой, с сохранением определенной четкости междисциплинарных границ, предполагающей различие предметов, методов и результатов взаимодействующих дисциплин. Именно эта четкость, как считает автор, выступает условием успеха исследований, с чем трудно не согласиться. Ученый призывает сконцентрировать внимание на проблемах внутрипсихологических – таких, например, как отсутствие единого предмета исследования, отражающееся на всех областях психологического знания. Совместно с В. Д. Шадриковым В. А. Мазилов предлагает в качестве предмета психологии рассматривать *внутренний мир человека* (на что указывал и Дильтей, обосновывая необходимость появления «науки о духе»). Соответственно, при таком подходе предметом исторической психологии является внутренний мир человека в историческом времени.

Нужно отметить, что единого представления о предмете исторической психологии у авторов нашего сборника нет, и в статьях даны различные его определения из работ В. А. Шкуратова, Е. Ю. Бобровой, В. А. Кольцовой, А. Л. Журавлева и др., наиболее полным из которых, на наш взгляд, является определение В. А. Кольцовой. Оно

звучит так: «Историческая психология исследует психический мир человека в его обусловленности историческим временем; она изучает особый класс детерминант – историческую детерминацию психики индивидуального и коллективного субъекта; рассматривает человека как носителя исторических норм и ценностей, объекта и субъекта исторического процесса. Ее предметом являются высшие этажи психики – социально-историческое сознание – та реальность, которая связывает человека с обществом, с человеческой цивилизацией, с историей в целом. Историческая психология раскрывает взаимообусловленность и связь истории развития человека и его психического мира с историей человечества; рассматривает, как человек вписывается в историю, творя ее и определяясь ею в своем психическом развитии» (Кольцова, 2011, с. 86). Это определение демонстрирует широкий спектр предметной области исторической психологии, в котором свое законное место занимают проблемы сознания группового и индивидуального субъекта, ценностно-смысловая и нравственная сферы личности, поведение и социальные взаимодействия в процессе исторического функционирования, а также психологическая составляющая самого исторического процесса. Не будет излишним при этом напомнить, что важно изучать психологические явления, возникающие не только в кризисные моменты истории, но и в стабильные, так как именно в относительно спокойные периоды возможно зафиксировать подлинную «историческую динамику в психологии человека» (Журавлев, 2004, с. 6).

Определение предмета исторической психологии недвусмысленно указывает и на ее *объект* – индивидуальный или групповой субъект в его социальной и культурно-исторической обусловленности, а более узко – на продукты культурной деятельности человека, в которых объективируется его психика: исторические источники, отражающие мысли, чувства, устремления, установки, ценностные ориентации, идеалы их создателей. Объект исследования в исторической психологии рассматривается в реальной среде его существования, в естественной динамике его возникновения и развития.

Историческая психология является реконструкционной дисциплиной, а психолого-исторические исследования – опосредованными, интерпретационными, и это в какой-то мере ограничивает возможности исследователя и делает необходимым привлечение количественных методов для обработки полученных результатов, что в свою очередь выступает одной из проблемных областей исторической психологии.

Интересную точку зрения на методологические проблемы исторической психологии излагает О. И. Литвинюк. Автор выделяет *психологический портрет эпохи* как единицу анализа исторической психологии и исходя из нее в качестве предмета предлагает рассматривать *филогенез онтогенеза в социогенезе.* При этом объектом исследования, по мнению автора, выступят «экспликации психических свойств и функций членов социума на разных стадиях его существования». О. И. Литвинюк также указывает на идиографичность и идеографичность исторической психологии. Идиографичность была выделена В. А. Кольцовой в связи с уникальностью исследований в данной области. Идеографичность исторической психологии обусловлена наличием у нее собственного тезауруса, т. е. «упорядоченной совокупности овеществленных в текстах знаний, понятий, значений». Из этого следует, что, во-первых, «историческую психологию надлежит описывать идеографически через синопсис». Во-вторых, так как она имеет междисциплинарный характер и, следовательно, не может избежать погрешностей, связанных с субъективизмом интерпретаторов, возникает необходимость «дифференциации смежных с нею наук по какому-либо признаку». В-третьих, неизбежна психологизация исторической психологии, так как только методологический аппарат психологии дает возможность, как пишет автор, «проанализировать психологический компонент в выделенных исторических факторах». Для преодоления стоящих пред наукой проблем О. И. Литвинюк предлагает обратиться к методам психосемантики и когнитивной психологии, а также психологии личности, социальной психологии и этнопсихологии. Методы психологической науки дают инструментарий исторической психологии для изучения ее предмета, а смежные науки снабжают ее фактами. Автор делит эти методы на ядерные (психологических наук) и приядерные. Имеется также прослойка – вербальный язык, который отражает свойство психики и имеет материальное выражение, следовательно, необходимо также прибегнуть к методам психолингвистики в психолого-исторических исследованиях. О. И. Литвинюк полагает, что именно в таком виде историческую психологию можно рассматривать как психологическую науку, уже сформировавшую свою методологическую платформу.

В исследовании Е. Н. Холондович показано, что в настоящее время историческая психология обращается к методам как смежных с психологией дисциплин, так и различных социогуманитарных наук. Это отражено в гибкой и в какой-то мере универсальной процедуре психолого-исторической реконструкции. Общенаучные, спе-

циально-научные и конкретно-предметные методы, входящие в ее состав, взаимно дополняют друг друга и позволяют всесторонне изучать внутренний мир человека в историческом контексте.

Исходя из вышеизложенных положений можно сделать вывод о том, что историческая психология имеет особый статус в психологическом знании, так как ее исследования характеризуются комплексной направленностью, междисциплинарностью и выходят на уровень взаимодействия дисциплин, по типологии Б.М. Кедрова. Подробнее об этом пишет В.А. Рафикова в статье нашего сборника. Указывая на такие современные тенденции в развитии науки, как глобализация и частичная унификация, автор настаивает на расширении междисциплинарного сотрудничества истории психологии и исторической психологии. Рассматривая персоналистическую составляющую развития психологического знания в годы Великой Отечественной войны, она выделяет детерминирующие его политические, социальные, культурные факторы. Личность ученого исследуется в соответствии с культурно-историческими особенностями эпохи. Такой ракурс рассмотрения, как считает автор, может расширить и дополнить существующие подходы к изучению личности в истории психологии.

Таким образом, можно заключить, что в будущем историческая психология должна стать трансдисциплинарным направлением, объединяющим фундаментальные и прикладные знания для решения важнейших проблем современного развития общества, имеющих исторические корни. Данное положение обосновывается в статьях Е.В. Харитоновой и А.А. Гостева.

Второй раздел сборника посвящен исследованию менталитета. Изучение этого феномена особенно актуально на современном этапе развития общества, когда происходят значительные изменения в его экономической, политической и социальной сферах, так как менталитет выполняет избирательную, селективную, защитную функции и препятствует вторжению чуждых инновационных нововведений в культуру и образ жизни народа (Кольцова, Журвлев, 2017). В исследовании А.А. Гостева показано, что менталитет включает социальные представления, образы коллективной памяти, содержащиеся в трансформированном виде в архетипах культуры и др. Автор подчеркивает необходимость изучения духовно-нравственной сферы, накладывающей отпечаток на сознание и поведение человека, которые, в свою очередь, играют важнейшую роль в формировании политического сознания. Через изучение группового и индивидуального менталитетов А.А. Гостев подходит к вопросу о междисциплинар-

ности исторической психологии, обосновывая тесную связь социальной, политической и исторической психологии и необходимость их дальнейшего взаимодействия.

В статье И. А. Мироненко дается определение менталитета, предложенное А. Л. Журавлевым, Д. В. Ушаковым и А. В. Юревичем: «Совокупность всех психологических свойств людей, влияющих на принятие или непринятие правил, заданных социальными институтами» (Журавлев и др., 2017, с. 108). Мироненко подчеркивает двойственную природу менталитета: с одной стороны, это явление статичное, с другой – динамическое, поэтому целесообразно подойти к его изучению с позиций структурно-динамического подхода Б. Д. Парыгина, который позволит сосредоточиться именно на динамических его характеристиках. При этом референтными ориентирами анализа для оценки актуального состояния динамической структуры менталитета должны стать тенденции мирового социокультурного и цивилизационного развития.

Традиционная позиция определения менталитета как «национального характера» представлена в работе Т. И. Артемьевой. Обращаясь к идеям русского революционера-демократа XIX в. Н. А. Добролюбова, автор выделяет психологические характеристики русского народа (его чувства, эмоциональный настрой и поведение) и факторы, повлиявшие на их формирование. В свою очередь, в статье О. Б. Леонтьевой представлен анализ взглядов русских марксистов начала XX в. на «психику общественного человека» (его значимые психологические характеристики, особенности сознания, поведения и др.), которые разрабатывались с целью формирования человека нового общественного строя.

Нужно отметить, что базовые черты менталитета, составляющие его ядро, отличаются стабильностью и, несмотря на социальные изменения в обществе, остаются постоянными (Кольцова, Журавлев, 2017). Но в эпохи кардинальных преобразований, таких как войны, революции и т. п., на них оказывается значительное давление, что может привести к изменениям в периферийном слое менталитета. Примером такого глобального воздействия являются события 1917 г. – Октябрьская революция и создание нового государства, – повлекшие за собой значительные преобразования всех устоев русской жизни. Одним из результатов этих преобразований стала задача формирования личности «советского человека». Анализу данного понятия и решению вопроса о том, удалось ли осуществить подобный эксперимент, посвящена статья В. В. Константинова и Р. В. Осина.

Менталитет обуславливает традиционные для конкретной общности формы поведения и сознания, восприятия и отношения к окружающей действительности, к которым можно отнести праздники. В этой связи интерес вызывает статья М. И. Воловиковой о значении праздника в русской культуре. Именно он, как считает автор, выступает необходимой составляющей в формировании духовно-нравственной компоненты ментальности русского человека. Через праздник (подготовку к нему, само празднование и попразднество) проявляется мировидение людей различных эпох, отражая ценностные ориентации и идеалы народа.

К современным методам исследования ментальности больших социальных групп обращается Е. В. Бакшутова. Анализируя тексты онлайн-дискуссий виртуальных групп в соцсетях, она показывает два разных типа исторического сознания, два менталитета, две коммуникативные стратегии, и делает прогноз их возможного взаимодействия.

Реконструкции ментальных характеристик отдельных групповых субъектов в исторической ретроспективе посвящены сразу несколько статей данного раздела. Ю. Д. Гавронова исследует культурные, социальные, политические детерминации психологической адаптации русских военнослужащих, участников Белого движения за рубежом. В работе Т. В. Калининой и Э. Г. Патрикеевой анализируются психологические особенности отношений в патриархальной русской семье, социализации девочек и подготовки их к будущей семейной жизни. В статье К. В. Кабановой исследуется трансформация брачных отношений в России на рубеже XIX и XX столетий в ракурсе психологической безопасности личности. При помощи метода историко-герменевтического анализа Т. Е. Титовец реконструирует идеалы «образованности» и «воспитанности» в менталитете славянских народов. С позиции психолого-педагогического подхода, разработанного В. А. Сониным, Л. В. Разина анализирует профессиональный менталитет учителя, подводя читателя к выводу о наличии взаимосвязи между профессиональными и национальными компонентами ментальности личности.

В целом, все проведенные исследования расширяют представления о российском менталитете и являются отправной точкой для дальнейшего изучения этого интересного феномена.

Третий раздел сборника открывается статьей Н. В. Борисовой, в которой подчеркивается актуальность изучения и осмысления психологических механизмов ценностных трансформаций, в результате которых происходит смена мировоззрения в различные исто-

рические эпохи. Это обуславливает необходимость разработки в исторической психологии духовно-нравственных проблем, связанную с духовным кризисом в современном обществе. На примере изучения стилей в живописи и сопровождающих их изменений в ментальности и картине мира человека показана зависимость исторических и психологических феноменов.

В статье С. А. Гильманова представлен анализ чувственного, рационального и смыслового в процессе коэволюции психики и музыки, выделены основные стадии и содержательные характеристики этого процесса: первая, докатегориальная, характеризующаяся осознанием конструкции музыкальных явлений, вторая – появление концепта искусства как явления культуры, третья, интеграционная – выделение социальных практик, в которых участвует музыка.

В работе В. И. Екинцева исследуется невербальная коммуникация в филогенезе и онтогенезе, делается акцент на необходимости использования трансспективного анализа в психолого-историческом исследовании невербальной коммуникации человека, демонстрируется ее значение для формирования представлений человека о себе и мире, идентификации себя и в целом сознания, отмечаются различия между формами невербальной коммуникации в историческом контексте.

Л. Н. Горюновой проводится психолого-историческая реконструкция личностно-деятельностных оснований славянской традиции с позиции цивилизационного подхода. Под традицией понимается «система практической деятельности, воспроизводимая и транслируемая из поколения в поколение». Рассматривается взаимосвязь образа действия, личности, традиции и цивилизации. Показаны различия в психологической структуре деятельности в восточном и западном типах цивилизации.

В статье И. Н. Дворниковой проанализированы особенности исследований ритуала в зарубежной и отечественной психологической науке. Автором ритуал представлен с позиции культурно-исторической теории как психологическое средство регуляции поведения людей в группе.

В рамках психоисторического исследования М. М. Дробышевой проводится сравнительный анализ творчества двух художников: Винсента Ван Гога и Давида Бурлюка. Показано, что уникальный художественный стиль и личность Ван Гога оказали влияние на развитие творчества Бурлюка и всего мирового художественного искусства. В статье Н. Ю. Стоюхиной представлена реконструкция социально-психологических особенностей советской эпохи через

призму автобиографического романа писателя Н. Кочина, где историческое время представлено опосредованно через систему представлений и отношений автора. На важность подобных исследований указывали Б. Г. Ананьев. Б. М. Теплов, И. В. Страхов, Л. С. Выготский, В. А. Кольцова и др., так как художественная литература и в целом продукты художественного творчества выступают богатейшим источником знаний о психике человека (Кольцова, 2008).

В *четвертом разделе* сборника представлены кросскультурные исследования в русле исторической психологии. Они открываются анализом становления и развития культурно-исторической парадигмы в психологии в целом (И. А. Юров). В рамках изучения феномена толпы дан теоретический анализ особенностей его проявления в различные исторические периоды и в разных культурах (Л. Г. Почебут). Проведена психолого-историческая реконструкция революционной картины мира у различных культурных типов (Россия и Латинская Америка), представлен психолого-биографический анализ личности революционера (на примере Л. А. Тихомирова и Э. Че Гевары) (А. Г. Сулейманян). Предлагается новый взгляд на рост психометрического интеллекта в XX в.: анализируется динамика инновационной активности в контексте проблематики эффекта Флинна (А. А. Григорьев). Исследуется история денежного обращения с позиции появления новых форм денег как результата решения творческих задач (И. Р. Федоркова).

Пятый раздел открывается исследованием истории изучения проблем российского сознания в отечественной психологии конца XX–начала XXI в. (Г. В. Акопов, Л. С. Акопян). В ходе сравнительного анализа содержания конференций, посвященных данной проблематике и проводимых в г. Самара, авторы делают вывод о том, что именно они послужили отправной точкой введения понятия менталитет (ментальность) в научный дискурс и таким образом способствовали «комплексированию научных проблем сознания и ментальности» в психолого-исторических исследованиях. Эти конференции помогали развитию новых направлений в российской психологии – исторической психологии, менталистики и полименталистики, экономической психологии, – в свою очередь обогатив и содержание самой психологии сознания.

Далее в этом разделе представлены конкретные эмпирические исследования по проблемам исторического сознания, касающимся особенностей становления, сохранения и осмысления исторического опыта в индивидуальном и групповом сознании. Это психолингвистический анализ динамики языковых средств концептов

«душа» и «дух» в русском индивидуальном и коллективном сознании в период 1800–2015 гг., проведенный на текстах, входящих в Национальный корпус русского языка (Л. В. Куликов); изучение представлений современных россиян о празднике, отраженных в их языковом сознании, и их сравнение с представлениями позднесоветского периода, выполненное с помощью метода сравнения ассоциативно-вербальных полей слова «праздник» (А. М. Борисова); это работа, посвященная анализу интереса современных интернет-пользователей к личности и деятельности Петра I и его реформам, демонстрирующая актуальность изучения сознания больших социальных групп на историческом материале с привлечением современных информационно-коммуникационных технологий (А. Л. Журавлев, Д. А. Китова); наконец, это поисковое исследование особенностей восприятия темпоральной стороны безопасности в русских народных пословицах и поговорках, проведенное с использованием метода многомерного шкалирования и экспертной оценки (Т. М. Краснянская, В. Г. Тылец). Подобные работы интересны, перспективны и набирают силу в социогуманитарных науках в настоящее время. Они подтверждают возможность соединения в психолого-исторических исследованиях идиографических и номотетических методов, что позволяет снять вопрос о достоверности полученных результатов в данной области знания.

Завершая обзор исследований, представленных в настоящем сборнике, можно констатировать, что историческая психология является активно функционирующей отраслью современной психологической науки. Перспективы ее дальнейшего развития видятся в углублении методологической рефлексии, в разработке методического инструментария и расширении междисциплинарных связей как внутри самой психологии, так и в рамках взаимодействия с другими социогуманитарными науками. Это позволит ей решать важнейшие задачи, стоящие перед современным обществом, и эффективнее реализовывать мировоззренческую, методологическую и прогностическую функции.

Литература

Ананьев Б. Г. О проблемах современного человекознания. СПб.: Питер, 2001.

Головей Л. А., Журавлев А. Л., Тарабрина Н. В. Б. Г. Ананьев и междисциплинарные исследования в психологии (к 100-летию со дня рождения) // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 5. С. 108–117.

Гуревич А. Я. Исторический синтез и школа «Анналов». М.: Индрик, 1993.

Дильтей В. Описательная психология. СПб.: Алетейя, 1996.

Журавлев А. Л., Ушаков Д. В., Юревич А. В. Менталитет, общество и психосоциальный человек (ответ участникам дискуссии) // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 1. С. 107–112.

Историогенез и современное состояние российского менталитета / Отв. ред. А. В. Кольцова, Е. В. Харитонова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015.

Историогенез и современное состояние российского менталитета: Вып. 2 / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Кольцова, Е. Н. Холондович. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.

Историческая психология: предмет, структура и методы: Учеб. пособ. / Под ред. А. А. Королёва. М.: Изд-во МосГУ, 2004.

История и психология / Под ред. Б. Ф. Поршнева, Л. И. Анцыферовой. М.: Наука, 1971.

Кольцова В. А. Историческая психология как комплексная отрасль знания: теоретико-эмпирический анализ // Психологический журнал. 2011. Т. 32. № 3. С. 85–95.

Кольцова В. А. История психологии: Проблемы методологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.

Кольцова В. А., Журавлев А. Л. Сущностные характеристики и факторы формирования российского менталитета // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 3. С. 5–17.

Королёв А. А., Журавлев А. Л., Кольцова В. А. История и психология: неумолчный диалог: Учеб. пособ. / Под ред. А. А. Королёва. М.: Изд-во МосГУ, 2011.

Личность и бытие: субъектный подход: Материалы научной конференции / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. В. Знаков, З. И. Рябикина. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.

Методология комплексного человекознания и современная психология / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.

Сметанина О. М. Проблема психологии народов в творчестве Вильгельма Вундта: Дис. … канд. психол. наук. Нижний Новгород, 1999.

Субъектный подход в психологии / Под ред. А. Л. Журавлева, В. В. Знакова, З. И. Рябикиной, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.

Февр Л. Бои за историю. М.: Наука, 1991.

Шкуратов В. А. Историческая психология. М.: Смысл, 1997.

Раздел 1

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Историческая психология в системе социогуманитарных наук

Е. В. Харитонова

doi: 10.38098/thry.2020.25.72.002

Интерес к исторической психологии в нашей стране имеет неравномерный характер: периоды подъема и увеличения публикаций чередуются с периодами заметного снижения числа работ в данной области. Эти колебания можно объяснять разными причинами. Например, некоторые полагают, что в такие исторические периоды, когда общество (народ, нация, государство) находится на подъеме, уверенно смотрит вперед, увлечено созиданием нового и не ориентируется на прошлые достижения («Мы наш, мы новый мир построим»), количество исследований в области исторической психологии заметно снижается. И наоборот: когда общество переживает непростые времена, кризис, периоды преобразований, оно начинает чаще вспоминать прошлое, в какой-то степени идеализировать его, использовать прошлые достижения и, если это возможно, возрождать его отдельные элементы. В таком случае, можно предположить, что историческая психология помогает обратиться к прошлому, его урокам и становится наиболее актуальной в непростые периоды жизни общества.

Полагаем, что без изучения и переосмысления прошлого, без анализа исторического опыта затрудняется понимание настоящего и особо сложным представляется прогнозирование будущего. «Исторические катастрофы и переломы, которые достигают особенной остроты в известные моменты всемирной истории, всегда располагали к размышлениям в области философии истории, к попыткам осмыслить исторический процесс, построить ту или иную философию истории»; «все указывает на то, что в человеческой истории есть периодическое возвращение тех же моментов, не в том смысле, чтобы они могли по существу повторяться, потому что ничто исторически индивидуальное не повторяется, но в том, что есть формальное сходство, которое помогает постигнуть эпоху, сопоставив ее с эпохой предшествующей» (Бердяев, 1969, с. 7, 215).

Е. В. Харитонова

Историческая психология: источники становления и предшествующие влияния

Историческая психология – относительно новая область знания, оформившаяся в мировой науке в качестве самостоятельной дисциплины в 1940-е годы, на стыке психологии с широким кругом социогуманитарных наук – историей, социологией, культурологией и др. Впервые сам термин был предложен французским психологом И. Мейерсоном в 1948 г. Он упомянул такое словосочетание в своей книге, получившей название «Психологические функции и произведения», и предложил его для обозначения специальной научной дисциплины, направленной на изучение психики человека в конкретно-исторических условиях, на исследование изменений психического склада личности в процессе социального развития.

Однако исследования в области исторической психологии начались еще задолго до введения такого обозначения. Упомянем, например, работу В. Вундта «Психология народов. Исследование закона развития языка, мифов и обычаев», 10 томов которой, опубликованные в 1900–1920-х годах, справедливо относят к предметной области исторической психологии. В это же время в Германии М. Лацарус и Г. Штейнталь проводили свои исследования «духа народа», которые также могут быть отнесены к истокам исторической психологии. В 1859 г. они основали журнал «Психология народов и языкознание», в котором публиковались статьи, посвященные проблеме исторического влияния на формирование народной психологии посредством языка, религии, мифа, обычаев и т. п.

Еще одно направление, осуществившее синтез истории и психологии и лежавшее в основе исторической психологии, сложилось в европейской науке благодаря французским историкам школы «Анналов», представленной в 1929 г. Марком Блоком и Люсьеном Февром. М. Блок изучал ментальность людей прошлого и считал, что в конечном итоге определяющим фактором человеческих поступков в истории является психология. Эти идеи были продолжены в психолого-исторических исследованиях Ж. Вернана, М. Детьена, П. Франкастеля, Р. Мандру, Ж. Ле Гоффа, Ж. Дюби, которыми были осуществлены реконструкции мировоззрения, индивидуального и коллективного сознания людей различных эпох, выявлено своеобразие их личностей, чувств, ментальности.

Л. Февр призывал к интеграции усилий историков и психологов: «Не менее очевидно и то, что зарождение подлинной исторической психологии станет возможным благодаря заранее ясно оговоренному

сотрудничеству историков и психологов. Психологов, направляемых историками. Историками, которые, будучи должниками психологов, должны взять на себя заботу об организации их труда. Совместного труда, яснее говоря – труда коллективного» (Февр, 1991, с. 107).

В США в предметном поле исторической психологии проводились исследования сразу по нескольким направлениям научного знания: социально-культурной антропологии, кросскультурной психологии и психоистории. С начала XX в. в Америке набирают популярность исследования, посвященные происхождению и функционированию человека в контексте культуры – в рамках социально-культурной антропологии. Основные идеи и логика данного направления созвучны работам Вундта, Лацаруса, Штейнталя: для того, чтобы познать психологические особенности человека из любого общества, необходимо изучать его культуру, а именно язык, традиции, обычаи. Так, Ф. Боас изучал культуру и языки индейцев, живущих в Северной Америке, Р. Бенедикт описала их представления о духах-оберегах. Широко известна и ее работа «Хризантема и меч», выполненная по заказу Службы военной информации США в 1944–1946 гг. и направленная на изучение японской культуры, особенностей японского национального характера в современном понимании. М. Мид описала особенности социализации детей и подростков на Самоа, и т. д. Общим для всех этих исследований стало выявление различных аспектов инкультурации, социализации личности в зависимости от культуры, национальных особенностей. Любые поступки и действия личности в данном контексте рассматривались как элементы культуры, усвоенной через определенные модели мышления и нормы; затем подобные проявления стали считать стандартизированным поведением в обществе.

Более поздние исследования в области кросскультурной психологии также опираются на «Психологию народов» В. Вундта и работы американского исследователя В. Риверса, который возглавил экспедицию психологов и антропологов, изучавших связь между культурой и основными психологическими процессами в Южно-Тихоокеанской зоне. Однако подлинный расцвет кросскультурной психологии начинается только в 1960-е годы. Основной темой становится изучение черт сходства и различия в мышлении и поведении людей разных культур и создание всеобъемлющей универсальной психологии (Г. Триандис, Д. У. Берри, У. Д. Лоннер, Д. Брунер, Г. Яхода, Г Мюррей, Г. Виткин и др.).

Психоистория также относится к направлениям научного знания, которые проводят свои исследования в междисциплинарной сфере.

Первая работа по психоистории вышла в 1958 г.: это труд Э. Г. Эриксона «Молодой Лютер. Психоаналитическое историческое исследование» (Эриксон, 1996). Используя психоанализ, автор делает попытку объяснить «тип душевной организации» и индивидуальные кризисы молодого монаха, которые протекают на фоне исторических кризисов, их взаимосвязь и взаимовлияние. Таким образом, методологической основой психоистории является психоаналитическая теория З. Фрейда и ее развитие в неофрейдизме. Она используется при анализе исторической личности, выявляя ведущие мотивы (как сознательные, так и бессознательные), которые определяют ее поведение и деятельность. Ведущий представитель данного направления Ллойд де Моз полагает, что психоистория является наукой о моделях исторической мотивации при использовании для этой цели психоаналитических методов. Однако, на наш взгляд, представители психоистории (Л. де Моз, Д. Крен, Д. Плэтт, Г. Лоутон и др.) не являются в полной мере историческими психологами, так как их подход к объяснению взаимосвязи психологии и истории ограничен одним методом и потому не позволяет выявлять весь спектр детерминации поведения, мышления, деятельности, состояний как отдельного человека, так и какой-либо социальной группы в тот или иной исторический период.

В этом смысле в отечественных исследованиях, которые являются источниками становления исторической психологии в России, рассматривался самый широкий диапазон влияний и на общество, и на человека. Например, большой вклад в развитие исторической психологии в России внесла деятельность Русского географического общества, основанного в 1845 г. Помимо изучения географии России, она была направлена на создание и реализацию обширной этнографической программы, опубликованной и разосланной по всей Российской Империи в 7000 экземплярах для сбора сведений о ее населении по шести разделам: описание внешней наружности, описание языка, о домашнем быте, об умственных и нравственных способностях, об образовании, о народных преданиях, традициях и памятниках. Анализ собранных материалов и их описание осуществили Н. И. Надеждин, В. И. Даль, К. Д. Кавелин, А. И. Пискарев, А. Д. Башмаков и Н. А. Мордвинов, далее был выпущен специальный сборник материалов. С опорой на полученные сведения были опубликованы следующие издания: «Народные русские сказки» А. Н. Афанасьева, «Пословицы русского народа» В. И. Даля, «Песни, собранные П. В. Киреевским», «Великорусские загадки» И. А. Худякова. Данные материалы, на наш взгляд, в недостаточной степени используются в пси-

хологии при описании русского и российского менталитета, хотя содержат в себе неисчерпаемый потенциал для психолого-исторической реконструкции психологических особенностей мышления, мотивации, поведения, ценностных ориентаций, системы отношений и других проявлений на уровне личности и группы.

Не в полной мере оценен вклад в развитие исторической психологии культурно-исторических исследований русского историка А. С. Лаппо-Данилевского. Особенно это касается его работ «История русской общественной мысли и культуры XVII–XVIII вв.», «История политических идей в России в XVIII в. в связи с общим ходом развития ее культуры и политики» (Лаппо-Данилевский, 1990, 2005). Основная идея, представленная в этих трудах, посвящена раскрытию предположения о том, что развитие общества первично по отношению к развитию государства. По мнению авторов, «просвещенное» государство должно способствовать формированию личности русского человека. Подобные идеи отражены и в работе М. О. Кояловича «История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям», опубликованной в 1884 году (Коялович, 2011). Безусловно, что при изучении особенностей русского и российского менталитета (см., например: Историогенез..., 2016, 2019; Кольцова, Журавлев, 2017; и др.) обращение к исследованиям этих авторов является необходимым условием достоверности и содержательной наполненности выдвигаемых теоретических построений.

В русле отечественной науки значимость воздействия культуры на развитие личности в психологическом аспекте обосновал в своей культурно-исторической психологии Л. С. Выготский, эмпирическое подтверждение этих идей своего учителя продолжил А. Р. Лурия. В 1961 г. Б. Ф. Поршневым, выступившим с докладом «Состояние пограничных проблем биологических и общественно-исторических наук», был поставлен вопрос о междисциплинарных исследованиях в области социальной и исторической психологии (Поршнев, 1962). Он организовал семинар по исторической психологии при Институте всеобщей истории АН СССР, а в 1966 г. вышла его книга «Социальная психология и история» (Поршнев, 1966). В ней в наиболее полном виде была представлена разработанная Поршневым социально-психологическая концепция, в которой обосновывалась трактовка исторических событий и в целом исторического процесса как последовательной смены фаз «суггестия–контрсуггестия–контрконтрсуггестия».

Одним из крупных событий в становлении исторической психологии в отечественной науке стало издание книги «История и психо-

логия» под редакцией Б. Ф. Поршнева и Л. И. Анцыферовой в 1971 г. (История и психология, 1971). Именно в этой работе были поставлены важные вопросы о том, что изучает историческая психология: исторический аспект психологии или психологический аспект истории, и о том, как правильно назвать дисциплину: историческая психология или психологическая история. До сих пор исторические психологи находятся в поисках единого, удовлетворившего бы всех ответа на них, – возможно, потому, что историческая психология относится к области междисциплинарного взаимодействия (подробнее см.: Историческая психология..., 2004; Королёв, Журавлев, Кольцова, 2011; и др.). Ее междисциплинарные связи охватывают достаточно широкий круг наук: социологию, философию, культурологию, этнографию, антропологию и др. Вышеупомянутый сборник научных статей, несомненно, является примером подобных связей, так как в нем представлены статьи психологов, историков, социологов, философов. Обратимся к некоторым из них.

В статье А. Р. Лурии «Психология как историческая наука (к вопросу об исторической природе психологических процессов)» центральным стало высказывание о влиянии общественно-исторических изменений на основные законы сознания. Ученый привел результаты конкретных исследований и сделал вывод о том, что «высшие специфически человеческие формы психической деятельности, такие, как произвольное внимание, активная память, отвлеченное мышление, по своему происхождению должны пониматься как социальные процессы, формирующиеся в условиях общения ребенка со взрослыми, в условиях усвоения общечеловеческого опыта. Они являются общественно-историческими по своему происхождению, опосредованными по своему строению и сознательными, произвольно-управляемыми по способу своего функционирования» (Лурия, 1971, с. 60).

Исследованию социальных настроений как объектов исторической науки посвящена работа Б. Д. Парыгина. Автор делает в ней акцент на изучении живой истории, «которая должна отражать все проявления человеческой психики, эмоций и страстей, массовые настроения, порывы и увлечения» (Парыгин, 1971, с. 103).

В 1971 г. в отечественной науке довольно редко употреблялось понятие «менталитет», но вопрос общности национальной культуры и единого психического склада народа широко обсуждался. Статья социолога И. С. Кона «К проблеме национального характера», также размещенная в этом сборнике, посвящена исследованию национального характера. При этом автор указывает, что необходимость тес-

ной связи истории и психологии нигде, вероятно, не проявляется так отчетливо, как в исследовании данной проблемы (Кон, 1971, с. 122).

Тому, как проявляется национальный характер в конкретный исторический период, посвящена статья историка Г. Л. Соболева «Источниковедение и социально-психологическое исследование эпохи Октября». «Чтобы понять, почему люди определенной исторической эпохи поступали так, а не иначе, еще недостаточно раскрыть экономические, политические и идеологические условия, в которых протекала их деятельность. Задача состоит в том, чтобы проследить, как эти факторы воздействуют на сознание людей в их повседневной жизни, как исторически развивается психология различных социальных групп, классов и общества в целом» (Соболев, 1971, с. 226).

Несмотря на богатство представленного в нем материала, данный сборник имел отсроченное влияние на становление исторической психологии. Следующая волна основных и значимых работ в этой области поднялась только во второй половине 1980-х годов и не спадала вплоть до конца 1990-х. Так, в 1987 г. А. Я. Гуревич возобновляет деятельность семинара по исторической психологии, организованного Б. Ф. Поршневым. Здесь встречаются историки, психологи, культурологи, философы и представители других наук, обсуждаются проблемы культурно-исторической детерминации психики, подробно изучается французский подход к изучению менталитета в рамках исторической психологии. Результаты семинаров публикуются в ежегоднике «Одиссей. Человек в истории», который начал выходить с 1989 г.

В 1990-е годы выходит целый ряд работ, в которых обосновываются методологические проблемы исторической психологии (Белявский, 1991; Шкуратов, 1994, 1997; и др.), опубликованы первые учебники (Боброва, 1997; Шкуратов, 1997). В эти же годы в Институте психологии РАН ведется разработка теоретико-методологических оснований исторической психологии В. А. Кольцовой (Кольцова, 2004а, 2008). Под ее руководством были выполнены конкретные исследования по исторической психологии (Барская, 1998; Спицина, 1994; Федоркова, 2000; Харитонова, 1999; и др.).

Следующим важным этапом становления исторической психологи в России, на наш взгляд, является публикация материалов «круглого стола», посвященного проблемам исторической психологии и состоявшегося 1 апреля 2003 г. в Московском гуманитарном университете. Междисциплинарность обсуждаемых проблем также подтверждается составом участников: среди них психологи А. Л. Журавлев и В. А. Кольцова, историки А. А. Королёв и М. М. Мухамед-

жанов, философы В. В. Журавлев и А. Э. Воскобойников, социолог В. А. Луков. В работах этих ученых также немалое место уделено попытке решения вопроса о предмете, структуре и методах исторической психологии (Историческая психология..., 2004).

Предмет исторической психологии и ее междисциплинарные связи

В существующих работах по исторической психологии ее предмет определяется автором, исходя из его собственных представлений и исследований в данной области. Приведем несколько определений: «Историческая психология – это научная дисциплина, целью которой является соизмерение истории человека и истории человечества. Историческая психология обнаруживает и изучает законы взаимоизменчивости общества и человека в ходе истории, выявляя зависимости между историческими и психологическими феноменами, описывает закономерности формирования личности как объекта и субъекта исторического процесса» (Боброва, 1997, с. 5).

«Историческую психологию можно определить как изучение психологического склада отдельных исторических эпох, а также изменений психики и личности человека в специальном культурном макровремени, именуемом историей. Историческое время есть связь между прошлым, настоящим и будущим человечества» (Шкуратов, 2015, с. 11).

«Объектом изучения исторической психологии является не просто человек, в котором сосредоточена вся сложность психических и психологических проявлений, но шире – человек истории, или человек культуры. Историческая психология по своему характеру и задачам является наукой о происхождении психических деятельностей в истории культуры» (Белявский, 2004, с. 6).

В. А. Кольцовой было предложено следующее определение: «Предметом изучения в исторической психологии выступает особый класс детерминант – исторические детерминанты развития психики субъекта (как индивидуального, так и коллективного). Человек или группа рассматриваются как носители исторических норм и ценностей. Историческая психология исследует высшие этажи психики – социально-историческое сознание как ту реальность, которая связывает человека с обществом, цивилизацией, историей в целом» (Кольцова, 2004а, с. 24).

Исходя из вышеизложенных определений, мы полагаем, что предмет исторической психологии многогранен. В поле ее исследований

включены следующие проблемы: воздействие исторических процессов на психику людей, влияние значимых исторических событий на индивида или коллективного субъекта, изменения психики человека в разные временные отрезки в ее конкретных проявлениях (мышление, общение, ценностные ориентации, поведение и т. п.).

Вопрос о специфике методов в исторической психологии также был обозначен В. А. Кольцовой и обсуждался на заседании упомянутого выше «круглого стола». Отмечалось, что «невозможность реального взаимодействия с исследуемым объектом требует выбора и использования особых исследовательских техник» (Кольцова, 2004б, с. 28). Безусловно, такой техникой является *метод психолого-исторической реконструкции,* который предполагает воссоздание изучаемых явлений на основе анализа различных источников, содержащих в себе объективированное выражение человеческой психологической переменной в реальном историческом процессе. Именно метод психолого-исторической реконструкции был использован в конкретных проведенных исследованиях: «Историко-психологическая реконструкция становления норм и способов общения в советском обществе в послереволюционный период, 10–20-е годы XX столетия» Л. В. Спицыной, «Психолого-историческая реконструкция особенностей психики гомеровского человека» А. Д. Барской, «Социально-исторические детерминанты агрессивного поведения: психолого-историческая реконструкция на материалах 20-х и 90-х гг. XX века» Е. В. Харитоновой, «Психолого-историческая реконструкция Московского Купеческого Общества как субъекта предпринимательской активности» И. Р. Федорковой.

Основным и часто критикуемым недостатком метода психолого-исторической реконструкции является сложность самой работы с источниками, невозможность применения методов современной психологии и исследовательской работы непосредственно с испытуемыми, что вынуждает обращаться к иным источникам и получать информацию о психологическом содержании опосредованно. В таком случае, полагают критики, трудно избежать субъективности при интерпретации данных. Пока достоверность в исследованиях по исторической психологии достигается привлечением огромного массива источников, адекватностью построенной модели, основанной на современных психологических теориях, использованием по возможности методов математической статистики.

Так как историческую психологию отличает междисциплинарность, возможно, что и поиск адекватных методов исследования необходимо осуществлять в смежных науках и использовать

их для повышения верификации полученных данных в исторической психологии. Междисциплинарность как явление современной научной мысли подразумевает тесную связь двух и более отраслей знаний, направленных на решение сложных, широкомасштабных проблем, где опыта и методологии только одной дисциплины бывает недостаточно и она нуждается в существенном дополнении. В таком случае междисциплинарность позволяет реализовывать масштабные комплексные исследования.

С целью выявления междисциплинарных связей в социогуманитарных науках была предпринята попытка рассмотреть наряду с исторической психологией такие научные дисциплины, как историческая социология, историческая культурология и историческая антропология. Попытаемся понять, как осуществляется связь истории с современной социологией, культурологией, антропологией, какие научные методы исследования применяются, что составляет проблемное поле этих наук и какие исследовательские задачи в них решаются.

Теоретической задачей *исторической социологии* является «изучение социальных изменений и тенденций в развитии общества, выявление общих вневременных закономерностей, развитие новой теории, способной обеспечить более убедительное и исчерпывающее объяснение исторических явлений и структур» (Миронов, 2009, с. 12). Кроме теоретической задачи, историческая социология имеет и задачу верификационную, состоящую в «проверке какой-либо социологической теории на исторических данных», и прикладную: «использование существующих концепций и объяснений для анализа исторических данных. При этом предметом анализа может служить одно, несколько обществ или отдельная сфера общественной жизни» (там же). Глубокий научный потенциал исторической социологии заключен в возможности анализа и прогнозирования: «социологический анализ исторических изменений позволяет нам понять как источники современного мира, так и объем, и последствия текущих трансформаций» (Лахман, 2016, с. 20).

Историческая социология, таким образом, обращена прежде всего «к социологическим материалам прошлого и соответствующим документам, источникам», к «социальной истории процессов» и ее исследованию для выявления строения и функционирования социальной структуры общества. Источниками для подобного изучения становятся исторические факты и сопоставление их с данными нескольких конкретных социологических исследований (Кремнев, 2016, с. 44).

Необходимо заметить, что историческая социология в России, также имея статус молодой науки, стала активно развиваться в постсоветский период, в то время как западные исследования в этой области начались раньше, но тем не менее секция исторической социологии в Американской социологической ассоциации появилась только в 1983 г.

Что касается методов исторической социологии, можно отметить, что так как перед исследователем ставятся определенные специфические задачи, то и методы привлекаются под решения этих задач: с опорой либо на социологический, либо на исторический инструментарий. И в том, и в другом случаях трудно избежать недостатков и критики, так как в первом историческая действительность анализируется в логике социологических понятий и категорий, а при другом подходе просто описываются исторические события с попыткой их проанализировать в социологическом ключе. Собственных, оригинальных методов пока не разработано, но исследования в данной области продолжаются, как и попытки создать специфические методы исследования.

Еще одно относительно новое направление в отечественной науке – это *историческая культурология,* которая имеет дискуссионный характер и по предмету, и по методам исследований, и, как считают, по праву существования в целом. Она может быть определена как «специализированная научная дисциплина, изучающая „следы“ прошлого в настоящем, а также возможности практического использования объектов культурного наследия. Это область науки, изучающая макроисторическую динамику, используя всю совокупность структурно-функциональных методов, позволяющих выделить компоненты динамики исторического развития в масштабной системе пространственно-временных координат, а также описать социальное взаимодействие этих структурных единиц – начиная от норм, ценностей, стереотипов и кончая институциональными организациями» (Селезнева, 2015, с. 8).

Историческая культурология обращается к истории с позиции культурологической методологии познания: «Прошлое изучается как совокупность происшествий, ситуаций и форм по определению тривиальных, нормальных, обыденных – в противоположность событиям и фактам... попадающим в исторические хроники (на чем строится вся историческая наука), т. е. речь идет о феноменах культуры... а вовсе не о „шедеврах“ в искусствоведческом смысле» (Историческая культурология, 2015, с. 9). Таким образом, историческая культурология изучает в большей мере повседневную жизнь че-

ловека и общества в конкретный исторический период, не акцентируя внимания на исторических событиях данного времени.

Основным методом, обеспечивающим достоверность и надежность в исследованиях по исторической культурологии, является исторический метод. Кроме него используют другие общенаучные методы: системный, диалектический, структурно-функциональный, сравнительно-исторический, семиотический, моделирования, биографический, герменевтики и ряд других.

Таким образом, историческая культурология изучает способ существования людей, исследует эволюционную динамику самоорганизации их жизнедеятельности на разных исторических этапах. Обращение к изучению реального повседневного культурного контекста жизни обычных людей, безусловно, является объединяющим историческую культурологию и историческую психологию. В то же время интерпретация этих данных позволяет описывать тот ли иной конкретный исторический период с разных позиций, раскрывая, с одной стороны, историческую динамику его культуры, с другой – психологию его повседневности.

Также историческая психология имеет тесные связи с *исторической антропологией*[1], которая предметом своего научного анализа избрала человека как изменяющегося во времени члена общества и как отдельная научная дисциплина впервые была представлена в 1978 г. в статье А. Бюргьера в энциклопедии «Новая историческая наука» (Бюргьер, 2003). Одним из источников исторической антропологии, как и исторической психологии, является история ментальностей М. Блока, Л. Февра и др. Далее в работах французских историков проблема ментальности стала расширяться и включать в себя для анализа новые переменные, например, демографическую историю, т. е. не просто анализ статистики рождаемости, смертности, количества браков и т. п., а анализ качественного отношения людей к смерти, рождению, старости, детям, болезням. Именно эти темы представлены в работе Ф. Арьеса «Ребенок и семейная жизнь при старом порядке», опубликованной впервые в 1960 г., и в более поздних его исследованиях эволюции отношения человека к смерти (Арьес, 1992, 1999).

Историческая антропология переживала взлеты, вызывала интерес историков во многих странах, но в то же время и много критики, разногласий в определении ее предмета и методов. В отечественной

1 Исследования в этой области могут иметь и иные названия – «новая культурная история» (США), «микроистория» (Италия), «история повседневности» (Германия).

науке работы по исторической антропологии представлены, например, в журналах «Одиссей», «Диалог со временем». Это исследования А.Я. Гуревича, Ю.Л. Бессмертного, М.М. Крома, А.Л. Ястребицкой, Л.М. Дробижевой и многих других. Особое направление в отечественной исторической антропологии — военно-историческая антропология, занимающаяся изучением влияния такого экстремального явления, как война, и на отдельного человека, и на общество в целом. Наиболее видный представитель этого направления Е.С. Сенявская полагает, что подобные исследования возможны только при междисциплинарной кооперации истории, военной науки, социологии и психологии.

Научные исследования в области исторической антропологии и в области исторической психологии объединяет обращение к изучению исторического контекста, причем не просто прошлого, но человека в истории, в конкретный исторический период его существования. Тезис о том, что изучение психологических аспектов социальной активности людей невозможно вне временного контекста, наиболее значим и для исторической психологии.

Таким образом, историческая психология, являясь междисциплинарной наукой, имеет и общую методологическую основу своих исследований, характерную для гуманитарных и социальных наук в целом, объектом которых является человек во всех его проявлениях и связях. Такая сложившаяся антропологизация в современных социально-гуманитарных науках определила тенденцию на методологический синтез и совместную разработку новых подходов и методов исследования на основе уже имеющихся в арсенале.

Междисциплинарность исторической психологии возникает «как непосредственная реакция на „злободневные“, требующие безотлагательного, как правило, в режиме актуального времени, решения, проблемы» (Киященко, Моисеев, 2009, с. 16). Так как предметом исторической психологии является исследование человека как объекта и субъекта истории, изучение обусловленности структуры его сознания и поведения социоисторической процессуальностью, а именно вопрос об исторической детерминации психики в конкретное время, является ведущим в подобных работах. Для его решения необходимо обращение к самому широкому историческому контексту с привлечением всех доступных материалов из разных областей знаний, в таком случае исследования в области исторической психологии приобретают характер трансдисциплинарности.

Впервые термин *трансдисциплинарность* был предложен Ж. Пиаже в 1970 г. Он полагал, что таковыми являются исследования, выходя-

щие за пределы конкретных дисциплин, преодолевающие их границы и использующие холистический подход к предмету исследования. Таким образом, если при междисциплинарном исследовании знания одной научной области дополняют, методологически обогащают знания другой науки, то трансдисциплинарные исследования изначально по своей сути не видят границ, не обращают внимания на жесткие дисциплинарные деления для решения поставленных задач. Трансдисциплинарность, по Ж. Пиаже, выступает особым этапом в развитии междисциплинарных исследований, так как в них изучаемый предмет находится в более общей системе отношений, может рассматриваться с позиций разных наук и с привлечением к исследованию их специфических методов.

Полагаем, что историческая психология нуждается именно в трансдисциплинарных исследованиях. Для них не определены конкретные методы, это скорее стратегии познания с привлечением методов наук, участвующих в исследовании предмета. Одним из крупнейших центров в Европе, осуществляющих взаимодействие ученых гуманитарных, социальных, когнитивных наук для проведения трансдисциплинарных исследований, является Национальный центр «Rethinking Interdisciplinarity» в Париже, созданный в 1978 г. Его основатель Э. Морен, определяя особенности трансдисциплинарных исследований, писал: «Междисциплинарность может означать только и просто то, что различные дисциплины садятся за общий стол, подобно тому как различные нации собираются в ООН исключительно для того, чтобы заявить о своих собственных национальных правах и своем суверенитете по отношению к посягательствам соседа. Но междисциплинарность может стремиться также к обмену и кооперации, в результате чего может становиться чем-то органическим... Что касается трансдисциплинарности, здесь часто идет речь о когнитивных схемах, которые могут переходить из одних дисциплин в другие, иногда настолько резко, что дисциплины погружаются в состояние транса. Фактически, именно интер-, поли- и трансдисциплинарные комплексы знания работают и играют плодотворную роль в истории науки; стоит запомнить те ключевые понятия, которые здесь привлекаются, а именно – кооперация, точнее говоря, соединение или взаимосвязь или, выражаясь еще более точно, совместный проект» (Морен, 2005, с. 16).

Можно констатировать, что трансдисциплинарные исследования осуществляют взаимосвязь фундаментального и прикладного знания для решения острых проблем современности, с которы-

ми сталкивается общество и человек. Это проблемы глобализации, цифровизации, экологические проблемы, актуальный вопрос пандемии коронавирусной инфекции и особенностей жизни после пандемии и мн. др., ответы на которые необходимо искать в том числе и в историческом прошлом.

Полагаем, что историческая психология, ставшая самостоятельной дисциплиной психологической науки, является в то же время интеллектуальной тенденцией для более объемного осмысления общественных процессов, роли исторической детерминации жизнедеятельности человека и общества, особенностей исторического воспроизводства культурной специфики народов. На наш взгляд, это одно из самых перспективных направлений современной науки, способных решать крупные комплексные задачи исследования историогенеза поведения и деятельности людей с точки зрения их психологического содержания.

Таким образом, потенциал для новых исследований в исторической психологии широк, источниковая база благодаря современным информационным технологиям во многом доступна. Сама современная действительность, с ее динамикой и постоянным стремлением к инновациям, безусловно, направляет нас к прошлому, чтобы осознать его величие, остановиться для продумывания перспектив и приступить к трансдисциплинарным исследованиям в области исторической психологии.

Литература

Арьес Ф. Человек перед лицом смерти. М.: Прогресс–Академия, 1992.

Арьес Ф. Ребенок и семейная жизнь при старом порядке. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 1999.

Барская А.Д. Психолого-историческая реконструкция особенностей психики гомеровского человека: Дис. ... канд. психол. наук. М., 1998.

Белявский И.Г. Лекции по исторической психологии. Одесса: Астропринт, 2004.

Бердяев Н.А. Смысл истории: опыт философии человеческой судьбы. Париж, 1969.

Боброва Е.Ю. Основы исторической психологии. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1997.

Бюргьер А. От серийной к комплексной истории: генезис исторической антропологии // Homo Historicus: К 80-летию со дня рожде-

ния Ю. Л. Бессметрного: В 2-х кн. Кн. 1 / Отв. ред. А. О. Чубарьян. М.: Наука, 2003. С. 191–219.

Де Моз Л. Психоистория. Ростов-на-Дону: Феникс, 2000.

Историогенез и современное состояние российского менталитета / Отв. ред. В. А. Кольцова, Е. В. Харитонова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015.

Историогенез и современное состояние российского менталитета: Вып. 2 / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова, Е. Н. Холондович. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.

История и психология / Под ред. Б. Ф. Поршнева, Л. И. Анцыферовой. М.: Наука, 1971.

Историческая психология: предмет, структура и методы: Учеб. пособ. / Под ред. А. А. Королёва. М.: Изд-во МосГУ, 2004.

Историческая культурология / Отв. ред. Э. А. Шулепова. М.: Академический проект–Альма-Матер, 2015.

Кольцова В. А. Теоретико-методологические основы истории психологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004а.

Кольцова В. А. Особенности предметной области исторической психологии (взгляд психолога) // Историческая психология: предмет, структура и методы: Учеб. пособ. / Под ред. А. А. Королёва. М.: Изд-во МосГУ, 2004б. С. 12–31.

Кольцова В. А. История психологии. Проблемы методологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.

Кольцова В. А., Журавлев А. Л. Сущностные характеристики и факторы формирования российского менталитета // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 3. С. 5–17.

Королёв А. А., Журавлев А. Л., Кольцова В. А. История и психология: неумолчный диалог: Учеб. пособ. / Под ред. А. А. Королёва. М.: Изд-во МосГУ, 2011.

Коялович М. И. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. М.: Институт русской цивилизации, 2011.

Кремнев Н. Т. Историческая социология: Вопросы теории общественного развития. М.: ЦСПиМ, 2016.

Киященко Л. П., Моисеев В. И. Философия трансдисциплинарности. М.: ИФ РАН, 2009.

Кон И. С. К проблеме национального характера // История и психология: Сборник трудов / Под ред. Б. Ф. Поршнева, Л. И. Анцыферовой. М.: Наука, 1971. С. 122–158.

Лаппо-Данилевский А. С. История русской общественной мысли и культуры. XVII–XVIII вв. М.: Наука, 1990.

Лаппо-Данилевский А. С. История политических идей в России в XVIII в. в связи с общим ходом развития ее культуры и политики. Кельн, 2005.

Лахман Р. Что такое историческая социология? М.: ИД «Дело»—РАНХиГС, 2016.

Лурия А. Р. Психология как историческая наука (К вопросу об исторической природе психических процессов) // История и психология: Сборник трудов / Под ред. Б. Ф. Поршнева, Л. И. Анцыферовой. М.: Наука, 1971. С. 36—63.

Миронов Б. Н. Историческая социология России: Учеб. пособ. СПб.: ИД СПб. гос. ун-та—Интерсоцис, 2009.

Морен Э. Метод. Природа природы. М.: Прогресс-Традиция, 2005.

Парыгин Б. Д. Социальное настроение как объект исторической науки // История и психология: Сб. трудов / Под ред. Б. Ф. Поршнева, Л. И. Анцыферовой. М.: Наука, 1971. С. 90—105.

Поршнев Б. Ф. Состояние пограничных проблем биологических и общественно-исторических наук // Вопросы философии. 1962. № 5. С. 117—129.

Поршнев Б. Ф. Социальная психология и история. М.: Наука, 1966.

Селезнева Е. И. Историческая культурология. М.: Ритм, 2015.

Соболев Г. Л. Источниковедение и социально-психологическое исследование эпохи Октября // История и психология. М.: Наука, 1971. С. 226—241.

Спицына Л. В. Историко-психологическая реконструкция становления норм и способов общения в советском обществе в послереволюционный период, 10—20-е годы XX столетия: Дис. ... канд. психол. наук. М., 1994.

Харитонова Е. В. Социально-исторические детерминанты агрессивного поведения: психолого-историческая реконструкция на материалах 20-х гг. XX в.: Дис. ... канд. психол. наук. М., 1999.

Февр Л. Бои за историю. М.: Наука, 1991.

Федоркова И. Р. Психолого-историческая реконструкция Московского Купеческого Общества как субъекта предпринимательской активности: Дис. ... канд. психол. наук. М., 2000.

Шкуратов В. А. Историческая психология. Книга первая. Введение в историческую психологию. М.: Кредо, 2015.

Эриксон Э. Г. Молодой Лютер. Психоаналитическое историческое исследование. М.: Московский философский фонд «Медиум», 1996.

Теоретические и эмпирические предпосылки становления исторической психологии в русской науке второй половины XIX–начала XX вв.

В. П. Позняков

doi: 10.38098/thry.2020.25.72.003

Некоторые теоретические и методологические проблемы исторической психологии

В условиях интенсивных и зачастую непредсказуемых изменений, происходящих в современной российской экономике и обществе в целом, все больший научный интерес вызывает история российского государства и, в частности, роль психологических факторов в этой истории. Взаимосвязи истории и психологии имеют в отечественной науке глубокие корни (см., напр.: История и психология, 1971; Поршнев, 1979; и др.). Но именно в последние два десятилетия происходит становление и развитие исторической психологии как относительно нового научного направления (Журавлев, 2011; Историческая психология..., 2004; Королёв, Журавлев, Кольцова, 2011; Самохвалов, 2016; Шкуратов, 2015; и мн. др.). Проводятся научные конференции, посвященные исследованиям в этой области (История психологии и историческая психология, 2001; История отечественной и мировой психологической мысли, 2006, 2010, 2016; и др.). Создаются научные подразделения, специально ориентированные на проведение историко-психологических исследований. Отмечается рост числа публикаций, которые можно с уверенностью отнести к данному научному направлению. В этих публикациях делаются попытки рассмотрения и определения предмета исторической психологии как научного направления или как отрасли психологической науки, ее структуры и основных задач, теоретических и методологических проблем, а также результатов конкретных эмпирических исследований. Не ставя перед собой задачу детального рассмотрения и анализа результатов этих исследований и взглядов отдельных авторов, попытаемся выделить некоторые общие черты, по которым наблюдается сходство в позициях и взглядах

Статья подготовлена по Госзаданию № 0159-2020-0006.

их авторов, и сформулировать собственные представления по этим вопросам.

Не вызывает сомнения, что историческая психология как научное направление или отрасль психологической науки является *междисциплинарной* областью знаний, формирующейся на стыке материнских дисциплин – истории и психологии. Поэтому, как и некоторые другие научные направления и отрасли психологического знания – например, этническая, экономическая, экологическая, политическая психология и др. (подробнее об этом см.: Журавлев, 2011, с. 65–84), – она изначально имеет *двойной статус:* исследования в этой области проводились и проводятся как психологами, так и историками. Однако если рассматривать историческую психологию как научное направление или отрасль психологической науки, то при определении ее предмета, методов и задач логично исходить из представлений о предмете, методах и задачах психологической науки. В таком случае сразу необходимо определиться с областью психологического знания, с которой тесно связана или в которую включается историческая психология. Думается, что с большим основанием эту область правомерно определить как социогуманитарное направление психологического знания (см., напр.: Кольцова, 2018), или область социально ориентированных отраслей психологии (Журавлев, 2011, с. 217–226). Заметим сразу, что этим объясняется изначальная *специфика методологии* историко-психологических исследований, которая гораздо ближе к методологии социальных и гуманитарных наук, нежели к методологии естественно-научного знания. В качестве основного, но не единственного отличия назовем невозможность (или крайне ограниченную возможность) использования классического лабораторного эксперимента в качестве метода историко-психологического исследования. Если говорить более конкретно, то по своему предмету и методам, как представляется автору данной статьи, историческая психология наиболее близка к *социальной психологии,* поскольку область объектов и явлений, относящихся, по мнению исследователей, к историко-психологическим и составляющих предметное поле исторической психологии, практически совпадает с предметным полем психологии социальной. Оговоримся при этом, что и по данному вопросу (о предмете социальной психологии) существуют разные мнения.

В своих теоретических положениях и эмпирических исследованиях мы придерживаемся представлений о предмете и задачах социальной психологии, сформированных в научной школе Института психологии РАН – школе Б. Ф. Ломова, К. К. Платонова

и Е. В. Шороховой – и развиваемых в работах А. Л. Журавлева и его учеников. Согласно этим представлениям, *предметом* социальной психологии выступают психические явления, возникающие в процессе социального взаимодействия и взаимоотношений людей в различного рода группах, а также психологические особенности этих групп. Основными *объектами* социально-психологических исследований выступают личность, человек как социальный индивид, член общества, а также человеческие общности – большие и малые группы, которые, как и отдельные личности, являются (и как таковые изучаются) *субъектами* социальной жизнедеятельности и участниками общественной жизни, в том числе и исторического процесса (см., напр.: Социальная психология, 2002; и др.).

Исходя из развиваемых в данной научной школе положений об общественно-исторической детерминации социально-психологических явлений (подробнее см.: Журавлев, Кольцова, 2018; Историогенез..., 2016; Социально-психологическая динамика..., 1998; и др.), мы полагаем, что любые социально-психологические явления (или, говоря другими словами, социальная психология, понимаемая в онтологическом смысле этого термина, как сфера явлений общественной жизни) являются *исторически специфичными.* И в этом смысле социальная психология как отрасль психологического знания или социальная психология, понимаемая в гносеологическом смысле этого термина, как наука, изучающая психические явления общественной жизни, является *наукой исторической.* Это ее первое методологическое ограничение.

Изучая те или иные социально-психологические явления – процессы, состояния и свойства социальных индивидов и человеческих общностей, – исследователь всегда изучает реальных людей, живущих в конкретное историческое время, включенных в конкретные социальные группы, являющихся носителями и выразителями современных им общественных отношений. Из сказанного следует второе методологическое ограничение исследований в области исторической психологии: трудность использования в качестве основного метода эмпирического исследования лабораторного эксперимента даже в его социально-психологической версии. Объектами эмпирических исследований в области исторической психологии должны быть в первую очередь реальные социальные группы и входящие в них индивиды, включенные в реальные социальные отношения и взаимодействия, участники реальных исторических событий и процессов.

Наконец, третье методологическое ограничение историко-психологического исследования связано с невозможностью (а если говорить точнее, то с принципиальной ограниченностью) непосредственного эмпирического исследования реального социального взаимодействия и социальных отношений индивидов и групп как участников исторических событий и процессов. Поскольку историческая психология, как и историческая наука в целом, имеет объектом своих исследований, как правило, события прошлого, нередко – чрезвычайно далекого прошлого, у исследователя нет возможности наблюдать и эмпирически исследовать реальные процессы социального взаимодействия и связанные с ними социально-психологические явления. Основным источником эмпирической информации в исторических и историко-психологических исследованиях выступают артефакты (продукты и результаты человеческой деятельности, в большинстве своем – письменные источники, документы и т. п.). Поэтому сама процедура историко-психологического исследования получила название *психолого-исторической реконструкции* (Барская, 1998; Кольцова, 2008; и др.). Это мысленное восстановление хода исторических событий, особенностей поведения, мыслей и чувств участников, является основным методом исторических исследований в целом, поскольку непосредственное наблюдение и фиксация этих явлений (по крайней мере, из области далекого прошлого) невозможны.

С другой стороны, и в рамках эмпирических социально-психологических исследований (не историко-психологических, а связанных с изучением реального социального взаимодействия, происходящего «на глазах» исследователя, наблюдателем, а нередко и участником которых он сам является), непосредственное постижение явлений внутреннего мира исследуемых людей также крайне затруднено. И психолог-исследователь восстанавливает, интерпретирует и объясняет эти явления на основе данных, получаемых с помощью двух основных эмпирических методов социально-психологического исследования – наблюдения и опроса. В этом смысле любое социально-психологическое исследование является не чем иным, как *психологической реконструкцией,* в терминах психологической науки, эмпирических данных, полученных прежде всего в результате наблюдений и опросов.

Из высказанного положения, которое может восприниматься как свидетельство принципиального ограничения возможностей получения психологического знания, вытекает, однако, и важное *позитивное следствие,* касающееся методологических оснований эмпирических исследований в области исторической психологии. Оно

состоит в том, что эмпирические данные, полученные в результате психологических исследований (прежде всего эмпирических исследований в области социальной психологии, проведенных в реальных социальных, а значит, и в конкретных социально-исторических условиях), могут и должны рассматриваться как эмпирические источники данных для историко-психологического исследования того исторического периода, в который эти исследования проводились.

Эмпирические предпосылки становления исторической психологии в российской науке

В этой связи специальный интерес представляет исторический анализ процесса становления исторической психологии в России. В рамках данной статьи в качестве исходного материала для анализа были выбраны материалы, представленные в монографии Елены Александровны Будиловой «Социально-психологические проблемы в русской науке» (Будилова, 1983, 2019). Анализируя зарождение социально-психологических исследований в русской науке во второй половине XIX–начале XX в. (т. е. в период, предшествовавший революции 1917 г.), Е. А. Будилова отмечает, что первые эмпирические исследования, которые можно классифицировать как исследования социально-психологические, проводились на стыке зарождающейся психологии и других отраслей социального знания: социологии, этнографии, юриспруденции, языкознания, военной науки, психиатрии и др. Эти исследования имели ярко выраженный прикладной характер и были направлены на анализ актуальных проблем развития российского общества и государства.

В ходе данных исследований были собраны обширные и уникальные научные материалы, содержащие фактические данные в том числе и о социально-психологических явлениях, характеризующих жизнедеятельность представителей самых различных слоев и социальных групп российского населения в исследуемый исторический период. Сам интересующий нас исторический период развития российского общества и государства можно с полным правом обозначить как период осуществления масштабных преобразований. Речь идет в первую очередь о проведении земельной, военной и судебной реформ в России, реализация которых имела серьезные последствия, связанные с изменениями в образе жизни, мировоззрении, идеалах и т. п. Поскольку эмпирические данные собирались квалифицированными исследователями, с использованием последних достижений науки того периода, их вполне можно назвать пер-

выми эмпирическими свидетельствами историко-психологического знания.

Результаты этнографических исследований русского народа, выполненных научными сотрудниками, членами Русского географического общества, по программе Н. И. Надеждина (Надеждин, 1847; и др.), сразу после их появления привлекли внимание отечественных и зарубежных ученых. В них содержится разносторонний и многообразный материал, характеризующий социально-психологические особенности представителей различных российских регионов, и в первую очередь – российского крестьянства. Будучи представителями самой многочисленной социальной группы российского населения того исторического периода, являясь коренными носителями социально-психологических особенностей российского народа, его менталитета, российские крестьяне в этих исследованиях практически впервые стали объектом серьезного научного анализа, в том числе и социально-психологического. Именно поэтому их результаты до сих пор представляют большой научный интерес для специалистов в области исторической психологии.

Последующее обращение исследователей к изучению социально-психологических особенностей российского крестьянства на разных этапах исторического развития российского общества и государства позволило выявить как базовые, устойчивые их характеристики, которые с полным правом можно отнести к особенностям российского менталитета (Журавлев, Кольцова, 2018; Историогенез..., 2016; Кольцова, Синякина, 2018; и др.), так и закономерности их динамики в условиях радикальных социально-экономических изменений (Позняков, 1997; Позняков, Журавлев, 1992; Шорохова, 1999; и др.).

Не меньший интерес для исторических психологов представляют и результаты многолетних исследований психологических особенностей жизни тюремных, ссыльных и бродяжнических общин, проведенных Н. М. Ядринцевым (Ядринцев, 1872). В этих эмпирических работах, выполненных на уникальном и малодоступном для научного исследования объекте, анализировались типичные социально-психологические феномены: совместная деятельность и общение, взаимоотношения коллектива и личности, групповые нормы и др. В ходе данных исследований автор активно использовал такие методы сбора эмпирических данных, получившие впоследствии широкое распространение в социально-психологических исследованиях, как наблюдение (в том числе включенное) и беседа. Полученные результаты содержат эмпирические данные и факты, характеризующие социально-психологические особенности представителей этой

своеобразной и самобытной субкультуры российского общества в рассматриваемый исторический период. Обращение современных исследователей к изучению социально-психологических особенностей представителей криминальной субкультуры российского общества и факторов ее формирования подтверждает актуальность этого направления исторической психологии (Королёв, 2016).

Особый интерес для исторических психологов представляют исторические периоды, характеризующиеся высокой интенсивностью происходящих в обществе изменений, высокой активностью мыслей, чувств и поведения участников исторических событий (об относительно недавних подобных исследованиях см.: Социально-психологическая динамика..., 1998; и др.). К таким историческим периодам, помимо уже обозначенного выше времени радикального реформирования, можно отнести периоды войн и революций. Российская история на рубеже XIX–XX веков дает нам яркие примеры таких периодов и событий, нашедших свое отражение в эмпирических исследованиях, которые в настоящее время с полным правом можно отнести к разряду историко-психологических. В качестве примера рассмотрим период русско-японской войны, а также хронологически и исторически тесно связанные с ним события первой русской революции 1905 г.

Ученик и соратник В. М. Бехтерева Г. Е. Шумков, более двух лет служивший в действующей армии врачом во время русско-японской войны, проводил регулярные психологические исследования солдат и офицеров. Результатом стала книга «Психика бойцов во время сражения», однако вышел в свет только первый ее том (Шумков, 1905), содержащий введение и описание метода исследования, и ряд научных статей, опубликованных в журнале «Военный сборник». Особый интерес представляют результаты исследования, связанные с описанием и анализом *коллективных чувств* бойцов, возникающих в условиях боевой обстановки, – в частности, коллективного чувства тревоги (Шумков, 1914). По сути, эти исследования положили начало научному изучению коллективных чувств, которое не потеряло своей актуальности и сегодня. В настоящее время к числу научных работ, результаты которых вполне относятся к историко-психологическим, можно привести исследования синдрома посттравматического стрессового расстройства участников войны в Афганистане (Зеленова, Лазебная, Тарабрина, 1997; и др.).

Военный юрист Д. Д. Безсонов, взявшись за разработку проблемы массовых преступлений в общем и военно-уголовном праве, в качестве объектов исследования рассматривал в том числе, стач-

ки, вооруженные восстания, мятежи, крестьянские волнения 1905–1906 гг. Специальное внимание автор уделяет анализу *социально-психологических факторов,* определяющих преступное поведение толпы. К их числу он относит прежде всего чувство страха перед сплоченной массой, которое испытывают воинские части, направляемые против «бунтовщиков», и осознание толпой своей силы, своего могущества как основной ее признак и свойство. Под влиянием осознания этой силы у отдельных людей, участвовавших в массовых волнениях, формируется чувство солидарности и стремление присоединиться к толпе, подчиниться ей. Это чувство, по мнению автора, особенно усиливается, когда в толпе появляются вожаки. Исследование Д. Д. Безсонова является одной из первых (если не первой) попыток социально-психологического анализа, настроений и чувств участников революционного движения. В дальнейшем к этой проблеме исторической психологии обращались многие ведущие российские исследователи-социологи: П. Л. Лавров, Н. К. Михайловский, Г. В. Плеханов и мн. др., и она до сих пор не потеряла своей актуальности.

Теоретические предпосылки становления исторической психологии в российской социологии

Итак, выше было показано, что во второй половине XIX в. в различных отраслях российской науки – этнографии, юриспруденции, военной науке и др. – были проведены многочисленные эмпирические исследования, предметом которых выступали социально-психологические явления: феномены групповой и массовой психологии, общения и взаимоотношений людей, психологические особенности представителей различных социальных групп. Результаты этих исследований способствовали формированию новых отраслей психологической науки, в первую очередь социальной психологии, а также этнической, юридической, медицинской, военной и др.

Вместе с тем, поскольку эти эмпирические исследования проводились в естественных условиях конкретного исторического периода жизни российского общества, с использованием достаточно строгих и объективных (по крайней мере, с учетом научных возможностей того времени) методов исследования, их результаты представляют большой научный интерес и для исторической психологии. Их можно анализировать и как эмпирические предпосылки становления отечественной исторической психологии, и как эмпирическую базу дальнейших историко-психологических исследований. По впол-

не понятным причинам сами исследователи, для которых изучаемые ими проблемы и явления были современными, актуальными, не рассматривали результаты своих исследований с точки зрения формирования и развития теоретических представлений в области исторической психологии. Вопрос о статусе такой научной дисциплины в то время вообще не ставился.

Однако в этот же исторический период целый ряд теоретических научных проблем, непосредственно относящихся к компетенции исторической психологии, разрабатывался в рамках другой интенсивно формировавшейся отрасли научного знания – *социологии*. Дело в том, что с самого начала формирования представлений о социологии как позитивной науке в работах ее основателей и классиков – Огюста Конта, Герберта Спенсера и др. – основное внимание было сосредоточено на исследовании личности и общества с опорой на представления и достижения естественных наук: физики, биологии и др. Большие надежды возлагались и на психологическую науку. Не случайно историки науки говорят о широком распространении психологического направления в социологии, к представителям которого относят в европейской науке Г. Тарда, Г. Лебона и др., а в России – П. Л. Лаврова, Н. К. Михайловского, Н. И. Кареева и др. В монографии Е. А. Будиловой дан детальный и глубокий анализ взглядов этих ученых и значения их работ для становления отечественной социальной психологии (Будилова, 1983, 2019). Однако в контексте проблемы становления отечественной исторической психологии работы этих авторов заслуживают специального рассмотрения.

Одним из первых российских социологов, обратившихся к психологии как научной основе изучения общественной жизни, был П. Л. Лавров. С точки зрения истории отечественной исторической психологии интересно, что один из первых научных трудов П. Л. Лаврова, которого Е. А. Будилова называет основателем субъективной школы в социологии, имеет название «Исторические письма». «Лавров критиковал органицизм и социал-дарвинизм в социологии, справедливо утверждая, что между понятиями биологического организма и понятием общества имеется существенная разница. Исходя из „антропологической точки зрения“, он высказывал мысль о том, что человек должен быть в центре современной науки, и отсюда выводил необходимость опирающегося на психологию субъективного метода в социологии» (Будилова, 2019, с. 273). При этом Будилова ссылается на оценку коллеги и одного из главных оппонентов Лаврова историка и социолога Н. И. Кареева, который отме-

чал, что социология Лаврова имела не экономическую и не политическую, но психологическую основу (там же).

Весьма современно выглядят сегодня представления П. Л. Лаврова о значении человеческой деятельности, направляемой потребностями и влечениями, стремлениями и целями, для прогрессивного исторического развития, об активности «критически мыслящих» личностей как психологическом факторе этого развития. Крайне актуально звучат его слова о роли субъективного фактора в истории: «общественные формы являются как изменяющиеся в истории продукты общественного творчества личностей в виду их блага, и потому личность всегда имеет право и обязанность стремиться изменить существующие формы сообразно своим планам и идеалам» (Лавров, 1965, т. 2, с. 640).

Решающую роль психологическому фактору в процессе исторического развития уделял видный российский социолог Н. К. Михайловский. Рассматривая его взгляды, имеющие прямое отношение к проблемам исторической психологии, Е. А. Будилова пишет: «В изучении социально-психологических явлений Михайловский видел средство объяснения исторического процесса и считал необходимым исследовать массовую психологию» (Будилова, 2019, с. 274). Михайловский критиковал зарубежных социологов, представителей социал-дарвинизма (Г. Спенсера и др.), за то, что они не учитывали роли социально-психологического фактора в историческом процессе, и считал, что законы, действующие в социальной жизни, надо искать в социальной психологии: «Коллективная массовая психология еще только начинает разрабатываться, и сама история может ждать от нее огромных услуг» (Михайловский, 1914, т. 8, с. 162).

Историко-психологический анализ теоретических представлений Н. К. Михайловского в области социальной психологии – в частности, основные положения его теории героев и толпы, взгляды на подражание, общественное настроение и социальное поведение как психологические факторы исторического развития – хорошо представлены в работах советских ученых (Парыгин, Рудаков, 1971; и др.). Своими идеями о роли психологических факторов в общественной жизни и истории общества Михайловский опередил зарубежных коллег, и они сами это признавали.

Яркий представитель психологического направления в социологии Н. И. Кареев последовательно отстаивал идею о психологическом объяснении общественных явлений, для которого, по его мнению, «обычная индивидуальная психология должна быть дополнена психологией коллективной... чтобы последняя изучала про-

цессы и результаты психологического взаимодействия по всем трем категориям – ума, чувства и воли» (Кареев, 1913, с. 110). Выступая в 1912 г. на торжественном заседании Психоневрологического института в Петербурге с речью «О значении психологии для общественных наук», Кареев специально остановился на вопросе о связях исторической и психологической наук. В XIX в., по его мнению, научные поиски были обращены в сторону историзма. В XX в. «обнаруживаются новые искания... главным образом в сторону психологизма... Самый историзм не только не может ничего иметь против этого, но должен всячески содействовать психологизму, потому что и сама-то наука история – вся в психологии» (Кареев, 1912, с. 87). Эти слова видного русского ученого во многом оказались пророческими, о чем говорит неизменный и возрастающий интерес современных историков к методам и достижениям психологической науки.

Во многом опередившими свое время и весьма актуальными, хотя и не бесспорными, являются критические замечания Кареева в адрес представителей марксизма по поводу их взглядов на роль и соотношение экономических и психологических факторов в историческом развитии: «явления духовного характера, происходящие в обществе, т. е. всю культурную жизнь общества, его религию, мораль, философию, литературу, искусство, равно как политические и юридические воззрения они хотят вывести из экономики общества, иначе говоря, хотят объяснить факты коллективной психологии принципами политической экономии, как будто не существует индивидуальной психологии, которая в эволюционном и логическом порядке предшествует и коллективной психологии, и самой политической экономии» (Кареев, 1913, с. 95). Здесь справедливости ради следует сказать несколько слов в защиту марксизма в части его представлений о роли личности и психологических факторов в истории. Классические положения марксистской философии по этому поводу никогда не сводились к вульгарному материализму и экономизму. Достаточно обратиться к работам выдающегося марксистского социолога Г. В. Плеханова, социально-психологические взгляды которого хорошо представлены в работах отечественных историков психологии (Парыгин, Флегонтова, 1973; и др.). Для Плеханова, отмечает Е. А. Будилова, «существенным было объяснение того, как марксизм относится к социально-психологическим проблемам, поскольку и противники марксизма, и его мнимые последователи – те, кто, прикрываясь марксизмом, извращали его, – уверяли, что признание объективных законов общественного развития несовместимо с при-

знанием значения психологического фактора в общественном развитии» (Будилова, 2019, с. 288). Глубокий анализ представлений марксизма об исторической детерминации психики и об активной роли личности в развитии общества, представленный в работах ведущих советских психологов – Б.Ф. Ломова, К.К. Платонова, Е.В. Шороховой и др., – является фундаментальным вкладом в современное научное психологическое знание. Что касается вопроса о взаимодействии экономических и социально-психологических явлений в жизни современного общества, то эта научная проблема активно обсуждается и разрабатывается в отечественной экономической психологии (Журавлев, Позняков, 2004; Социально-психологическая динамика..., 1998; и др.).

***

Многочисленные и разнообразные связи истории и психологии как явлений общественной жизнедеятельности и как фундаментальных наук, изучающих эти явления, по-прежнему ждут глубокого их исследования. В данной статье мы лишь обратили внимание на связи, складывающиеся между историей психологии как фундаментальным, оформившимся и признанным научным направлением и исторической психологией как развивающейся и формирующейся областью психологической науки. Исследователи, занимающиеся изучением истории психологической науки, открывают нам новые, ранее широко не известные фигуры психологов, знакомят нас с их теоретическими воззрениями и эмпирическими исследованиями. В свою очередь результаты этих исследований, выполненных, как правило, в предыдущие, исторически предшествующие современным, периоды жизни общества, могут представлять самостоятельный интерес и для исторических психологов как эмпирические факты и данные о социально-психологических явлениях, имевших место в конкретных общественно-исторических условиях, в реальных социальных группах. Анализ этих результатов и сделанных на их основе обобщений и выводов будет способствовать уточнению и развитию научных представлений о взаимосвязях истории человеческого общества и явлений общественной психологии.

Литература

Барская А.Д. Психолого-историческая реконструкция особенностей психики гомеровского человека: Дис. ... канд. психол. наук. М., 1998.

Безсонов Д. Д. Массовые преступления в общем и военно-уголовном праве. СПб.: Типо-лит. К. Л. Пентковскаго, 1907.
Будилова Е. А. Социально-психологические проблемы в русской науке. М.: Наука, 1983.
Будилова Е. А. На рубеже веков: Очерки истории русской психологии конца XIX–XX века / Под общ. ред. В. И. Белопольского, А. Л. Журавлева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2019.
Журавлев А. Л. Актуальные проблемы социально ориентированных отраслей психологии. Изд-во «Институт психологии РАН», 2011.
Журавлев А. Л., Кольцова В. А. История и современное состояние российского менталитета // Психологические исследования глобальных процессов: Предпосылки, тенденции, перспективы / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Д. А. Китова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. С. 183–199.
Журавлев А. Л., Позняков В. П. Экономическая психология: теоретические проблемы и направления эмпирических исследований // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2004. Т. 1. № 3. С. 46–64.
Зеленова М. Е., Лазебная Е. О., Тарабрина Н. В. Психологические особенности посттравматических стрессовых состояний у участников войны в Афганистане // Психологический журнал. 1997. Т. 18. № 2. С. 34–49.
Историогенез и современное состояние российского менталитета. Вып. 2 / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова, Е. Н. Холондович. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
Историческая психология: Предмет, структура, методы / Под общ. ред. А. А. Королёва. М.: Изд-во МосГУ, 2004.
История и психология / Под ред. Б. Ф. Поршнева, Л. И. Анцыферовой. М.: Наука, 1971.
История психологии и историческая психология: состояние и перспективы развития («III Московские встречи по истории психологии»): Тезисы международной научной конференции / Отв. ред. В. А. Кольцова, Ю. Н. Олейник. М.: Изд-во МосГУ, 2001.
История отечественной и мировой психологической мысли: постигая прошлое, понимать настоящее, предвидеть будущее: Материалы Международной конференции по истории психологии «IV Московские встречи» / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова, Ю. Н. Олейник. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.
История отечественной и мировой психологической мысли: ценить прошлое, любить настоящее, верить в будущее: Материалы Международной конференции по истории психологии «V Московские

встречи» / Отв. ред. А.Л. Журавлев, В.А. Кольцова, Ю.Н. Олейник. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010.
История отечественной и мировой психологической мысли: судьбы ученых, динамика идей, содержание концепций: Материалы всероссийской конференции по истории психологии «VI Московские встречи» / Отв. ред. А.Л. Журавлев, В.А. Кольцова, Ю.Н. Олейник. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
Кареев Н.И. О значении психологии для общественных наук // Вестник психологии, криминальной антропологии и педологии. 1912. Вып. 1. С. 78–88.
Кареев Н.И. Введение в изучение социологии. СПб., 1913.
Кольцова В.А. История психологии: проблемы методологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
Кольцова В.А. Гуманитарное знание: история и перспективы развития // Психологическое знание: Современное состояние и перспективы развития / Под ред. А.Л. Журавлева, А.В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. С. 37–70.
Кольцова В.А., Синякина Е.Г. Отношение к другому в русской культуре и менталитете // Человек и мир. 2018. Т. 2. №2. С. 108–127.
Королёв А.А. Формирование криминальной субкультуры в России в XIX веке: источники и историография // История отечественной и мировой психологической мысли: судьбы ученых, динамика идей, содержание концепций: Материалы всероссийской конференции по истории психологии «VI Московские встречи» / Отв. ред. А.Л. Журавлев, В.А. Кольцова, Ю.Н. Олейник. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 531–537.
Королёв А.А., Журавлев А.Л., Кольцова В.А. История и психология: неумолчный диалог: Учеб. пособ. М.: Изд-во Моск. гуманитарного ун-та, 2011.
Лавров П.Л. Философия и социология: Избранные произведения: В 2 т. М.: Мысль, 1965.
Надеждин Н.И. Об этнографическом изучении народности русской // Записки Русского географического общества. СПб., 1847. Кн. 2. С. 61–115.
Михайловский Н.К. Полное собрание сочинений: В 10 т. СПб., 1909.
Парыгин Б.Д., Рудаков Л.И. Н.К. Михайловский о психологическом факторе в историческом процессе // История и психология / Под ред. Б.Ф. Поршнева, Л.И. Анцыферовой. М.: Наука, 1971. С. 277–295.
Парыгин Б.Д., Флегонтова С.М. Г.В. Плеханов о роли психологического фактора в истории // Социальная психология и филосо-

фия: Сборник науч. трудов / Под ред. Б.Д. Парыгина. Вып. 2. Л.: ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1973. С. 3–14.

Позняков В.П. Групповая дифференциация в сельских общностях в условиях изменения форм собственности // Психологический журнал. 1997. Т. 18. № 5. С. 62–73.

Позняков В.П., Журавлев А.Л. Динамика межгрупповых отношений в условиях изменения форм собственности // Психологический журнал. 1992. Т. 13. № 4. С. 24–32.

Поршнев Б.Ф. Социальная психология и история. М.: Наука, 1979.

Самохвалов Д.С. Историческая психология: основы историко-психологических исследований. Минск: БГУ, 2016.

Социальная психология: Учеб. пособ. для вузов / Отв. ред. А.Л. Журавлев. М.: Пер Сэ, 2002.

Социально-психологическая динамика в условиях экономических изменений / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.В. Шорохова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1998.

Шкуратов В.А. Историческая психология: В 2 кн. Книга первая. «Введение в историческую психологию». М.: Кредо, 2015.

Шорохова Е.В. Психологические особенности социально-экономических преобразований в сельском хозяйстве России в 20-е–30-е годы XX века // Социальная психология экономического поведения / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.В. Шорохова. М.: Наука, 1999. С. 28–55.

Шумков Г.Е. Психика бойцов во время сражений. СПб., 1905.

Шумков Г.Е. Роль чувства тревоги в психологии масс как начала, нивелирующего индивидуальности // Военный сборник. 1914. № 9. С. 86–94.

Ядринцев Н.М. Русская община в тюрьме и ссылке. СПб.: Тип. А. Моригеровского, 1872.

Существует ли историческая психология?

Д. С. Самохвалов

doi: 10.38098/thry.2020.25.72.038

Вопрос, вынесенный в название статьи, может показаться праздным. Формально существует давний интерес психологов к истории, а историков – к психологии. Он отнюдь не случайный, так как объектом изучения тех и других является человек. В разных странах мира печатаются монографии, сборники и даже периодические издания, ставящие перед собой цель междисциплинарной интеграции двух наук. Наконец, есть вполне конкретные исследователи, которые определяют область своих научных изысканий как «историческую психологию», «палеопсихологию», «социально-историческую психологию», «психоисторию» и т. д. Казалось бы, все это свидетельствует о наличии традиций, наработанных связей и об устойчивом фундаменте для будущих проектов. Однако при ближайшем рассмотрении может оказаться, что историческая психология – всего лишь иллюзия: то, что мы воспринимаем как существующее, но на самом деле имеющее весьма условный характер.

Проблемы с выяснением существования исторической психологии начинаются уже на этапе ее определения. Ряд современных авторов смело говорят о ней как о науке (Старовойтов, 2010) или научной дисциплине (Мохначева, 2015). Исследователи-практики, работающие одновременно в поле истории и психологии, предпочитают давать более обтекаемые формулировки, например, «гуманистическое искусство» или «сплав истории и психологии» (Saffady, 1974, p. 552). Российский психолог и философ В. А. Шкуратов приводит пять определений исторической психологии, которые трактуют данное понятие как «все социогуманитарные исследования на стыке психологии с историческими науками», направления истории и психологии, одну из дисциплин психологии, гуманитарную альтернативу психологии и, наконец, историческую критику психологии (Шкуратов, 2015, с. 13). Столь широкое разнообразие определений свидетельствует о размытости представлений в исследовательской среде.

Само по себе отсутствие общего мнения о сущности исторической психологии является вполне нормальной ситуацией, поскольку для исследовательских кругов характерны наличие дискуссий и ориентация на инструментальный подход. Для примера, в современной историографии также нет единого определения истории как сферы исследований, что не мешает существованию истории как академической дисциплины. Однако в случае с исторической психологией вопрос выглядит сложнее: отсутствуют не только единое определение, но и устоявшиеся методологические подходы, общие цели, а проблемное поле напоминает лоскутное одеяло.

При составлении проектов междисциплинарной интеграции в первую очередь учитывают наличие общих потребностей и интересов. Между тем важной составляющей также является проблема взаимного понимания представителей разных дисциплин. Отчасти она происходит из различий в традициях, которые формировались на протяжении развития той или иной науки. Желание совмещать методологию истории и психологии для достижения конкретных целей зачастую сопровождается преувеличением значимости единого объекта исследования, игнорированием, а то и отрицанием значительных различий в подходах, методах и приемах двух наук.

В европейских странах со времен Геродота и вплоть до XIX в. история оставалась частью литературы и поэтому опиралась на риторическое искусство передачи и осмысления информации. Вместе с тем, уже в античности были выработаны приемы реконструкции произошедших событий на основе анализа и синтеза доступных фактов, предлагалось практическое применение знаний о прошлом. В период романтизма история выделилась в самостоятельную академическую дисциплину, однако долгое время продолжала ощущать влияние литературы. В частности, описания людей минувших эпох, их характера и деятельности чаще всего строились на тех же способах и уловках, к которым обычно прибегают литераторы.

С развитием понимания научной направленности деятельности историков происходил процесс заимствования ими в своих трудах концепций языкознания, социологии, экономики, антропологии и других наук. Таким образом, историки не являлись консерваторами и изначально были открыты для междисциплинарного взаимодействия. Но данный процесс имел сложный характер. Он был обусловлен противоречиями внутри самой исторической науки. Дело в том, что, реконструируя события прошлого, историки заняты выявлением отдельных фактов. Собственно, историческая реконструкция строится на редукции, и из других наук заимствуются лишь те

методы, которые соответствуют редукционистскому подходу. Признание историками общих для всех методов анализа источников долгое время служило объединительной цепью для различных групп историков, разделенных по идеологическому принципу, и, в конечном счете, делало историю относительно целостной наукой. В то же время это создавало трудности при построении общей картины исторического развития. Вот почему историки отдают предпочтение теориям, выработанным в рамках других гуманитарных дисциплин, прежде всего социологии и социально-культурной антропологии. Пожалуй, единственной теорией исторического развития, разработанной профессиональным историком, является цивилизационный подход А. Тойнби.

Психология как наука сформировалась в XIX—начале XX вв. и на протяжении этого периода практически не оказывала влияния на историю. Возможно, потому, что не могла предложить готовых детально разработанных концепций социального и политического прогресса. Интерес самих психологов к истории чаще всего ограничивался отбором отдельных фактов для их дальнейшей интерпретации. История воспринималась ими как частный исследовательский инструмент, а не отдельная дисциплина с присущими ей методологией и философией. Любопытно, что позже в трудах психологов за понятием «исторический» закрепились лишь формы генетического или ретроспективного описания. Например, в работах Л.С. Выготского, основателя советской школы, получившей после его смерти название «культурно-исторической психологии», термин «исторический» применяется по отношению к изменениям в ходе социально-культурного развития (Выготский, 1934). Сама история представлялась ученому схематически как среда, в которой формируются особенности поведения. Пожалуй, единственным его современником, близким к идее тесной кооперации психологии и истории, был И. Мейерсон. Он определил психологию как изучение истории (Шкуратов, 1997) и призывал к постижению психики человека через анализ его творений и установление причин изменения в поведении людей различных эпох. К сожалению, его призывы во многом оставались программными и носили лишь теоретический характер.

Методологический кризис, начавшийся после Первой мировой войны, вынудил историков более внимательно отнестись к знаниям, предлагаемым психологией. Известно, что основатель Манчестерской историографической школы Л. Б. Нэмир интересовался теорией З. Фрейда. Один из основателей школы «Анналов» М. Блок изучал ментальность людей прошлого и считал исторические факты

по преимуществу психологическими. Его ближайший коллега и соратник Л. Февр настаивал на сотрудничестве историков и психологов. Но большинство историков, занимавшихся анализом жизни людей прошлого, предпочли избегать непосредственного контакта с психологией как наукой. Представители истории повседневности, истории ментальностей и исторической антропологии стали описывать формы существования и поведения, определенные процедуры и модели мышления, основанные на внешних факторах. Большое влияние на них оказала концепция «шаблонов культуры» Р. Бенедикт, которая утверждала, что культура, словно некая мистическая сила, избирательно заимствует те или иные индивидуальные черты, чтобы превратить их в главные характеристики конкретного своего представителя (Benedict, 2005).

Другим способом избегания историками непосредственно психологии стал интерес к языкознанию, деконструкции и объяснению человека прошлого с точки зрения герменевтики, семиотики и структурного анализа исторических текстов. Хотя психология и не отвергает ценность семиотического анализа (более того, собственный опыт определения и трактовки знаковых систем присущ некоторым направлениям психологической науки), историки, применяющие данный подход, как правило, игнорируют практику психологов, опираясь на идею существования априорных шаблонов внутри текста или культурной реальности. Таким образом, мы наблюдаем любопытный феномен наличия двух разных «исторических психологий». В одной фактически нет места истории, в другой – психологии.

Во второй половине XX в. появились проекты исторической психологии, основанной на методологической интеграции двух наук. Они имели единичный характер и до сих пор остаются актуальными. Так, советский академик Б. Ф. Поршнев предложил собственное видение исторической психологии, которую считал необходимой для создания полноценной картины развития человечества (Поршнев, 1966). Его труд «О начале человеческой истории» представляет собой любопытное сочетание использования отдельных известных в то время фактов из истории, археологии, психологии и физиологии с попыткой интерпретации особенностей развития палеолитического человека на основе методологической кооперации истории и психологии. Однако усилия Б. Ф. Поршнева не нашли продолжателей. Советские авторы работ по исторической психологии ограничивались пересказом опыта зарубежных ученых.

В США интеграционное направление, сложившееся в рамках «новой истории», получило название психоистории. Впервые в науч-

ный оборот данное название ввел психолог Э. Эриксон, известный своими работами, посвященными историческим личностям, в которых он применял собственную теорию психосоциального развития. Э. Эриксон полагал, что «различные психологии и психологи подвластны историческим законам, а историки и исторические летописцы – законам психологии» (Эриксон, 1996, с. 559–560). Впрочем, представления самого автора об истории сводились к попытке понять внешний фон деятельности личности. Вплоть до начала 1970-х годов психоистория развивалась благодаря небольшой группе ученых, чьи изыскания строились на применении психоанализа для толкования исторических фактов, причем их взгляды на возможность и степень кооперации истории и психологии существенно различались.

В 1974 г. психоисторик Ллойд де Моз предложил психогенетическую теорию истории. Ее главной особенностью было то, что методы психоанализа использовались не для трактовки отдельных фактов, а объясняли мотивацию исторического развития. Психогенетическая теория претендовала на то, чтобы стать новой парадигмой. Подобно другим представителям «новой истории», Ллойд де Моз рассчитывал на то, что его детище заменит традиционные исторические представления, сравнивал традиционную историю с астрологией, а психоисторию с астрономией. Вместе с тем психогенетическая теория практически не затрагивала проблему исторической реконструкции, отрицала важность описательности, хотя именно реконструкция лежит в основе информации о прошлом, а описательность превращает исторический контент в единое целое (Де Моз, 2000).

Сегодня мы можем признать, что интеграционные модели исторической психологии или психоистории имеют весьма ограниченный успех. Ситуация осложняется тем, что как психология, так и история обладают весьма условной дисциплинарной целостностью. Каждая из этих наук представлена различными направлениями, идеология, методология и сфера исследований которых порой противоречат друг другу. Современный начинающий ученый, решивший заняться исторической психологией, неминуемо сталкивается с дилеммой методологического выбора. Отсутствие единых представлений приводит к тому, что она чаще решается с помощью интуиции, а не сформированной теоретической базы. В результате то, что мы называем исторической психологией, превращается в хаотический набор отдельных исследований, мало связанных друг с другом. Очевидно, что для упрочнения междисциплинарного взаимодействия историки и психологи должны больше знать об особенностях сопре-

дельной науки, а для построения исторической психологии как отдельной дисциплины – начать совместную работу над проблемами реконструкции фактов и выработки общих подходов к источникам.

Литература

Выготский Л. С. Мышление и речь. Психологические исследования. М.–Л.: Государственное социально-экономическое издательство, 1934.

Де Моз Л. Психоистория. Ростов-на-Дону: Феникс, 2000.

Мохначева М. П. Историческая психология и история исторической науки: проблемы междисциплинарного взаимодействия на современном этапе // Историческая психология и социология истории. 2015. Т. 8. № 2. С. 187–197.

Поршнев Б. Ф. Социальная психология и история. М.: Наука, 1966.

Старовойтов А. Л. Историческая психология: курс лекций. Могилев: МГУ им. А. А. Кулешова, 2010.

Шкуратов В. А. Историческая психология. М.: Смысл, 1997.

Шкуратов В. А. Историческая психология. Книга первая. Введение в историческую психологию. М.: Кредо, 2015.

Эриксон Э. Детство и общество. СПб.: Ленато–АСТ, 1996.

Benedict R. Patterns of Culture. Boston–N. Y.: Houghton Mifflin Harcourt, 2005.

Saffady W. Manuscripts and psychohistory // The American Archivist. 1974. V. 37 (4). P. 551–564.

Некоторые аспекты научно-методологического анализа проблемного поля исторической психологии

О. Е. Серова

doi: 10.38098/thry.2020.25.72.004

Познавательный объем исторической психологии, пожалуй, несопоставим по масштабу ни с какой другой сферой специального психологического познания: его составляет психологическая феноменология в рамках мирового исторического процесса. Но на оси времени принято выделять определенные референты, терминологически определяемые как «прошлое», «настоящее» и «будущее». Каждому из этих эпизодов исторического времени принадлежит условная множественность психологической феноменологии, или психосферы, под которой понимаются «все психические свойства, процессы, неотчуждаемые от человека компоненты менталитета» (Розов, 1999, с. 73). Область изучения исторической психологии могут составлять психологические события, происходящие в данный исторический момент, уже произошедшие или еще не произошедшие.

С методологической точки зрения исследование психосферы на линии времени настоящего наиболее прозрачно, так как применение широкого диапазона инструментальных средств научной психологии в ее эмпирическом поле не вызывает вопросов. Футурологический аспект ее исследования и в прямом, и в переносном смысле – область незнаемого; обсуждение присущей ей методологии прогнозов и экстраполяций выходит за рамки задач данной статьи. Фокус последующего рассмотрения составят гуманитарные по своей природе проблемы изучения психосферы на линии времени прошлого, по отношению к которой употребление понятия «историческое» наиболее привычно.

В связи с такой постановкой проблемы важно проставить акценты в вопросе соотношения двух наук – *исторической психологии* и *истории психологии*. Очевидно, что свой фундаментальный смысл исследования по исторической психологии обретают только в качестве составляющей истории психологического знания. Историческая психология, в сравнении с историей психологии, созда-

ет иной, более емкий и гуманитарный, контекст изучения генезиса психики и психологического знания. Психология, по словам современного историка, помогает интерпретировать историческую действительность так, «чтобы она в максимальной степени была очеловечена» (Шалак, 2009, с. 108). Но вне генетически объединяющего русла истории психологии результаты исследований по исторической психологии представляют собой, по существу, конгломерат знаний, имеющих случайный характер.

В одной из своих работ именно в аспекте истории психологического знания анализирует специфику применения результатов исторической психологии ее апологет на поприще российской науки В. А. Шкуратов (Шкуратов, 2015). *Как направление научного поиска* историческая психология выдвигает амбициозные цели и задачи, вовлекая исследователя в построение комплексных стратегий изучения «психического склада отдельных исторических эпох», «изменений психики и личности человека в специальном культурном макровремени, именуемым историей» и возможностью найти ответ на извечный вопрос: «Какими были люди в прошлом на самом деле?» (Шкуратов, 1997, с. 15). *Как научная дисциплина* она является результатом интеграции исторического и психологического подхода к постижению психологической реальности. Возможность интеграции обусловлена целым рядом родственных черт составляющих ее наук, но в первую очередь фундамент ее интегративности покоится на *принципах уникальности* и *одушевленности,* одинаково присущих как истории, так и психологии в отношении изучаемых ими явлений.

Существует и различие, которое содержится в акцентах исследовательской установки. Исторический факт прежде всего вписан в течение времени, психологический – в содержание внутренней жизни. Историческое видение акцентирует процессуально-временной аспект явления, а психологическое видение – содержательный. Логика исторического исследования моделирует и воспроизводит процесс, а логика психологического исследования – содержание внутренних состояний личности.

Тем не менее, в практике исследования *психологический и исторический аспекты существуют в неразрывном единстве:* в целях изучения психологическая фактология предоставляется исторической наукой, а она, в свою очередь, способна устанавливать аутентичные (с достаточной степенью приближенности) пространственно-временные взаимосвязи между феноменами только на основании выявления внутренних мотивационных механизмов исторического процесса.

В словосочетании «историческая психология» главным словом является существительное «психология». Соответственно, в русле исторической психологии мы будем иметь дело не с историко-психологическим, а с *психолого-историческим* исследованием. Но если построение несущих конструкций его научно-методологического каркаса в первую очередь будет зависеть от особенностей предмета, целей и задач психологии, то совсем не в последнюю – от особенностей анализа исторического знания. Таким образом, с одной стороны, мы вступаем на зыбкую почву фундаментально неразрешенных проблем современной психологии, унаследовавшей метанаучный предмет изучения, с другой – в сферу словесно-образных нарративов, характерных для исторических исследований, т. е. *в области познания, равноудаленные от привычных измерительных схем ортодоксальной «научности».*

Профессор В. А. Шкуратов при определении предмета исторической психологии пишет: «историческая психология в широком значении – подход, помещающий психику, личность в связь времен» (там же, с. 14). Предмет исторической психологии – личность в связи времен, и это очень созвучно хайдеггеровскому пониманию экзистенции и человека как бытия-в-мире. Однако в зависимости от установок научного мировоззрения конкретного исследователя эти философские категории могут иметь многоплановое творческое развитие.

Представляется важным более подробно остановиться на характеристиках, одинаково принадлежащих и психологии, и истории, так как, несмотря на универсальность определенных их составляющих, в своей совокупности они выступают базовым основанием *уникальности контента исторической психологии,* для которого ни психологическое, ни историческое не являются «аспектом», а в своей органической взаимотрансформации составляют его существенный признак и свойство.

По природе своих познавательных метазадач историческое и психологическое знание является инструментом самопознания и нравственной самоидентификации человека, осознания им своего личностного начала: «Без сознания своей личности каждым человеком народ был бы стадом; без сознания своих особенностей каждым народом таким стадом было бы все человечество» (Градовский, 2001, с. 319). Таким образом, исследовательский контент исторической психологии представляет собой *определенный во времени содержательный фрактал самосознания* исторической личности и исторической общности (народа, культурного сообщества, цивилизации, человечества), или *«личностное самовыражение человека»* (Следзев-

ский, 1999, с. 50), постигаемое современным исследователем в жизненной (временной) ситуации через его личное понимание и сопереживание, а также посредством эвристической практики.

Любая наука независимо от ее отраслевой принадлежности стремится к достижению *истины*. Психология и история не являются здесь исключением. Несмотря на архисложность предмета своего исследования, они стремятся привести калейдоскоп гипотетических предположений о нем к истине последнего вывода. Именно для этого они и существуют, иначе самосознание человечества будет иметь все шансы превратиться в процесс тиражирования иллюзий, в производство фейковой реальности неведомого существа.

Как психология, так и история признают объективность изучаемых ими явлений, т. е. *реальность существования явлений внутренней духовно-психологической природы*. Не требует особых доказательств утверждение, что предмет исторической психологии воссоздается сознанием исследователя на основе интерпретаций информации, полученной им в ходе научно-критического анализа документальных источников, в которых, в свою очередь, определенный факт бытия уже представлен как результат рефлексии в форме слова. Таким образом, предмет исторической психологии выступает явлением *мысленного мира*. Но следует особо подчеркнуть включенность *этической* составляющей и в сам предмет, и в методологию его исследования, так как на каждом этапе мы имеем дело с явлениями человеческого духа, с понятийно-образными результатами его познавательного творчества, с результатами его выбора и интеллектуально-нравственной оценки.

Для той и другой науки характерно признание каузальных связей между явлениями, но каузальности, имеющей далеко *не механический и не линейный характер*. Проблема детерминации имеет длительную историю, и ныне актуальный этап ее развития – это эвристическая категориальность экзистенциального подхода, посредством которой получила выражение специфичность пространственно-временных характеристик существования глубинных пластов психологии исторического человека.

И для психологии, и для истории характерна констатация высокой степени влияния обратных связей на изучаемый феномен и невозможность его *чистой* дифференциации в условиях иерархических и циклических взаимовлияний социокультурного, личностного и логико-научного планов бытия. Отсюда многофакторная и многомерная характерология процессов и явлений, изучаемых в контексте исторической психологии как восприемницы этих наук.

В контексте научной психологии и исторической науки сохраняется требование если не проверки, то соответствия выводов их теории практике. Но при встрече этих наук, в интегративном пространстве исторической психологии понятие «практика» принимает расширительное толкование – *исторический опыт человечества*.

Интегративной уникальности предмета исторической психологии и связанных с ним проблем соответствует стратегия *междисциплинарного* исследовательского подхода, который предполагает выбор различных путей исследования и различных концептуальных схем объяснения, но – и это самое важное – направлен на приведение их результатов к обобщениям, что называется, «нового поколения». Потому междисциплинарный подход – это менее всего простая компиляция разных концепций из областей смежных наук. По отношению к формируемой множественности конкретных методов исследования выдвигается требование их *органичного* синтеза и приведения в *познавательное единство*. Необходимы коренной пересмотр и реконструкция их теоретических положений для того, чтобы они стали *новыми* методологическими моделями, способными отразить не только развитие соответствующих аспектов, но и *интегративное единство* предмета исторической психологии.

Как форма познавательной практики контекст исследования по исторической психологии представляет собой *диалог,* разворачивающийся между современным исследователем и людьми прошлого, принадлежавшим к разным цивилизациям и культурам. И определение здесь исследовательского процесса через понятие «диалог» не является метафорическим.

Первое, с чем мы сталкиваемся в процессе этого диалога, – *ограниченность смысловых интенций вопрошания*. Оказывается (и об этом писал известный российский исследователь А. Я. Гуревич), что кроме тех вопросов, которые релевантны нашему времени и нашей культуре, никаких других со своей стороны мы задать не можем. Следовательно, вступая в исследовательский диалог, проводя на основании документальных и других источников реконструкцию психоистории, мы всегда отправляемся от настоящего, от его глубинных интеллектуальных потребностей. Настоящее – *ментальная константа,* относительно которой разворачивается ретроспективно-перспективное движение нашей мысли по оси времени в пространстве конструируемой психологической реальности. То же можно сказать и о базовой культуральной обусловленности наших запросов и, не входя далее в подробное обсуждение вопроса о значении материнской культуры, для понимания высказанной мысли приведем вывод из-

вестного западноевропейского мыслителя Э. Трельча: образ собственной культуры – триггер для формирования исторического познания (Трельч, 1994).

Вторая отличительная черта исследовательского диалога – *двусторонняя активность коммуникативной взаимосвязи:* наш виртуальный визави из прошлого проявляет себя не менее активным участником диалога, нежели мы сами. Оказывается, что «когда мы спрашиваем людей прошлого и ищем их ответы в оставленных ими памятниках, превращаемых нами в исторические источники, мы неизбежно наталкиваемся в них на феномены, которые не охватываются нашим вопросником. Мы не только задаем им вопросы, но и слышим голос людей прошлого, сообщающих нам нечто, нашими досье не предусмотренное. В этих случаях люди прошлого принимают активное участие в установленном с ними диалоге, побуждая нас формировать новые вопросы» (Гуревич, 1999, с. 16).

Необходимость формирования *сбалансированного диалога* выводит нас на уровень проблемы оценочного знания, поскольку она методологически целиком завязана на сущностную специфику исследований гуманитарного плана. Современная научная психология все еще неуверенно чувствует себя на поприще гуманитарной методологии, и актуальная ситуация дефицита релевантных методологических решений отсылает нас к историческому опыту отечественной философии психологического познания, – в частности, к содержанию учения выдающегося русского историка, философа и методолога А. С. Лаппо-Данилевского. В своем труде «Методология истории» (1910–1913) ученый раскрыл особенности внутреннего механизма процесса психологической реконструкции и заявил о неотъемлемости аксиологического измерения в историко-психологическом анализе. Он утверждал, что исследователь в ходе решения задачи реконструктивного описания психологической динамики, присущей личности исторически «другого», *принципиально* недоступной его наблюдению, владеет только одним средством – методом «научного анализа состояний собственной душевной жизни» (Лаппо-Данилевский, 2010, с. 349). Однако этот метод, как и любой другой, лишь приближает исследователя к научному пониманию психологии людей ушедших эпох. Никогда не может выдвигаться цель воспроизведения «чужой одушевленности во всей ее полноте», поскольку в таком акте всегда «соучаствует» то сознание, в котором воспроизводится чужая одушевленность, т. е. сознание самого исследователя. «Я не могу перестать быть Я даже в момент сочувственного переживания чужого Я», – писал ученый (там же, с. 345). Соответст-

венно, исследователь должен осознавать ограниченность потенциала психолого-исторической реконструкции: восстановлению подлежит не целостное «историческое Я», а комбинация состояний его сознания, более или менее аутентичная по своему содержанию.

По выводам А. С. Лаппо-Данилевского, критический анализ в русле гуманитарного знания всегда *аксиологический*. Только путем аксиологического анализа происходит окончательное формирование исследовательского контента, поскольку выбор осуществляется на основании личностной системы ценностных представлений исследователя, внутренних предпочтений, обусловливающих его научное мировоззрение. Только осознав ценностную иерархию своего Я, ученый может входить в герменевтический круг исследования и приступать к реконструкции духовно-психологических состояний исторической личности или составлению психологического портрета эпохи.

Своими нравственными интуициями ученый творит и время, и действительность научного поиска. Однако это далеко не спонтанный процесс: «Следует иметь в виду, что ученый, в частности историк, постоянно подвергает свое научно-квалифицированное психологическое построение чужой душевной жизни научному же контролю; он признает его лишь гипотезой, сила которой зависит от степени ее пригодности и области ее применения; он принимает ее лишь в том случае, если факты ей не противоречат и если она помогает ему объяснить эти факты», – пояснял А. С. Лаппо-Данилевский (там же, с. 348). Трансцендирование самого истолкователя в сферу жизненного мира исторического человека проходит под контролем его воли и сознания. По смыслу высказанных идей, ценностные понятия, которые формулирует ученый, имеют для него абсолютный, истинный характер и потому обладают силой императивов по отношению к его личности и нравственных оснований ее самоидентификации. В контексте традиционных воззрений русской философии это значит, что речь идет о понятиях, общезначимых для той культурной среды, которой принадлежит ученый и выразителем смысла которых он является. Таким образом, общезначимость продуцируемых его личным сознанием понятий выступает необходимым условием диалогического общения в гуманитарном контексте историко-психологического исследования.

В творчестве выдающегося русского мыслителя А. С. Хомякова впервые была сформулирована идея «живого знания» – внутреннего, непосредственно данного, предпосылочного, изначально истинного и целостного. Источником его являются самоочевидные истины ве-

ры той культурно-психологической общности, духовные ценности которой формируют самоидентификацию человека (Серова, 2002). Всегда противопоставляли внешнему индуктивно-кумулятивному знанию истинность интуитивного и самоуглубленного «софийного» познания Ф. М. Достоевский, В. С. Соловьев, П. А. Флоренский. Таким образом, признание аксиологического предпосылочного знания, носящего личностно-универсальный смысл, и его приоритетной роли было характерно для отечественной традиции познания.

Смысловая интерпретация вышеизложенных идей позволяет утверждать философско-психологическую доказанность принадлежности мышлению человека предпосылочного знания, позволяющего схватывать индивидуальным сознанием первоначальную истину об актуально ненаблюдаемом явлении, и научную ценность методологии аксиологического познания как адекватного способа критической работы со специфическим контентом исследований гуманитарно-психологической направленности.

***

Краткий анализ и обсуждение отдельных блоков проблем исторической психологии, предпринятые в данной статье, позволяют прийти к следующему заключению.

1. Методологическая стратегия исследований по исторической психологии по линии времени прошлого определяется дисциплинарной принадлежностью исторической психологии к области гуманитарного знания.
2. Аксиологический концепт предпосылочного «живого знания» обладает методологическим потенциалом обоснования возможности адекватного постижения смыслов актуально ненаблюдаемой и восстановленной творческим мышлением исследователя информации, заключенной в интегративных феноменах исторической психологии.
3. Можно предложить следующую формулировку прогностического плана методологических поисков в проблемном поле исторической психологии: на основании активного использования методологических достижений, относящихся к славному прошлому отечественной психологии, провести аналитическое обобщение достижений теории познания новейшего времени и разработать конкретные положения методологической стратегии, способной обеспечить творческую перспективу развития исторической психологии в едином поле истории психологического знания.

Литература

Градовский А. Д. Первые славянофилы // А. Д. Градовский. Сочинения / Отв. ред. А. Ф. Замалеев. СПб.: Наука, 2001. С. 299–364.

Гуревич А. Я. Двойная ответственность историка // Проблемы исторического познания: Материалы международной конференции / Отв. ред. Г. Н. Севастьянов. М.: Наука, 1999. С. 11–24.

Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории: В 2 т. Т. 1. М.: Росспэн, 2010.

Розов И. С. Теоретическая история как исследовательская программа: фундаментальные понятия и принципы // Проблемы исторического познания: Материалы международной конференции / Отв. ред. Г. Н. Севастьянов. М.: Наука, 1999. С. 71–84.

Серова О. Е. Стадиально-континуальная модель познавательного процесса в психолого-философском наследии А. С. Хомякова и И. В. Киреевского (опыт психолого-исторической реконструкции) // Актуальные проблемы истории психологии на рубеже тысячелетий: Сборник научных статей: В 2 ч. Ч. 2 / Науч. ред. В. А. Кольцова, Ю. Н. Олейник, О. Е. Серова. М.: МГСА, 2002. С. 12–24.

Следзевский И. В. Эвристические возможности и пределы цивилизационного подхода // Проблемы исторического познания: Материалы международной конференции / Отв. ред. Г. Н. Севастьянов. М.: Наука, 1999. С. 47–57.

Трельч Э. Историзм и его проблемы. М.: Юрист, 1994.

Шалак В. А. Историческая психология как метод очеловечивания истории // Психология в экономике и управлении. 2009. № 2. С. 107–110.

Шкуратов В. А. Историческая психология. М.: Смысл, 1997.

Шкуратов В. А. Историческая психология как история психологического знания // Российский психологический журнал. 2015. Т. 12. № 4. С. 31–45.

Проблема метода в исторической психологии

Е. Н. Холондович

doi: 10.38098/thry.2020.25.72.005

Исторической психологии как отрасли психологического знания всего несколько десятков лет. Это обусловливает многие трудности, встающие на ее пути в процессе развития: отсутствие общепринятых подходов, неразработанность системы понятий, низкая достоверность эмпирических данных, дискуссионность многих выдвигаемых положений, нехватка общепризнанных методик исследования, позволяющих квантифицировать полученные результаты. Все вышеперечисленные проблемы порождают противоречивое отношение к данной области психологии. Для того, чтобы ей достойно отвечать на возникающие вопросы, необходимо определиться со своими предметом, объектом, методами исследования, местом в системе наук.

В. А. Кольцова выделяет некое межпредметное пространство, «в котором сливаются „психологизирующая история“ и исторически ориентированная психология» (Кольцова, 2004, с. 19). На этот же аспект исторической психологии указывал еще В. Вундт, говоря о возможном слиянии истории и психологии, так как история часто в объяснении исторических фактов обращается к психологическим мотивам, в то время как психология невозможна вне исторического времени (Вундт, 1910). В. А. Шкуратов выделяет в качестве предметной области исторической психологии «психику и личность в связи времен» (Шкуратов, 1997, с. 15). Хотя, необходимо сделать акцент на том, что историческая психология имеет дело прежде всего с социально-психологическими явлениями, происходящими в контексте исторического времени. Следовательно, ее особенность заключается в раскрытии темпоральных психологических явлений, разворачивающихся в динамике и присущих определенным индивидам и социальным группам. Это открывает возможность исследовать не только причинную обусловленность явлений, их станов-

Статья подготовлена по Госзаданию № 0159-2020-0006.

ление и развитие, но и возникающие последствия (что реализует прогностическую функцию психологической науки), и не только содержательные характеристики психологических явлений прошлого, но также и их процессуальные, динамические аспекты.

Исходя из этих положений, можно говорить, что *предметом исторической психологии выступает психологический мир человека, психологические характеристики как отдельного индивида, так и человеческих общностей в системе макровременных изменений, а также психологическая составляющая самого исторического процесса.* Специфика же ее объекта состоит в отнесенности к историческому контексту. Формирование и развитие индивидуального и группового субъекта включено в различные системы детерминант – общество, культура, история. Человек выступает как выразитель определенной культуры, исторического времени, как участник определенной системы общественных отношений. Все это непосредственно влияет на его сознание и поведение, систему норм и ценностей. Таким образом, *объектом исторической психологии является индивидуальный или групповой субъект в социокультурном историческом пространстве.*

Как уже было отмечено, данная отрасль психологии изучает психические явления и процессы не статично, а в их динамике. Это позволяет говорить о возможности исследования человека целостно, что, по мнению Б. Г. Ананьева, является одной из важнейших задач психологической науки (Ананьев, 1977). Также следует сделать акцент на том, что историческая психология находится на стыке различных наук о человеке: истории, социологии, культурологии, этнологии и др., и близка по своей сути к другим отраслям психологии – к социальной, политической психологии, психолингвистике, психологии развития, психологии личности и др. Это позволяет говорить о ее междисциплинарном характере, что, с одной стороны, добавляет сложности в проведение исследований, так как приводит к «размытости» получаемых данных, но, с другой стороны, позволяет привлекать для исследований методы различных смежных дисциплин.

Само историческое исследование в его «чистом» виде носит комплексный характер. Историческая психология по своей сути также реконструкционная дисциплина, так как имеет дело с объектом, удаленным во времени от исследователя, хотя реконструкция в той или иной мере присутствует в любой форме научного познания: даже полученные в результате эксперимента данные являются реконструктивными. Предложенную В. А. Кольцовой процедуру психолого-исторической реконструкции можно назвать своеобразным примером, основой для любого психолого-исторического исследо-

вания. Она включает в себя совокупность определенных операций, алгоритм, последовательное использование различных методов изучения исторической реальности, будь то психологическое знание прошлого, сознание индивидуального или коллективного субъектов, психологические аспекты исторического развития и др.

Выбор метода исторической психологии обусловлен ее объектом, которым является прошлое, предполагающее ретроспективный характер исследования. Но проблема ее метода состоит еще и в том, что полученные результаты дважды субъективированы: во-первых, интерпретация истории делается творцами источников, во-вторых, происходит интерпретация этих источников историком, их изучающим. Поэтому требуется применение целой совокупности методов, позволяющих снять возникающие интерпретационные противоречия.

И. Д. Ковальченко определяет научный метод как «совокупность путей и принципов, требований и норм, правил и процедур, орудий и инструментов, обеспечивающих взаимодействие субъекта с познаваемым объектом с целью решения поставленной исследовательской задачи» (Ковальченко, 1987, с. 39). Метод научного познания есть всегда единство объективного и субъективного. Субъективное – это то, что вносит сам исследователь. Объективное – сама познаваемая реальность, ее характеристики и особенности. Что касается методов исследования в исторической психологии, то проблемность данной области науки заключается в отнесении ее к гуманитарному знанию, описательному по своей сути, что делает ее ближе к истории и отдаляет от психологии – естественнонаучной дисциплины (Кольцова, 2004). Историческая психология изучает человека не в реальном времени, а в историческом, следовательно, для нее доступны только косвенные данные, содержащиеся в исторических источниках, которые являются продуктами деятельности человека прошлого. Поэтому закономерным становится использование в этой области идиографических методов исследования, а не номотетических. Как пишет В. А. Кольцова, историко-психологическое исследование имеет дело «с реальностью прошлого. Она не дана исследователю целиком в ее непосредственной форме, не выступает во всех своих аспектах предметом непосредственного наблюдения или экспериментального изучения» (Кольцова, 2008, с. 328), и это обусловливает определенную ограниченность в выборе методов познания. Так, В. Н. Дружинин для исследований в области исторической психологии признавал приемлемым «архивный метод», включающий анализ продуктов деятельности, биографический и герменевтический анализы (Дружинин, 2001). Противопоставляя естествен-

нонаучные методы методу герменевтическому, он указывает на то, что мощность и результативность первых велика при изучении физиологических, психофизиологических процессов, сенсорно-перцептивных систем, эмоций, представлений, интеллекта, способностей, в то время как на уровне подструктур «индивидуальности психологической регуляции деятельности и личностного поведения», а тем более «на уровне уникальной индивидуальности – регуляции жизнедеятельности», возможности герменевтического метода возрастают (Дружинин, 2001, с. 284).

Методы исследования делятся на общенаучные, специально-научные (используемые в той или иной науке) и конкретно-предметные (направлены на изучение конкретных объектов в конкретной научной области) (Кольцова, 2008). Остановимся прежде всего на общенаучных методах, к которым относятся метод абстрагирования, метод идеализации, методы восхождения от абстрактного к конкретному, анализа и синтеза, дедукции и индукции, измерения и наблюдения.

Абстрагирование – формирование обобщенных образов объективной реальности, выделение в ней существенных признаков объекта и пополнение реальности новыми данными. Путем отхода от целостного восприятия объекта при помощи его упрощения и схематизации возникает возможность выделения связей и отношений между различными сторонами действительности: преобразования реального объекта в идеальный. Это роднит его с методом *идеализации* – создания идеальных объектов, близких, по сути, к объектам реального мира. Данный метод позволяет формировать новые объекты, обладающие идеальными свойствами, при этом нивелируется влияние различных факторов и событий, которые обусловливают разные варианты их развития, т. е. объект становится инвариантным.

Метод *восхождения от абстрактного к конкретному* направлен на воссоздание целостного объекта, его свойств, основных черт, взаимосвязей между ними, закономерностей функционирования и развития, что в совокупности с отображением объекта сознанием субъекта позволяет достичь единства в форме конкретно теоретического знания в процессе реконструкции. Эта процедура становится возможной при помощи методов *анализа и синтеза*. Анализ направлен на расчленение объектов исторической реальности на отдельные компоненты и выделение существенных признаков и взаимосвязей между ними. Синтез же необходим для соединения отдельных сторон объекта в целостный его образ. В. А. Кольцова указывает на неразделимость этих методов, объединяя их в *аналитико-синтетический* метод исследования явлений объективной реальности. М. Блок

также подчеркивал, что воссоздание целостной исторической реальности возможно только после анализа: это его продолжение, «его смысл и оправдание» (Блок, 1986, с. 88). И. Д. Ковальченко указывает на то, что «в целом анализ исторических процессов и явлений как целостностей посредством восхождения от конкретного к абстрактному на основе отвлечения от определенных признаков и идентификации целого по совокупности его отдельных признаков в конечном результате позволяет довести познание до построения его сущностно-содержательных и формально-количественных моделей. Это будут аналитические индуктивно-эмпирические модели» (Ковальченко, 1987, с. 162). Анализ строится на изучении ограниченного числа показателей, реальных, присущих изучаемому явлению, его суть — упрощение или огрубление объекта, приписывание ему состояний или характеристик, которыми он обладает, но в приближенной мере. Задачи его сводятся к раскрытию сути явлений в их количественных показателях, в нахождении возможности их классификации и типологизации и в определении пути дальнейшего проведения анализа развития изучаемого явления.

Метод *дедукции* представляет собой переход от общего к частному с привлечением общих научных положений. В историко-психологическом исследовании этот метод дает возможность дополнить знания об изучаемом объекте существенными для психологической науки признаками. *Индукция* же позволяет перейти от частного к общему и реконструировать его конкретные характеристики в единый целостный объект. Эти два метода в научном познании также тесно связаны.

Измерение в историческом исследовании всегда условно, так как относится к количественным характеристикам объекта (сводится к отождествлению нетождественного с тождественным). Проблема состоит в относительной точности измерения, т. е. усредненности показателей. Так, например, динамические ряды характеризуют объекты с точки зрения их временных характеристик (единиц). Они выделяются исследователем с учетом поставленной задачи и структурных показателей или содержатся в источниках. Причем выделяются они на основе качественного анализа количественных признаков.

Метод *наблюдения* в историко-психологических исследованиях носит опосредованный характер: исследователь реконструирует воспринимаемую им историческую реальность, содержащуюся в исторических источниках. Что же касается *эксперимента,* то, по мнению В. А. Кольцовой, в исторических исследованиях он имеет только демонстративный или проверочный характер.

Таким образом, общенаучные методы имеют свою специфику использования в исторической психологии. Специально-научные методы исследования в психологии достаточно широко представлены в развернутых классификациях Г. Д. Пирьова, С. Л. Рубинштейна, Б. Г. Ананьева, В. И. Слободчикова и Е. И. Исаева, В. Н. Дружинина и др. Это прежде всего организационные, эмпирические, интерпретационные методы, приемы обработки полученных данных. Именно они представлены в классификации Б. Г. Ананьева, положенной В. А. Кольцовой в основу вышеупомянутой процедуры психолого-исторической реконструкции, которая наиболее часто используется в психолого-исторических исследованиях в настоящее время (Кольцова, 2008). Она направлена на реализацию процессуального аспекта историко-психологического исследования и раскрывает порядок организационно-методологических процедур с применением методов как психологии, так и других наук, с ней смежных. Выделяются следующие методы:

1) организационно-стратегические: метод системного анализа, комплексного анализа, сравнительно-исторический метод, метод единства исторического и логического;
2) методы получения научных данных: источниковедческие, био- и библиографические методы, наукометрические методы, историко-биографический метод, методы моделирования, аналогии, анализа продуктов деятельности, методы текстологического анализа, метод интервью;
3) методы исследования различных аспектов предметной области истории психологии: персоналистического, предметно-логического, социального и процессуального;
4) методы обработки и интерпретации полученных данных (количественного и качественного анализа).

Представленная классификация отражает прежде всего порядок проведения исследований в области истории психологии, так как ориентирована на предметную область этой отрасли. Она раскрывает разные уровни анализа и различные его функции, поэтому некоторые ее методы повторяются и пересекаются друг с другом. Например, сравнительно-исторический метод включен в организационно-стратегический уровень, а также вводится автором и как метод интерпретации полученных данных.

Необходимо сделать ряд комментариев к представленной выше классификации. Наукометрические методы в исторической психологии будут иметь условный характер. То же можно сказать и о мето-

де интервью, так как исследуемый объект удален во времени от исследователя. Его проведение возможно только при незначительной удаленности во времени объектов изучения, например, как это было сделано Н. Г. Немировской при исследовании личности и творчества В. Н. Дружинина (Немировская, 2017). А вот методы, активно применяемые в исторической науке – историко-генетический, метод регрессионного анализа, сравнительный, историко-типологический, уровневый или стратификационный методы и др., – в области исторической психологии более уместны для использования не столько в качестве интерпретационных процедур, сколько в качестве методов получения научных данных. Также необходимо подчеркнуть, что методы количественного анализа в настоящее время активно используются в исторической психологии и в других психологических исследованиях, проводимых на историческом материале. Это и контент-анализ, и различные виды корреляционного анализа, и метод машинной обработки текстов с дальнейшей статистической обработкой полученных данных, и др. (Валуева и др., 2017; Историогенез..., 2016; Китова, Журавлев, 2020; Холондович, 2020). В настоящее время остро стоит проблема верификации результатов психолого-исторических исследований. Изучаемое явление должно быть измерено и представлено в числовых значениях, выделенных в историческом источнике, что часто затруднительно в ретроспективных исследованиях, поэтому необходимо разработать систему по выделению количественных данных, которые бы характеризовали историческую реальность. В то же время следует помнить, что количественные (математические) методы в исторических исследованиях обладают следующими особенностями применения: они не могут заменить описательные методы и имеют ограничения эффективности, обусловленные спецификой объекта исторического познания.

Хотелось бы подробнее остановиться на некоторых конкретно-предметных методах психолого-исторических исследований. Среди них наиболее частое применение получил *исторический* метод, или реализация принципа историзма. Всякая реальность имеет свою историю возникновения, развития и исчезновения, и должна быть изучена в определенном пространстве и времени, для того чтобы выделить процессы и явления, установить причинно-следственные связи, релевантные для решения конкретных исследовательских задач. *Логический* же метод изучает внутреннюю суть явлений и направлен на рассмотрение объекта в его внутренней логике развития, как системы элементов, имеющих свои неповторимые качества, при взаимодействии которых друг с другом формируется новый характер отно-

шений. Эти два метода – исторический и логический – тесно связаны друг с другом. Первый позволяет выделить существенные характеристики объекта, второй – понять логику его развития в историческом процессе. Так, при изучении ментальности русского купечества И. Р. Федорковой выделялись как психологические характеристики данной социальной группы, так и происходящие в них изменения на разных этапах истории России (Федоркова, 2000).

В настоящее время в психолого-исторических исследованиях активно применяется метод *системного анализа,* который включает в себя типологизацию, функциональный и структурный анализы: рассмотрение объекта реальности как некой системы, имеющей свое строение, структуру и функции, формы проявления, а также изучение системы детерминант, обусловливающей его развитие. Структура отражает взаимодействие компонентов и присущие им свойства, в ней выражены интегральные свойства системы. Функции реализуют ее предназначение; это то, на что направлено действие системы в целом. Таким образом, объект исторической реальности рассматривается как многомерный, многоуровневый, многоаспектный.

Системный анализ выступил в качестве методологического основания исследований российского менталитета, проведенных в лаборатории истории психологии и исторической психологии Института психологии РАН (Историогенез..., 2015, 2016; Кольцова, Журавлев, 2017; Холондович, 2018). Данный метод применим и при изучении личности исторического деятеля, которую мы можем рассматривать как систему, взаимодействующую с другими системами (родственники, друзья, сотрудники, враги, соседи, материальные и общественные сферы и т. п.). Межсистемная иерархия формируется под влиянием близости и силы воздействия других людей на изучаемую личность. Отношения этих людей друг к другу в таком случае будут являться функциями компонентов данной мегасистемы, а ее развитием – текучесть ее состава, изменение характера взаимоотношений ее членов (Кольцова, Холондович, 2013).

Аналитико-дедуктивный описательный *историко-генетический* метод состоит в последовательном раскрытии свойств, функций и изменений изучаемой реальности в процессе исторического развития. Он выявляет «причинно-следственную связь и закономерности исторического развития в их непосредственности, исторические события и личность в их индивидуальности и образности» (Ковальченко, 2003, с. 184). Это самый универсальный, гибкий и доступный метод исторического исследования, который позволяет выявить изменения и устойчивые показатели изучаемой реаль-

ности, хотя нельзя отрицать наличие такого его побочного эффекта, как выраженный субъективизм.

Историко-сравнительный метод направлен на выделение сходства и различий, что позволяет познать сущность реальности во всем ее многообразии, но не ее специфику. И. Д. Ковальченко указывает на то, что общественно-историческое развитие – это повторяющиеся во времени явления и процессы, имеющие сходные основания, близкие по форме, но различные по содержанию (там же). Данный метод не позволяет раскрыть особенности динамических объектов, но дает возможность выявить суть явлений на основе имеющихся фактов, общее и повторяющееся, сделать вывод об имеющихся закономерностях и различиях, что дает возможность перейти к более широким обобщениям.

Историко-типологический метод предполагает разделение объектов на классы и типы по общим существенным признакам. Поскольку смена одних качественных состояний другими имеет свою стадиальность, то разделение объектов или явлений изучаемой исторической реальности на определенные типы, имеющие общие существенные признаки в пространственном или временном аспектах, представляет собой суть метода исторической типологизации. Классификация же может быть произведена по менее существенным признакам.

Еще одним важным методом исторического исследования, позволяющим выделить закономерности, присущие разным обществам на сходных этапах развития, понять общее и индивидуально-специфическое, является *сравнительно-типологический*. М. Блок полагал, что *регрессивный* (*ретроспективный*) метод, т. е. метод восхождения от известного к неизвестному, наиболее приемлем в историческом исследовании, так как позволяет оттолкнуться от уже изученных в научном плане явлений и объяснить неведомое известным (Блок, 1986).

Целесообразно также остановиться на методах, которые применяются в исторической психологии сравнительно недавно, но уже доказали свою эффективность. Прежде всего это метод *моделирования,* который, по нашему мнению, является наиболее перспективным для раскрытия потенциала исторической психологии и реализации ее методологической и прогностической функций, так как выводит ее на новый уровень исследований, способных совместить в себе идиографические и номотетические методы. Благодаря ему возможно существенно повысить уровень достоверности полученного знания. Согласно определению И. Д. Ковальченко, его мо-

делью является «абстрагированное выражение основной сущности объекта» (Ковальченко, 2003, с. 376). Построение данной модели проходит следующие этапы: выбор объекта, постановку задачи и выдвижение гипотезы. В историческом исследовании гипотеза направлена на раскрытие отдельных черт или сторон исторического явления.

Модель базируется на формировании абстрактно-теоретического объекта познания, основана на принципах и методах восхождения от абстрактного к конкретному. Она может быть построена на основе эмпирического анализа явления и отражать переход от эмпирического знания к теоретическому (по такому принципу построена модель изучения ментальности группового субъекта с позиции этнофункционального подхода в психологии (Сухарев, 2017)), а может быть результатом теоретического анализа конкретно-научных представлений об объекте исследования: отражать его основные черты, закономерности и особенности функционирования и развития и тем самым служить основой для построения формально-количественных представлений об объекте. Подобная модель была сконструирована при исследовании современного российского менталитета, проведенном в лаборатории истории психологии и исторической психологии Института психологии РАН. В основу ее были положены теоретические представления о русском характере, выделенные в работах отечественных ученых XVIII–начала XX вв. (Журавлев, Кольцова, 2016).

Метод моделирования направлен, как уже было сказано, на решение двух важнейших задач: получить репрезентативные данные об объекте исследования и выбрать адекватные математические средства их обработки. Цель такого типа исследования – выявить новую информацию об изучаемой реальности. А. В. Бочаров, представляя данный метод, подчеркивает, что, поскольку «мы не можем вернуться в прошлое и изменить историческое событие, то есть провести реальный эксперимент над историческими событиями» (Бочаров, 2006, с. 117), сконструированная модель может выступить аналогом объекта изучения, содержащим его существенные признаки и дающим возможность исследователю познать ее во всем многообразии проявлений. Таким образом, при помощи выделения существенных свойств и связей объекта и создания на их основе абстрактной модели возможно преодолеть существующий субъективизм в психолого-исторических исследованиях и повысить их достоверность.

Еще одним важнейшим методом психолого-исторического исследования – в частности, изучения ментальных характеристик различных групп и особенностей их сознания – является *анализ семан-*

тики. Смысл, который вкладывается в слова в момент их появления, меняется в процессе исторического развития общества: «старые» слова, приобретая новые смыслы, отражают изменения общественного сознания. М. Блок называл подобные явления «семантическими мутациями» (Блок, 1986, с. 100). По его мнению, анализ семантики позволяет прикоснуться к коллективному бессознательному.

В психологии в настоящее время активно применяются и методы психолингвистики: *интент-анализ, контент-анализ, дискурсивный анализ* (Митина, Евдокименко, 2010)*, метод семантического дифференциала* (И. Осгуд) и *семантического интеграла* (В. И. Батов, Ю. А. Сорокина) и др. Это методы косвенного изучения речевого поведения, позволяющие реконструировать ненаблюдаемые феномены чужой психики. Объектом могут выступать различного рода тексты далекого и недалекого исторического прошлого: литературные, публицистические, речи политиков и т. п. При этом интерес вызывает и внеязыковая реальность: личные характеристики автора текста, преследуемые им цели; характеристики адресата текста; различные события общественной жизни, нашедшие в нем прямое и косвенное отражение. В исторической психологии метод контент-анализа был предложен в 1977 г. Л. де Мозом. Его принято считать основоположником психоистории – науки о «моделях исторической мотивации», которая изучает историю детства, историю групп и психобиографии (Самохвалов, 2016, с. 21). В задачи контент-анализа входит выделение и измерение содержащихся в несистематизированном текстовом массиве (газетные или журнальные статьи, выступления политиков, книги, аудиозаписи и т. п.) смысловых категорий, отражающих психологические характеристики того или иного объекта. Эти смысловые категории могут указывать на эмоциональные состояния автора, ценностные установки, мотивы поведения, в целом отражать направленность личности или группы, и др. В зависимости от конкретной задачи производится запись всех метафор, преувеличений, сравнений, необычных речевых оборотов независимо от контекста, установление всех понятий, связанных с семьей, государством, национальными символами и др. или фиксирование слов, выражений, определяющих сильные чувства (гнев, любовь, удовольствие, насилие, страх), наиболее частых повторений и др. Затем выделяются и подсчитываются смысловые единицы: частота упоминания (количество) тех или иных понятий, газетные площади, эфирное время, заголовки статей, которые, в свою очередь, подвергаются количественному анализу (подробнее о методе см.: Психология, 2000; и др.).

В психолингвистике активно используется метод *ассоциативного эксперимента,* который перспективен и для исследований в области исторической психологии. Это метод выявления ассоциаций, сложившихся у индивида в процессе его личного опыта, при предъявлении ему лексической единицы в качестве слова-стимула, ответом на который выступают первые пришедшие ему в голову ассоциации: одно или несколько слов, словосочетаний, фразеологизмов или цитат (прецедентных выражений) (Довголюк, 2016). Указывая на этноспецифичность языкового сознания, Н. В. Уфимцева отмечает, что ассоциативный метод можно рассматривать как «специфичный для данной культуры и языка „ассоциативный профиль“ образов сознания, интегрирующий в себе умственные и чувственные знания, которыми обладает конкретный этнос» (Уфимцева, 1996, с. 67). Ассоциативный эксперимент позволяет проникнуть в языковое сознание человека, выявив языковые стереотипы и ассоциативные поля, его «ментальный лексикон» (Уфимцева, Балясникова, 2019). Данный метод позволяет реконструировать «языковую картину мира» группового и индивидуального субъекта. Он применим для изучения менталитета, тех трансформаций, которые он претерпевает под воздействием происходящих в мире глобальных изменений, что проявляется в динамике языкового сознания, отражающего процессы общественной жизни.

Проблема языкового сознания активно разрабатывалась в школе Л. С. Выготского, который полагал, что сознание целостно и его можно рассматривать через языковую деятельность (Выготский, 1982). Вслед за ним А. Н. Леонтьев выделял сознание как особую форму внутренней деятельности, формирующуюся в процессе деятельности общественно-исторической (Леонтьев, 2004). Причем им были выделены три составляющие сознания: чувственная, значение и смысл. В. П. Зинченко дополняет их бытийным слоем (действие и образ), рефлексивным (значение и смысл), духовным (я—ты), хронотопным (пространственно-временное измерение жизни) и ценностным, объединяющим в себе социально-культурные значения и индивидуальные смыслы (со-знание). А. Р. Лурия определял сознание как своеобразную систему кодов, тесно связанную с языком (Лурия, 1998), и утверждал, что компоненты структуры сознания имеют общие культурно-исторические основания. Таким образом, можно говорить о том, что «языковая картина мира» является своеобразным отражением коллективного сознания, и ее изучение позволит понять ментальные особенности как отдельных социальных групп, так и целого народа. Данные ассоциативного эксперимента нетруд-

но сопоставить с данными ассоциативных словарей русского языка, которые позволяют показать динамику в изменении языковой картины мира в разные периоды современной истории (Уфимцева, 2016).

Подводя итог, нужно сказать, что в исторической психологии активно применяются как общенаучные методы исследования (методы абстрагирования, идеализации, восхождения от абстрактного к конкретному, анализа и синтеза, дедукции и индукции, измерения и наблюдения), так и специально-научные (организационные методы, эмпирические, приемы обработки полученных данных, интерпретационные методы), и конкретно-предметные (исторический, логический, метод системного анализа, историко-генетический, историко-сравнительный, историко-типологический, сравнительно-типологический, метод регрессивного анализа, метод моделирования, методы, применяемые к анализу семантики). Все они имеют свою специфику и определенные рамки применения, обусловленные объектом и предметом исследования данной отрасли психологии.

Как нам представляется, особенно перспективными для психолого-исторических исследований являются метод системного анализа, метод моделирования, а также методы, активно применяемые в психолингвистике: контент-анализа, ассоциативного эксперимента, дискурсивного анализа. Нужно также подчеркнуть, что какого-то одного «главного» метода в исторической психологии нет. В настоящий момент только *процедуру психолого-исторической реконструкции* можно назвать базовой платформой для проведения исследований в исторической психологии. Именно она служит отправной точкой в дальнейшей разработке новых методов изучения человека в историческом контексте.

Активно развиваясь, историческая психология привлекает для своих исследований все новые и новые методы, разработанные как в самой психологии, так и в смежных с нею науках. И в этом заключается еще одна ее функция, выделенная А. Л. Журавлевым, – методологическая (Историческая психология..., 2004): являясь своего рода междисциплинарной областью знания, она выполняет преимущественно комплексные задачи и вносит вклад в целостное изучение человека. В силу этого статуса, а также специфичности объекта изучения, она требует к себе и особого подхода, проведения широких междисциплинарных исследований с привлечением специалистов из разных областей знания. Также хотелось бы напомнить, что историческая психология – молодая наука, и ей предстоит долгий путь, который частично преодолели другие отрасли психологии.

Литература

Ананьев Б. Г. О проблемах современного человекознания. М.: Наука, 1977.

Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. М.: Наука, 1986.

Бочаров А. В. Основные методы исторического исследования: Учеб. пособ. Томск: Томский государственный университет, 2006.

Валуева Е. А., Данилевская Н. М., Лаптева Е. М., Ушаков Д. В. Феномен векового роста интеллекта: анализ художественной литературы // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 5. С. 18–26.

Вундт В. Миф и религия. СПб.: Брокгауз-Эфрон, 1913.

Выготский Л. С. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 1. М.: Педагогика, 1982.

Довголюк М. Н. Ассоциативно-вербальное поле «Армия»: лингвокогнитивный аспект. Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2016.

Дружинин В. Н. Экспериментальная психология. СПб.: Питер, 2001.

Журавлев А. Л., Кольцова В. А. Российский менталитет как предмет психологического исследования: сущностные характеристики и факторы формирования // Историогенез и современное состояние российского менталитета. Вып. 2 / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова, Е. Н. Холондович. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 7–37.

Зинченко В. П. Сознание и творческий акт. М.: Языки славянских культур, 2010.

Историогенез и современное состояние российского менталитета / Отв. ред. В. А. Кольцова, Е. В. Харитонова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015.

Историогенез и современное состояние российского менталитета. Вып. 2 / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова, Е. Н. Холондович. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.

Историческая психология: предмет, структура и методы: Учеб. пособ. / Под ред. А. А. Королёва. М.: Изд-во МосГУ, 2004.

Китова Д. А., Журавлев А. Л. Способности и эффективность государственного управления (на историческом примере Петра I) // Способности и ментальные ресурсы человека в мире глобальных перемен. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2020. С. 202–213.

Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. М.: Наука, 2003.

Кольцова В. А. Особенности предметной области исторической психологии // Историческая психология: предмет, структура и методы: Учеб. пособ. / Под ред. А. А. Королёва. М.: Изд-во МосГУ, 2004. С. 12–31.

Кольцова В.А. История психологии: проблемы методологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
Кольцова В.А., Журавлев А.Л. Сущностные характеристики и факторы формирования российского менталитета // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 3. С. 5–17.
Кольцова В.А., Холондович Е.Н. Воплощение духовности в жизни и творчестве Ф.М. Достоевского. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.
Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Смысл–ИЦ «Академия», 2004.
Лурия А.Р. Язык и сознание. М.: МГУ, 1998.
Митина О.В., Евдокименко А.С. Методы анализа текста: методологические основания и программная реализация // Вестник ЮУрГУ. Сер. «Психология». 2010. Вып. 11. № 40. С. 29–38.
Немировская Н.Г. Реконструкция жизненного пути и творческой деятельности В.Н. Дружинина: Дис. ... канд. психол. наук. М., 2017.
Психология: Учебник для технических вузов / Под ред. В.Н. Дружинина. СПб.: Питер, 2000.
Самохвалов Д.С. Историческая психология: Основы историко-психологического исследования. Минск: БГУ, 2016.
Сухарев А.В. Развитие русской ментальности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017.
Уфимцева Н.В. Русские: опыт еще одного самопознания // Этнокультурная специфика языкового сознания / Отв. ред. Н.В. Уфимцева. М.: Эйдос, 1996. С. 139–162.
Уфимцева Н.В. Языковая картина мира: проблема моделирования // Вопросы психолингвистики. 2016. № 27. С. 238–249.
Уфимцева Н.В., Балясникова О.В. Языковая картина мира и ассоциативная лексикография // Вестник ВолГУ. Сер. 2 «Языкознание». 2019. Т. 18. № 1. С. 6–22.
Федоркова И.Р. Психолого-историческая реконструкция Московского купеческого общества как субъекта предпринимательской деятельности: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2000.
Холондович Е.Н. Психологическое самочувствие человека как психологическая проблема // ИП РАН. Социальная и экономическая психология. 2018. Т. 3. № 4 (12). С. 61–81.
Холондович Е.Н. Динамика психологического самочувствия человека в России конца XX–начала XXI веков (историко-психологическое исследование) // ИП РАН. Социальная и экономическая психология. 2020. Т. 5. № 1 (17). С. 134–166.
Шкуратов В.А. Историческая психология. М.: Смысл, 1997.

Российская историческая психология: новые горизонты

В. А. Мазилов

doi: 10.38098/thry.2020.25.72.006

Когда-то К. Маркс и Ф. Энгельс в «Немецкой идеологии» сделали известное замечание о том, что мы знаем только одну-единственную науку – науку истории. Пока время единого знания еще не наступило, существуют дисциплинарные рамки и исторические границы между научными дисциплинами, которые достаточно подвижны. Во всяком случае, в психологии актуальна проблема междисциплинарных исследований (см., напр.: Журавлев, 2007). К истории же отношение неоднозначное. С оценкой классиков можно соотнести высказывание Э. Кассирера, что история – это облако фантазий историков на темы обломков прошлого… Думается, что классики марксизма все же ближе к истине…

В 1973 г. в журнале «Вопросы философии» Б. М. Кедров опубликовал значимую работу, в которой подчеркнул необходимость разработки «диалектики современного научного знания, его методологии и логики» (Бонифатий Михайлович Кедров…, 2005, с. 55), и утверждая, что одно из центральных мест занимает проблема теоретического синтеза научного знания (Кедров, 1973). Кедров отмечает, что эта проблема связана с классификацией наук, но шире ее, так как включает не только междисциплинарные отношения, но и внутридисциплинарные процессы, направленные на теоретическое связывание разрозненного эмпирического материала.

После известной статьи «Эпистемология междисциплинарных отношений» выдающегося швейцарского эпистемолога Ж. Пиаже (Piaget, 1972) принято различать следующие формы взаимодействия дисциплин:

1) мультидисциплинарность как одностороннее дополнение одной дисциплины другой;

Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 19-29-07156.

2) собственно междисциплинарность как взаимодействие дисциплин;
3) трансдисциплинарность как построение интегральных структур (например, физика не только неживой природы, но физика живого и социальная физика).

Для современной психологии наиболее значимы взаимодействия первого вида, а именно мультидисциплинарность. Вызывает значительный интерес типология когнитивных систем И. Т. Касавина, развивающего идеи Ж. Пиаже и выделяющего, в соответствии с его теорией, три типа систем: мультидисциплинарные, междисциплинарные и трансдисциплинарные.

Характеризуя мультидисциплинарные системы, И. Т. Касавин отмечает, что «такие системы характеризуются использованием некоторой дисциплинарной онтологии и методов для работы в другой дисциплине или их группе» (Касавин, 2010, с. 21). В рамках этих систем, согласно И. Т. Касавину, сохраняется определенная четкость междисциплинарных границ, и такая четкость, предполагающая различие предметов, методов и результатов взаимодействующих дисциплин, выступает условием успеха.

Представляется, что подобные исследования важны для разработки исторической психологии, поскольку к построению полной междисциплинарной исторической психологии психологическая наука пока не готова (см., напр.: Историческая психология..., 2004; Королёв, Журавлев, Кольцова, 2011).

Историческая психология является достаточно новым и весьма перспективным направлением современной российской психологии. Не подлежит сомнению, что она продолжает традиции, сформированные в известных работах «школы Анналов» М. Блока, Л. Февра и др. Сам термин был предложен В. Вундтом в его известной психологии народов. В необходимости подобных исследований никто не сомневался. Можно вспомнить и И. Мейерсона, и Л. Леви-Брюля... Подобные исследования предпринимались и в психоанализе, и в экзистенциализме. Достаточно привести высказывание Ж.-П. Сартра, согласно которому «в этом живом универсуме человек для нас занимает привилегированное место. Прежде всего потому, что он может быть историческим, т. е. беспрестанно определять себя своей собственной практикой через претерпеваемые или вызываемые изменения и их интериоризацию с последующим превосхождением самих интериоризированных отношений» (Сартр, 1994, с. 205–206). Уместно привести и известный тезис К. Маркса, легший в методологичес-

кие основы советской психологии, согласно которому сама природа человека есть продукт истории.

Данная статья никоим образом не историческая: автор не имеет ни возможности, ни намерения обсуждать сложнейший вопрос предыстории и истории возникновения и развития исторической психологии. Это задача отдельного масштабного исследования. Истоки при желании можно обнаружить и в собственно исторической науке, и в психологии, и в других дисциплинах, поскольку историческая психология – область «пограничная» и может быть по праву квалифицирована как «междисциплинарная». По нашему убеждению, прежде чем решать междисциплинарные вопросы, необходимо обсудить вопросы внутридисциплинарные, – в частности, методологические. Разумеется, это никак не отменяет многочисленных практик исследования, имеющих отчетливый комплексный и междисциплинарный характер. Для решения многих исследовательских задач междисциплинарный подход очевидно необходим: для того, чтобы избежать недоразумений, в огромном числе случаев историку, к примеру, требуется психологическое знание, а психологу-исследователю – знание историческое, поэтому концепция как результат работы неизбежно получается не монодисциплинарной.

Выше было сказано о европейских корнях исторической психологии. Необходимо также подчеркнуть, что в отечественной науке, в том числе и в российской психологии, существует исследовательская традиция, которую по праву можно считать *отечественной исторической психологией*. Истоки ее можно увидеть в работах К.Д. Кавелина (1818–1885). Во всяком случае, «отсчет» с 1872 г., когда были опубликованы его «Задачи психологии», вполне возможен. В числе тех, кто разрабатывал проблемы исторической психологии в отечественной науке, необходимо назвать Л.С. Выготского, А.Р. Лурию, А.Я. Гуревича, Б.Ф. Поршнева и многих других.

В последние десятилетия эти вопросы продуктивно изучались В.А. Шкуратовым, В.А. Кольцовой, А.А. Королёвым, Е.В. Харитоновой, А.Л. Журавлевым, Е.Н. Холондович, А.В. Сухаревым и др. Еще раз подчеркнем, что наша статья не историко-психологическая, поэтому обзор исследований по проблемам исторической психологии в рамках настоящего текста не предполагается.

Очевидно, что в настоящее время в зарубежной психологии отсутствует сколь-нибудь единое понимание исторической психологии и ее задач. Это скорее направление исследований, чем консолидированный исследовательский подход. Впрочем, лучше процитировать одного из ведущих российских авторов в этом направлении

В.А. Шкуратова: «Когда я стал выпускать книги со словами „Историческая психология“ в заглавии, в самом названии имелась определенная двусмысленность и хитрость. Потому что читатель должен был воспринимать историческую психологию как более или менее консолидированную область с исследовательскими направлениями. На деле такой консолидированной области не было. Западные авторы, которых я стал читать с конца 1960-х годов, именовали так себя и парочку близких коллег. Я же объединял всех под одной обложкой и одним названием. На обложке второго издания написано, что это первое в мире учебное пособие, посвященное историческому развитию психологии человека. Насчет учебного пособия и исторического развития психологии человека умолчу, а вот то, что впервые все главные направления психолого-исторической мысли собрались вместе, это действительно так. Таков результат двадцатилетнего чтения. По какому основанию соединены разные гуманитарные подходы? По стремлению и некоторым практическим попыткам синтезировать научные аппараты исторической и психологической наук Нового времени. Историческая психология занимает относительно узкую полосу в спектре переходов между историей и психологией, этими громадными областями знания и культуры. Наше словосочетание обозначает преимущественно отношения двух наук Нового времени, истории и психологии. Но мне пришлось обратиться и к далеким истокам этих отношений» (Колчинский и др., 2016, с. 268).

В российской психологии – и в этом ее историческая специфика – всегда присутствовали традиции методологии на исторической основе (Н.Н. Ланге, В.Н. Ивановский, Л.С. Выготский, С.Л. Рубинштейн, М.Г. Ярошевский, М.С. Роговин и т.д.). Поэтому в ней в значительно большей степени, чем в психологии зарубежной, заметна тенденция определить методологический статус исторической психологии: отметим работы В.А. Кольцовой, В.А. Шкуратова, А.Л. Журавлева, Е.Н. Холондович, В.А. Соснина, Г.В. Акопова, Е.Н. Бакшутовой и др. В настоящее время ведутся интенсивные исследования в лабораториях Института психологии РАН. В русле исторической психологии (в том числе под руководством В.А. Кольцовой) состоялись одни из первых в отечественной психологии конкретные эмпирические исследования менталитета (Историогенез..., 2015, 2016). Необходимо также отметить работы А.В. Сухарева (Сухарев, 2017, 2019).

К сожалению, ограниченный объем настоящей статьи не позволяет остановиться на анализе несомненных достижений в исследовании менталитета и ментальности в современной российской психологии. Отметим только, что эти понятия при всей их важнос-

ти для исторической психологии не являются базовыми общепсихологическими.

Сегодня, как представляется, вопрос о методологическом статусе исторической психологии пока что не решен. Настоящая статья посвящена обсуждению некоторых ее методологических вопросов.

Определим авторскую позицию. Как уже отмечалось, прежде чем решать междисциплинарные вопросы (в частности, по построению междисциплинарной концепции исторической психологии), необходимо обсудить вопросы внутридисциплинарные, и прежде всего – методологические. Таким образом, в тексте настоящей статьи речь будет идти о *психологической исторической психологии.*

Как хорошо известно, картина в научной психологии быстро и динамично меняется. Всего несколько десятилетий тому назад советские психологи были убеждены в том, что психологическая наука представляет собой единую систему, ядром которой является общая психология, а вокруг группируются различные психологические отрасли. Объединяющим началом выступали базовые положения общей психологии, отрасли изучали специфику психики в конкретной деятельности, на разных этапах развития, в разных социальных группах. Если бы тогда стояла задача определить положение исторической психологии в системе психологии, она, несомненно, заняла бы место одной из отраслей психологии.

Сегодня, напротив, многим исследователям представляется, будто общая психология уже не существует, нет единой психологической науки, а есть скорее конгломерат наук с разными объектами и методами исследования. Некоторые полагают, что можно говорить не о существовании наук, а лишь о наличии различных исследовательских подходов, что полноценной науки о психике в XXI столетии так и не появилось; что пройденный психологией исторический путь во многом случаен, и т. д.

Как нам представляется, с такой точкой зрения согласиться никак нельзя. Психология должна быть единой фундаментальной наукой, существование которой принципиально необходимо для создания научной картины мира. С нашей точки зрения, наибольшим препятствием для продуктивной разработки психологической науки как фундаментальной научной дисциплины в настоящее время является недостаточная *методологическая проработанность.* В первую очередь речь идет о конструкте «предмет психологии». Подчеркнем, что поскольку речь идет о разработке *психологической исторической психологии,* то в основу должен быть положен именно предмет научной психологии.

Хотя нам уже неоднократно приходилось отмечать, что психологи довольно легкомысленно относятся к определению предмета своей науки (Мазилов, 1998, 2017, 2019, 2020), приходится констатировать, что данная проблема до сих пор не подверглась специальному обсуждению. Приведем пример, чтобы не быть голословными. Известный российский методолог В. П. Зинченко в этой связи сочувственно цитирует Г. Г. Шпета: «К задаче определения предмета науки нужно отнестись cum grano salis, следуя совету Г. Г. Шпета: „Для науки предмет ее – маска на балу, аноним, биография без собственного имени, отчества и дедовства героя. Наука может рассказать о своем предмете мало, много, все, одного она никогда не знает и существенно знать не может – что такое ее предмет, его имя, отчество и семейство. Они – в запечатанном конверте, который хранится под тряпьем Философии... Много ли мы узнаем, раздобыв и распечатав конверт? Узрим ли смысл? Уразумеем ли разум искусств? (добавим: и наук. – *В. П. Зинченко*). Не вернее ли, что только теперь и задумываемся над ними, их судьбою, уйдем в уединение для мысли о смысле?“» (Зинченко, 2019, с. 849).

Причина такого положения дел, в принципе, хорошо понятна. Предмет психологии – психика (если не сказать – душа), а что это такое по сути – не вполне ясно. Поэтому психологам очень пришлась по душе (прошу простить за невольный каламбур) придумка Л. С. Выготского, предложившего вместо непонятного целого изучать «более понятные» и доступные «единицы психического». Не будем здесь приводить аргументацию против такого подхода к рассмотрению предмета психологии (см. об этом: Мазилов, 2020а).

Скажем лишь, что, по нашему мнению, на нынешнем уровне развития психологической науки адекватные целостному предмету единицы вряд ли могут быть сконструированы. Дело в том, что, по большому счету, мы пока не постигли сущности психического. Как прекрасно по этому поводу выразился Карл Юнг, мы пока далеки от того, чтобы понять психологический фактор: «мы еще очень далеки от того, чтобы даже приблизительно понять его сущность» (Jung, 1967, s. 418). Раз мы не понимаем в точности сущности целого, вряд ли сможем сконструировать и единицы, отражающие эту не вполне понятную нам сегодня сущность. Поэтому правильной стратегией в данном случае является рассмотрение предмета в целом – совокупного предмета.

В этой связи приведем два наиболее популярных определения исторической психологии. В. А. Шкуратов пишет: «Историческую психологию можно определить как изучение психологического склада

отдельных исторических эпох, а также изменений психики и личности человека в специальном культурном макровремени, именуемом историей... Историческая психология в широком значении слова – подход, помещающий психику и личность в связь времен... Историческая психология принадлежит одновременно исторической и психологической наукам» (Шкуратов, 1994, с. 15). Согласно В. А. Кольцовой, «историческая психология – наука, выявляющая зависимости между историческими и психологическими феноменами и описывающая закономерности формирования личности как объекта и субъекта исторического процесса» (Кольцова, 2009, с. 514).

В. А. Шкуратов обращает внимание на то, что историческая психология должна изучать психологический склад отдельных исторических эпох, а также изменения психики и личности в истории. При этом подчеркивается комплексность дисциплины, ее одновременная принадлежность исторической и психологической наукам. По В. А. Кольцовой, историческая психология рассматривает закономерности формирования личности как объекта и субъекта исторического процесса. Историческая психология, согласно В. А. Кольцовой, тоже принадлежит и исторической, и психологической сферам, поскольку выявляет зависимости между историческими и психологическими феноменами.

Подчеркнем специально, что эти подходы, развиваемые известными исследователями, принесли замечательные результаты, поскольку обозначали сферу исследований новой науки. Если попытаться выделить собственно *психологический предмет* в этой комплексной науке, то можно прийти к заключению, что их взгляды практически близки: по В. А. Шкуратову, это психика и личность, по В. А. Кольцовой – личность.

На наш взгляд. в том случае, когда речь идет о монодисциплинарной психологической исторической психологии, к предмету психологии предъявляются особые требования. Для разработки психологической исторической психологии требуется особая трактовка предмета психологии. Поясним этот момент специально.

Полагаем, что разработка психологической исторической психологии требует максимально широкой трактовки предмета, причем последний должен пониматься как совокупный, презентирующий все пространство психического.

Хочется подчеркнуть, что совокупный предмет – это не лоскутное одеяло, а единая область. Единства предметной области мы еще коснемся в рамках настоящего текста. Обратим внимание, что об этом на заре научной психологии писал В. Ф. Чиж. В далеком

1886 г. замечательный русский психолог и методолог психологии отмечал: «В прошлом психологии мы не находим самого главного признака того, что предмет изучался научно – равномерного прогресса; известно, например, как мало-помалу развивалась механика, выяснялись новые факты, создавались все более и более объясняющие теории, предыдущее дополнялось, а не уничтожалось последующим; не то в психологии: каждая новая система прежде всего объявляла несостоятельными все предыдущие, потому что это были метафизические системы психологии, а не последовательная разработка психологии как науки» (Чиж, 1886, с. 5). На первый взгляд может показаться, что это высказывание целиком относится к прошлому психологии, но «последовательной разработки» психологии как науки по-прежнему нет, поскольку есть соперничающие, противоречащие подходы. Есть основания полагать, что происходит так не в последнюю очередь потому, что отсутствует совокупный предмет психологической науки, тогда как различные конкурирующие направления и подходы реально конструируют свои частные предметы.

Для темы нашей статьи важно подчеркнуть, что трактовка предмета психологии как совокупного позволяет решить многие задачи, которые раньше вызывали значительные затруднения. В рамках одной небольшой статьи невозможно охарактеризовать или даже обозначить все аспекты. Поэтому отошлем читателя к другой работе (Мазилов, 2020), а здесь лишь отметим самые принципиальные моменты.

Нам уже приходилось писать о том, что логика выделения единиц неизбежно приводит к тому, что происходит «воплощение» психического, в частности, его сведение к тем или иным моделирующим представлениям. Иными словами, уже в процессе *понимания психического* происходит определенная редукция. Такое положение дел представляется неизбежным. Однако этого не произойдет, если мы будем понимать под предметом науки психологии целостность, т. е. *совокупный предмет*. Это создает принципиальную возможность идти не от элементов или единиц, а именно от *целого*. (В нашем случае – отметим, забегая вперед – моделирующим представлением выступает внутренний мир, который имеет свою архитектонику, сложившуюся на основе опыта философских и психологических исследований в предшествующие столетия, о чем будет сказано ниже.) Очень важно, что это единство не задается декларативно, а *обнаруживается* через единство входящих в него компонентов, которые трактуются не как разнородные, а, напротив, как взаимообусловленные. Именно поэтому можно утверждать, что при таком подходе используется нередуктивная логика исследования. Он позволяет:

- аккумулировать психологическое знание, формировать корпус знания;
- обеспечивать интеграцию, соотнесение знаний и их консолидацию;
- сделать предмет инструментом содержательной работы;
- обеспечить выполнение предметом определенных функций в структуре психологического знания;
- выполнить роль предметной аккумулирующей матрицы, объединяющей платформы;
- использовать инструмент коммуникативной методологии и осуществлять нефорсированную интеграцию психологического знания, сформированного в рамках различных подходов.

До недавнего времени не было возможности рассматривать внутренний мир человека в его целостности, он был лишь общей идеей. Работы В.Д. Шадрикова (Шадриков, 2006; Шадриков, Мазилов, 2015), в которых внутренний мир был не только провозглашен предметом психологии, но и представлена его архитектоника, сделали возможным конкретизировать и операционализировать внутренний мир человека. Данный конструкт прошел соответствующие проверки. Было показано, что он удовлетворительно выполняет необходимые функции и представляет собой надежный методологический инструмент (Мазилов, 2020), в связи с чем возникла необходимость пересмотреть основные психологические понятия, выявив новые отношения между ними.

Внутренний мир един, что обеспечивается, в частности, переосмыслением категории «способность». Как было показано В.Д. Шадриковым, единство внутреннему миру дает новое понимание способностей как соединяющих психологические свойства человека и его психические процессы. Способности имеют уровневое строение, могут быть выделены индивидный, субъектный и личностный уровни, что придает внутреннему миру объемность. На личностном уровне проявляются духовные состояния, что позволяет говорить о духовных способностях. Таким образом, архитектоника внутреннего мира предстает целостной и объемной, и это дает возможность использовать ее как платформу для интеграции психологического знания.

На основе изучения мотиваций, эмоций и чувств, воли раскрывается процесс формирования личностных качеств, которые проявляются как устойчивые формы поведения (подробнее см.: Мазилов, 2020).

Обратим внимание, что традиционное понимание связи способностей и одаренности вызывало значительные трудности. В.Д. Шадриков установил, что данная связь построена не по принципу сведения одного к другому, а по принципу следования одного (одаренности) из другого (способностей). Эта связь реализуется следующим образом. Понимая под одаренностью «системное взаимосодействие способностей…» (Шадриков, 2019, с. 211), автор предлагает выделить три измерения способностей, в которых они реализуются и через которые проявляются в деятельности человека: природные (способности индивида), субъектно-деятельностные (способности субъекта деятельности) и личностные (способности личности). Под природными способностями понимаются «свойства физиологических функциональных систем, реализующих отдельные познавательные и психомоторные функции. В данном определении способности рассматриваются как общие (всеобщие) качества. Здесь реализуется связь психики и ее субстрата, определяемая положением о единстве строения и функции» (там же, с. 102).

Природные способности на уровне их представленности в психической деятельности человека реализуются в виде психических функций (восприятие, внимание, память и т.д.), каждая из которых имеет индивидуальную меру выраженности. Если на уровне всеобщей представленности психических функций у человека можно говорить о способностях индивида, то в ходе реализации им той или иной деятельности следует говорить о способностях субъекта деятельности. Последние отражают операционные механизмы психических функций и также имеют индивидуальную меру выраженности.

Формирование способностей субъекта деятельности происходит за счет достраивания природных способностей следующими четырьмя видами операций: предметно-практическими (сравнение, анализ, синтез и др.), восприятия и памяти (группировка, классификация, систематизация и др.), мышления (сравнение, раскрытие отношений, обобщение и др.) и метаинтеллектуальными (формирование гипотезы, целеполагание, принятие решения, планирование и др.).

Третий вид способностей – способности личности – достаточно многообразен, но в нем выделяются два ведущих личностных образования, определяющих успешность реализации способностей индивида и субъекта деятельности: мотивация и духовные способности. Их место в структуре способностей определяется следующим образом: «С учетом того, что мотивация направляет поведение человека, а поведение реализуется через его способности, а также принимая во внимание структуру психологических функций, мы можем утверж-

дать, что мотивация будет тесно связана со способностями, с одной стороны, определяя их развитие, с другой – проявляясь в функциональных состояниях (духовных способностях)» (там же, с. 120).

Не будем далее говорить о перспективах данного подхода. Лишь обратим внимание на то, что понятие способностей занимает благодаря ему вполне определенное и, что важно, ведущее место среди других психологических понятий. Подчеркнем, что в структуре способностей находится место для духовных способностей: внутренний мир имеет и духовное измерение.

Как уже упоминалось, В.Д. Шадриковым определена архитектоника внутреннего мира, в которой присутствуют все традиционные психологические понятия, что внушает оптимизм относительно выполнения интегрирующих функций. Как неоднократно отмечалось, использование такого подхода позволяет преодолеть функционализм, неизбежный при традиционном понимании предмета психологии, наметить удовлетворительное решение ее методологических проблем (Мазилов, 2020).

Как нам представляется, конструкт «внутренний мир человека» может явиться организующей основой для разработки психологической исторической психологии, а фактор исторического времени – дополнительным измерением для его архитектоники, способствуя интеграции психологического знания. К сожалению, ограниченный объем статьи не позволяет сколь-нибудь подробно остановиться на этом важном вопросе. Скажем только, что историческая реконструкция внутреннего мира, соответствующая наиболее важным этапам истории, представляется актуальной: в действительности, такого материала накоплено очень много, но он пока не аккумулирован и не интегрирован.

Традиционный подход, основанный на старой трактовке предмета, не позволяет в полной мере аккумулировать данные, имеющие самое непосредственное отношение к исторической психологии, но обычно не включающиеся в ее контекст по простой методологической причине – отсутствия платформы, на которой можно их рассматривать и соотносить друг с другом. Поэтому сейчас особенно важно создать такую платформу. В связи с этим обратимся к рассмотрению двух теорий, позволяющих это сделать.

Возможна (и просто необходима) типология внутренних миров человека. Наша психология исходит из того, что природа человека едина: все люди принадлежат к одному виду *Homo sapiens sapiens.* Кажется, здесь и говорить не о чем, однако существует и иная точка зрения, и принадлежит она исследователю с мировым именем, кото-

рый имеет многочисленные заслуги перед исторической психологией и является одним из основателей этой дисциплины в СССР. Речь идет о фундаментальных, новаторских исследованиях Б. Ф. Поршнева (1905–1972). В частности, в данном контексте – о его книге, впервые изданной в 1974 г. в измененном цензурой виде (Поршнев, 1974), а в полном варианте – лишь через тридцать с лишним лет (Поршнев, 2006, 2013). Для темы нашей статьи важна разработанная этим ученым теория палеоантропогенеза (подробнее см.: Морогин, 2016а, б; Морогин, Мазилов, 2018).

Кратко изложим суть поршневских идей. В контексте современных научных знаний данная теория, по-видимому, единственная не нуждается в гипотезе о творце. Теория развенчивает три главных заблуждения, которые не позволяли подойти к правильному решению проблемы антропогенеза: миф об охоте на крупных животных как основном занятии человеческого предка; миф об «изобретении» им огня; убежденность в том, что эволюционная форма, предшествовавшая Homo sapiens, вымерла и исчезла с лица Земли тотчас после появления последнего. Homo sapiens sapiens – это род, в котором в разное время сформировались и сосуществуют четыре вида. Их возникновение объясняется психологическим развитием человека, появлением у него новых, чисто человеческих потребностей и принципиально новых способов их удовлетворения – второй и третьей сигнальных систем.

Таким образом, согласно теории Б. Ф. Поршнева, в процессе становления человека современного типа сформировались два «хищных» и два «нехищных» биологических вида:

- неотроглодиты (суперанималы), потомки первоубийц-адельфофагов, каннибалов, убивающих и поедающих своих собратьев;
- диффузный вид (суггеренды), потомки «большелобых», выведенных природой путем «бессознательного искусственного отбора» на начальном «адельфофагическом» этапе антропогенеза на основе критерия податливости на интердикцию и суггестию (стадный вид, к которому относится подавляющее большинство современных людей);
- суггесторы, промежуточный вид, сформировавшийся позднее первых двух, к которому относятся потомки первых человеческих предков, выработавших и генетически закрепивших нейросигнальные механизмы интердикции и суггестии;
- современные неоантропы, новый вид, отпочковавшийся от диффузного в «осевое» время и отличающийся от него способностью

критически анализировать и оценивать поведение других людей и свое собственное (Морогин, Мазилов, 2018).

В. Г. Морогиным разработаны экспериментальные психологические процедуры, позволяющие производить психодиагностику этих типов в современном сообществе (см.: Морогин, 2016а, б; Морогин, Мазилов, 2016). На наш взгляд, теория Б. Ф. Поршнева открывает значительные перспективы для исторической психологии. Вряд ли стоит пояснять, что внутренний мир наших современников, относящихся к разным типам, существенно различен. Эти исследования, как представляется, еще впереди.

Теперь обратимся ко второму примеру. Речь идет об исследованиях ярославского ученого Г. В. Парамонова (Парамонов, 2002, 2014). Эти блестящие работы не востребованы психологами, поскольку они о них не знают (из-за отсутствия платформы, о которой говорилось выше). Лингвистам это не очень интересно, а педагогам и методистам данные работы просто мешают: педагогам «удобнее» строить «индивидуальные траектории» (хотя, заметим: педагогические и методические следствия проработаны и прописаны автором детально).

Напомним, что отсутствие общей платформы в психологии приводит к тому, что различные подходы существуют не вполне соотнесенными друг с другом, как бы сами по себе. К примеру, про «коллективное бессознательное» и архетипы теперь известно практически всем, однако их влияние на другие составляющие психической жизни прослеживается неотчетливо, хотя оно весьма значительно и определяет самые разные жизненные «выборы» (Мазилов, Злотникова, 2015). На наш взгляд, проследить это влияние помогают исследования Г. В. Парамонова. Подлинное их значение раскроется, когда они будут включены в структуру целого, войдут в пространство общей психологической платформы. Идеи лингвистической относительности (или лингвистического детерминизма) ныне широко известны, хотя и не реализованы сколь-нибудь полно в психологии по многократно упомянутой в настоящем тексте причине – отсутствия общей платформы. Представляется, что значение исследований Г. В. Парамонова для психологии ничуть не меньше, чем изыскания Э. Сепира и Б. Уорфа...

Понятно, что в рамках этой статьи нет возможности ни описать, ни охарактеризовать крайне интересную концепцию Г. В. Парамонова, поэтому отметим лишь некоторые моменты. Исследователь изучает внутренний мир школьника, его характерное устройство, через призму языка. Путь к психологии у автора пролегает через лингвистику.

Как пишет Г.В. Парамонов, его исследования начались с того, что «было не просто замечено, что разные дети по-разному пользуются средствами русского языка, – это известно многим поколениям лингвистов. Выяснилось, что те средства общения, которые одни и те же дети регулярно актуализируют в процессах своих социокультурных взаимодействий, во-первых, возникли в конкретные исторические эпохи и являют собой системы, или парадигмы, форм, которые в эти эпохи использовались как вполне самостоятельные языки. А во-вторых, эти некогда самостоятельные языки, а теперь элементы языка современного русского национального есть не что иное, как выражения форм культур, доминировавших в те же эпохи, когда они появились» (Парамонов, 2014, с. 5). Исследователю «стало ясно, что взаимопонимание между детьми и взрослыми, в том числе в процессе образовательных взаимодействий, будет достигнуто лишь при условии, что взрослому точно известно, какой формой языка пользуется ребенок и какую культуру она выражает. И, по мысли В.В. Иванова, „различия в речи носителей русского языка связаны не с тем, что одни владеют нормами национального языка, а другие не владеют, а с тем, что разные носители русского языка владеют разными его разновидностями, но и в том и в другом случае мы имеем дело с национальным русским языком“... Мы увидели, что наши современники, пользующиеся как доминантной одной из форм современного русского национального языка, возникшей в конкретную историческую эпоху, видят и понимают мир в ее контексте – и соответственно поступают» (там же, с. 5–6).

Как пишет Г.В. Парамонов, «язык (квинтэссенция общего в конкретных пространствах коммуникации) не может быть универсально-единообразным для всех случаев жизни. Язык – средство высвечивания бытия внутреннего человека и его духовного окружения, их роли и места во времени-пространстве истории человечества, одновременно в диахронии жизни (исторически оформившемся полилоге поколений) и ее синхронии – иерархии наличных общественных отношений и связей. *Иерархия общего порождает иерархию ракурсов в высвечивании бытия, форм предметности, получающих выражение в разных формах языка и культуры»* (там же, с. 7).

Обратим внимание на то, что «отличие *общего языка* меж- и надгруппового общения от внутригруппового может проявляться в разнопонимании людьми отдельных слов и выражений, логики их соединений (синтезов) в предложениях как смысловых системных целых, в их стилевой принадлежности, эмоциональной окраски. Отличия могут охватывать всю иерархию языка: от фонетики (фоне-

матики) до стилистики включительно. Такая степень позиционирования выявляется при сравнении языков родовых (предтеч языков современных малых социальных групп, включая семью) и надродовых (общегосударственных, общенародных, общенациональных)» (там же, с. 9).

Согласно Г. В. Парамонову, «в коллективном и индивидуальном сознании многих наших современников, если они одновременно существуют в нескольких принципиально разных пространствах общения, могут актуализироваться и взаимодействовать несколько культурных и языковых доминант – разных типов языка и культуры» (там же, с. 8).

Важно подчеркнуть, что «индивидуальное и коллективное сознания субъектов человеческих взаимодействий (отдельных людей и различных их объединений), формы их языка могут выступать в роли своеобразных фильтров, пропускающих далеко не все виды информации: не соответствующее типу культуры, социокультурному типу языка и сознания может восприниматься как лишенный смысла „шум“» (там же, с. 11).

Приведем еще две выдержки из работы этого автора: «Если человек не только ощущает, но и осознает себя личностью, обладающей собственным внутренним миром, то он должен понимать: его культура формируется и оказывается востребованной, как минимум, в аристотелевском „объемном“ социуме – виртуально трехмерном пространстве внутрисистемных межличностных взаимодействий (общения), выстроенном в соответствии с принципами линейной перспективы, имеющем ясные внешние границы и внутренне системно-дифференцированном, структурно определенном. Системность такого социума, что не раз отмечал Аристотель, достигается при взаимодействии, по крайней мере, трех разных культур: 1) „родовой“, 2) „платоновско-конфуцианской“ с эргативным языком, 3) „аристотелевской“ с языком номинативного строя. Современная мультикультура делает эти взаимодействия мультисистемными, что ведет к необходимости освоить, как минимум, феномен четвертого измерения языка» (там же, с. 16–17).

«Системы и мультисистемы могут быть разными, их качества зависят от качеств их внутренних форм. А сами внутренние формы могут быть ноль- или одномерными (ноль-мерные формы называются сингулярными), двухмерными („плоскостными“), трехмерными („объемными“) и т. д. Внутренняя форма системного (мультисистемного) взаимодействия определяет его логику: например, сингулярную *точечную* – по нашей терминологии, применительно

к языку и культуре, *родовую;* или *однолинейную – родового традиционализма;* или *плоскостную – „государственную“,* описанную Платоном и Конфуцием; или *объемную*... Системность отношений между „объемами“ и есть мультисистемность. Она предполагает разработку и реализацию, как минимум, логики четырехмерных отношений и связей, языка мультистроя» (там же, с. 17).

Таким образом, автором подробно описаны четыре формы культур – родовая, эргативная, номинативная и мультисистемная, их исторические формы и закономерности функционирования, что, несомненно, должно быть ассимилировано и аккумулировано исторической психологией.

Кратко изложим здесь особенно важные итоги исследования Г.В. Парамонова. Даже в самом современном мультисистемном обществе можно реализовать разные принципы жизни. Понимание специфики сознания человека, группы, социального слоя, народа, реализующих поликультуру и мультистрой языка, может быть достигнуто при анализе мультисистемы грамматических времен современного русского языка, который допускает возможность функционирования в одном социальном мире не только родовой, эргативной и номинативной форм и соответствующих им пространств общения, но и четвертой – языкового мультистроя, который предполагает одномоментную актуализацию в одном сознании названных выше «старых» и четвертого «нового» состояния, обеспечивающего их общее динамичное взаимное равновесное существование.

Отметим также, что Г.В. Парамоновым разработаны методики диагностики школьников, относящихся к тому или иному типу языка и культуры, на основе данных о затруднениях, которые они испытывают при освоении лингвистического материала (в частности, системы времен современного русского языка). Как представляется, психологическая характеристика типов внутреннего мира и его характеристик – целое новое направление в исторической психологии. Я уже не говорю, что Г.В. Парамонов, будучи учителем-практиком, разработал систему обучения, позволяющую детям, относящимся к разным типам, успешно усваивать школьный материал. Излишне упоминать о том, что школьники, относящиеся к «старым» типам, составляют значительный процент учащихся с низкой успеваемостью, но подлинная причина неуспеваемости педагогам, увы, неизвестна. Впрочем, это открывает новые перспективы для педагогической психологии.

Завершая статью, отметим, что примеры исследований, способных стать базой для создания общей психологической платфор-

мы, были взяты достаточно случайно. При желании их число можно умножить.

Итак, в настоящее время появляется возможность разработки исторической психологии как *психологической исторической психологии*. Конструкт «внутренний мир человека» может явиться той организующей основой, которую можно использовать при разработке психологической исторической психологии. Фактор *исторического времени* способен стать дополнительным измерением для архитектоники внутреннего мира и тем самым способствовать интеграции психологического знания в области исторической психологии.

Отметим, что введение исторического измерения внутреннего мира позволит избежать многих недоразумений. Пока же историческое мышление не проникло глубоко в нашу психологическую науку. Возьмем случайный пример. Классик отечественной психологии, начиная свою книгу о способностях, пишет: «По преданию, записанному Платоном, семь мудрецов Древней Греции, сойдясь в храме Аполлона в Дельфах, написали на нем: „Познай самого себя!" Это стремление, дошедшее до наших дней, неотделимо от желания познать свои способности и сравнить их со способностями других людей» (Платонов, 1972, с. 7). Однако в VII–VI вв. до новой эры это означало, как мы сейчас понимаем, всего лишь предложение обратиться к Пифии, чтобы узнать ее предсказание, узнать свою судьбу... О самопознании себя и своих качеств можно говорить лишь со времен Сократа, когда появился интерес к внутреннему миру человека. Это была уже другая эпоха, другое мышление... Как представляется, существуют несомненные перспективы развития психологической исторической психологии.

Литература

Бонифатий Михайлович Кедров: очерки, воспоминания, материалы. М.: Наука, 2005.

Журавлев А.Л. Особенности междисциплинарных исследований в современной психологии // Теория и методология психологии: Постнеклассическая перспектива. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. С. 15–32.

Историческая психология: предмет, структура и методы. М.: МосГУ, 2004.

Зинченко В.П. Сознание как предмет и дело психологии // Общая психология: Хрестоматия: В 5 т. Т. 1 / Сост. В.А. Мазилов, В.Д. Шадриков, А.А. Костригин. М.: РИД РосНОУ, 2019. С. 848–874.

Историогенез и современное состояние российского менталитета / Отв. ред. В.А. Кольцова, Е.В. Харитонова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015.

Историогенез и современное состояние российского менталитета. Вып. 2 / Отв. ред. А.Л. Журавлев, В.А. Кольцова, Е.Н. Холондович. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.

Касавин И.Т. Междисциплинарные исследования в контексте рефлексии и габитуса // Междисциплинарность в науках и философии. М.: ИФ РАН, 2010. С. 15–32.

Кедров Б.М. О синтезе наук // Вопросы философии. 1973. № 3. С. 77–90.

Колчинский Э.И., Лубский А.В., Mининков Н.А., Рябова Л.В., Шкуратов В.А. Проблемы исторической психологии и концептуальной рутины // Политическая концептология. 2016. № 3. С. 266–274.

Кольцова В.А. Историческая психология // Психология: Учебник для гуманитарных вузов / Под ред. В.Н. Дружинина. СПб.: Питер, 1999. С. 507–524.

Кольцова В.А. Особенности проблемной области исторической психологии // Историческая психология: предмет, структура и методы. М.: МосГУ, 2004. С. 12–34.

Королёв А.А., Журавлев А.Л., Кольцова В.А. История и психология: неумолчный диалог: Учеб. пособ. / Под ред. А.А. Королёва. М.: Изд-во МосГУ, 2011.

Мазилов В.А. Теория и метод в психологии. Ярославль: МАПН, 1998.

Мазилов В.А. Ментальность в психологии: новые перспективы // Современные проблемы российской ментальности. СПб.: Астерион, 2005. С. 53–56.

Мазилов В.А. Прогресс на фоне кризиса // Вопросы психологии. 2017а. № 6. С. 107–116.

Мазилов В.А. Методология психологической науки: история и современность. Ярославль: ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, 2017б.

Мазилов В.А. De anima: Предмет психологии и границы его постижения // Высшее образование сегодня. 2019. № 6. С. 60–70.

Мазилов В.А. Предмет психологии. Ярославль: Изд-во ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, 2020.

Мазилов В.А., Злотникова Т.С. Архетип как код массовой культуры // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 1. С. 135–137.

Морогин В.Г. Антропопсихологические основания ценностно-потребностной диагностики предрасположенности к коррупции. Часть II. «Ценностно-потребностная диагностика человеческих видов, предрасположенных к коррупции» // Вестник по педаго-

гике и психологии Южной Сибири. 2016а. № 3. URL: bulletinpp.esrae.ru/216-1077 (дата обращения: 30.10.2020).

Морогин В. Г. Палеопсихологические основания видовой неоднородности современного человека // Гуманитарные основания социального прогресса: Россия и современность: Сб. статей Международной научно-практической конференции: В 8 ч. Часть 1 / Под ред. В. С. Белгородского, О. В. Кащеева, В. В. Зотова, И. В. Антоненко. М.: ФГБОУ ВО «МГУДТ», 2016б. С. 200–210.

Морогин В. Г., Мазилов В. А. Социальная психология сегодня и палеоантропогенез: есть ли точки соприкосновения // Социальный психолог. 2016. № 2 (32). С. 77–109.

Морогин В. Г., Мазилов В. А. Методологические перспективы палеопсихологической теории антропогенеза Б. Ф. Поршнева // Ярославский педагогический вестник. 2018. № 5. С. 223–234.

Парамонов Г. В. Человек. Язык. Социум. Ярославль: Нюанс, 2002.

Парамонов Г. В. Лингвосоциометрия и ЛСМ-мониторинг. Ярославль: ЯГПУ, 2014.

Платонов К. К. Проблемы способностей. М.: Наука, 1972.

Поршнев Б. Ф. О начале человеческой истории. Проблемы палеопсихологии. М.: Мысль, 1974.

Поршнев Б. Ф. О начале человеческой истории. Проблемы палеопсихологии. М.: Фэри-В, 2006.

Поршнев Б. Ф. О начале человеческой истории. Проблемы палеопсихологии. М.: Трикста–Академический проект, 2013.

Сартр Ж.-П. Проблемы метода. М.: Прогресс, 1993.

Сухарев А. В. Развитие русской ментальности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017.

Сухарев А. В. Хаос и космос в ментальности субъекта. М.: Когито-Центр, 2019.

Чиж В. Ф. Научная психология в Германии. СПб.: Унив. тип, 1886.

Шадриков В. Д. Внутренний мир человека. М.: Логос, 2006.

Шадриков В. Д. Способности и одаренность человека. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2019.

Шадриков В. Д., Мазилов В. А. Общая психология: Учебник для академического бакалавриата. М.: Юрайт, 2015.

Шкуратов В. Л. Историческая психология. Ростов-на-Дону: Город N, 1994.

Jung K. G. Die Bedeutung von Konstitution und Vererbung für die Psychologie // Ges. Werke. Bd. 8. 1967. S. 418–423.

Piaget J. The epistemology of interdisciplinary relationship // Interdisciplinarity. Problems of teaching and research in universities. P., 1972. P. 127–139.

Применение исторической психологии в историко-психологических исследованиях на примере периода Второй мировой войны

В.А. Рафикова

doi: 10.38098/thry.2020.25.72.007

Сегодня нет сомнений в том, что ракурс исторической психологии, под которым она предлагает рассматривать те или иные явления, более чем актуален. Сама наука – это явление в первую очередь культурно обусловленное: она рождается на определенной стадии развития общества в ответ на возникшие у человечества потребности и несет на себе отпечаток национальных, культурных, исторических и других особенностей своего времени. Даже сегодняшние тенденции развития науки, проявляющиеся в первую очередь в ее включении в глобализационные процессы и в некотором роде унификации, в стремлении к созданию интернационального пространства, не могут быть противопоставлены культурным, национальным, географическим и иным особенностям «локальных» научных школ, так как и то, и другое имеет одно и то же культурно и исторически обусловленное происхождение (Журавлев, Мироненко, Юревич, 2018; Мироненко, Журавлев, Юревич, 2020; Юревич, 2010).

Методологические и философские основания исторической психологии и вытекающие из них возможности и ограничения этой области гуманитарного знания до сих пор порождают дискуссии. Однако, на наш взгляд, потенциал исторической психологии как в первую очередь эпистемологического инструмента недостаточно осознается современным научным сообществом. В частности, возможности применения того ракурса, в котором историческая психология рассматривает свой предмет, а именно изучение того или иного феномена через призму его соотнесенности с актуальными для него культурно-историческими особенностями (см., например: Историческая психология..., 2004; Кольцова, 2008; Королёв, Журавлев, Кольцова, 2011), – могут расширить и дополнить спектр существующих подходов в истории психологии.

Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 20-313-90004.

Специфика исторической психологии заключается в первую очередь в особенном взгляде на природу человека, для нее человек – это прежде всего представитель определенного периода общественно-исторического развития, носитель совокупности культурных характеристик, некий маркер своего времени и даже, если угодно, «индикатор» для считывания смыслов определенной эпохи. Как пишет В.А. Кольцова, «историческая психология позволяет соотносить любое историческое событие, действие с психологией его участников, выявлять и с максимальной полнотой учитывать психологическую составляющую в историческом процессе; в этом заключается ее практический смысл»; «она рассматривает человека как носителя исторических норм и ценностей, как объекта и субъекта исторического процесса» (Кольцова, 2008, с. 8, 15).

Предмет исторической психологии сложен тем, что скрывает в себе большое пространство для разнообразия интерпретаций. С одной стороны, определение человека как носителя культурно-исторических особенностей эпохи, в которой он живет, содержит в себе опасность редуцирования его к результату социальных воздействий, когда-то имевших на него влияние, акцента на его пассивной, принимающей роли. Наиболее крайний вариант формулировки этой мысли мы находим у К. Маркса: «Сущность человека... есть совокупность всех общественных отношений» (Маркс, 1955, с. 3), что впоследствии некоторым образом отразилось и в определении С.Л. Рубинштейна, только в отношении личности: «Личность обозначает не либо общественную функцию, либо внутреннюю сущность человека, а внутреннюю сущность человека, определяемую общественными отношениями» (Рубинштейн, 1976, с. 39). С другой стороны, существуют попытки обоснования принципа субъектности, активности личности по отношению к среде, культурным особенностям, историческому процессу и иным феноменам, которые так или иначе принято обозначать как нечто «внешнее» (это иллюстрируется знаменитым примером трагичной истории В. Франкла, во многом послужившим толчком к поиску разного рода концепций, обосновывающих независимость личности по отношению к окружающей действительности). Изложенные выше подходы могут быть представлены как разные точки одного континуума: именно проблему разграничения субъекта и объекта исторического влияния если не пытается решить, то, по крайней мере, берет на вооружение историческая психология как область гуманитарного знания.

Разработки методологии исторической психологии представлены в работах таких исследователей, как В.А. Кольцова, А.Л. Журав-

лев, А.В. Юревич и др. Однако несмотря на пространство для разночтений и интерпретаций, предмет исторической психологии все же имеет явные ограничения. Человек и продукты его деятельности не являются для нее совокупностью общих закономерностей, которые можно экстраполировать на всех представителей homo sapiens. Справедливым будет возражение, что то же самое можно сказать про все виды гуманитарного знания, так как они, в отличие от областей знания естественно-научного (таких, как, например, биология), не могут претендовать на всеобъемлемость: человек рассматривается в них в первую очередь через призму своих социально-личностных особенностей, которые характеризуются динамичностью и подверженностью изменениям. Однако стоит сказать, что, в отличие от той же общей психологии, предмет исторической психологии сужается до весьма определенного – культурно-исторического – контекста рассмотрения человека. Историческую психологию в этом смысле можно считать наиболее «честной»: она изначально демаркирует свой предмет, оставляя себе довольно узкое пространство для изучения: в целом она «прослеживает то, как человек вписывается в культуру, творя и преобразуя ее, и как он сам при этом определяется ею» (Кольцова, 2008, с. 15). В этом нам видится ее преимущество: заранее очерчивая границы своего предмета, она делает шаг навстречу конкретизации своего исследовательского поля и, как следствие, предупреждает об опасности разночтений и размывания границ исследуемого. Поэтому мы видим широкие возможности применения фокуса исторической психологии к специфическим проблемам и вопросам, не имеющим аналогов в других исторических эпохах, – в частности, к опыту мировых войн XX столетия. В силу специфики своего предмета историческая психология является методологически подходящей областью для исследования такого рода явлений.

Наиболее ярко, на наш взгляд, возможности исторической психологии могут быть раскрыты в изучении таких сложных и уникальных явлений, как общечеловеческие «исторические травмы» (Анкерсмит, 2007), наиболее трагичные из которых – мировые войны, оказавшиеся наиболее разрушительными в своих последствиях. В соответствии с концепцией Ф. Анкерсмита, тип отношения нас как современных людей к пережитому непосредственно нами или нашими предками историческому опыту с неизбежностью влияет на сложившийся у нас тип идентичности. Пользуясь терминами психоанализа, Анкерсмит говорит, что одним из способов предотвращения механизма «вытеснения» негативного исторического опыта (коим, в первую очередь,

являются трагедии мировых войн) может выступать «нарративизация» – процесс примирения индивидуальной и коллективной идентичности с травматическим опытом, их взаимное приспособление (там же, с. 442). Под нарративизацией подразумевается в первую очередь активное осмысление, рефлексия по поводу того или иного исторического процесса, его постоянное артикулирование: продолжая аналогию с психоанализом, Анкерсмит считает, что «проговаривание» проблемы или травмы, встреча с ней напрямую, ее словесное оформление – это шаг на пути к тому, чтобы встроить ее в свою актуальную идентичность. Именно в этом, на наш взгляд, совпадают возможности исторической психологии как области знания и актуальные запросы истории психологии и общей истории: в отличие от простого перечисления фактов или же поиска закономерностей, характерного для историцистского подхода, историческая психология дает возможность приблизиться к раскрытию феноменологии исторического и осознать ее значимость для сегодняшнего, актуального.

Таким образом, на примере развития психологии во время Второй мировой войны мы проиллюстрируем, насколько большим потенциалом располагает историческая психология в области изучения истории психологического знания, и рассмотрим, что она дает для прочтения разных исторических фактов и особенностей эпох. Так, далее мы проанализируем возможности для расширения предметной области истории психологии, такие как фокус на исследовании уникальных психологических феноменов, возникающих в столь же уникальных исторических условиях, проблему личности исследователя как носителя характеристик познающего и познаваемого, а также обогащение аппарата истории применением концепций исторической травмы и исторического опыта как важнейших категорий исторической психологии.

Рассмотрим первую из выделенных нами возможностей, а именно – *фокус на исследовании уникальных психологических феноменов, возникающих в столь же уникальных исторических условиях.* Развитие психологической науки в период Второй мировой войны закономерно вызывает интерес исследователей как в России, так и за рубежом (Артемьева, 2019; Богданчиков, 2014; Ждан, 2015; Кольцова, Олейник, 2018; Valsiner, 2014). На сегодняшний день осмысление истории психологии в России в этот период состоялось как с точки зрения изложения фактов, так и с точки зрения разнообразия их интерпретаций. Не подвергается сомнению превалирование в то время принципа единства как всех психологических сфер, так и теории, эксперимента и практики, служащих единым целям – мобилизации сил

для борьбы с врагом (Кольцова, Олейник, 2018). Хорошо известно, как активно развивались отрасли нейропсихологии, клинической психологии.

Психология во время Второй мировой войны наиболее полно реализовалась в сфере изучения личностных характеристик участников военных действий, которые непосредственно влияли на эффективность их деятельности. В этом плане широко исследовались личностные качества как рядовых бойцов, так и командиров. Однако стоит отметить, что далеко не во всех значимых источниках по истории психологии XX в. период Второй мировой войны выделяется в качестве особого, отдельного. Так, в работе А. В. Петровского и М. Г. Ярошевского «История и теория психологии» присутствует раздел, посвященный периоду репрессий 1930–1950-х годов, однако период военного времени отдельно не рассмотрен. В учебнике Т. В. Марцинковской развитию психологии во время войны уделяется внимание, но лишь в рамках раздела «Психология во второй половине XX века», который предваряется разделом «Отечественная психология в 20–40-е годы XX века» (Марцинковская, 2004).

Безусловно, применение методов периодизации и того или иного способа выделения исторических периодов обосновывается каждым автором в соответствии с целями работы и объемом охватываемого материала. Однако, на наш взгляд, выделение времени Второй мировой войны в контексте развития психологии XX в. необходимо для понимания особенностей становления психологического знания, поскольку данный временной отрезок является значимым с точки зрения отражения общественно-политических факторов, влияющих на развитие науки вообще. Так, известно, что развитие психологии в данный период диктовалось военно-политическими условиями того времени и требовало мобилизации всех сил для борьбы с противником. Это было отражено в обоснованном В. А. Кольцовой и Ю. Н. Олейником принципе единства теории, эксперимента и практики (Кольцова, Олейник, 2018) и также касалось сферы психологии личности в той ее части, которая связана с изучением роли личностных характеристик. В данном смысле период Второй мировой войны является важным в первую очередь с позиции истории становления психологии как науки, так как в эти годы она была вынуждена развиваться в специфических условиях и демонстрировала в каком-то смысле идеологическое единство, подчинившись общей цели и на время отодвинув на второй план внутренние методологические противоречия.

Одним из особых направлений психологических исследований в годы Второй мировой войны стала проблема изучения личностных качеств бойцов на примере формирования их мотивационной сферы, способов раскрытия у них моральных качеств и патриотических настроений, что можно в целом охарактеризовать как «феномен героизма». Это работы К. Н. Корнилова «Воспитание моральных качеств», М. М. Рубинштейна «Рождение героя (психологический очерк)», М. П. Феофанова «Воспитание смелости и мужества» и др. Особенно в контексте проблематики героизма выделяется работа Н. А. Коновалова, который изучал роль эмоций как компонента принятия решений в ситуации неопределенности и опасности. По его мнению, эмоции не являются изолированным компонентом личности, они обусловлены влиянием сознания и разума. Эмоциональный подъем в условиях боевых действий служит фундаментом таких качеств, как доблесть и мужество, и может регулироваться, так как зависит от социальных установок и моральной направленности.

И. А. Каиров выделяет компоненты «мужественного поступка»: твердые убеждения, силу воли, чувство собственного достоинства, чувство сознания правильности своих действий (Каиров, 1942). М. М. Рубинштейн, анализируя понятие «социального мотива», связывает его с инстинктом самосохранения в ситуации совершения подвига (Дьяченко, 1985). Он выделяет следующие социальные мотивы: любовь к Родине, народу, чувство долга, любовь к независимости, чувство товарищества и осознание целей борьбы (Рубинштейн, 1943).

Понятие «мужественного поступка» анализировалось и в работах М. П. Феофанова: он считает смелость качеством, лежащим в основе героизма и отваги, и относит ее к «эмоциональным чертам характера человека». Акт мужества, по мнению М. П. Феофанова, помимо смелости как его системообразующего свойства, состоит также из самообладания, мыслительного процесса, воли и значительной роли осознанности. Соединение смелости с перечисленными компонентами дает толчок к образованию нового свойства личности – мужества. Таким образом, мужество описывается им как особое психическое состояние, включающее самообладание, позволяющее мобилизовать умственную деятельность. Противоположной ему является «безумная смелость» – состояние, при котором названные компоненты нивелируются, низка степень осознанности, способности к учету окружающей обстановки (Феофанов, 1941).

Перечисленные работы – пример изучения тех самых уникальных психологических феноменов в столь же уникальных исторических условиях. Оперирование общими категориями, поиск и вы-

явление закономерностей, экстраполяция уникального, присущего узкому кругу людей в ограниченном пространстве определенной исторической эпохи, на всю человеческую популяцию в случае изучения уникальных личностных характеристик и мотивационной сферы бойцов было бы некорректным. Возможности исторической психологии как области знания в этом случае являются просто незаменимыми: это тот фокус исследования, который существенно обогатит пространство способов изучения подобного рода феноменов.

Следующий пласт проблем, относящийся к области исторической психологии, связан с *обращением к понятиям «исторический опыт» и «историческая травма»*. После двух мировых войн и тех ужасающих последствий, которые они повлекли за собой (в частности, в виде всеобщей трагедии Холокоста), данные понятия стали предметом дискуссий для широкого круга исследователей, в первую очередь историков и психологов.

Обратимся вновь к исследованиям и жизненному пути ученых-психологов, работавших во время Второй мировой войны. Многие из них принимали непосредственное участие в боевых действиях, имели опыт сражений еще в Первую мировую. Так, Б.М. Теплов в 1916 г., в возрасте 20 лет, был призван в армию, а уже в 1917 г. получил назначение в один из пехотных полков на Западном фронте и принимал участие в боевых действиях. В 1919 г. он поступил в Высшую школу военной маскировки. Его научные интересы, связанные с изучением способностей, задатков, темперамента, в сочетании с богатым опытом работы в сфере оборонного обеспечения и непосредственным участием в боевых действиях, в дальнейшем отразились в одном из важнейших его трудов – работе «Ум полководца», в которой он подробно исследует личностные проявления военачальников на примере наиболее знаменитых из них. Наряду с влиянием социально-политических условий, задававших общее направление исследований, можно отметить и влияние личностного фактора исследователя: Б.М. Теплову самому не раз приходилось занимать руководящие должности. В 1917 г. он был назначен на одну из командующих должностей своего полка, после окончания в 1921 г. Высшей школы военной маскировки был назначен начальником Отдела опытных станций с присвоением звания командира бригады, а после войны стал заведующим кафедрой психологии философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

Тема важной роли социальных факторов в формировании личностных качеств и поведения человека поднималась в работах многих исследователей. С точки зрения В.А. Кольцовой и Ю.А. Олейника, это

«теоретическая позиция, согласно которой характер рассматривался в первую очередь в зависимости от условий воспитания человека, его общественной жизнедеятельности, выводился непосредственно из социальной среды как обусловленный ее требованиями и запросами» (Кольцова, Олейник, 2006, с. 99). Данная позиция, которой придерживался и Б. М. Теплов в своих исследованиях, отразилась и на его частной жизни. Как уже было отмечено выше, еще до Второй мировой войны он занимался изучением проблем военной маскировки, а во время военных действий проводил исследования, посвященные качествам и особенностям мышления военачальников. Б. М. Теплов задается вопросом о соотношении понятий ума и силы воли полководца и считает ошибочным разделение их на две не зависящие друг от друга способности. Ученый предлагает рассматривать их во взаимосвязи, так как, по его мнению, обострение и активация всех психических сил и мобилизация умственных способностей в ситуации опасности – черта, отличающая хороших военачальников.

На примере известных полководцев Б. М. Теплов поднимает вопрос о соотношении активности в обычное, мирное время, и в ситуации военных действий. Он приводит примеры полководцев как с относительно размеренным, ровным проявлением продуктивности в течение и того, и другого периода, так и тех, кто в мирное время проявляет своего рода экономию психических сил, а в период военных действий склонен к их максимальной мобилизации и резкому повышению умственной продуктивности. Характеризуя ситуацию, в которой вынужден работать военачальник, Б. М. Теплов пишет: «Для интеллектуальной работы полководца типична чрезвычайная сложность исходного материала и большая простота и ясность конечного результата. Вначале – анализ сложного материала, в итоге – синтез, дающий простые и определенные положения» (Теплов, 1985, с. 244).

Однако негласно доминирующий курс на сведение личности к совокупности управляемых характеристик не оставлял пространства для изучения всего многообразия человеческих проявлений. Именно эта особенность характеризует всю психологию личности в период Второй мировой войны, что можно сказать и о работах Б. М. Теплова. В наиболее радикальной форме данную особенность выразили А. В. Петровский и М. Г. Ярошевский: «Ему [И. В. Сталину] нужны были безусловное подчинение, чуждое сомнениям и вообще какой-либо рефлексии, отрицание даже самой возможности бессознательного и сведение формирования сознания к формировке „сознательности“, под которой понималось, по существу, автоматическое следо-

вание распоряжениям „свыше“. Возникла заманчивая возможность представить человека как условнорефлекторную машину, управляемую сигналами различного уровня сложности» (Петровский, Ярошевский, 1996, с. 181). Такой взгляд на человека способствовал снижению его возможностей для проявлений субъектности, подчинял его деятельность социальным факторам. Эта общая установка повлияла и на жизнь Б. М. Теплова: так, после Павловской сессии, знаменитой своим призывом более глубоко изучать физиологические основания психического, он перешел к исследованию психофизиологических факторов индивидуальных различий, оставив феноменологический подход.

Следующий пример субъекта исторического опыта, но с несколько иных позиций, показывает нам С.Л. Рубинштейн. Как человек, не принимавший непосредственного участия в боевых действиях, но успевший своими глазами увидеть все ужасы войны (до марта 1942 г. С.Л. Рубинштейн оставался в блокадном Ленинграде), он закономерно обращался к удивительной способности советских людей к мобилизации и проявлению героизма: «Великая Отечественная война открыла в сердцах советских людей источники невиданного мужества и небывалого героизма. Эти качества сформировались, раскрылись, воспитались в самом ходе Великой Отечественной войны под воздействием великих целей этой войны и осознанной советскими людьми необходимости бороться за их осуществление» (Рубинштейн, 1989, с. 390).

Так, обращение не только к работам исследователей, работавших во время войны, но и к их биографии могло бы стать шагом на пути решения проблемы носителей исторического опыта. Справедливо ли считать опыт непосредственных участников определенного исторического процесса более «легитимным», чем, скажем, опыт его наблюдателей (очевидцев)? Справедливо ли постулировать, что «носитель исторической травмы» способен предоставить более достоверную информацию об историческом процессе только потому, что он являлся его непосредственным участником? И что обе эти интерпретации значат уже для современного исследователя, историка или психолога, который еще больше отдален от переживания событий, которые он должен описать? На наш взгляд, историческая психология способна сделать эти вопросы не просто риторическими, а вполне конкретными и оформленными в качестве исследовательских задач.

Следующая из наиболее важных проблем и в то же время возможностей исторической психологии, способных обогатить ее методологический арсенал, – это *проблема личности исследователя*

как носителя культурно-исторических особенностей своего времени. Остановимся на ней подробнее.

Обращение к категории личности исследователя традиционно является предметом изучения. Так, М. Г. Ярошевский выделяет три типа детерминант возникновения и развития научных идей – предметно-логический, социально-научный и личностно-психологический (Ярошевский, 1977); в книге Л. Хьелла и Д. Зиглера указывается: «совершенно очевидно, что исходные положения о природе человека, которых придерживаются персонологи, различны, и это делает их взгляды такими несхожими» (Hjelle, Ziegler, 1992, p. 18). Историческая психология, как уже подчеркивалось ранее, изучает отражение культурно-исторических особенностей той или иной эпохи или процесса в сфере психического отдельного человека или группы людей. В каком-то смысле мы сталкиваемся здесь с «парадоксом Б. Рассела»: ведь фактически исследователь является не только беспристрастным наблюдателем, но и элементом того множества, которое он исследует. На наш взгляд, важно было бы дополнить, что в случае применения возможностей исторической психологии (которая, в свою очередь, как никакая другая область знания отражает описанный выше принцип влияния личности исследователя на познаваемый объект) к истории психологии необходимо акцентировать внимание на возвращении к принципу историзма и антропоцентристского подхода к историописанию. Дело в том, что историческая область знания эпохи постмодерна находится в состоянии размытости границ и отсутствия консенсуса, в частности в отношении собственной методологии; после «лингвистического поворота», признания ограниченности историцистского подхода к историописанию и провозглашения релятивизма историческая наука если и не полностью отрицает устаревшие подходы, то относится к ним с долей скептицизма. Область истории психологии уникальна тем, что в силу своего объекта не может полностью отрицать изучение истории через исследование в ней роли личности; а возможности исторической психологии позволяют развернуть этот антропоцентристский принцип и совместить его с самой исторической наукой через принцип историзма или контекстуальности, социально-культурной обусловленности исторического знания.

В данном случае можно привести в пример такого исследователя, как Н. Д. Левитов, который, как и многие психологи военного периода, занимался изучением характеристик, необходимых для участников военных действий. Особенно пристальное его внимание было обращено к понятию воли. До Второй мировой войны

Н.Д. Левитов занимался проблемами психотехники и профессиональной пригодности, а во время войны в 1944 г. защитил докторскую диссертацию «Проблема характера в психологии». В период военных действий Н.Д. Левитов активно разрабатывал проблему воли, считая, что волевое действие «всегда основано на каких-то мотивах» (Левитов, 1944, с. 40). Так, к понятию воли, или силы воли как психологической характеристики, существует несколько подходов: она включается в регуляцию эмоций, в компоненты мотивов деятельности, а также рассматривается как самостоятельное психологическое качество. Н.Д. Левитов изучал волю именно как самостоятельный компонент характера; более того, воля, по его мнению, – это основополагающая часть характера, включающая в себя несколько компонентов, одним из которых является целеустремленность. Целеустремленность (целенаправленность) трактуется как осознание человеком направленности своих действий и поступков. В контексте периода военных действий эта «ясность целей» проявляется в понимании бойцом правильности своих действий, в осознании долга перед своей страной и ясности задач, которые стоят перед ним для достижения целей как на более высоком уровне (осознание величия миссии борьбы с врагом, защиты Родины), так и на более мелком, частном (понимание собственных задач как бойца) (там же). В качестве второго компонента структуры воли Н.Д. Левитов выделяет активность, которая проявляется в способности к принятию решений, к действию на основе выбранных альтернатив и тесно связана с такими чертами характера, как смелость и решительность, столь необходимые для ведения боевых действий как на уровне рядового солдата, так и на уровне командира. Следующий компонент – организованность, которая традиционно связывается с такими чертами характера, как дисциплинированность, способность к самоконтролю. И четвертый компонент – стойкость – понимается автором как выносливость и мужество, которое, в свою очередь, Левитов считал высшим проявлением моральной воли и стойкости.

Н.Д. Левитов не всегда четко разделял понятие характера и воли, что проявляется в предложенной им структуре воли: во-первых, некоторые из проявлений компонентов воли пересекаются с чертами характера, во-вторых, в своих работах исследователь взаимозаменял понятия решимости и воли. Так, он писал: «Волевое усилие нужно понимать как приказ себе делать все, способствующее достижению цели» (там же). Данное определение отражает взгляд на человека как на активное, субъектное существо, способное полностью контролировать свои действия. Он близок к тем концептуальным осно-

ваниям, на которых Левитов строил свои ранние, довоенные работы по профессиональной пригодности. Применяя идею роли личностного фактора в истории, можно сказать, что эти основания повлияли на то, как исследователь рассматривал проблему эффективности деятельности и мирной, и военной (которую тоже можно рассматривать как труд). В этом нам также видится широкий круг возможностей для исследования с позиций исторической психологии.

Таким образом, возвращаясь к вопросу об историчности психологического знания, стоит еще раз подчеркнуть, что обращение к культурно-историческим особенностям конкретных психологических феноменов или отдельных людей и групп является перспективным направлением современной психологической науки. Как писала В. А. Кольцова, «историческая психология позволяет выявить истоки и генезис интересующих исследователя процессов, проследить направления и закономерности их развития, исследовать причины, лежащие в их основе и определяющие их динамику» (Кольцова, 2008, с. 15). Это звучит особенно актуально, если речь идет о специфичных феноменах, которые не имели аналогов в истории (например, о Второй мировой войне): понимание уникального прошлого может стать ключом к пониманию современности. Таким образом, историческая психология может дополнять историю психологии за счет расширения ее предмета, а также за счет смещения акцентов в направлении новых концептуальных понятий.

Литература

Анкерсмит Ф. Р. Возвышенный исторический опыт. М.: Европа, 2007.

Артемьева О. А. Исследовательская и практическая психология в России в периоды мировых войн XX века // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2019. № 1. С. 33–43.

Богданчиков С. А. Так что же такое «советская психология»? // Приволжский научный вестник. 2014. № 11–2 (39). С. 15–19.

Дьяченко М. И. Советская психологическая наука на службе обороны Родины // Вопросы психологии. 1985. № 3. С. 5–13.

Ждан А. Н. Фундаментальная наука и практика в советской психологии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) // Вестник Московского университета. Сер. 14. «Психология». 2015. № 2. С. 4–14.

Журавлев А. Л., Мироненко И. А., Юревич А. В. Психологическая наука в глобальном мире: вызовы и перспективы // Психологический журнал. 2018. Т. 39. № 2. С. 58–71.

Историческая психология: предмет, структура и методы. М.: Изд-во МосГУ, 2004.

Каиров И.А. Мужество и его воспитание в наши дни // Советская педагогика. 1942. № 8–9. С. 6–15.

Кольцова В.А., Олейник Ю.Н. Советская психологическая наука в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). М.: Изд-во МосГУ–Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.

Кольцова В.А. Особенности предметной области исторической психологии // Вестник РУДН. Сер. «Психология и педагогика». 2008. № 1. С. 6–20.

Кольцова В.А., Олейник Ю.Н. Советская психология в годы Великой Отечественной войны: единство теории, эксперимента и практики // Известия Иркутского государственного университета. 2018. Т. 25. С. 51–58.

Коновалов Н.А. Роль эмоций в боевом действии, воинская доблесть // Советская педагогика. 1953. № 7. С. 5–40.

Корнилов К.Н. Воспитание моральных качеств // Красная звезда. 1941. 2 и 5 апреля.

Королёв А.А., Журавлев А.Л., Кольцова В.А. История и психология: немолчный диалог. М.: Изд-во МосГУ, 2011.

Левитов Н.Д. Воля и характер бойца // Военный вестник. 1944. № 1. С. 40–48.

Маркс К. Тезисы о Фейербахе // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. М.: ГИПЛ, 1955. Т. 3. С. 1–4.

Марцинковская Т.Д. История психологии: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. М.: ИЦ «Академия», 2004.

Мироненко И.А., Журавлев А.Л., Юревич А.В. Российская психология в пространстве глобальной науки: ответ дискутантам // Психологический журнал. 2020. Т. 41. № 3. С. 113–121.

Петровский А.В., Ярошевский М.Г. История и теория психологии. Ростов-на-Дону: Феникс, 1996.

Рубинштейн М.М. Рождение героя (психологический очерк) // Советская педагогика. 1943. № 10. С. 43–48.

Рубинштейн С.Л. Проблемы психологии в трудах Карла Маркса // С.Л. Рубинштейн. Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1976.

Рубинштейн С.Л. Советская психология в условиях Великой Отечественной войны // С.Л. Рубинштейн. Очерки. Воспоминания. Материалы. М., 1989. С. 374–395.

Теплов Б.М. Ум полководца // Избранные труды: В 2 т. М.: Педагогика, 1985. Т. 1. С. 223–305.

Феофанов М. П. Воспитание смелости и мужества // Советская педагогика. 1941. № 10. С. 60–65.
Юревич А. В. Социология психологического знания // Психологический журнал. 2010. Т. 31. № 1. С. 3–14.
Ярошевский М. Г. Логика развития науки и научная школа // Школы в науке: Сборник статей / Отв. ред. С. Р. Микулинский и др. М.: Наука, 1977. С. 7–96.
Hjelle L., Ziegler D. Personality theories: Basic assumptions, research and applications. New York: McGraw-Hill, 1992.
Klempe S. H. The genealogy of personality psychology – Why personality became so important // Psychology in Russia: State of the Art. 2019. V. 12 (2). P. 58–68.
Valsiner J. An invitation to cultural psychology. Sage Publications, 2014.

Психологический портрет эпохи: от психосемантики до социолингвистики

О. И. Литвинюк

doi: 10.38098/thry.2020.25.72.008

Историческую психологию часто трактуют как способ психологизации истории при объяснении действий «человека исторического» (А. А. Королёв, В. А. Шкуратов и др.), однако способ – часть подхода, поэтому такое понимание низводит ее методологическую функцию до уровня подхода в рамках истории, противореча предмету и проблемному полю. Вот почему необходимо уточнить ее отношения со смежными науками с учетом важности для исторической психологии заимствуемых в сопредельных областях знания данных, методов, приемов, но такую параметризацию для всей исторической психологии пока провести невозможно из-за отсутствия соответствующего инструментария. Вместе с тем, уже выделена единица анализа исторической психологии – психологический портрет эпохи (ППЭ), соотносящаяся со своей наукой как часть с целым, что позволяет упорядочить интересующие нас области относительно этой части и затем экстраполировать результат на целое.

Цель данной статьи – упорядочить совокупность смежных наук, используемых на уровне ППЭ – единицы анализа исторической психологии. Для этого решим такие задачи: 1) проясним влияние идеографичности (как парной к идиографичности характеристики) исторической психологии на ее и ППЭ межпредметные связи; 2) уточним круг смежных наук ППЭ; 3) дифференцируем полученную совокупность наук относительно ППЭ и экстраполируем на всю историческую психологию.

Пролегомены

Круг междисциплинарных связей исторической психологии расширяют по мере уточнения ее методологической базы.

Предмет корректируют чаще, видя в нем этапы «порождения культурного факта и его творца в рамках общественно-историческо-

го единства» (Белявский, 1985, с. 29); «психологические особенности становления познания, мировосприятия, строя личности, усвоения обычаев и ритуалов в разные эпохи и др.» (Психология, 1990, с. 377); «законы взаимоизменчивости общества и человека» в истории, «зависимости между историческими и психологическими феноменами», «закономерности формирования личности как объекта и субъекта исторического процесса» (Боброва, 1997, с. 5); «исторические детерминанты психологии человека, психологические закономерности его взаимодействия с социальной средой, погруженной в историю и культуру общества» (Журавлев, 2004, с. 8–9); «процессы исторической детерминации и эволюции психики человека и психологических характеристик человеческих общностей в системе макровременных изменений», психологическую составляющую исторического процесса (Кольцова, 2008, с. 19); психологический склад отдельных исторических эпох, изменений психики и личности человека в истории (Шкуратов, 2015, с. 11). Однако при разнице в акцентах главное – поэтапное развитие психики в социальной среде в поэтапном же историческом процессе.

Объект описывают реже и/или имплицитно, у В. А. Кольцовой это «индивидуальный и коллективный субъект в социокультурном времени. Им может быть и личность, и группа, и массовидные явления... (например, психологические феномены, возникающие в революционной ситуации, так называемый революционный невроз), но этот объект всегда дан в непосредственной связи с историческим контекстом» (Кольцова, 2008, с. 17–18). Обобщим: объект – это вместе взятые субъект, продукт и контекст его деятельности.

Историчность контекста допускает изучение лишь отдаленных во времени следов психической деятельности субъекта – продуктов вторичных (первичные канули в Лету).

Единица научного анализа в исторической психологии была предложена нами (Литвинюк, 1994), в связи с чем уместно привести наши определения всех трех базовых понятий. *Предмет исторической психологии* – филогенез онтогенеза в социогенезе. *Объект* – экспликации психических свойств и функций членов социума на разных стадиях его существования. *Единица анализа* – психологический портрет эпохи как качественно целостной стадии социогенеза.

Проблемное поле очерчено В. А. Кольцовой: психоистория, историческая психология познания, историческая психология личности, историко-психологическое изучение ментальностей, проблем повседневности, письменного сознания, коммуникаций, детства

и семьи (Кольцова, 2008, с. 19) и детализируется по мере развития исторической психологии.

Отличительное свойство эпохи – качественная целостность как совокупность свойств, характеристик и атрибутов, при значительном изменении качества и/или количества которых одна целостность постепенно замещает другую, в результате чего происходит смена эпох.

Упорядоченная совокупность проявлений (экспликаций) психической деятельности людей – психологическая характеристика эпохи – соотносится с эпохой как часть с целым, а потому тоже обладает качественной целостностью и может быть описана в необходимом объеме кроме полного, невозможного из-за безвозвратной утраты части фактических данных. При сохранении всех основных и отличительных черт психологической характеристики такое описание далее неразложимо без потери качества, т. е. целостно. Образно говоря, психологическая характеристика эпохи – оригинал, ППЭ – его копия, передающая основные черты, но тоже целостная. Однако с точки зрения методологии науки далее неразложимую без потери качества единицу принято считать единицей научного анализа. Поэтому ППЭ – единица анализа исторической психологии.

Историческая психология, исследуя филогенез онтогенеза в социогенезе, имеет дело одновременно с тремя динамическими системами – тремя генезисами, переходящими из эпохи в эпоху как три стержня, формирующих психологическую характеристику каждой эпохи.

ППЭ системен, неразложим, отвечает требованиям к единице анализа. Сложны, но возможны его разработка, анализ, моделирование даже для одного социума (не говоря уже о сравнительном и контрастивном изучении нескольких) построение типологий, таксономий и т. д. Их качество зависит от подбора источников. Таковыми являются, в частности, экспликации психической деятельности, собранные науками, находящимися в междисциплинарных связях с исторической психологией, включающей их результаты в свой тезаурус.

Разделение знания на номотетическое (общее) и идиографическое (отличительное) породило идиометоды в истории, социологии, антропологии, психологии (тут особенности субъекта – человека, общества, цивилизации – представлены как идиографические образы). В исторической психологии это, например, методики идиодескрипции групп-субъектов, метод психобиографии.

С такой точки зрения ППЭ – совокупность идиографических образов субъектов, универсалий, типологий, собранная из семиотически гетерогенных фактов и текстов, входящих в его тезаурус.

Развившись из единичных тезаурусов, тезаурус ППЭ одновременно идиографичен (отличен по подбору заключенных в нем знаний, понятий) и идеографичен (имеет свое место в системе знаний, понятий, которое может быть описано). Идеографическое описание – это описание элемента системы через описание его места в ней, т. е. анализ системы знаний, понятий в связи с ее элементом. Таким образом, идиографичность и идеографичность – парные характеристики и тезауруса исторической психологии, и ее самой, и тезауруса ППЭ, и ППЭ как единицы анализа, из чего следует, что границы их контакта со смежными областями теоретического знания одинаковы.

Три следствия идеографичности исторической психологии

Обратимся к базовым характеристикам ППЭ и исторической психологии.

На идиографичность исторической психологии указывает В. А. Кольцова (Кольцова, 2008, с. 17). Расширим угол видения и рассмотрим парную к ней характеристику – идеографичность.

Тезаурус – это упорядоченная совокупность овеществленных в текстах знаний, понятий, значений, потому он идеографичен. Историческая психология имеет свой тезаурус, поэтому тоже идеографична.

Тезаурус исторической психологии включает, помимо прочего, все экспликации и приращенные смыслы. Факт материализует результат работы высших психических функций, породившей смысл, поэтому экспликация по форме предметна, по происхождению объективна. К ее объективной предметности коммуниканты, оперируя ею как объектом, добавляют субъективные смыслы, зависящие, среди прочего, от диску́рса (в широком понимании – обширный внеязыковой фон), контекста (часть этого фона), коммуникативной ситуации (включает роли, намерения, установки и т. д.), узуса (общепринятая практика речеупотребления), дѝскурсов (в узком понимании – небольшие отрезки речи), а также от личностных особенностей, социального опыта, статусов коммуникантов.

Диску́рс многофакторен, инертен, а потому долго сохраняет целостность. Качественная целостность – общее свойство диску́рса и эпохи, что позволяет соотнести их во времени. По совокупности фактов, контекстов диску́рса (фрагментов тезауруса) определяем, какие высшие психические функции, в какой степени, на каком этапе, в каком соотношении, как (визуально, вербально) себя выявили – так получаем соотносимый с этим диску́рсом ППЭ.

ППЭ составляем на основе фактов, полученных в парадигмах разных наук, а сама историческая психология «образует специфическое межпарадигмальное научное пространство», относится к идиографическому знанию (Кольцова, 2008, с. 19, 17). Однако, продолжим, идиографичность и идеографичность основаны на совокупности базовых концептов, вокруг которых группируются менее значимые. В идеографическом описании их взаимосвязи схематически показывает синопсис, отражая категориальные признаки свернутых частей. Отсюда следует, что историческую психологию надлежит описывать идеографически через синопсис. Это *первое следствие* идеографичности исторической психологии.

Второе обусловлено междисциплинарным характером исторической психологии и возникающими вследствие его погрешностями, среди наиболее сильных источников которых – субъективизм интерпретатора, оперирование гетерогенными продуктами как гомогенными и лакунарность знаний дискýрсов.

На субъективизм интерпретатора указывают многие авторы. Добавим деформацию под воздействием мощного в институционально организованных обществах фактора социализации – государственного мифа. Например, британский миф истолковывает колониальные войны как деяния во благо отечества, отсюда их героизация и романтизация, многочисленные места памяти в честь воевавших в колониях и т. д. Ясно, что взращенный на таком мифе исследователь и внешний наблюдатель по-разному интерпретируют один и тот же факт, причем второй также не свободен от «своего» мифа.

Оперирование гетерогенными продуктами как гомогенными возникает, если исследователь сводит воедино фактические результаты анализа объекта и эмпирически полученные представления об объекте, получая гетерогенный микс из исходных данных и их последующих разнопарадигмальных толкований, которыми впоследствии оперирует как якобы равнозначными. Ошибочность выводов при этом неизбежна.

Лакунарность знаний дискýрса нередко обусловлена влиянием государственных мифов предшествующих эпох. Например, из анализа обычно выпадают такие затушеванные государственным мифом Российской империи факторы, как почти полное уничтожение русской родовой элиты и замещение ее в XVI–XVIII вв. истеблишментом (память об этой групповой психотравме фиксировалась еще в начале XX в.), иноэтнокультурные вливания в XVIII–XIX вв. и метизация базовых сословий (купечества, крестьянства). В результате ученый XXI в. нередко не различает, к примеру, родовую элиту и истеблиш-

мент. Оплошность такого рода, перенесенная в исследование по исторической психологии, приводит к искажению реконструированного фрагмента социогенеза: игнорируются ценностные различия, не учитываются особенности семейного регулирования онтогенеза и т. п.

Уменьшить вероятность появления ошибок можно, дифференцировав смежные с исторической психологией науки по какому-либо общему признаку. Итак, *второе следствие* идеографичности исторической психологии – необходимость дифференциации смежных наук.

Третье следствие идеографичности – неизбежность психологизации исторической психологии. Идеография по своей сути – это овеществленная категоризация. Категоризация же – результат длительной работы высших психических функций, описываемых, изучаемых и измеряемых психологией. Собрать, сгруппировать, описать факты и выделить в обработанном материале психический компонент историческая наука может и без исторической психологии, но проанализировать его она без нее не может: не позволяет методологический аппарат. Отсюда – неизбежность психологизации самой исторической психологии.

Поиск «прячущихся партнеров»

Вышеупомянутые следствия позволяют уточнить контактные зоны ППЭ. Целостность эпохи и соотносимого с ней диску́рса означает целостность и принадлежащей им культуры вместе с включаемыми в нее речевым общением и языком. Понимая культуру как результат процесса познания в процессе деятельности, выделяем две группы атрибутов ППЭ: 1) психические функции высшего порядка, обслуживающие переработку и передачу информации, и 2) межличностные отношения, детерминирующие коммуникативные потребности, способы их удовлетворения и пути передачи социального опыта. В исторической психологии изучать первые целесообразно с привлечением результатов и некоторых методов, приемов психосемантики и когнитивной психологии, вторые – аналогичных заимствований из психологии личности, социальной психологии, этнопсихологии.

Все то, что в психосемантическом моделировании включают в семантическое пространство и отражают в ментальных картах, в традиционных обществах передают в виде ценных для этноса значений и их кластеров, продублированных в фольклорных текстах, закодированных разными языками: вербальным, знаково-образным (рисунки), символьным (цвета, знаки), музыкальным и пр. Вот почему массивы фактов, собранных фольклористикой, этнографией, этно-

логией, могут быть смоделированы методами психосемантики и использованы в ИП.

Вербальный язык изучает лингвистика, имеющая методы объективного анализа его фактов в синхронии и диахронии. «Язык есть выражение не только мыслительности народной, но и всего бытия, нравов и поверий страны и историй народа. Единство языка с индивидуальностью человека составляет народность» (Буслаев, 1844, с. 309), что делает его факты ценными для исторической психологии.

Особо интересны для исторической психологии направления лингвистики, исследующие значения, понятия, смыслы: лексическая, грамматическая, синтаксическая семантики, когнитивная лингвистика, этимология и историческая лингвистика, этнолингвистика, лингвокультурология, хотя последняя «увлечена поиском национального своеобразия языковых объектов, тогда как в ведении этой дисциплины прежде всего находятся процессы порождения смыслов и взаимодействия функций» (Харченко, Тонкова, 2008, с. 98).

Индивидуальная система значений формируется, развивается, меняется под внешним социальным воздействием, поэтому включает опыт личный и унаследованный. В его составе – разноуровневые факты языка, наборы которых детерминированы диахронией диску́рсов. Особенности функционирования языка в различных средах изучает социолингвистика, а выделившаяся из нее историческая социолингвистика реконструирует прагматику языка в диахронии и тем интересна для исторической психологии. Такой обширный круг смежных наук целесообразно упорядочить относительно ППЭ как части интересующего нас целого – исторической психологии.

Приядерный, межслойный и периферийный стратумы смежных наук

Если в формирующейся науке хотя бы один элемент триады *предмет–объект–единица анализа* совпадает с таким же, но ранее определенным для другой науки, то первая – это лишь подход в рамках второй. Методы же заимствуют (статистические и др.), адаптируют (диску́рс-анализ, контент-анализ), модифицируют (метод реконструкции и др.).

Однако научный метод функционален по своей природе, что позволяет ему работать в рамках методологических триад разных наук. Функциональность методов объединяет науки по смежности, а потому является признаком, по которому можем дифференцировать смежные с исторической психологией (как ядром) науки.

Из наук интересующего нас исследовательского поля только психологические дают инструментарий для изучения ППЭ, а с ним – и предмета исторической психологии (филогенеза онтогенеза в социогенезе) и моделирования динамических систем этих трех генезов-развитий. Причем общность инструментария – еще один признак принадлежности исторической психологии именно к этой группе наук, а не к истории. Остальные же снабжают фактами. Это делит их по отношению к исторической психологии как ядру на две функциональные группы: приядерную (инструментальную) и периферийную (сырьевую). Первая относительно однородна, вторая гетерогенна.

В связи с этим возникает вопрос о наличии или отсутствии прослойки, которая, с одной стороны, отражает свойства психики (и этим допускает использование методов психологии), а с другой – имеет материализованное выражение, присущее гетерогенным фактам, добываемым историей и другими науками второй группы. Находим такую двойственность только в «выражении мыслительности народной» – вербальном языке. Следовательно, комплекс наук о языке и является той прослойкой, которая, благодаря связи между мышлением и языком (как системой знаков), своим относящимся к мышлению компонентом входит в объект психологии, а ориентированным на знаковый (т.е. овеществленный) – обращена к областям знания, имеющим вещественные объекты.

В результате получаем такую стратификацию: ППЭ и историческая психология – ядро (организовывает согласно своему предмету поединично поступающие факты объекта), психологические науки – приядерный стратум (поставляет инструментарий для такой организации), вербальный язык – прослойка (обеспечивает связь между приядерным и внешним к нему стратами, которые не могут взаимодействовать друг с другом непосредственно) и периферийный слой (поставляет факты). Внешняя граница этого внешнего слоя открыта для пополнения ресурсами новых наук.

Тезаурус как ППЭ (своеобразного горизонтального хронологического среза), так и всей исторической психологии (совокупности таких срезов) охватывает ядро, оба стратума и прослойку. Каждая из смежных наук имеет свой тезаурус, входящий в тезаурус исторической психологии только той частью, которую историческая психология использует как факт или инструмент. Это делает возможным построение семантических пространств на основе любых тезаурусов, а не только выделенных В.Ф. Петренко исторических текстовых, однако их трактовка «как ментальных карт прошедших эпох неиз-

бежно содержит интерпретационный плюрализм и различные герменевтические версии» (Петренко, 2009, с. 34).

Ментальная карта прошедшей эпохи, продолжим, не только визуализована, но и вербализована посредством языковых фактов, анализ которых в диахронии включает фрагменты контекстов, диску́рсов, поэтому переход от методов лингвистического анализа к психологическим оправдан и целесообразен.

***

Из идеографичности исторической психологии (парной характеристики к идиографичности) следует, что всю эту науку, как и ППЭ, надлежит описывать через синопсис, упорядочив смежные науки и психологизировав ее.

ППЭ как единица анализа в исторической психологии предполагает использование результатов наук, функционально стратифицированных по отношению к исторической психологии как ядру на приядерные (психологические, дающие ей свой инструментарий), прослойку (науки о языке) и периферийные, открытые своей внешней границей для пополнения (источник фактов). История входит во внешний стратум. Среди психологических наук особо значима психосемантика, методы которой позволяют выявить пути и результаты категоризации. Среди лингвистических дисциплин перспективно использование исторической социолингвистики и этимологии, раскрывающих в диахронии вербализацию значений, понятий, формирование и приращение смыслов. Независимо от основного направления исследования (от ядра к периферии или наоборот) в нем участвуют науки обоих стратумов и прослойки.

В представленном выше виде предмет, объект, единица анализа, проблемное поле, тезаурус, методы, система междисциплинарных связей в совокупности характеризуют историческую психологию как психологическую науку, уже сформировавшую свою методологическую платформу, что находит отражение, в частности, в функциональном ранжировании смежных наук, используемых при исследовании ППЭ, в диапазоне от психосемантики (как наиболее значимой) до социолингвистики.

Литература

Белявский И. Г. Теоретико-методологические основы психолого-исторических исследований: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. Ростов-на-Дону, 1985.

Боброва Е. Ю. Основы исторической психологии. СПб., 1997.
Буслаев Ф. И. О преподавании отечественнаго языка. Ч. II. М.: Университетская типография, 1844.
Журавлев А. Л. Введение. Историческая психология в контексте современной психологической науки (взгляд психолога) // Историческая психология: предмет, структура и методы. М.: Моск. гуманитарный ун-т, 2004. С. 8–9.
Королёв А. А. Историческая психология: предмет и структура (опыт научной рефлексии) // Вестник РУДН. Сер. «Психология и педагогика». 2008. № 2. С. 7–19.
Кольцова В. А. Историческая психология // Психология / Под ред. В. Н. Дружинина. СПб.: Питер, 2001. С. 378–384.
Кольцова В. А. Особенности предметной области исторической психологии // Вестник РУДН. Сер. «Психология и педагогика». 2008. № 1. С. 6–20.
Литвинюк О. І. Психологічний портрет епохи як елемент вивчення соціогенезу // Особистість і народ: погляд історичної психології: Тези доповідей і повідомлень Всеукраїнської наукової конференції 25–27 травня 1994 р. К.: Інститут психології ім. Г. С. Костюка, 1994. С. 40–41.
Петренко В. Ф. Интуитивизм в исторической психологии // Историческая психология и социальная история. 2009. № 1. С. 28–44.
Психология: Словарь / Под общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. М.: Политиздат, 1990.
Харченко В. К., Тонкова Е. Е. Лингвистика народной приметы: Монография. Белгород: Белгородская городская типография, 2008.
Шкуратов В. А. Историческая психология. Книга первая. Введение в историческую психологию. М.: Кредо, 2015.

Раздел 2

МЕНТАЛИТЕТ НАРОДА: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЛЮДЕЙ РАЗНЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ЭПОХ

К вопросу о междисциплинарности исторической психологии: менталитет как макросоциополитический феномен

А. А. Гостев

doi: 10.38098/thry.2020.25.72.009

Обозначенная в названии статьи проблема чрезвычайно многоаспектна и в плане теоретико-методологических оснований, и относительно феноменологии тематики, и применительно к общественной практике (Историогенез..., 2016). Наметим некоторые размышления в этой связи, исходя из того, что в исследованиях менталитета, на мой взгляд, недостаточно прописаны междисцилинарные связи психологической науки с различными областями гуманитарного знания в контексте современной геополитики.

Менталитет как особый предмет исторической психологии

Менталитет социальной общности в текущем ее состоянии, в исторической ретроспективе и перспективе развития – известный предмет исторической психологии. Менталитет задает многоуровневую и многомерную специфику психического отражения-регулирования индивидуального и группового субъекта, является, соответственно, для людей «призмой» для мировосприятия и формирования как коллективных социальных представлений о происходящем в мире, так и для построения индивидуального интегрального образа реальности. Менталитет выступает также многоуровневым регулятором жизнедеятельности людей. Специфика психического отражения-регулирования у конкретного индивидуального или группового носителя менталитета касается всей системы сознания в единстве его актуального и потенциального начал[1]. Важной задачей психо-

---

Статья подготовлена по Госзаданию № 0159-2020-0006.

1 Потенциальное сознание на индивидуальном уровне представлено тематикой подсознания и «надсознания» внутреннего мира личности, на групповом уровне раскрывается различными идеями о коллективном бессознательном.

логической науки становится соотнесение характеристик менталитетов социальных общностей с системой гуманитарного знания о них.

Исследование менталитета я соотношу с проблематикой образной сферы человека и общества (Гостев, 2007). Менталитет может быть рассмотрен как совокупность социальных представлений[1], организованных в некую многомерную и многоуровневую систему. В этой связи значимо осмысление влияния на данную систему *культурогенетической памяти* группового субъекта в виде: а) исторической памяти; и б) культуроспецифических локальных «архетипических единиц» опыта исторической общности[2]. Соответственно, возникает проблема сложных закономерностей взаимодействия в структуре менталитета (конкретной социально-исторической общности) всех этих образов.

Будем, в частности, исходить из того, что коллективный субъект истории реализует свой путь на основе взаимодействия культурогенетической памяти со *свободой выбора исторического пути* и некой *духовной метаисторической* программой (Гостев, Кольцова, 2017). При этом отметим, что система представлений исторического субъекта о себе, о других субъектах, об окружающем социальном и физическом мирах, о Вселенной в целом вместе с проявлениями коллективной *воли,* национально-культурной спецификой *духовно-нравственной сферы,* содержанием *религиозной веры* влияет на происходящее, определяет исторический выбор, формирует особенности самого группового субъекта[3].

Важнейшим вопросом раскрытия междисциплинарности исторической психологии является осмысление *соотношения уровней ментальности:* от макрообщностей – наций, народов, культур и субкультур, больших и малых социальных групп – и до человека как носителя конкретной ментальности. В этой связи подчеркнем проблему понимания человеком *духовной* сущности процессов глобальной трансформации в их влиянии на страны, традиционную ментальность народов (Гостев, 2017).

---

1 Допустимо говорить и о групповом воображении (социальные мечты и т. п.) (Гостев, 2007), и даже об образах измененного коллективного сознания (в ситуации «невротизации и психотизации» общества).

2 Образы культурогенетической памяти можно понимать на уровне глубинного народного сознания.

3 Заметим, что выбор исторического пути чаще всего является недостаточно осознанным.

Ментальность исторической России является продуктом евразийского полиэтнического и многоцивилизационного пространства и по-разному (уже несколько веков) оценивается «западниками» и «почвенниками». Всегда были и те, кто не любил российскую историю и государственность, и те, кто верил в особый путь России и осмыслял отечественную культурогенетическую память на метафизических ее основаниях в православии. Наша страна и по сей день остается пространством многоаспектного контакта Востока и Запада в различных формах их взаимодействия[1]. Это подчеркивает значимость изучения соотношения в современном российском менталитете традиционного и инновационного (см., напр.: Историогенез..., 2015, 2016). Интересны также результаты нашего «пилотажного» исследования (Историогенез..., 2016, с. 206–218), показавшего как сохранение инвариантности в российском менталитете, так и влияние на него современных социально-психологических, политических, экономических установок. Отмечено влияние на политический менталитет и духовно-нравственной сферы, в частности, религиозного компонента.

Яркой традиционной чертой российского менталитета является *патриотизм* – любовь к Родине, готовность ее защищать, переживание глубокой связи с ее культурными традициями, причастности к ее истории. Истинный патриотизм является сущностной духовно-нравственной характеристикой личности, социальной группы, общества (Гостев, Борисова, 2012; Ильин, 1993; Лутовинов, Гостев, Шувалов, 2019). Так, творческое наследие И. А. Ильина концептуально и убедительно соединяет религиозный фактор и политическое сознание. Философ подчеркивает, что история российской политической мысли в связке с отечественной духовной традицией показывают Россию как особый тип цивилизации, которая не нуждается в иностранных заимствованиях без оценки их полезности для менталитета исторической России.

Указанное выше «пилотажное» исследование подтвердило традиционную для нашей страны связь патриотичности с отечественной духовно-нравственной традицией, например, с сохранением уважения ко всем народам («всечеловечностью»). В то же время ориентация личности на наднациональную («гражданство мира», «общеевропейскость») идентичность не противоречила идентификации

---

1 В качестве «восточной» отечественная социосистема отвергает (осознанно или неосознанно) социальную динамику, в качестве же «западной» она эту динамику активизирует.

с определенной этнической группой в составе Российской Федерации или СНГ. (Аналогичные данные были получены в другом исследовании, см.: Нестик, Журавлев, 2018.) Общероссийская же идентификация и идентификация с «русскостью» (даже для этнических русских) оказались низкими.

Результаты исследования продемонстрировали и сохранение традиционного для России стремления людей к *социальной справедливости,* оцениваемой, как это присуще российскому менталитету, с метафизических позиций – как «воплощение на земле высшей правды»[1]. Это ярко иллюстрирует связь духовно-нравственного и политического аспектов менталитета. Так, в частности, была выявлена социальная установка на сильную государственную власть, основанную на принципах справедливости[2]. В то же время у наших современников оказалась деформированной важная черта традиционного отечественного менталитета – приоритет общественного над личным (произошло укрепление индивидуалистических установок)[3]. О разрушении традиционных характеристик национальной психологии также свидетельствует, например, то, что признаваемая респондентами сохранность доброты соседствует с констатацией у россиян недостатка сострадательности, а также добросовестности и ответственности.

---

1 На Руси справедливость считалась выше закона. «Священность» частной собственности не отвечает сущностным критериям справедливости, ибо капитал производится всем обществом. Россия же занимает одно из первых мест в мире по неравенству распределения национального достояния, что составляет проблему национальной безопасности.

2 Русский народ в глубинах своей ментальности – сообщество государственно ориентированных личностей.

3 Интересными представляются также следующие эмпирические данные: для представителей строгой православной ментальности неприемлемыми оказались социал-дарвинизм в общественных отношениях, формирующаяся «неофеодальная» стратификация планетарного социума, идеи о сознательном сокращении населения планеты, тотальный контроль над личностью на основе новых информационных технологий, религиозно-оккультная основа глобализм-проектов. В прозападной выборке (атеистически-светской и христианско-инославной) таких оценок не найдено. В ней снижается также значимость традиционной христианской нравственности и, соответственно, не драматизируются современная потребительская психология, сексуальные извращения и т. д. (подробнее см.: Историогенез..., 2016, с. 206–218).

Религиозный менталитет – предмет исследования исторической и политической психологии

Из сказанного в первом разделе статьи очевидно, что предметом совместных исследовательских усилий социальной, исторической и политической психологии, психологии личности[1] и психологии религии должно стать влияние религиозного менталитета на социальные установки, ценностные ориентации человека, на групповое сознание и коллективное неосознаваемое социальных общностей. Актуальность данной тематики усиливается тем, что религиозный менталитет стал важнейшим фактором геополитики, мировой экономики/финансов, идеолого-мировоззренческих систем. Он включает в себя устойчивые характеристики религиозных сообществ, в частности, групповых социально-психических особенностей, приобретенные под влиянием преобладающего (преобладавшего в исторической ретроспективе) вероисповедания с его теологическими представлениями и религиозной практикой. В этой связи следует учитывать не только роль мировых религий и признанных традиционных вероучений, но и их *псевдодуховных мутаций,* происходящих под влиянием социально-политических процессов в мире (Гостев, 2017). Подмены же приводят к ослаблению и деградации религиозных традиций, к использованию псевдорелигиозных симулякров не только для удовлетворения потребностей низшего Я человека (подробнее см.: Гостев, Борисова, 2012), но и для реализации социально-политических, экономических и иных проектов.

Иными словами, изучение связей историко- и политико-психологических феноменов в соотнесении с религиозным фактором требует углубления знаний о психологии веры (Стратегическая психология глобализации..., 2006). Теоретически и практически значимо изучение религиозной окраски представлений людей различных культур об основных показателях их жизнедеятельности. Следует более предметно говорить и о влиянии религиозного менталитета на его мировоззренческую, информационную, технологическую и иную презентации в мире. Так, знание об обусловленности социального поведения людей их религиозной верой углубляет понима-

---

1 Интересная связь психологии личности с указанными направлениями психологической науки прослеживается в работах Н. В. Лагутова. Он, в частности, показывает, что основные психологические подходы психологии личности и психотерапии несут отпечаток религиозно-мистической ментальности (Лагутов, 2009).

ние детерминации политических событий в мире, облегчает изучение их осмысления человеком[1].

Еще один концептуальный «мостик» между исторической и политической психологией – осмысление влияния религиозных менталитетов на формирование геополитических субъектов в современном мире. Базисные религиозные установки обусловливают единство геополитического образования (их внутреннее финансово-экономическое взаимодействие – отдельный предмет изучения). Так, например, в инославно-христианской Европе–Америке, «исламском» или «буддийском» мирах мы видим не только унифицированные ценностные ориентации, общие политические цели, но и различия, противоречия (например, шиитско-сунитские, особенности «прозападности» ряда исламских стран и пр.). Однако о психологических эффектах взаимовлияния религиозных идеологий и политических установок (причем не только на государственном, но и на транснациональном уровнях)[2] следует говорить более предметно (Можаровский, 2002).

В современной России на политические процессы влияет взаимодействие разных менталитетов, связанных с важными историческими периодами: с памятью о Российской Империи с монархическими и прозападно-буржуазными элементами, о советском прошлом при разном к нему отношении с 1991 г., о постсоветском периоде. Обобщая исследования В. Е. Семёнова, отметим следующие макроменталитеты, имеющие очевидное (даже на уровне обыденного сознания) политическое влияние на российское общество: 1) постсоветский (ностальгирующий и критикующий); 2) прозападный (светский и конфессиональный, например, прокатолический); 3) «секулярно-державный»; 4) православный (Семёнов, 2008 и др.).

Роль национально-культурной духовно-нравственной традиции в ментальности некоей этносоциальной общности очевидна (Гостев, 2017; Сухарев, 2017). Поэтому *православно-христианское мировоззрение можно считать основой российской глубинной ментальности*. Именно оно помогло многим народам России в обретении устремленности к милосердию, правде, жертвенности, одарило православного вои-

1 Например, в религиозном менталитете могут по-разному соотноситься образ естественных интегративных тенденций в человечестве и представление о реализации определенных проектов (Гостев, 2017).

2 Например, финансовая и экономическая жизнь буддистско-синтоистской Японии находятся под влиянием «коллективного Запада».

на качествами защитника народов, научила воспринимать мир, исходя из чувства «Мы», «судить по совести» и т. д.

Характерной чертой православного менталитета является стремление к преодолению «западного». Об этом говорили не только славянофилы (о психологизации их идей см.: Серова, 2011), но и западные мыслители, например, О. Шпенглер. Православный человек чувствует, что «прогресс цивилизации», приведший к духовно-нравственному кризису человечества, – «не от Бога», что полная погруженность в «земные заботы» подавляет духовную свободу. В стремлении к освобождению от доминирования потребностей «низшего Я» можно усмотреть причину отторжения в современном российском обществе навязываемых ему ценностей потребительского общества. И подобные установки социального познания являются важным контекстным знанием для раскрытия познавательной силы союза социальной, исторической, политической психологии и психологии личности[1].

Для раскрытия духовно-метаисторических основ российского менталитета (Гостев, Кольцова, 2017) полезно рассмотрение представлений о будущем нашей страны. Речь, в частности, должна идти о пророчествах, согласно которым Россия сыграет важную духовную роль в мире[2]. Пока же важно учитывать *традиционно отрицательный образ России на Западе* («внешняя русофобия»), который подпитывается, в частности, неприятием православным мировоззрением инославия римо-католичества[3] и протестантизма. Предметом изучения является также многовековое российское «западопоклонство» – система социальных установок на перестройку отечественных политических институтов по западному образцу. «Западники» всегда,

---

1 Духовно-нравственные характеристики отечественного менталитета, национальной психологии хорошо представлены в трудах Института психологии РАН в последние годы (Духовно-нравственные проблемы..., 2018; Историогенез..., 2015, 2016; Психологическое здоровье..., 2014).

2 На потенциальный «русский мессионизм» указывают многие философские и религиозные доктрины, а также различные пророчества, которые имеют внушительную феноменологию своей верификации. В ограниченном объеме данной статьи укажем лишь на некоторые моменты без их конкретизации: вспомним имя Эдгара Кейси, идею геополитической борьбы за «сердце человечества» («хартлэнд», по Х. Маккиндеру), труды европейских мыслителей, признававших высокий потенциал духовности России (И. Г. Гердер, О. Шпенглер, В. Шубарт), высказывания гуру в Индии и Тибете о России как о «духовном сердце мира».

3 Заметим, что Ватикан – мощный геополитический «игрок» последнего тысячелетия.

по сути, развивали идею уничижения самобытности России. Современное «западничество» продолжает нести данную систему социально-политических и мировоззренческих установок. Вспомним при этом, что российская прозападность также вытекает из отрицательного отношения к России Запада. Следует учитывать, что западные ценности хорошо представлены в истории российской культуры, а в последние десятилетия пропагандируются в стране.

Отметим еще один важный момент. Православное мировоззрение несет в себе неприятие идеологии «мондиализма» (Рябинин, 2009), имеющей мистическую оккультную основу и предполагающую преобразование мира: уничтожение расово-этнических, религиозных, национально-культурных границ, слияние стран во всемирное государство. «Научное» признание процессов глобализации объективными и неизбежными является для православного человека маскировкой строительства «цифрового нового Вавилона»[1].

Итак, поиск междисциплинарности исторической психологии является актуальным теоретико-методологическим и практическим вопросом для ее развития, т. е. для расширения предметного поля исследований, прояснения концептуально-терминологических аспектов междисциплинарных связей. Подчеркнем также, что многогранная междисциплинарность исторической психологии (как внутрипсихологическая, так и в плане ее связей с различными направлениями гуманитарного знания) несет важное теоретико-методологическое и практически ориентированное знание. Ее высокое значение для создания *макросоциополитической психологии* очевидно.

На пути к созданию макросоциополитической психологии

Актуальность данного теоретико-методологического шага очевидна: человечество стоит перед серьезными проблемами, вызовами/рисками, порождаемыми кардинальными изменениями в мире (в странах, этнокультурных образованиях, региональных структурах), и особенно «рождающимся в муках» глобальным субъектом (Гостев, 2017; Нестик, Журавлев, 2018; Психологические исследования глобальных процессов, 2018). Идет *глобальная трансформация человечества,* т. е. его коренное преобразование с конфликтным, деструктивным взаимодействием традиционных и новых элементов.

1 Контуры этой появляющейся геополитико-идеологической структуры все более напоминают описания святоотеческих пророчеств о «царстве антихриста».

Мировая политика, отражая разные аспекты жизнедеятельности человечества в различных сферах и на различных уровнях, влияет на эти процессы изменения в мире. Восприятие их людьми необходимо рассматривать и на уровне человека, и относительно «многоэтажки» и разномасштабности человеческих сообществ: комплексному, в том числе психологическому, изучению подлежат взаимовлияния всех уровней. Главный предметом для гуманитарного знания, и, в частности, для психологической науки, является изучение многоплановых последствий глобальной трансформации во всем многообразии ее форм. В этой связи макросоциополитическая психология призвана стать психологией происходящих изменений в мире. Соотношения ее с другими возникшими сродными интегративными направлениями психологической науки (например, с глобальной психологией, см.: Ковалева, Журавлев, 2018), в данной статье мы рассматривать не будем.

Теоретико-методологическую основу макросоциополитической психологии представляют следующие позиции:

1) внутрипсихологическая междисциплинарность по отмеченным в статье взаимодействующим направлениям психологической науки (социальная, политическая, историческая психология, психология личности, психология религии);
2) психология образной сферы личности и образов, присутствующих в системе сознания социальных общностей;
3) макропсихологический подход, обосновывающий тесное взаимодействие современной психологии с гуманитарным знанием, в частности, опору на исследования глобальных процессов в политологии, социологии, культурологи, философии (Макропсихология..., 2009);
4) психология духовно-нравственной сферы человеческого бытия (включая опыт религиозных и мистических традиций), являющаяся значимым фактором мировой политики и имеющая особое значение для осмысления психологического и духовно-нравственного вызовов на путях глобальной трансформации человечества (Гостев, 2017 и др.).

В зону ответственности макросоциополитической психологии входит ее вклад в изучение роли субъективного фактора в глобальной трансформации. В связи с этим важен *контекст* исследования глобальной трансформации: а) понимание масштабности и многоаспектного содержания системного кризиса человечества; б) учет многофакторности мировых процессов в единстве *объективных*

тенденций и *субъективных* на них влияний[1]; в) признание духовно-метаисторической составляющей макросоциополитической психологии[2]; д) учет многовариантности картины современного мира у людей и, соответственно, неоднозначности сценариев будущего человечества[3].

Раскрытию содержания шагов по построению макросоциополитической психологии как теоретико-методологического и прикладного ответа психологической науки на вызовы глобальной трансформации будут посвящены ближайшие будущие работы автора данной статьи, который призывает коллег к совместным исследованиям в обозначенном направлении.

Литература

Гостев А. А. Психология вторичного образа. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.

Гостев А. А. Глобальная психоманипуляция: психологические и духовно-нравственные аспекты. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017.

---

1 Предметом изучения может стать спектр психологических последствий синергетического влияния на человечество социально-политического, экономического, идеолого-мировоззренческого, религиозного проектирования на транснациональном и национальном уровнях (при их публичном и непубличном взаимодействии). Актуально рассмотрение психологических и духовно-нравственных последствий естественного и преднамеренного разрушения старого мироустройства, национально-культурных традиций.

2 Глобальная трансформация является мистическим проектом «строительства цифрового Нового Вавилона», а потому она, находясь под влиянием отрицательных метафизических сил, связана с «духовным космосом», с действием духовных законов мироздания.

3 Сценарии могут быть самые разные: например, появление чего-то (предсказуемого и непредсказуемого) способного изменить человечество в шоковом режиме; мегакатастрофы, пандемии (более серьезные, чем коронавирусная); вóйны; «пространства социального хаоса»; антропологическая трансформация. Полезно учитывать также: а) последствия завершения эпохи традиционного капитализма; б) многоуровневый контроль-управление планетарными ресурсами в связке «компрадорско-псевдонациональное–транснациональное»; в) формирование системы глобального социального контроля над людьми; г) изменение этнокультурного состава стран; д) установка на сокращение населения планеты.

Гостев А. А., Борисова Н. В. Психологические идеи в творческом наследии И. А. Ильина: на путях создания психологии духовно-нравственной сферы человеческого бытия. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.

Гостев А. А., Кольцова В. А. Метаисторические аспекты исторической психологии: новые грани в изучении менталитета // Фундаментальные и прикладные исследования современной психологии: результаты и перспективы развития / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017. С. 194–204.

Духовно-нравственные проблемы современной личности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018.

Журавлев А. Л., Юревич А. В. Патриотизм как объект изучения психологической науки // Психологический журнал. 2016. Т. 37. № 3. С. 88–98.

Ильин И. А. О грядущей России: Избранные статьи. М.: Воениздат, 1993.

Историогенез и современное состояние российского менталитета / Отв. ред. В. А. Кольцова, Е. В. Харитонова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015.

Историогенез и современное состояние российского менталитета. Выпуск 2 / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова, Е. Н. Холондович. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.

Ковалева Ю. В. Журавлев А. Л. Глобальная психология в условиях современных глобальных вызовов // Фундаментальные и прикладные исследования современной психологии: результаты и перспективы развития / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. С. 1830–1838.

Лагутов Н. В. Теологический анализ стратегий и техник психотерапии. Сергиев Посад: Агион, 2012.

Лутовинов В. И., Гостев А. А., Шувалов А. В. Духовно-религиозная концепция патриотизма Ивана Александровича Ильина и вызовы современности // Живая вода: научный альманах. Серия «Православие. Педагогика. Психология». Вып. III. Калуга: Изд. С. И. Захаров («СерНа»), 2019. С. 104–135.

Макропсихология современного российского общества / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.

Можаровский В. В. Догматическое мышление и религиозно-ментальные основания политики. СПб.: ОВИЗО, 2002.

Нестик Т. А., Журавлев А. Л. Психология глобальных рисков. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018.

Психологические исследования глобальных процессов: предпосылки, тенденции, перспективы / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Д.А. Китова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018.

Психологическое здоровье личности и духовно-нравственные проблемы современного российского общества / Отв. ред. А.Л. Журавлев, М.И. Воловикова, Т.В. Галкина. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014.

Рябинин В.А. Идеология «Тайны беззакония»: философский и политический анализ идеологии «мондиализм». М.: Аиро-XXI, 2009.

Семёнов В.Е. Российская полиментальность и социально-психологическая динамика на перепутье эпох. СПб., 2008.

Серова О.Е. Нравственная история народа: об истоках отечественной социально-психологической мысли // Психология воспитания и образования современного человека: диалог со святоотеческой традицией. Научные доклады и статьи: Материалы конференции XVIII Международных Рождественских образовательных чтений (27–28 января 2010 г.). М.: ПИ РАО-МГППУ, 2011. С. 166–181.

Стратегическая психология глобализации: Психология человеческого капитала: Учеб. пособ. / Под науч. ред. А.И. Юрьева. СПб.: Logos, 2006.

Сухарев А.В. Развитие русской ментальности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017.

К вопросу об исторической изменчивости менталитета

И. А. Мироненко

doi: 10.38098/thry.2020.25.72.010

Понятия менталитета и ментальности, которые в психологической литературе часто используются как синонимы[1], вошли в научный дискурс относительно недавно, но уже занимают там значительное место и служат предметом дискуссий на страницах наших ведущих журналов. Поиск на сайте E-library публикаций по теме «менталитет» и «ментальность» на страницах наших ведущих публикационных площадок, «Психологического журнала» и «Вопросов психологии», дает 32 статьи (из них 28 опубликованы в «Психологическом журнале»), начиная с 1994 г., когда была опубликована статья К. А. Абульхановой-Славской «Социальное мышление личности: проблемы и перспективы» (Абульханова-Славская, 1994).

Внимание к этой теме вызвано во многом ее практической значимостью: «...понятие „менталитет" оказалось не только очень востребованным современной российской реальностью, но и по-своему очень удобным для объяснения происходящего, обнаружив свой незаурядный потенциал в выполнении как объяснительных, так и идеологических и прочих функций (например, оправдание нашей неспособности жить по западным образцам и т. п.).» (Юревич, 2013, с. 90). Не случайно после масштабной дискуссии о перспективах психологии в решении задач российского общества, развернувшейся на страницах «Психологического журнала» (Журавлев, Ушаков, Юревич, 2013), был сделан вывод о том, что наиболее существенной из всех поднятых к обсуждению тем стала тема менталитета (Журавлев, Ушаков, Юревич, 2017).

На фоне достигнутого продвижения в разработке темы менталитета продолжает оставаться проблемой его *историческая измен-*

Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 20-013-00260.

1 А. В. Юревич в одной из своих работ отмечает, что «авторы... переходят от понятия „менталитет" к понятию „ментальность" так, как будто они эквивалентны» (Юревич, 2013, с. 95).

чивость (подробнее см.: Историогенез..., 2016; Кольцова, Журавлев, 2017; и др.). Сохраняя в определенной степени свою устойчивость и постоянство, менталитет существенно меняется в ходе истории, что становится все более очевидным по мере ускорения культурно-исторического процесса. Представляется, что именно этот аспект – очевидная изменчивость относительно устойчивых менталитетов, свидетелями чему мы стали в эпоху глобализации и сопутствующих ей цивилизационных сдвигов – является и существенным фактором возросшего на рубеже тысячелетий внимания ученых к теме ментальности (см. также: Историческая психология..., 2004; Королёв, Журавлев, Кольцова, 2011; и др.).

В настоящей статье обсуждается возможность применения к анализу проблемы исторической изменчивости менталитета *структурно-динамического подхода* Б.Д. Парыгина (Парыгин, 1971, 2010). Данный подход был разработан им именно для анализа явлений, сочетающих в себе, с одной стороны, несомненное постоянство, с другой – столь же несомненную изменчивость (о вкладе Парыгина в развитие социальной психологии подробнее см.: Мироненко, Журавлев, 2016)

Проводя аналогии с научно-практическим изучением климата и погоды, можно предложить следующие рассуждения: погода в какой-либо местности отнюдь не является постоянной. На смену периодам ее относительной устойчивости приходят резкие сдвиги, часто трудно предсказуемые специалистами. Более того, в местности с более теплым климатом какое-то время погода может быть холоднее, чем в местности, климатически более холодной. Однако эти факты не ставят под сомнение важность понятия «климат» и полезность его исследований, оставляя отдельной задачей прогноз погоды. Климат и погода непосредственно связаны, однако исследования каждого нацелены на свои практические задачи и имеют свой методологический аппарат.

Структурно-динамический подход применялся Парыгиным для изучения социально-психологических явлений, относительно устойчивых и в то же время чрезвычайно подвижных и изменчивых, таких, как личность и социальная общность. Основу подхода составляет понятие о *динамической структуре* как об определенном типе функциональных моделей сложных динамических систем, который отличается от «парной» модели *статической структуры* и в некотором смысле ей противопоставлен: «Термин динамической структуры.... правомерен лишь в соотнесении с понятием статической структуры. В противном случае он не имеет никакого смысла» (Парыгин, 2010, с. 173). Различными оказываются и области применения моде-

лей статической и динамической структур, и адекватные этим моделям методы анализа: «Патологоанатом, исследуя труп, имеет дело со статической структурой животного или человеческого организма. Физиолог же, изучающий не труп, а живой, пульсирующий и постоянно меняющийся, функционирующий организм, имеет дело не со статической, а с динамической структурой. Здесь же можно видеть и различия в возможностях и пределах как интеграции, так и дифференциации целого. У патологоанатома неограниченные возможности анализа, расчленения, дифференциации объекта его исследования и крайне ограниченные возможности интеграции. Последние носят прожективный характер. У физиолога же, наоборот, неограниченные возможности для изучения процессов интеграции и взаимодействия, но зато в гораздо большей степени затруднены и ограничены возможности анализа и расчленения соматических и конституционных компонентов организма друг от друга, чем у патологоанатома» (там же, с. 175). Соответственно, Парыгин говорит о преимущественно *аналитическом* методе при использовании статических моделей и *интегральном* методе применительно к моделям динамическим. В его трудах представлена такая «пара» моделей, подробно проработанная применительно к *феномену личности* (Парыгин, 1971, 2010). Под статической структурой Парыгин понимает «предельно отвлеченную от реально функционирующей личности абстрактную модель, характеризующую основные аспекты, пласты или компоненты психики индивида» (Парыгин, 2010, с. 174). Основным признаком статической структуры является ее отвлеченность от конкретного момента времени. Динамическая же структура, напротив, «фиксирует основные компоненты в психике индивида уже не в их отвлеченности от каждодневного существования человека, а, наоборот, лишь в непосредственном контексте человеческой деятельности» (Парыгин, 2010, с. 174).

Статическая структура личности рассматривается им как состоящая из трех основных пластов: 1) общечеловеческого, 2) социально-специфического, 3) индивидуально-неповторимого, которые далее дифференцируются.

Модель динамической структуры личности позволяет понять механизмы взаимосвязи всех структурных пластов в психике индивида. Важной особенностью данной структуры, в отличие от статической, является ее приуроченность к какому-то конкретному отрезку времени, в течение которого можно говорить об определенном состоянии психики или деятельности человека. Различаются два основных аспекта анализа динамической структуры личности: вну-

тренний (структура психического состояния) и внешний (структура поведения). И внешний, и внутренний аспекты могут быть направлены как на вербальный (осознанный), так и на невербальный (неосознанный) компоненты психического.

В контексте динамической модели личности Б.Д. Парыгин вводит понятие ее *психического настроя* (Парыгин, 1971, 2010). Под последним подразумевается интегральное структурное образование, которое характеризует тональность и предметную направленность психического состояния человека в конкретный отрезок времени.

Значимость психического настроя личности определяется многообразием его функций. Он работает как: 1) аккумулятор информации, воспринимаемой и перерабатываемой индивидом в единицу времени; 2) регулятор и тонизатор активности человека; 3) установка на восприятие информации и деятельности; 4) фактор, определяющий ценностную ориентацию личности. Психический настрой личности представлен, с одной стороны, неосознанным эмоциональным фоном, что соответствует невербальному психическому состоянию, с другой – умонастроением, что соответствует вербальному психическому состоянию.

Примечательно, что к динамическим моделям Парыгин обращается прежде всего в своих практико-ориентированных работах, направленных на оптимизацию состояния и деятельности общностей. В психологии малых групп широко известен цикл его работ по измерению и оптимизации климата коллектива (Парыгин, 1981, 2010), где центральным понятием выступает как раз понятие настроя.

Анализ проблемы ментальности, как она была поставлена в упомянутой в начале статьи дискуссии о месте и роли психологии в решении актуальных задач российского общества (Журавлев и др., 2013), представлен в поздних работах Парыгина, уже постсоветского периода, посвященных региональному реформированию (Парыгин, 1993, 2010). Размышляя над острыми проблемами времени, в поисках пути их решения с позиции структурно-динамического подхода, Парыгин обращается не к вопросу о национальном характере, что традиционно доминирует в дискурсе, а к проблеме *социально-психологического состояния общества* и конкретных факторов, его определяющих: «Связь успехов или неудач социально-экономического реформирования с духовно-нравственным состоянием общества становится все более очевидной. Интегральным эмпирическим индикатором качества этой связи является вера народа в эффективность и успехи прежде всего радикальной экономической реформы» (Парыгин, 2010, с. 473).

Социально-психологическое состояние общества изменяется день ото дня, оно доступно наблюдению, измерению и даже прогнозу и регуляции в значительно большей степени, чем национальный характер. Значит, есть надежда на этом пути перейти от вопроса «кто виноват» к вопросу «что делать». Здесь он видит как причины неудач проводимых реформ, так и возможные рычаги влияния на ситуацию: «Психическое состояние напряженности и тревожности населения – фактор, не способствующий процессу радикального экономического реформирования. В свою очередь тот или иной характер, те или иные региональные особенности и, в частности, темпы данного процесса способны оказывать не менее значительное обратное как стабилизирующее, так и, наоборот, дестабилизирующее влияние на социальную психику» (там же, с. 478).

Представляется, что определение менталитета как *«совокупности всех психологических свойств людей, влияющих на принятие или непринятие правил, заданных социальными институтами»* (Журавлев, Ушаков, Юревич, 2017, с. 108), предполагает обращение именно к динамической структуре данного явления. Следование логике структурно-динамического подхода позволяет в данном случае, с одной стороны, сузить поле исследований, сосредоточив внимание именно на характеристиках, относимых к динамической стороне. С другой – подсказывает целесообразность преимущественного использования интегрального подхода. Возможно, окажутся полезными и разработанные Парыгиным модели динамических структур личности и общности. Структурная модель социально-психологического климата коллектива построена им на основе анализа, охватывающего в единстве уровни личности, малой группы (т. е. собственно коллектива) и макросоциальной среды, в которую коллектив включен (Парыгин, 1981, 2010). В качестве объективного и одновременно интегрального критерия оптимальности социально-психологического климата коллектива рассматривается степень соответствия или несоответствия последнего актуальным социально-психологическим тенденциям и требованиям современного социального и научно-технического прогресса. Наибольшее соответствие его требованиям социального развития обеспечивает максимальную включенность человека в деятельность, а это, в свою очередь, оказывается важным условием социальной и экономической эффективности самой деятельности. Таким образом, изначально сама малая группа (коллектив) рассматривается в структуре макросоциальной среды, в контексте актуального состояния социума. Вписывая характеристики взаимосвязи личности и коллектива в социальную макросреду, Парыгин исследует воздействие процес-

сов, происходящих в макросоциальной системе под влиянием научно-технического прогресса, на особенности социально-психологических изменений в коллективе и во взаимоотношениях личности и коллектива (Парыгин, 1976, 1978, 2010). На этой основе им формулируется система показателей и индикаторов социально-психологического климата коллектива, позволяющая его измерять, регулировать и прогнозировать его динамику. Следуя этой логике, для оценки динамической структуры менталитета необходимо принимать во внимание актуальные тенденции мирового социально-культурного и цивилизационного развития, которые оказываются при таком подходе референтными ориентирами для описания его текущего состояния.

***

Результаты исследования Б.Д. Парыгиным проблемы социально-психологических состояний не до конца отрефлексированы психологическим сообществом. Аппарат структурно-динамического подхода, суть которого заключается в разработке пары соотнесенных структурных моделей, статической и динамической, различающихся по составу компонентов и адекватным для них методам исследования, может быть полезным в исторической психологии применительно к изучению менталитета, где сочетание относительного постоянства и изменчивости традиционно рассматривается как фактор, затрудняющий и теоретическую разработку проблемы, и поиск практических решений в сфере психологических задач, стоящих перед обществом.

Представляется, что предложенное А.Л. Журавлевым с соавторами определение менталитета как «совокупности всех психологических свойств людей, влияющих на принятие или непринятие правил, заданных социальными институтами» (Журавлев, Ушаков, Юревич, 2017, с. 108), предполагает обращение именно к динамической структуре данного явления. Следование логике структурно-динамического подхода позволяет в данном случае, с одной стороны, сузить поле исследований, сосредоточив внимание именно на характеристиках, относимых к динамической стороне, а с другой – подсказывает целесообразность преимущественного использования интегрального подхода.

Литература

Абульханова-Славская К.А. Социальное мышление личности: проблемы и перспективы // Психологический журнал. 1994. Т. 15. № 4. С. 39–55.

Журавлев А.Л., Ушаков Д.В., Юревич А.В. Перспективы психологии в решении задач российского общества. Часть 3. «На пути к технологиям согласования социальных институтов и менталитета» // Психологический журнал. 2013. Т. 34. № 6. С. 5–25.

Журавлев А.Л., Ушаков Д.В., Юревич А.В. Менталитет, общество и психосоциальный человек (ответ участникам дискуссии) // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 1. С. 107–112.

Историогенез и современное состояние российского менталитета. Вып. 2 / Отв. ред. А.Л. Журавлев, В.А. Кольцова, Е.Н. Холондович. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.

Историческая психология: предмет, структура и методы / Под общ. ред. А.А. Королёва. М.: МосГУ, 2004.

Кольцова В.А., Журавлев А.Л. Сущностные характеристики и факторы формирования российского менталитета // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 3. С. 5–17.

Королёв А.А., Журавлев А.Л., Кольцова В.А. История и психология: неумолчный диалог: Учеб. пособ. / Под ред. А.А. Королёва. М.: Изд-во МосГУ, 2011.

Мироненко И.А., Журавлев А.Л. Вклад Б.Д. Парыгина в развитие отечественной социальной психологии // История отечественной и мировой психологической мысли: судьбы ученых, динамика идей, содержание концепций: Материалы всероссийской конференции по истории психологии «VI Московские встречи» / Отв. ред. А.Л. Журавлев, В.А. Кольцова, Ю.Н. Олейник. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 279–284.

Парыгин Б.Д. Основы социально-психологической теории. М.: Мысль, 1971.

Парыгин Б.Д. Научно-техническая революция и социальная психология. Л.: Знание, 1976.

Парыгин Б.Д. Научно-техническая революция и личность: социально-психологические проблемы. М.: Политиздат, 1978.

Парыгин Б.Д. Социально-психологический климат коллектива: пути и методы изучения / Под ред. В.А. Ядова. Л.: Наука, 1981.

Парыгин Б.Д. Социальная психология территориального самоуправления. СПб.: Унигум, 1993.

Парыгин Б.Д. Социальная психология: истоки и перспективы / Под ред. А.С. Запесоцкого. СПб.: СПбГУП, 2010.

Юревич А.В. К проблеме базовых компонентов национального менталитета // Психологический журнал. 2013. Т. 34. № 4. С. 89–100.

Праздник как объект исторической психологии

М. И. Воловикова

doi: 10.38098/thry.2020.25.72.011

Одной из загадок менталитета является вопрос о том, как он в основных своих чертах сохраняется в течение веков, как передаются главные ценности и идеалы народа от поколения к поколению, почему даже самые мощные вторжения в идеологический строй государства не приводят к быстрому разрушению прежней системы идеалов, более того, наблюдается эффект возвращения к прежним ценностям и идеалам, пусть и спустя десятилетия. «В историческом прошлом – истоки многих проблем, которые нас волнуют сегодня, явлений нашей общественной и индивидуальной жизнедеятельности» (Кольцова, 2011, с. 86). Самой большой защитой прежних укладов является семья, и передается все не только посредством нравоучений или примеров поведения, но и на радостном позитиве, через праздник (Кольцова, Журавлев, 2017).

Понятие «праздник» является сложным и многозначным. Можно воспользоваться его очевидным пониманием, основанном на этимологии данного слова, праздник – от «праздный, свободный от труда». В обыденной речи праздником называют нерабочие дни официального календаря. О празднике говорят также как о психологическом состоянии особой радости («*Для меня это настоящий праздник!*»). В «Словаре античности» данное слово соотносится с латинскими «dies festus», «fesia/feria», что означает «день, свободный от работы», и говорится о том, что с древних времен задачей праздника было «восстановить нарушенную гармонию между людьми и природой и устранить отчуждение людей от природы и общества» (Словарь античности, 1989, с. 455). А в грузинском языке слово праздник означает «день чуда».

О сакральном значении праздника говорил М. М. Бахтин, связывая его с высшими целями человеческого существования, т. е. с миром идеалов, и подчеркивая: «Без этого нет и не может быть никакой праздничности» (Бахтин, 1990, с. 14).

Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 18-013-00259.

Праздник существовал и существует всегда – с самых древних времен человечества до настоящего времени. Он и изменчив в каких-то деталях в разных культурах, и неизменен в главном, самом существенном своем качестве: способности восстанавливать цельность человека, возвращать гармонию между людьми и природой, способствовать подлинному общественному единству.

Изучение праздника в психологии начато относительно недавно и касается представлений о нем в разных возрастных, этнических и других социально-демографических группах (Воловикова, Тихомирова, Борисова, 2003). Исследована динамика социальных представлений о новом государственном празднике (Борисова, Воловикова, 2016). Показано, что назначенный праздник принимается не сразу, а старый не тотчас уходит из жизни людей, но может возвращаться, хотя и в измененном виде. Напомним в связи с этим историю «советского (русского) Нового года» (Воловикова, 2016), впитавшего в себя отчасти символику отмененного после революции праздника Рождества Христова: вернувшего рождественскую елку, ставшую новогодней, рождественские спектакли, ставшие новогодними представлениями, подарки и другие ежегодные радости детей и взрослых. Главное, что удалось сохранить «русскому Новому году», – это ожидание чуда, чему помогает Дед Мороз – сказочное существо, «не участвовавшее» в дореволюционной России в рождественских торжествах прежде всего из-за своего языческого происхождения, а сейчас ставшее основным действующим лицом и даже «брендом» этого едва ли не главного праздника наших современников.

Как объект исторической психологии праздник помогает приблизиться к ценностному миру предыдущих поколений, а именно – восстановить целостную картину системы их ценностных приоритетов. Анализ опубликованных воспоминаний, архивных материалов и даже произведений художественной литературы помогает понять, как праздник был вплетен в события жизни наших предков, что он означал, какое представление о мире господствовало в определенную историческую эпоху. Другая сторона праздничной жизни, связанная с материальной составляющей праздничной культуры (одеждой, песнями, танцами, ритуалами, угощением и т. п.), давно и успешно изучается в смежных с психологией науках – истории, культурологи, этнологии, фольклористике и др., хотя четкую границу между ними провести удается далеко не всегда и психологии приходится заходить на «чужую территорию».

Так, опыт сопоставления современных и древних представлений о празднике и праздничной жизни в одном и том же регионе был пред-

принят в работе «Праздники Смоленщины: психологическое исследование» (Воловикова, Дикевич, 2017). Для сравнения были использованы архивные материалы по праздникам Смоленской губернии, собранные в конце XIX–начале XX вв. этнографическим бюро князя В. Н. Тенишева, и результаты двух этапов эмпирического исследования современных представлений о празднике (2000 и 2017 гг.). При этом в выборке 2000 г. были представлены как пожилые респонденты (старшему участнику был 81 год), так и молодежь, а выборка 2017 г. целиком состояла из молодых людей, родившихся в 2000 г.

При проведении подобного сравнительного исследования необходимо, чтобы способы сбора эмпирического материала в наше время не находились в противоречии с теми способами, которыми были получены ответы респондентов сто или двести лет назад. В этом плане анкетирование является проверенным и надежным методом. Анкеты тенишевского этнографического бюро были составлены из вопросов, затрагивающих почти все стороны жизни крестьянства того времени. Праздник составлял лишь небольшую их часть. Собиратели просили жителей рассказать о том, какие праздники и как именно они празднуют. Анкета, разработанная для современного исследования, также состояла из нескольких простых вопросов о любимых праздниках и о том, что в них запомнилось респонденту.

На примере этого региона мы можем наблюдать, какие изменения произошли в праздничной жизни за более чем сто лет. Естественная для крестьян позапрошлого века обращенность к сакральной (духовной) природе праздника сменилась эмоциональной (душевной) доминантой, но в то же время была зафиксирована сохранность утверждаемых в праздниках ценностей любви к близким, радости, мира со всеми и памяти о славной истории своей земли. Так, в исследовании 2017 г. было показано, что День Победы и акция «Бессмертный полк» на Смоленской земле имеют ярко выраженную семейную направленность и для молодых людей являются действенным способом почтить память своих воевавших и погибших предков (Воловикова, Дикевич, 2017).

В работе было показано, что до революции народ Смоленщины жил в ритме календарных праздников, определявших православное мировоззрение и христианские ценности. Эта традиция частично сохранялась вплоть до 1940-х годов. От поколения к поколению праздничные традиции передавались в семье, через близких взрослых. Если проследить изменения календарей[1] с 1917 по 1939 гг., то можно заме-

1 Информацию о календарях послереволюционного периода мы нашли на сайте: https://marafonec.livejournal.com/1121245.html.

тить постепенное обеднение праздничной жизни в стране и попытки закрепить новый, «революционный» праздничный ритм. Причем делалось это сумбурно, не одновременно в разных регионах и с разным «набором» отмечаемых в официальном календаре дат, что свидетельствовало о разрушении единого ритма жизни страны. Прежний дореволюционный ритм был основан на датах христианских (православных) праздников. Некоторые из них до 1929 г. еще оставались в официальном календаре, но, в отличие от советских «праздников», назывались «днями отдыха» – неоплачиваемым временем, в которое можно было пропустить работу. Однако в «год великого перелома» всякое упоминание Пасхи, Троицы и других главных праздников исчезает, а в календарях появляются «непрерывка» – непрерывная работа со случайной датой отдыха либо «шестидневка», в которой дни недели называются по номерам: «первый», «второй»... и никакого воскресенья. Начало Великой Отечественной войны остановило процесс изгнания этих прежних праздников из народной памяти, включая еженедельное воскресенье, «малую Пасху».

Обращение к «праздничным биографиям» (термин составлен по аналогии с «игровыми биографиями» С. В. Григорьева (Григорьев, 1995)) позволяет увидеть, что в народе память о праздниках сохранялась. В этом смысле особенно важными оказались свидетельства самых пожилых участников исследования 2000 г., т. е. тех, кто родился в 1915–1920 гг. и могли помнить довоенное и послевоенное время (хотя, как оказалось, лучше всего немолодые люди помнят праздники своего детства или юности). Само время войны не присутствовало в праздничных воспоминаниях, но День Победы 1945 г. помнили все.

Исследователи отмечают, что историческая память – основа национальной идентичности. Она избирательна и эмоциональна в оценках прошлого. Ее вехи во времени – праздничные даты, а в пространстве – памятные места. Утверждается также, что память о событиях прошлого постоянно меняется, пересматривается в связи с задачами настоящего (Емельянова, 2016). Как раз стремление изменить праздничный календарь при изменении строя общественной жизни косвенно говорит о важности праздников в формировании ценностной картины мира.

До революции главным праздником была Пасха. Ей предшествовали 10 подготовительных недель, из них 6 недель строгого поста, названного Великим, седьмая неделя – Страстная, а само пасхальное время (когда все службы начинаются и завершаются песнопением о Воскресении Спасителя) продолжалось еще 40 дней, переходя затем в 10 дней ожидания дня Сошествия Святого Духа на апосто-

лов. Исследователи отмечают, что именно Пасхе принадлежит особая роль в формировании русского характера, бесстрашия и храбрости наших воинов (Громыко, Буганов, 2007).

С детства русские люди запоминали все периоды, связанные с Пасхой, и подготовительный, и сам праздник, и попразднество. В одной небольшой газете нам встретилось следующее свидетельство об этом, относящееся к 1930 г., времени разгара преследования верующих. Священник Александр Гневушев служил в сельском храме под Ульяновском, когда понял, что вокруг сжимается смертельное кольцо. На богослужении он сказал с амвона, что, возможно, это его последняя служба. Люди заплакали, а хор вдруг запел трогательное великопостное песнопение, хотя до Великого поста было еще много времени: «Душе моя, душе моя, восстани, что спиши? Конец приближается...». Вот как этот момент был описан в следственных материалах: «После торжественной проповеди антисоветского содержания Гневушев со слезами на глазах ушел в алтарь, и в это время на клиросе *в нарушение устава* запели трогательный великопостный стих: „Душа, что спишь, конец приближается...“. Находящиеся в церкви, человек до двухсот верующих, все плакали...» (Коновалов, 2019, с. 19). Отца Александра приговорили к расстрелу. Ему было всего 40 лет. Но отметим, что еще в 1930-е годы гонители религии знали богослужебный устав Великого поста, память о котором они сохранили с детских лет.

Еще более удивительна публикация, в которой речь идет о произведении Бориса Полевого «Повесть о настоящем человеке», написанном сразу же после войны в 1946 г. Фильм, снятый по этой повести, помнят многие, но в него не вошли важные смысловые детали, которые при внимательном прочтении обнаружила кандидат филологических наук Мария Кузьмина (Кузьмина, 2019). Анализ текста повести позволил ей сделать вывод о том, что сдвиг на три месяца реальных событий со сбитым летчиком, в повести названным Мересьевым, не случаен. Самолет реального Алексея Маресьева был сбит 4 апреля 1942 г. над вражеской территорией и раненый летчик в течение 18 дней полз в сторону фронта, пока его не подобрали жители партизанского поселения. Пасха в 1942 г. была 5 апреля, однако в повести на вопрос о том, когда ими был найден сбитый летчик, дед-староста отвечает, что это произошло в Чистую субботу, под Прощеное воскресенье, т. е. перед началом Великого поста, 14 февраля 1942 г. Значит, сбит он был 28 января 1942 г., в среду седмицы о мытаре и фарисее. Анализируя причины такого сдвига, Мария Кузьмина пишет: «Христианский подтекст событий заложен в ценност-

но значимых отсылках к церковному календарю. Из них явственно выделяются две реперные точки: первая – Прощеное Воскресенье, точнее, суббота Памяти всех преподобных накануне его, и вторая – Вербное Воскресенье. Так, события первых двух частей „Повести" выстроены вокруг двух этих дат, при этом промежуточная хронология внутри текста позволяет в опоре на них восстановить соотнесенность с другими вехами великопостного календаря наиболее значимых происшествий в судьбе главного персонажа» (Кузьмина, 2019). Более детально это выглядит так: «Четверо суток марша Мересьева приходится на Неделю о Мытаре и Фарисее, семь – на Неделю о Блудном сыне, и еще семь – на Неделю о Страшном суде» (там же). В книге много других совпадений ключевых моментов судьбы героя с определенными днями Великого поста. И главное – названия и смысл этих дней были хорошо знакомы автору и читателям, для них Пасха начиналась с подготовки к Празднику, а сама подготовка состояла в напряженной и последовательной духовной работе, где ограничения в еде были не самоцелью, а лишь условием облегчения этого труда.

«Реперные точки» – это определенные дни, связанные с Великим постом, названные автором и хорошо знакомые современникам. О Прощеном воскресенье говорит пожилой крестьянин, а на Вербное воскресенье указывает веточка вербы, принесенная в палату. Остальные даты и связанные с ними великопостные события читатель того времени мог вычислить сам, поскольку с детства *проживал* эти дни подготовки к Пасхе, причем год за годом проходил этот круг «Лета Господня», взрослея и укрепляясь в опытном знании того, что великой (пасхальной) радости победы над смертностью человека предшествует великая печаль крестной смерти.

«Задача культа может быть выполнена только иерархической организацией жизни, – писал Павел Флоренский, – так, чтобы вся жизнь была освящена, но чтобы притом в самом освящении ее были свои ступени, свои напластования, свои концентры, свои степени преображенности земного – в небесном. <...> Степеням восхождения первого соответствуют степени нисхождения второго; и чем выше восхождение земного, тем ниже нисхождение небесного, тем ближе они друг к другу, тем теснее их связь, тем взаимно-проникновеннее они, тем полнее преображение жизни, преображение мира, преображение вещества» (Флоренский, 1977, с. 197).

Праздник учил, воспитывал, готовил к жизненным испытаниям, радовал и утешал. Воспринятый с детства, он не мог просто исчезнуть, но «прорастал» в сохранении семидневной недели (вопре-

ки всем попыткам перейти на иной рабочий цикл), в воскресениях (а не «концах недели»), в возвращении в 1935 г. запрещенной елки (ставшей новогодней), в многотысячном участии наших сограждан в акции «Бессмертный полк», а также во многих чертах «русского характера», которые до сих пор прорываются в чрезвычайных обстоятельствах.

Какие воспоминания о праздниках сохранили с детских лет современные взрослые? Возможно, это радостная предпасхальная подготовка – крашение яиц и освящение куличей. Но, скорее всего, как показывают результаты наших исследований, это память о советских праздниках и демонстрациях (Воловикова, Тихомирова, Борисова, 2003). Что касается тех, чье детство пришлось на 1990-е и 2000-е годы, то здесь картина будет иная, и она требует отдельного изучения. Можно предположить, что единого ритма праздничной жизни страны наблюдать не придется и что в воспоминаниях о постперестроечном периоде мы будем наблюдать уход праздника на индивидуальный уровень, его попадание в зависимость от ценностей и предпочтений конкретного человека.

***

Праздник как объект исторической психологии позволяет исследовать ценностный мир предыдущих поколений, а также приблизиться к пониманию истоков российского менталитета. В историко-психологическом исследовании праздника можно использовать как этнографические архивные материалы, так и воспоминания современников о праздниках своего детства. Возможно составление «праздничных биографий» и последующая работа с ними.

Многое в понимании места праздников в жизни предыдущих поколений дает обращение к документам эпохи и даже к официальным календарям, отражающим ритм, по которому живет государство, а в праздниках – те ценности, которые оно утверждает. Произведения художественной литературы могут также свидетельствовать о сохранении (или утрате) традиций празднования в период их написания автором.

Особый интерес представляют повествования, в которых праздник служит раскрытию авторского замысла. Обращение к произведению Бориса Полевого «Повесть о настоящем человеке» в сопоставлении с реальной историей подвига прототипа героя, летчика Алексея Маресьева, позволяет акцентировать значение периода подготовки к празднику как важного условия духовной работы человека по преодолению сложившихся обстоятельств. То, что автор выбрал

для начала повести время, предшествующее Великому посту, помогает обратить внимание читателя на характер духовной работы, проделанной героем. Пасха, вместе с периодом подготовки и периодом попразднества занимающая почти треть года, определяла и во многом определяет бесстрашие, исторически сложившееся в русском характере.

Литература

Борисова А. М., Воловикова М. И. Динамика социальных представлений о новом государственном празднике в период 2007–2015 гг. // ИП РАН. Социальная и экономическая психология. 2016. Т. 1. № 1 (1). С. 41–60.

Воловикова М. И. Психологический анализ феномена «русский новый год» // Теоретические проблемы этнической и кросскультурной психологии: Материалы Пятой Международной научной конференции / Отв. ред. В. В. Гриценко. Смоленск: Изд-во Смоленского гуманитарного ун-та, 2016. С. 18–20.

Воловикова М. И., Дикевич Л. Л. Праздники Смоленщины: Психологическое исследование // ИП РАН. Социальная и экономическая психология. 2017. Т. 2. № 2. С. 31–45.

Воловикова М. И., Тихомирова С. В., Борисова А. М. Психология и праздник: Праздник в жизни человека. М.: Пер Сэ, 2003.

Григорьев С. В. «Игры сознания» и биографические исследования в этнопсихологии // Сознание личности в кризисном обществе / Под ред. К. А. Абульхановой-Славской, А. В. Брушлинского, М. И. Воловиковой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1995. С. 57–75.

Громыко М. М., Буганов А. А. О воззрениях русского народа. М.: Паломник, 2007.

Емельянова Т. П. Социальные представления: История, теория и эмпирические исследования. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.

Кольцова В. А. Историческая психология как комплексная отрасль знания: теоретико-эмпирический анализ // Психологический журнал. 2011. Т. 32. С. 85–95.

Кольцова В. А., Журавлев А. Л. Сущностные характеристики и факторы формирования российского менталитета // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 3. С. 5–17.

Коновалов В. Душа моя, душа... // Юго-Восточный курьер. 2019. № 8 (821). С. 19.

Кузьмина М. «Отселе узриши небо отверсто»: Церковный календарь в «Повести о настоящем человеке» // Православие.ру. 2019. 5 июля. URL: https://pravoslavie. ru/122209.html (дата обращения: 18.11.2020).
Словарь античности / Сост. Й. Ирмшер, Р. Йоне. М.: Прогресс, 1989.
Флоренский П. А. Философия культа // Богословские труды. 1977. № 17. С. 185–248.

Н. А. Добролюбов о характере русского народа

Т. И. Артемьева

doi: 10.38098/thry.2020.25.72.012

Николай Александрович Добролюбов (1836–1861) – литературный критик и публицист, ближайший последователь и сотрудник Н. Г. Чернышевского, оригинальный мыслитель, русский революционный демократ, родился в Нижнем Новгороде в семье священника. С 1848 по 1853 г. учился в Нижегородской духовной семинарии. Среди характеристик, даваемых ему тогдашними наставниками, были и такие: «Отличается тихостью, скромностью и послушанием», «усерден к богослужению и вел себя примерно хорошо», «отличается неутомимостью в занятиях» (Орлов, 1985, с. 49).

В 1853 г. Николай Александрович уезжает в Петербург, где поступает в Главный педагогический институт на историко-филологический факультет. В 1854 г. умирает его мама, а вслед за ней, по прошествии всего нескольких месяцев, и отец. Восемнадцатилетний Добролюбов переживает духовный кризис, из которого выходит «другим человеком» – прежде всего, потерявшим доверие Богу и веру в Него. Учась в институте, Добролюбов знакомится с запрещенными изданиями: читает «Полярную звезду», позднее «Колокол», изучает работы В. Г. Белинского, Н. А. Некрасова, Н. Г. Чернышевского. Как и Белинский, Чернышевский, Герцен, он мечтает о переустройстве общества в пользу трудового народа и практически становится членом общественного лагеря, которым руководит Чернышевский. Совместно с другими студентами начинает подпольно выпускать «рукописные студенческие листки» – «Слухи», а затем «Сплетни», наполняя их антимонархическими, антикрепостническими публикациями. В них выражалась уверенность, что рано или поздно народ России освободится от тирании самодержавия и ига крепостников, установит в стране «республиканско-демократические порядки» (Щипанов, 1968, с. 102).

Статья подготовлена по Госзаданию № 0159-2020-0006.

После окончания института в 1857 г. Николай Александрович начинает работать в журнале «Современник», в котором ему был поручен литературно-критический отдел. За четыре года им было написано несколько сот критических статей, в том числе много поэтических произведений. При этом он ни разу не подписал работы своей фамилией, а только псевдонимами: «-бов» или «Н. Лайбов».

В книге «Русская философия. Энциклопедия» под редакцией М. А. Маслина содержательно представлены разносторонние взгляды Н. А. Добролюбова, в том числе и на самодержавие и крепостничество в России: «В центре мировоззренческой позиции Н. А. Добролюбова – просветительство, борьба с феодально-сословным неравенством, защита суверенных прав человека, вера в торжество разума, справедливости и гуманизма. Добролюбов резко критиковал идеалистические теории, богословие, а также чистую академическую теорию, оторванную от жизни, считая, что „весь смысл искусства и философии состоит в том, чтобы пробуждать от сна задремавшие силы народа“... „Люди, – полагал Добролюбов, – тем более способны к правильному, логическому мышлению, чем более обширными всесторонними знаниями о предметах материального мира они обладают“. Поэтому, считал Добролюбов, русский народ должен создать в России такие общественные условия, которые способствовали бы распространению научных знаний... Если мы хотим, считал Добролюбов, чтобы развивался ум человека, нужно обратить внимание на его физическое состояние, на его здоровье, соответственно, нужно, чтобы общество позаботилось о его материальном благополучии. Условием нормального развития человека должно быть состояние, при котором он, не мешая другому, беспрепятственно мог пользоваться всеми благами народа, а также справедливой долей общественных благ... Истинно нравственным является человек, добивающийся гармонии между потребностями своей природы и требованиями долга, эгоизмом и „симпатическими отношениями“ к другим» (Русская философия, 2007, с. 154). Рассмотрение и выдвижение на первый план народа, его трудовой деятельности, его запросов и интересов, понимание его как главного предмета истории – отличительная характеристика общественной позиции Добролюбова. Он критиковал тех историков (например, Н. Г. Устрялова, Б. Н. Чичерина и др.), которые отрицали решающую роль народных масс в истории. «Но стоит раз обратиться истории на этот путь, стоит раз сознать, что в общем ходе истории самое большое участие приходится на долю народа и только весьма малая доля остается для отдельных личностей, – и тогда исторические сведения о явлениях внутренней жизни народа будут

иметь гораздо более цены для исследователей и, может быть, изменят многие из доселе господствовавших исторических воззрений», – писал Н. А. Добролюбов (Добролюбов, 1962, т. 3. с. 35–36). Он верил в то, что только в результате народной революции, которая является самым верным средством, можно победить притеснителей народа, этих «внутренних турок». Только революционными выступлениями, а не путем гласности, образованности, общественного мнения, народные массы («рабочий народ») могут добиться успеха и преодолеть крепостничество и самодержавие, покончить с «дармоедством», которое свойственно огромной части населения.

В своих работах он ставил и обсуждал вопрос о роли личности в истории, – в частности, о роли Петра и проводимых им реформ. Добролюбов писал: «История занимается людьми, даже и великими, только потому, что они имели важное значение для народа или для человечества. Следовательно, главная задача истории великого человека состоит в том, чтобы показать, как умел он воспользоваться теми средствами, какие представлялись ему в его время; как выразились в нем те элементы живого развития, какие мог он найти в своем народе. Смотреть иначе значило бы придавать гению значение, невозможное для человека» (Добролюбов, 1936, с. 120). Он, как и Чернышевский, отмечал в рецензии на книгу Жеребцова «Русская цивилизация» «связь времен»: «Как ни крут и резок кажется переворот, произведенный в нашей истории реформою Петра, но если всмотреться в него пристальнее, то окажется, что он вовсе не так окончательно порешил с древней Русью, как воображает, с глубоким прискорбием, большая часть славянофилов... Древняя Русь... вовсе не так далеко от нас... Не стоит убиваться из-за того, ежели в древности бояре в думе „сидели, брады свои уставя“, а ныне чиновники в разных местах сидят, вовсе бород не имея... Ведь они и без бород так же точно *думают,* и точно так же *дело делают,* как прежде делали с бородами» (там же, с. 283). Поддерживая эпоху реформ Петра, Добролюбов считал, что реформы не были следствием воли только одного человека: «народу ничего не стоило принять новое направление, имевшее то преимущество перед старым, что заключало в себе зародыш жизни и движения, а не застоя и смерти» (Добролюбов, 1962, т. 3, с. 306).

Исследователи отмечают, что Добролюбов «высмеивал попытки Жеребцова и славянофилов вообще приписать всему русскому народу такие „великие добродетели“, как верность православию, набожность, покорность и сострадательность, отверг попытки „обосновать“ мистическую славянофильскую концепцию, резко противопостав-

лявшую славянские народы романским и германским народам» (Щипанов, 1968, с. 114).

Как революционный демократ, смысл исторического развития Добролюбов видел в освобождении народа от самодержавия и крепостного права, а также в необходимости уничтожения «крепостного состояния, столь постыдного для европейского государства» (Добролюбов, 1962, т. 4, с. 129). Он писал: «Массы народные всегда чувствовали, хотя смутно и как бы инстинктивно, то, что находится теперь в сознании людей образованных и порядочных. В глазах истинно-образованного человека нет аристократов и демократов, нет бояр и смердов, браминов и парий, а есть только *люди трудящиеся и дармоеды*. Уничтожение дармоедов и возвеличение труда – вот постоянная тенденция истории» (там же, т. 3, с. 267).

Обсуждая вопрос о литературных течениях, Добролюбов сетовал на то, что среди различных партий литераторов «почти никогда нет партии народа», которая смотрела бы на события и оценивала их «с точки зрения народных выгод» (там же, т. 2, с. 228). Николай Александрович писал о том, что русский фольклор – песни, сказки, народные пословицы, поговорки, притчи, загадки, заговоры, заклятья, причитания, присловья – служит отражением ума, характера, верований, а также воззрений на природу простых людей, и в них мы находим проявление поэтического гения языка (Добролюбов, 1961, т. 1, с. 83). Добролюбов анализировал условия, в которых формировался самобытный русский характер. «Русская жизнь, развиваясь под влиянием слишком разнородных элементов и усваивая себе нечто из каждого, представляет нам какую-то смесь, в которой очень трудно отделить собственные национальные черты от чужих, заимствованных, и эти последние трудно разграничить между собою» (там же, с. 93). Славяне испытывали воздействия с разных сторон, что, естественно, не могло не сказаться в дальнейшем на их «образе». В связи с этим он вспоминал, как в свое время греки, которые когда-то были «украшением» человечества, под влиянием новых и разных воздействий стали другими: «Вместо древних добродетелей усиливались между ними – продажность, хитрость, вероломство, пренебрежение общественного блага, роскошь, мелочное тщеславие. Многие из этих свойств, замечаемые и в русском народе, объясняются, может быть, византийским влиянием» (там же, с. 94).

Н. А. Добролюбов пытается дать характеристику быта русских людей во времена их порабощения татаро-монгольским игом и нечеловеческих условий жизни. «Через два века тяжкие обстоятельства подчинили Русь новому и весьма пагубному влиянию диких орд

монгольских. Города и села лежали в пепле, жители ни на один час не могли быть уверенными в прочности и безопасности всего, чем они владели; каждый день мог прийти дикий татарин и отнять у них все, разорить все, лишить их свободы и жизни. Народ не имел ничего, на чем бы мог остановиться, к чему бы мог привязаться, и вследствие этого, конечно, развились в нас эта странная беспечность, это отсутствие собственного национального характера, эта недостаточность живого патриотизма, которые до сих пор заметны в народе нашем. Кроме того, много частных пороков, по замечанию Карамзина, привилось к нам от татарского ига: привыкши к долговременному рабству, мы потеряли чувство собственного достоинства, обманывая по необходимости своих властителей, приучились употреблять обман для своих выгод и во взаимных сношениях» (там же, с. 94–95). Как видно из этой цитаты, Добролюбов указывает на жизненные условия людей в течение целых двух веков, которые были мучительными для них и пагубно влияли на формирование характера русского народа. В то же время он выделяет такие характеристики русских, как самолюбие и самостоятельность: «Притом народ все ведь с самолюбием у нас в России; все хотят сами делать, а другим не позволяют» (там же, с. 110).

Анализируя вопросы формирования русского народа, Добролюбов попытался понять его как определенный человеческий тип. «Конечно, из русского народа не сформировался еще полный человеческий тип, но все-таки нельзя же отвергнуть того, что он формируется хоть понемножку, хоть незаметно, а формируется... И тем интереснее должно быть для нас следить за его начинающимся развитием, тем поучительнее *послушать,* как он рассуждает, как понимает дела – не в учено-литературной канцелярии, где он переписывает чужую резолюцию, а в частной жизни – дома, в гостях, в театре, в церкви, на улице, на рынке – везде, где только может он выразить свое личное настроение и понимание. Чем более подслушаем мы таких откровенных рассуждений, рассказов, отдельных мыслей и впечатлений, тем яснее нам будет истинный дух народа, тем понятнее будут его стремления, его чувства, тем полнее и осязательнее представится нам картина народной жизни» (там же, с. 109–110). По существу, в этой цитате намечен «план» изучения русского народа (о понимании того, по каким параметрам исследовать русский менталитет, подробнее см.: Историогенез..., 2016; Кольцова, Журавлев, 2017; и др.).

Взгляды Добролюбова, касающиеся менталитета русского народа, выражались главным образом в его публицистических и критических статьях. Он пишет рецензию на книгу Ивана Попко «Черномор-

ские казаки в их гражданском и военном быту», в которой раскрываются характеристики организации быта казаков, их жизнь с точки зрения возможности для них «сесть хутором» и др., а также на книгу «Уральцы. Очерки быта уральских казаков» Иоасафа Железнова, автор которой «восстает против тех, которые хлопочут об устройстве новых казацких общин» (Добролюбов, 1962, т. 4). В последней книге он особенно выделяет главу «Мысли казака о казачестве» и на ее основе размышляет о том, как можно понимать казака как представителя русского народа, задаваясь вопросом, сколь долго казачество как явление будет оставаться в истории. По этому поводу он пишет: «Казака могло создать только время и обстоятельства, подобно тому как на Западе время и обстоятельства создали рыцарей. Но рыцарство, порождение обстоятельств, должно было исчезнуть вместе с обстоятельствами, вызвавшими его, и мы видим, что рыцарь действительно сделался теперь анахронизмом в Западной Европе. Этот же удел ожидает и нашего казака. Уже и теперь заметно ослабевает у нас дух казачества; но он все еще находит для себя некоторое подкрепление, своего рода пищу, в стычках с пограничными народами» (там же, с. 200). Критически рассматривая позицию И. Железнова о крестьянстве и казачестве, Добролюбов не согласен с ним, когда тот пишет, что «в нашего крестьянина невозможно даже вдохнуть дух общины, дух братства и товарищества. Что такое казацкая община? Если смотреть на нее с гражданской точки зрения, – это союз членов, которые равны по правам состояния и которые свободно управляются сами собою. Такой характер имели все первоначальные казацкие общества. Но неужели наш мужичок так привык гнуть спину, неужели ему так приятно проливать (пот) за чужой работой, отказывая самому себе в куске насущного хлеба, – неужели все это сделалось для него такою насущною потребностью, что в него нельзя вдохнуть желания лучшей участи? К счастию, факты показывают противное...» (там же). Вторя И. Железнову, Добролюбов дает народу следующую характеристику: «Равным образом нашему крестьянину нельзя отказать и в духе братства и товарищества. Заединщина, любовь к землякам и однокашникам, складчина на какое-нибудь полезное учреждение или приобретение, если только не выходит из круга их средств, – явления довольно обыкновенные между крестьянами. Все это показывает, что нашему крестьянину вовсе не противен дух общины и что его нельзя представлять каким-то особняком, который не видит ничего дальше своего двора и который до того груб и неразвит, что его не занимают никакие интересы!..» (там же, с. 201).

В 1859 г. Н. А. Добролюбовым была опубликована статья «Народное дело», в которой, по мнению некоторых авторов (например, С. С. Степанищева), раскрываются «революционные возможности народа». Она имеет подзаголовок – «Распространение обществ трезвости». Анализируя позиции «пессимистов» (из-за цензуры он употребляет слова «пессимисты», «дармоеды» и т. п.), отрицающих возможность какого бы то ни было самостоятельного движения в народе, он призывает «прийти не к отчаянию в жизненных силах народа, не к убеждению в бесконечности его апатии и неспособности к общественным делам, а к выводам совершенно противоположным» (там же, т. 5, 1962, с. 249). Добролюбов анализирует причины пьянства: «И вековой обычай, и суровый климат, и недостаточное питание, и тяжкий физический труд, и беспрерывная нужда и скорбь, и недостаток образованности, и отсутствие невинных развлечений, доступных народу, – все способствует развитию в мужике наклонности к водке... Не говорим уж о приманках, искусственно поставляемых откупщиками и целовальниками» (там же, с. 251).

В общественном мнении в России того периода утверждалась мысль, что русский мужик – пьяница: «В этом убеждены были столь же крепко, как и в том, что он терпелив и податлив на все» (там же, с. 259). Участвуя в полемике с русскими либералами, Добролюбов представляет другую точку зрения на этот вопрос. Он пишет о том, что «в разных концах России одновременно образуются общества трезвости, которые стойко держатся, несмотря на все противодействия со стороны откупщиков» (там же, с. 260). В печати некоторые авторы писали, что в этом вопросе большую роль сыграло духовенство, однако некоторые полагали, что народное движение в пользу трезвости происходило или могло происходить и независимо от него. Как пишет Добролюбов, для неверующих нужны были доказательства более очевидные, и народ их представил, причем «по своему обыкновению – не на словах, а на деле» (там же, с. 263).

Для высказываний Н. А. Добролюбова о русском народе в целом характерна положительная окраска. «Коренная Россия не в нас с вами заключается, господа умники. Мы можем держаться только потому, что под нами есть твердая точка – настоящий русский народ; а сами по себе мы составляем совершенно неприметную частичку великого русского народа» (там же, т. 2, с. 257). И в другом произведении он развивает эту мысль: «в народе, в коренном народе, нет и тени того, что преобладает в нашем цивилизованном обществе. В народной массе нашей есть дельность, серьезность, есть способность к жертвам. <...> Народные массы не умеют красно говорить: оттого

они и не умеют и не любят останавливаться на слове и услаждаться его звуком, исчезающим в пространстве. Слово их никогда не праздно; оно говорится ими как призыв к делу, как условие предстоящей деятельности. Сотни тысяч народа в каких-нибудь пять—шесть месяцев, без всяких предварительных возбуждений и прокламаций, в разных концах обширного царства, отказались от водки, столь необходимой для рабочего человека в нашем климате!» (там же, с. 285). Он выражал уверенность в том, что наш народ может отказаться и от многого другого неполезного, но важного для него, однако это произойдет лишь в том случае, «если того потребует доброе дело, сознание необходимости которого созреет в их душах». Добролюбов писал: «В этой-то способности приносить существенные жертвы раз осознанному и порешенному делу и заключается величие простой народной массы, величия, которого никогда не можем достичь мы, со всею нашею отвлеченной образованностью и прививною гуманностью. Вот отчего все наши начинания, все попытки геройства и рыцарства, все претензии на нововведения и реформы в общественной деятельности бывают так жалки, мизерны и даже почти непристойны в сравнении с тем, что совершает сам народ и что можно назвать действительно народным делом» (там же).

В работах Добролюбова ставится вопрос о зависимости степени умственного развития людей от жизненных обстоятельств: «Русский народ, способный к всестороннему и глубокому мышлению, должен создать в России такие общественные условия, которые способствовали бы распространению научных знаний и правильного, логического мышления. Народные различия вообще зависят всего более от исторических обстоятельств развития народа. В особенности же это можно сказать о чисто-интеллектуальном развитии. Всякое различие в этом отношении должно быть признаваемо следствием цивилизации, а не коренною ее причиною» (там же, т. 3, с. 242).

Бывают времена, когда «народный дух», подавленный силой победившего класса, временно ослабевает. Крепостничество оказывало свое влияние на целые поколения, оно довлело над всей общественной жизнью в России веками и, естественно, тем самым формировало определенные черты народа, его характер в целом. В работе «Черты для характеристики русского простонародья» Н. А. Добролюбов ставит задачу уточнить, «как в образованной части общества сформировалось в последнее время несколько более определенное понятие о доблестях русского народа. Доблести эти, по новейшей редакции, принадлежат, собственно, „известной части“ общества, масса же народа хотя тоже, конечно, имеет их, но еще не может

быть вполне признана их обладательницею, ибо еще не начала жить „сознательной жизнью“» (Добролюбов, 1963, т. 6, с. 225). В обществе сложилось мнение, «что русский человек есть существо удоборуководимое и неотлагаемо нуждающееся в руководительстве, в мирном, так сказать, и отеческом попечении о развитии и направлении его рук, ума и воли... здесь-то и специализировалось понятие о русском человеке как о великорусском крестьянине по преимуществу» (там же). Говорится о славянах и некоторых их различиях, например, о том, что великорусский крестьянин отличается даже «от малорусских и белорусских своих собратий»: «Тонкие и деликатные чувства в нем заглохли; сознания собственного достоинства и чувства чести для него не существует; прав собственной личности и личности другого он не понимает, и потому весьма многие вещи, которые возмущают нас до глубины души, не возбуждают в нем ни малейшего негодования, не вызывают даже слабого протеста. Мало того: русский мужик даже не понимает иных мер, кроме строгости. Напрасно будете вы взывать к его человеческому достоинству, к святым чувствам долга и права: он не поймет вас, потому что эти чувства ему незнакомы. Для него нужны иные побуждения; нужно, чтобы требования долга олицетворялись в известном начальстве, с строгою карою за каждое преступление их. Оттого-то необходимо удержать еще на долгое время телесное наказание в крестьянских общинах, оттого-то опасно выводить их из-под благодетельного, отеческого надзора помещиков. Так толкуют многие умные люди, даже печатно» (там же, с. 227). Добролюбов горячо уверен в том, что нельзя настолько исказить человеческую природу, «чтобы в ней не осталось и следа естественных инстинктов и здравого смысла... Но в том-то и дело, что деспотизм и рабство, противные природе человека, никогда не могли достигнуть *нормальности,* никогда не могли покорить себе вполне и ум и совесть человека... нельзя, не истребивши народа, уничтожить в нем наклонность к самостоятельной деятельности и свободному рассуждению» (там же, с. 237).

Говоря о развитии России, которая только еще готовится вступить на европейский путь развития и поэтому еще идет робко, неровно, как бы ощупью, что создает впечатление отсутствия инициативы, Добролюбов пишет: «Многие до сих пор полагают, что народ, еще не получивший свободы, не должен заслуживать и серьезного внимания, так как он живет и действует не сам по себе, а как ему велят. И это рассуждение было бы справедливо, если бы оно относилось к массе окончательно обезличенной и совершенно лишенной всех человеческих стремлений. Но мы уже сказали, что не верим да-

же в возможность подобного обезличения целого народа и ни в каком случае не можем навязать его народу русскому» (там же, с. 242).

Добролюбов анализирует вопрос о зависимости, существующей между неблагоприятными обстоятельствами и состоянием души человека. Первые могут иметь пагубное влияние на врожденную нежность и деликатность души, «лишить ее энергии и привести к отчаянию в самом себе. Обратимся же теперь к крестьянскому миру: кто не согласится, что там разве в виде редкого исключения могут встретиться обстоятельства, которые бы лелеяли правильное и полное развитие нежной, доброй натуры! Напротив, вся обстановка жизни там ведет к тому, чтобы натура твердая огрубела и ожесточилась, а слабая, нежная – запугалась, сжалась и пропала в покорном отчаянии» (там же, с. 266). Рассматривая психологию быта крестьян, он пишет, что «при всех искажениях крестьянского развития, мы видим в народных массах наших много того, что мы назвали „деликатностью“. Мы знаем, что это слово многим покажется очень странным в применении к крестьянству, но мы не умеем найти лучшего выражения. Но и в теперешнем искаженном состоянии крестьянского быта и мысли мы видим следы живого, хорошего направления этой деликатности. Сюда причисляем мы прежде всего сознание, о котором мы говорили выше и которое в простом классе несравненно развитее, нежели в сословиях, обеспеченных постоянным доходом, – сознание, что надо жить своим трудом и не дармоедствовать» (там же, с. 268). Он пишет, что в отношениях между собой русские крестьяне проявляют честность и порядочность, все их сделки друг с другом не имеют формы письменного договора, что также можно понять как выражение их деликатности.

Добролюбов считает, что народное творчество отражает народный быт. Давая рецензию на выпущенный Ф. И. Буслаевым сборник русских пословиц, он выдвигает единственный критерий их народности: «Не гораздо ли естественнее признать за народную пословицу только то, что хранится в народе?» (Добролюбов, 1961, т. 1, с. 76).

Добролюбов верил в русский народ, но относился к нему критически; имеются высказывания о его характере и образе жизни, сделанные в далеко не комлиментарном тоне. «Мы, русские, бываем часто непоследовательными. Мы, русские, вообще как-то очень скоро и внезапно вырастаем, пресыщаемся, впадаем в разочарование, не успеваем даже хорошенько очароваться. Растем мы скоро, истинно по-богатырски, не по дням, а по часам, – но, выросши, не знаем, что делать со своим ростом. Нам внезапно делается тесно и душно, потому что в нас образуются все широкие натуры, а мир-то наш узок

и низок – развернуться негде, выпрямиться во весь рост невозможно. И сидим мы, съежившись и сгорбившись... в совершенном бездействии, пока не расшевелит нас что-нибудь уже слишком чрезвычайное. Один из русских с удивительной прозорливостью сравнил русский народ с Ильей Муромцем, который сидел сиднем тридцать лет и потом вдруг ощутил в себе силы богатырские и пошел совершать дивные подвиги. На самом деле, вся наша история отличается какой-то порывистостью: вдруг образовалось у нас государство, вдруг водворилось христианство, скоропостижно перевернули мы вверх дном весь старый быт свой... так было в большом, то же происходило и в малом: рванемся мы вдруг к чему-нибудь, а потом и сядем опять, и сидим, точно Илья Муромец, с полным равнодушием ко всему, что делается на белом свете» (Добролюбов, 1962, т. 3, с. 306).

***

Николаю Александровичу Добролюбову выпала яркая, короткая и непростая судьба. Ясное детство и доверчивая ранняя юность у осиротевшего в 18 лет молодого человека резко сменились кризисом, духовным переломом и пересмотром политической ориентации. В 20 лет произошла его встреча с Н. Г. Чернышевским, их дружба и сотрудничество продолжались все оставшиеся Николаю Александровичу годы жизни. Когда он умирал в 25 лет от туберкулеза, Николай Гаврилович Чернышевский до последнего момента не покидал младшего друга.

По воспоминаниям А. Я. Панаевой, за несколько дней до смерти Н. А. Добролюбов произнес: «Умирать с сознанием, что не успел ничего сделать... ничего! Как зло насмеялась надо мной судьба! Пусть бы раньше послала мне смерть!.. Хоть бы еще года два продлилась моя жизнь, я успел бы сделать хоть что-нибудь полезное... теперь ничего, ничего!» (Панаева, 1986, с. 311).

Николай Александрович ошибся. Тот народ, который его не понимал при жизни, ответил ему признательностью и любовью в новой России. Произведения Добролюбова были включены во все советские учебники, и вместе с именем его старшего друга и соратника Николая Гавриловича Чернышевского известны всем, учившимся в советских школах. В наше время следует напомнить об этих именах, оставивших большой след в истории отечественной культуры.

Отличительной характеристикой общественной позиции Добролюбова стало рассмотрение и выдвижение им на первый план

русского народа, его трудовой деятельности, его запросов и интересов, основанное на глубоком убеждении в том, что именно народ является главным субъектом истории. Николай Александрович сделал попытку понять русских как определенный человеческий тип, их чувства и духовный настрой. Он поставил вопрос о зависимости, существующей между неблагоприятными обстоятельствами жизни и состоянием души человека и, в частности, пришел к выводу о том, что тяготы быта русских людей и их образ жизни во времена татаро-монгольского ига негативно повлияли на формирование их характера, способствовали появлению некоторых отрицательных черт. Добролюбов говорит также и о значении физического состояния человека для развития личности, настаивая на том, что именно общество должно заботиться о материальном благополучии народа. Им обсуждается вопрос о чертах характера русских крестьян, выявляются такие их качества, как честность и порядочность, дух братства и товарищества, общинность, а также деликатность.

Литература

Добролюбов Н. А. Черты для характеристики русского простонародья (Рассказы из народного русского быта Марка Вовчка). М.: Изд-во К. Солдатенкова и Н. Щепкина, 1859.

Добролюбов Н. А. Полное собрание сочинений: В 6 т. Т. 3. М.: ГИХЛ, 1936.

Добролюбов Н. А. Собрание сочинений: В 9 т. М.–Л.: Гослитиздат, 1961–1964.

Егоров Б. Ф. Николай Александрович Добролюбов. М.: Просвещение, 1986.

Жданов В. В. Н. А. Добролюбов – литературный критик и публицист // Н. А. Добролюбов. Русские классики: Избранные литературно-критические статьи. М.: Наука, 1970. С. 499–528.

Историогенез и современное состояние российского менталитета. Вып. 2 / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова, Е. Н. Холондович. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.

Щипанов И. Я. Н. А. Добролюбов // История философии в СССР: В 5 т. Т. 3. М.: Наука, 1968. С. 101–132.

Катанский А. Л. Воспоминания старого профессора. Нижний Новгород, 2010.

Кириллова Е. А. Добролюбов Николай Александрович // Русская философия: Энциклопедия / Под общ. ред. М. А. Маслина. М.: Алгоритм, 2007. С. 154–155.

Кольцова В.А., Журавлев А.Л. Сущностные характеристики и факторы формирования российского менталитета // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 3. С. 5–17.
Котляревский Н.А. Канун освобождения, 1855–1861: Из жизни идей и настроений в радикальных кругах того времени. Пг.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1916.
Орлов С.А. Н. Добролюбов в Нижнем Новгороде. 2-е изд. с изменениями. Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1985.
Панаева (*Головачева*) *А.Я.* Воспоминания. М.: Правда, 1986.

«Стальная догма» и «психика общественного человека»: вопросы психологии в теоретических исканиях российских марксистов начала XX в.

О. Б. Леонтьева

doi: 10.38098/thry.2020.25.72.013

Марксизм и психология... В России рубежа XIX–XX вв. само сочетание этих слов могло бы показаться странным. Неофиты, обращавшиеся к марксизму, искали в нем отнюдь не ключ к тайнам человеческого сознания, а новый продуктивный подход к объяснению хода истории или же вдохновляющий проект переустройства мира на коммунистических началах. Опираясь на марксистскую теорию, российские мыслители размышляли о «русской фабрике в прошлом и настоящем», о «капитализме и земледелии», о «развитии капитализма в России», или же, в более радикальной версии, о «социализме и политической борьбе», а к вопросу о «роли личности в истории» обращались прежде всего, чтобы доказать необходимость революционного действия.

Концептуальная целостность марксистской социальной теории определялась тем, что «надстройка» – сфера общественного сознания, идеологических отношений и социально-политических учреждений – признавалась производной «базиса» – производственных отношений, составляющих экономическую структуру общества. В качестве акторов исторического процесса выступали классы, большие социальные группы: «свободный и раб, патриций и плебей, мастер и подмастерье» и т. д.; их общественно-политическая деятельность представала как отражение долговременных коллективных (классовых) интересов. Развивая этот подход, молодые российские марксисты в 1890-е годы настаивали на том, что для историко-экономического материализма основным элементом исследования является «совершенно безличная личность, производная социальной группы» (Струве, 1894, с. 30–35, 40, 60). Соответственно, критики марксизма упрекали Маркса и его последователей в недостатке внимания к проблемам человеческой психологии и в недооценке «надстроечных» явлений.

Игнорировать эту критику российские теоретики марксизма не могли: это означало бы сдать важные позиции в напряженной

борьбе за умы образованных современников. Сами марксисты подчас были вынуждены признать хотя бы относительную справедливость упреков своих оппонентов: «Объяснение всей идеологии общества *непосредственно* из экономических отношений, в частности, из классовых интересов, – невозможно, режет глаза своей грубостью» (Рожков, 1906, с. 41). Интерес читающей публики к успехам молодой, но быстро развивающейся науки психологии; внимание к проблемам исторической психологии, ярко воплотившееся в трудах историков «школы Ключевского»; начало формирования «понимающей» парадигмы в социологии; наконец, расцвет психологической прозы в европейской и русской литературе, сама атмосфера «серебряного века» – все это подталкивало по крайней мере некоторых идеологов марксизма вступить на путь синтеза марксистской теории и психологии.

История формирования марксистской психологии, поиска способов «внести в психологию дух диалектического материализма» или даже соединить марксизм с психоанализом освещалась в исследовательской литературе в СССР 1920-х годов (Ярошевский, 1994; Эткинд, 1993). В настоящей статье речь пойдет о более ранней тенденции развития российской мысли – о предложенных еще в начале XX в. попытках обновить марксистскую доктрину, внеся в нее элементы психологии. Эти попытки интересны тем, что их предпринимали, как правило, не профессиональные психологи, а представители других областей гуманитарного знания, отличавшиеся, впрочем, широкой общенаучной эрудицией и питавшие живой интерес ко всем новинкам человеческой мысли.

Показательно, что отец-основатель российского марксизма Г. В. Плеханов в теоретической работе «Основные вопросы марксизма» (1908 г.) не только уделил значительное внимание рассмотрению проблем мышления и сознания, но и предложил на основе идей Маркса собственную «формулу» соотношения «базиса» и «надстройки», в которую была включена как составная часть «психика общественного человека». Целиком эта формула выглядела так: «1) *состояние производительных сил;* 2) обусловленные им *экономические отношения;* 3) *социально-политический строй,* выросший на данной экономической „основе“; 4) определяемая частью непосредственно экономикой, а частью всем выросшим на ней социально-политическим строем *психика общественного человека;* 5) *различные идеологии,* отражающие в себе свойства этой психики» (Плеханов, 1957, с. 179–180). Здесь, по сравнению с классическими трудами Маркса и Энгельса, между экономическими отношениями и идеологической надстрой-

кой появлялось посредствующее звено – коллективная психология: «Что все идеологии имеют один общий корень – *психологию данной эпохи,* это понять нетрудно, и в этом убедится всякий, кто хоть бегло ознакомится с фактами» (там же, с. 180). При этом психологизм Плеханова был нерасторжимо связан с классовой доктриной; он настаивал, что для понимания, например, истории искусства (придворных танцев XVIII в., живописи классицизма, литературы и музыки романтизма) необходимо представлять себе психологию различных общественных классов, сформированную условиями их общественного бытия (там же, с. 171–174).

Обогатить марксизм психологическим компонентом в начале XX в. стремился историк Н. А. Рожков, ученик В. О. Ключевского и член РСДРП. По мнению Рожкова, для разработки научного подхода к истории историк-марксист должен признавать исторически значимой «не психологию отдельного лица, равно как и не психологию „человека вообще“, а психологию социальной группы, члены которой связаны между собою одинаковыми хозяйственными интересами», т. е. класса; но при этом «не надо забывать, что внутри... классовых групп происходит мало-помалу психическая дифференциация... и для изучения этой дифференциации необходимо пользоваться психологическим методом»: историк должен «установить основные психологические типы, образующиеся постепенно внутри классовых групп» (Рожков, 1906, с. 176, 184).

Вслед за Дж. С. Миллем Рожков предлагал создать новую отрасль науки – «этологию, или учение о характере», которая находилась бы в тесном сотрудничестве с психологией: задачами этологии должны были стать эмпирическое обобщение явлений действительной жизни и поставка конкретного материала для психологов, а задачей психологии – «абстрактные, рациональные выводы» на основе этого материала. Материалы для этологических обобщений Рожков предлагал черпать из художественной литературы, из наблюдений «великих художников слова», которые обладают способностью отмечать характерные и важные явления жизни (там же, с. 185–187).

В цикле работ «Психология характера и социология» (1906 г.) Рожков попытался сделать шаг к формированию этологии и создать оригинальную типологию человеческих характеров по преобладающим «духовным свойствам», основным движущим началам их психики. Он выделял этические, эстетические, индивидуалистические, эгоистические и аналитические характеры, а также несколько переходных типов – «эстетических эгоистов», «этических индивидуалистов» и так далее.

К этическим характерам, по мнению Рожкова, принадлежат «люди, для которых вопросы долга, совести, идеала имеют совершенно исключительное, первостепенное, даже подавляющее значение» (литературные примеры – Дон Кихот, Константин Левин, Пьер Безухов, Алеша Карамазов). Эстетические характеры, напротив, «всецело преданы красоте, не по убеждению, а по внутреннему, присущему им от рождения влечению» (там же, с. 187); но из этого достоинства органически проистекают слабость воли и неустойчивость мнений (пример – Рудин из одноименного романа И. С. Тургенева).

Индивидуалистические и эгоистические характеры, как полагал Рожков, сходны в том, что ставят превыше всего свои интересы, собственное Я; различаются они как по мотивации поведения, так и по волевым качествам. Отличительными чертами индивидуалистов является «необыкновенно развитое чувство самоуважения» (там же, с. 221), честолюбие, стремление к разнообразию впечатлений, бесстрашие и сила воли; эгоистов же отличает всепоглощающий инстинкт самосохранения, практичность и корыстолюбие. Литературным примером индивидуалистического характера он считал Вронского, эгоистического характера – Чичикова.

Наконец, аналитические характеры Рожков предлагал разделять на два подтипа: аналитически-эмоциональный (для которого интеллект играет роль уравновешивающей силы в борьбе разнонаправленных сильных чувств; примером этого подтипа Рожков считал Гамлета) и чисто аналитический (у которого интеллект подавляет какие бы то ни было человеческие чувства; пример – Каренин). Любимым типом характера для Рожкова были «этические индивидуалисты» – люди, у которых стремление к самореализации сочетается с потребностью бороться за высшие цели; историческим примером этического индивидуалиста он считал Петра Великого.

Сам Рожков был убежден в общенаучном значении своей классификации. «Психический тип, – отмечал он, – это то же в истории духовной культуры, что тип экономический в истории хозяйства, тип социальный в истории устройства общества, тип политический в истории государства: это – такое же объединяющее, обобщающее понятие, как, например, „натуральное хозяйство“, „капитализм“, „сословный строй“, „классовый строй“, „абсолютизм“, „конституционная монархия“, „республика“ и т. д.» (Рожков, 1918, с. 11). Более того: оставаясь на позициях марксизма, ученый утверждал, что каждому общественному классу свойственны свои преобладающие типы поведенческой мотивации. Поэтому цель своей психологической классификации он определял таким образом: «При свете ее будет по-

нятна классовая психология каждой эпохи, внесен будет принцип развития в самое понятие о классовой психологии, столь гениально установленное Марксом... Не разрушить заветы основателя школы имеем мы в виду, а, напротив, исполнить их» (Рожков, 1906, с. 259).

В своей финальной двенадцатитомной работе «Русская история в сравнительно-историческом освещении» (1918–1926) Рожков последовательно отстаивал идею, что каждой стадии развития общества соответствует преобладание определенных психологических типов. Так, в эпоху господства первобытного равенства человек не отличался определенностью личных качеств и мог меняться в зависимости от обстоятельств. Период феодализма, по мнению Рожкова, характеризовался преобладанием людей эгоистического склада, что было закономерным следствием становления частной собственности; но в ту же эпоху в противовес эгоистам сформировались этические характеры. В период господства капитализма, как считал Рожков, наблюдается преобладание типов индивидуалистов и этических индивидуалистов; и, наконец, коммунистическое будущее принадлежит типу этических индивидуалистов. Таким образом, Рожков предпринял попытку сформулировать определенную закономерность, согласно которой преобладание тех или иных типов человеческого характера зависит от стадии общественного развития.

В первые годы XX в. к проблемам роли психологического фактора в историческом процессе обратился экономист М. И. Туган-Барановский, причислявший себя к «критическим марксистам» – тем, кто разделяет марксистскую теорию, но оставляет за собой право на ее критику и творческое развитие. В работе «Теоретические основы марксизма» (1905 г.) он писал, что принимает экономическую теорию марксизма, понятие производительных сил, учение о классовой борьбе, но при этом считает историческую концепцию Маркса несостоятельной с психологической и этической точек зрения. По мнению Туган-Барановского, для Маркса характерно «чрезвычайно упрощенное представление о движущих силах человеческого духа... Из всего пестрого многообразия человеческих интересов Маркс обращает внимание лишь на один интерес – экономический в узком смысле слова, понимая под ним стремление к непосредственному поддержанию жизни» (Туган-Барановский, 1905, с. 27).

В своей собственной теории исторического процесса Туган-Барановский исходил из того, что «практический интерес господствует в жизни человека, но не исчерпывает ее» (там же, с. 42). По его мнению, движущими силами общественного развития являются

не только экономические, но и другие потребности человека, которые могут быть мощными побудительными мотивами его социальной деятельности. Ученый выделял несколько групп человеческих потребностей: физиологические потребности в непосредственном поддержании жизни, из которых вырастает стремление к улучшению условий существования; половую потребность; «симпатические инстинкты и потребности» (чувство общественной солидарности, которое является важнейшей психологической основой человеческого общества); «эгоальтруистические потребности» (стремление к власти и славе); наконец, группу «потребностей, не основанных на практическом интересе»: потребность в игре, эстетическую потребность, любознательность и вырастающее из нее стремление к истине, религиозную потребность, или потребность испытывать чувства почитания и благоговения (там же, с. 38–41).

Туган-Барановский выстроил в своей работе иерархию человеческих потребностей – от «низших физиологических» до «высших духовных» (что заставляет вспомнить знаменитую «пирамиду Маслоу») – и соответствующую ей «лестницу» деятельности людей по обеспечению этих потребностей: от «производства непосредственных средств к жизни» (хозяйственной деятельности) до «высших родов социальной деятельности» (науки, философии, искусства, морали, религии), которые не сводятся к хозяйству и не совпадают с ним. Согласно его концепции, «чем выше потребность, тем меньшую роль в деятельности, служащей ее удовлетворению, играет хозяйственный труд». Это позволило Туган-Барановскому вывести своеобразную «формулу прогресса», гласящую, что «исторический прогресс именно и заключается в одухотворении человека, в перемещении центра тяжести человеческой жизни из низших физиологических потребностей поддержания жизни в область высших духовных потребностей», а следовательно, в сокращении доли хозяйственного труда в общей совокупности социальной деятельности людей (там же, с. 60–63).

Психологические искания Туган-Барановского были связаны с его представлениями о возможных перспективах развития общества. Он, как и другие «критические марксисты», отстаивал идею о том, что капитализм никогда не погибнет «сам собой», «естественной смертью»: в капиталистической экономике заложены практически неограниченные возможности развития, а ее противоречия не являются неразрешимыми, как казалось Марксу и Энгельсу. Капитализм, по мнению Туган-Барановского, уйдет с исторической сцены, только если новый, социалистический идеал станет для множества

людей более притягательным в этическом отношении, чем капиталистический строй.

В своей последней теоретической работе «Социализм как положительное учение», написанной летом 1917 г., мыслитель размышлял о возможных проблемах будущего общественного строя, связанных с мотивацией труда. При социализме, писал он, когда каждому члену общества будет гарантировано вознаграждение за труд, утратятся важные стимулы труда: с одной стороны, страх голода и нищеты, с другой – эгоистический хозяйственный интерес, стремление к прибыли; все это может привести к падению производительности труда. Утраченные стимулы, как полагал Туган-Барановский, могут быть заменены другими: «чувством солидарности каждого с остальными людьми», «развитым чувством долга», «непосредственной привлекательностью труда»; но эти новые человеческие качества необходимо целенаправленно воспитывать: «человеческая природа должна значительно измениться сравнительно с тем, что мы видим теперь». Иначе, предупреждал экономист, «чрезвычайно сложная – и поэтому хрупкая – социальная машина» социалистической экономики сломается, как ломались сложные заморские машины в неумелых руках крепостных рабочих (Туган-Барановский, 1996, с. 424–425). Таким образом, с точки зрения Туган-Барановского, изучение человеческих потребностей необходимо не только для развития науки, но и для преобразования общества и воспитания нового человека.

Проект обновления психологии на основе марксизма вынашивали идеологи «богостроительства», – течения, сформировавшегося в российском марксизме начала XX в. и представленного именами А. В. Луначарского, А. М. Горького, В. А. Базарова и А. А. Богданова. А. В. Луначарский считал несправедливым, что многие представители современной ему русской интеллигенции видят в марксизме лишь «сухое учение... стальную догму с ее преобладанием объективных законов над живым человечеством, с ее экономическим методом, с ее выкладками, со всем гнетом немецкой науки, прижавшей к земле поэзию романтического социализма». Сам он стремился доказать, что марксизм – это еще и «строй чувства», «живое мироощущение», на основе которого можно создать и новое искусство, и новую психологию (Луначарский, 1909, с. 85–86).

Как доказывал Луначарский, если стержнем психологии «старого», буржуазно-мещанского мира была личность, конкретное Я, то духовным центром нового мира – и, соответственно, новой психологии – должен стать человек, но не как конкретный индивид, а как «особь вида», «элемент человечества», «сотрудник... человечес-

кого общества в самом широком смысле слова». Резко осуждая буржуазный индивидуализм как проявление болезненного, патологического состояния общества, Луначарский предрекал, что человек будущего сможет «почувствовать в себе новую человеческую душу», «заменить бледненький замкнутый кружочек – „я“ представлением о волне среди моря, родной и близкой другим волнам» (там же, с. 86). Рождение коллективистического сознания, по Луначарскому, будет означать, что человек стал «сам себе бог» (в этом и заключалась стержневая идея «богостроительства»): перед «коллективным человеком» откроются недоступные прежде возможности в деле покорения природы и освоения пространств Вселенной, а страх смерти будет ему неведом: он сменится чувством причастности к вечно обновляющейся жизни человечества. «Порождение нового строя души» Луначарский считал главным социально-психологическим фактом своего времени (там же, с. 88).

Поэтической натуре Луначарского рождение нового человека виделось как экстатическое растворение индивида в коллективистическом сознании; в отличие от него А. А. Богданов, врач-психиатр по профессии, один из ведущих идеологов РСДРП в 1900-е годы, отстаивал идею, что новое человеческое сознание сформируется только в результате изменения организации общественного производства.

Богданов («еретик» и «художник мысли», согласно оценке соратников по партии) вошел в историю отечественной мысли как изобретатель новой оригинальной науки о принципах организации труда – «тектологии». Он последовательно отстаивал идею о том, что формы человеческого мышления, «психические типы людей» и их идеалы соответствуют формам социальной организации. Так, «эгрессивной» (асимметричной, централизованной) форме связи между людьми – такой, где функции руководителя и исполнителя резко разделены – соответствует авторитарная система воспитания и авторитарный стиль мышления, основанный на представлении об однонаправленных причинно-следственных связях; эта форма социальной организации доминировала на протяжении большей части человеческой истории. Современной мыслителю эпохе разделения труда и профессиональной специализации («раздроблению опыта») соответствует «раздробленное», индивидуалистическое сознание, бессильное разрешить «проклятые вопросы» о смысле жизни или по-настоящему глубоко усвоить чужой опыт. В будущем же, по мнению Богданова, произойдет «реальная организация человечества в единый коллектив»; вследствие высокой степени машинизации труд приобретет творческий характер, что даст возможность каждому соче-

тать функции организатора и исполнителя, гибко менять сферу занятий и свою роль в производстве в зависимости от общественных потребностей. Этот новаторский способ организации труда приведет к выработке иных форм мышления, иного понимания времени, деятельности и причинности (а значит, и иных речевых структур), а также многократно усилит способность людей к взаимопониманию и к усвоению опыта друг друга (Богданов, 1989).

Богданов не был чужд психологически-литературных экскурсов (в научно-фантастическом романе «Красная звезда» он описал коммунистическое общество у марсиан); как и Рожков, он стремился разработать собственную психологическую типологию. Согласно ей, в современном ему обществе представлены два основных «психических типа»: «застойный, тяготеющий к равновесию» и «инициативный, порывистый, боевой», способный к развитию (иногда он называл два эти типа «привычным» и «пластичным»). Поскольку для общественного хозяйства необходимы и равновесие, и развитие, будущее принадлежит синтезу обоих типов, «слиянию личности бойца и эстета, человека борьбы и человека гармонии»; художественным предвосхищением такого синтеза Богданов считал шекспировского Гамлета.

Важно отметить, что никому из марксистов, чьи концепции рассмотрены выше, не удалось сыграть значимую роль в формировании советской марксистско-ленинской идеологии (за исключением разве что Г. В. Плеханова, которого при советской власти чтили и переиздавали, но при этом никогда не забывали упомянуть и о его меньшевистских «заблуждениях»). Н. А. Рожков, в отличие от его более успешного однокурсника М. Н. Покровского, не сумел при советской власти создать собственной исторической школы и утвердить свою историческую концепцию в качестве «генеральной линии» марксистской историографии; М. И. Туган-Барановский, оставаясь социалистом по убеждениям, был тем не менее последовательным политическим оппонентом социал-демократов; «богостроительство» и философия эмпириокритицизма как его эпистемологическое обоснование были подвергнуты разгромной критике со стороны В. И. Ленина (Богданов назвал это «отлучением от марксизма»). Соответственно, построения теоретиков раннего российского марксизма в области психологии оставались невостребованными в отечественной мысли на протяжении долгого времени, однако, безусловно, сыграли немалую роль в формировании интеллектуального климата последнего предреволюционного десятилетия в России.

***

Российский марксизм был порождением переломной эпохи; в нем отразились исторические ожидания, особенности мышления и культурный багаж людей того времени. Как мы видели, для многих теоретиков российского марксизма в начале XX в. был характерен интерес к проблемам социальной и исторической психологии; им представлялось важным осуществить обновление «стальной догмы» марксистской доктрины за счет обращения к проблемам «психики общественного человека». Решить эту задачу они пытались разными способами, – в частности, с помощью создания типологии характеров и выстраивания иерархической лестницы человеческих потребностей.

Теоретиков, чьи концепции здесь рассмотрены, объединяло стремление к синтезу научных знаний из самых разных областей на основе марксистской теории исторического развития человечества. Размышляя о загадках человеческой психологии, российские марксисты стремились понять, как связана эволюция типов характера, потребностей, форм мышления и самосознания с развитием общества в целом. Конечной целью их психологических исканий было дать научно обоснованный ответ на следующие вопросы: какие особенности человеческой природы необходимо учитывать при создании модели будущего общественного строя и каким станет человек, освободившись от гнета суровых законов экономической необходимости. Психологические проблемы разрабатывались ими в контексте революционных проектов создания нового мира, и тем самым в российской мысли закладывалась основа для радикального социально-антропологического конструктивизма пореволюционной эпохи, когда важной составной частью строительства нового общества было признано формирование «нового человека».

Литература

Богданов А. А. Тектология (Всеобщая организационная наука): В 2 кн. М.: Экономика, 1989.

Луначарский А. В. Двадцать третий сборник «Знания» // Литературный распад: Критический сборник. Кн. 2. СПб.: Книгоиздательство «EOS», 1909. С. 84–119.

Плеханов Г. В. Избранные философские произведения: В 5 т. Т. 2. М.: Госполитиздат, 1956.

Плеханов Г. В. Избранные философские произведения: В 5 т. Т. 3. М.: Госполитиздат, 1957.

Рожков Н. А. Исторические и социологические очерки: Сборник статей. Ч. 1. М.: И. К. Шамов, 1906.
Рожков Н. А. Русская история в сравнительно-историческом освещении (Основы социальной динамики). Т. 1. Первобытное общество. Дикари – Варвары – Феодальная революция. Пг.–М.: Книга, 1918.
Струве П. Б. Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1894.
Туган-Барановский М. И. Теоретические основы марксизма. СПб.: Редакция журнала «Мир Божий», 1905.
Туган-Барановский М. И. К лучшему будущему: Сборник социально-философских произведений. М.: Росспэн, 1996.
Эткинд А. Эрос невозможного: История психоанализа в России. СПб.: ИД «Медуза», 1993.
Ярошевский М. Г. Марксизм в советской психологии // Репрессированная наука / Под общ. ред. М. Г. Ярошевского. Вып. 2. СПб.: Наука–Санкт-Петерб. издат. фирма, 1994. С. 24–44.

Социально-психологические проблемы адаптации военных белых эмигрантов за рубежом в послереволюционный период

Ю. Д. Гавронова

doi: 10.38098/thry.2020.25.72.014

Гражданская война в России 1917–1922 гг. явилась одним из крупнейших катаклизмов отечественной и мировой истории XX столетия. Масштабная, жестокая и кровопролитная, она завершилась поражением антибольшевистских армий. Несколько сот тысяч граждан Российской империи вынуждены были покинуть родину. Примерно четверть беженцев, уехавших из России после революции, составляли военнослужащие, участники Белого движения (Цурганов, 2001, с. 128).

Цель данной статьи – проанализировать социальные и психологические проблемы адаптации военнослужащих Белого движения за рубежом после революции 1917 г. В наше время происходит переосмысление истории. Многие потомки белогвардейцев, сохранившие светлую память о своих прадедах, вспоминают о своих русских корнях, приезжают в Россию, находят родственников, рассказывают о нелегкой судьбе своих предков и их стойкости, стараются выполнить их завещания и даже проводят их перезахоронения на кладбищах России. Поэтому актуальность избранной темы не вызывает сомнений.

За пределами советской России в начале 1920-х годов оказалось более трехсот тысяч бывших солдат и офицеров Императорской и антибольшевистских армий периода Гражданской войны: белогвардейцы эвакуировались в Китай, Турцию, Японию, Индокитай, Филиппины, Чехословакию, Грецию, Сербию, Польшу, Францию, Германию, США, Канаду, Южную Америку, Австралию, Великобританию (Голдин, 2006; Herrmann, 1968).

На основании исследования В. И. Голдина (Голдин, 2006) проведем краткий экскурс в историю положения эмигрантов в 1921–1922 гг. в Турции. Огромная флотилия Русской армии прибыла в ноябре 1920 г. в Константинополь. Целью генерала Врангеля было организовать взаимосвязь проживающих по всему миру русских солдат и офице-

ров с его армией для сплочения эмигрантского сообщества и борьбы с большевистской властью. Поэтому уже в первые недели пребывания на территории Турции главнокомандующие пытались наладить службу разведки и укрепить связи с антибольшевистскими организациями в России в надежде на то, что взрыв народного волнения ускорит возвращение военнослужащих на родину. Но правительство стран Атланты весьма скептически относилось к планам генерала Врангеля сохранить армию и не поддерживало его идеи: оно полагало, что с падением Крыма борьба с большевиками потеряла смысл, и больше было настроено на налаживание отношений с советской властью. Начиная с 1921 г. французские оккупационные власти взяли курс на ослабление влияния генерала Врангеля, на репатриацию русских военнослужащих в советскую Россию или перевод их на положение гражданских беженцев и рассредоточение по странам. Представители Антанты не ожидали, что на территорию побежденной ими Турции с чрезвычайно сложной внутренней обстановкой выплеснется мощная волна вооруженных российских беженцев. Предстояла нелегкая задача их размещения и предотвращения возможного брожения и конфликтов, в том числе и вооруженных. Великобритания вообще отказала в помощи русским эмигрантам из Крыма, а Франция согласилась на весьма непродолжительный период. Сокращение масштабов помощи и урезание пайков являлись важными средствами давления на командование Русской армии. Особенно трудной для русских солдат и офицеров оказалась зима 1920–1921 гг. В 50–60 км к северу от Константинополя положение казаков было исключительно тяжелым: они ютились на грязных улицах, в неприспособленных для жилья помещениях – хлевах, сараях, землянках. Полуголодный паек, который доходил до них, оказывался и вовсе голодным. «В Чилингарском лагере возник холерный очаг, и он был окружен французскими солдатами, чтобы эпидемия не распространилась в Константинополь. Дефицит медикаментов и продуктов вел к массовой смерти людей здесь» (Голдин, 2006, с. 22). Турецкие власти безразлично относились к русским военным эмигрантам, лагерь которых находился в ведении французского коменданта.

Французы не выдержали всех трудностей размещения русских эмигрантов и обратились за помощью к англичанам. В конце ноября – начале декабря 1920 г. генерал Харрингтон дал согласие на размещение казачьих частей на острове Лемнос в Эгейском море, в Греции. «Казаки назвали остров Лемнос «водяной тюрьмой». Условия пребывания здесь были исключительно трудными как вследствие климата, так и материальных лишений, жесткого дисциплинарно-

го режима» (там же, с. 22–23). Лемносскую зиму пережили не все: на острове покоятся останки около пятисот человек.

Похожая ситуация была и на Галлипольском полуострове. 27 ноября 1920 г. в окрестности турецкого города Галлиполи прибыли военнослужащие первого армейского корпуса во главе с генералом А. П. Кутеповым. На берег вместе с офицерами и солдатами сошли также их жены и дети. Эта местность буквально кишела змеями и скорпионами: сами англичане, ранее останавливавшиеся здесь, называли ее «долиной роз и смерти», поскольку вдоль реки росли розы и водилось два вида змей. Русские военнослужащие, волею судеб потерявшие родину после Гражданской войны, стали называть свой новый дом «голое поле» (Быков, 2008, с. 47). 27 декабря 1920 г. французы определили суточную норму питания. Она была скудной: 500 граммов хлеба, 300 граммов мороженого или консервированного мяса, 150 граммов каши, 7 граммов чая, 20 граммов сахара. Не хватало и теплой одежды. Как пишет М. Быков, каждый десятый русский страдал такими серьезными заболеваниями, как туберкулез, малокровие, дистрофия, дизентерия. Однако уже спустя месяц после высадки в эти нечеловеческие условия русские военнослужащие сами смогли оборудовать полевой лагерь. Появились большие палатки и пристройки с чайными, читальнями и театральными подмостками, отремонтировали водопровод, построенный еще «рабами Рима», разворачивались армейские госпитали и лазареты, открылись бани и дезинфекционная камера, военные училища, была организована уборка мусора, наладили ремонт оружия, пошив формы, производство палаток, проложили узкоколейную железную дорогу из лагеря в город, стала выходить устная газета и несколько рукописных журналов.

Французское правительство старалось превратить поселение русских в лагерь беженцев, но, вопреки их надеждам, они сохраняли дисциплину, сплоченность, военную организацию (Herrmann, 1968). Тогда французские власти начали многочисленные провокации: стали предлагать выезд на работу в Бразилию, Сербию, Болгарию, обещали помочь вернуться в советскую Россию, задерживали русских офицеров и прекратили мизерное довольствие (Herrmann, 1968; Schaufuss, 1939). В итоге несколько тысяч белогвардейцев вернулись в Россию, две тысячи уехали на работу в Бразилию и еще две покинули корпус частным порядком, приняв статус беженца. Последним испытанием для большинства русских стал сильный ураган 9–10 ноября 1923 г., уничтоживший большинство построек лагеря. Вскоре основная часть войск перешла на службу Болгарии и Сербии (Быков, 2008, с. 50–51).

В Европе жизнь среднестатистического мигранта между двумя мировыми войнами была довольно сложной. С правовой точки зрения он рассматривался как иностранец «второго низшего разряда»: не обладал правом смены места жительства без особого разрешения, имел заработок ниже, чем у коренного населения. В период мирового экономического кризиса 1929–1933 гг. безработица прежде всего коснулась мигрантов (Цурганов, 2001).

Русские военные учились выживать, большинство из них лишилось возможности заниматься своим профессиональным искусством – военным делом – и получать за это достойное жалование. Бывшим офицерам, посвятившим всю свою жизнь военной карьере, очень трудно было устроиться в мирной жизни. Перед ними стоял трудный выбор: или наниматься на службу в воинские части зарубежных армий, или овладевать гражданскими профессиями. Но первый вариант предпочитали далеко не многие, поскольку не хотели изменять присяге и все еще лелеяли надежду вернуться в Россию и служить своей стране. К тому же после Первой мировой войны спрос на военных наемников был невелик, а конкуренция весьма высокой. Овладение гражданскими профессиями многие рассматривали как вынужденную и временную меру. Рядовые военнослужащие, в особенности бывшие крестьяне, оседали в сельских районах и занимались земледелием. Молодые бывшие русские офицеры, в особенности в Чехословакии, поступали в высшие и средние специальные учебные заведения с целью приобретения гражданской специальности и совмещали студенчество с выполнением поручений русского военного руководства (Голдин, 2006). Начиная с 1921 г. в Чехословакии начала действовать программа помощи «Русская акция», был взят курс на сохранение русской культуры и развитие образования на русском языке для русскоязычных с целью их последующей репатриации на родину (Schaufuss, 1939).

Как отмечает В. И. Голдин, русские военнослужащие пытались интегрироваться в принимающее сообщество, но не желали ассимилироваться с ним: в эмигрантской офицерской среде высоко ценилось стремление сохранить самобытность, этнокультурную идентичность, военные узы и верность боевым товарищам (Голдин, 2006). Психологические проблемы пребывания на чужбине были связаны для них прежде всего с понижением социального статуса, с неизвестностью будущего, неопределенностью, с утратой былых привилегий военного, с чувством ностальгии, с тоской по родине, с депрессией, с чувством напряженности и одиночества, с переживанием за свои семьи, за родных и близких, оставшихся в России. Трудность

устройства личной и семейной жизни бывших русских военнослужащих состояла в том, что многие из них были женаты, но их жены и дети остались в России, а если и были с ними, то нуждались в прокормлении, содержании, обустройстве жизни «с нуля». Но даже холостые не считались желанными женихами за рубежом.

Несмотря на трудные жизненные условия, Белая армия не превратилась за рубежом в единое сообщество, возникло несколько организаций. Так, возникло Общество галлиполийцев, которое занималось оказанием помощи своим членам, собиранием материалов по истории «галлиполийского сидения» и др., имевшее свои подразделения в Болгарии, Сербии, Бельгии и Франции. В каждой из стран пребывания русских военнослужащих были организованы воинские союзы, в которых предъявлялись требования к их членам не вступать в политические организации с целью недопущения их участия в политических играх и тем самым сплотить армию в изгнании. Главный среди них – Русский общевоинский союз (РОВС), который был создан 1 сентября 1924 г. главнокомандующим Русской армией генерал-лейтенантом бароном Петром Врангелем. Работа данной организации была направлена на подготовку вооруженного восстания и свержение диктатуры большевиков в России. Одновременно РОВС организовал в эмиграции целую систему военно-учебных заведений и курсов, где проводилась переподготовка офицеров и военная подготовка русской эмигрантской молодежи. В 1922 г. генерал Головин создал курсы Высшего военного образования, которые стали популярны в среде русских эмигрантов. Руководство РОВСа пыталось сплотить вокруг Союза разбросанных по всему миру военнослужащих Императорской и белых армий и предотвратить их интеграцию в зарубежное сообщество. В 1920–1930-е годы деятельность этой организации развивалась настолько эффективно, что советские спецслужбы считали ее своим главным противником и прилагали немалые усилия для борьбы с нею всеми средствами, не гнушаясь даже похищениями и убийствами ее руководителей на территориях иностранных государств (Цурганов, 2001). РОВС активно вынашивал замыслы военного реванша и распространял слухи о военных приготовлениях к совместным боевым действиям с западными союзниками против СССР (Голдин, 2006). Сохранение воинских традиций и ритуалов, верность профессиональной военной культуре и присяге, дисциплина, взаимовыручка являлись морально-нравственными атрибутами, сплачивающими русское военное зарубежье в его стремлении вернуться домой. Военнослужащие составляли ту часть эмиграции, которая активно сопротивлялась ассимиляции, в том числе и культурной.

Таким образом, обустройство русских военнослужащих являлось исключительно сложной проблемой как для них самих и их военного командования, так и для принимающих стран. Доминирующий мотив правительства государств, в которых они пребывали, заключался в использовании русских военных эмигрантов в своих интересах, для решения актуальных проблем, и в разобщении и рассеивании русской армии. Несмотря на все попытки русских генералов наладить сотрудничество с руководством принимающих стран, налицо было расхождение интересов самих военнослужащих, их военного командования и правительства стран их пребывания. Самих военнослужащих интересовали вопросы личного материального обеспечения, жизненные перспективы, судьба их родственников, жен и детей, оставшихся в России, вопросы личной самоидентификации в новом социокультурном обществе, но самым важным для них являлся вопрос патриотизма и возвращения домой. Несмотря на то, что военное руководство постоянно убеждало русских офицеров и солдат, что путь возвращения на родину только один – с оружием в руках, способы и сроки данного возвращения всегда были темой острых дискуссии и, в конечном счете, личного самоопределения.

Литература

Быков М. Таинственный полуостров // Русский мир. 2008. № 1. С. 46–51.

Голдин В. И. Солдаты на чужбине. Русский обще-воинский союз, Россия и русское зарубежье в XX–XXI веках. Архангельск: Солти, 2006.

Цурганов Ю. С. Российская военная эмиграция к началу войны между Германией и СССР // Россия и современный мир. 2001. № 3 (32). с. 128–137.

Herrmann P. Das „Russland ausserhalb der Grenzen“: Zur Geschichte des antibolschewistischen Kämpfes der russischen Emigration seit 1917 // Zeitschrift Für Politik. 1968. Bd. 15 (2). S. 214–236.

Schaufuss T. The White Russian refugees // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 1939. V. 203. P. 45–54.

Феномен «советского человека»: правда или миф?

В. В. Константинов, Р. В. Осин

doi: 10.38098/thry.2020.25.72.015

Можно ли говорить о существовании нового типа человека, который породила советская система? Это основной вопрос, который занимает умы не только психологов, но и жителей бывшего СССР. В словаре научного коммунизма, изданном в 1983 г. под редакцией академика А. М. Румянцева, понятию «советский народ» дано следующее терминологическое определение: «Новая историческая, социальная и интернациональная общность людей, возникшая в СССР на основе победы социализма, преодоления классовых и национальных антагонизмов, сближения различных классов, социальных групп, наций и народностей в результате построения развитого социалистического общества и утверждения теснейшего, нерушимого единства всех классов и социальных слоев, всех наций и народностей, гармонических отношений между ними. <...> это – социалистический союз, своего рода социальный сплав всех трудящихся нашей страны, имеющих общую Родину – Союз ССР, общее мировоззрение – марксизм-ленинизм, общую цель – коммунизм» (Научный коммунизм: Словарь, 1983, с. 278). Исходя из этого определения можно сказать, что в СССР сформировалось социальное единство, суперклассовое и надэтническое. Такое объединение возникает на основе приобретения обществом тех черт, которые с момента возникновения социальной психологии XIX в. связывались с национальным единством, т. е. черт поведения и характера, типа мышления. Однако это надклассовое и надэтничное единство, в отличие от этнического, не возникает сумбурно, а основывается на едином мировоззрении, т. е. на идеологическом единстве.

Для решения вопроса о существовании так называемого Homo Soveticus необходимо обратиться к истокам советского социалистического государства. Уже тогда отечественные психологи идеа-

Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 20-013-00445.

лом советского человека считали ответственную личность, действующую во имя широких общественных интересов (Ананьев, 1941; Корнилов, 1927; Рубинштейн, 1940). В это же время они критиковали западных ученых за биологизм в понимании потребности как нарушения равновесия во взаимодействии организма и среды (Клапаред, 2007), за абсолютизацию сексуальности и роли бессознательного (Фрейд, 2009), за отрыв понимания личности от контекста социально-производственных отношений (Левин, 2000). Идеальным образом советского человека была личность с чувством долга и ответственности как ведущими мотивами своего поведения, патриотичная, преданная партии и коммунистическим идеалам и т. п. Утверждали, что человек сможет реализовать все свои способности и удовлетворить все свои потребности только в условиях социализма, причем только в случае подчинения своих личных интересов интересам государства. Считалось, что в социалистическом государстве общественные интересы становятся у сознательных граждан интересами личными (Бреслав, 2009, с. 157).

Темы развития характера и преданности Родине вплоть до самопожертвования в годы Великой Отечественной войны стали основными не только в художественной литературе («Как закалялась сталь» Н. А. Островского, «Железный поток» А. С. Серафимовича, после войны – «Повесть о настоящем человеке» Б. Н. Полевого и «Молодая гвардия А. А. Фадеева), но и в педагогической и психологической. Психология внутри педагогического комплекса должна была способствовать формированию у советских детей и молодежи коммунистической сознательности и сознательной дисциплины, указывая на конкретные задачи воспитания и самовоспитания. В связи с этим, по утверждению Г. М. Бреслава, некоторые научные психологические работы тех лет напоминали больше партийные декларации, ибо авторы не занимались изучением реальных подростков, а в основном декларировали, какими они должны быть (Бреслав, 2009, с. 158).

Далее следует обратиться к работам ученых послевоенного времени. Один из лидеров советской психологии Б. М. Теплов писал: «У нас в Советском Союзе, в стране победившего социализма, нет антагонистических классов. Все эксплуататорские классы – класс помещиков, класс капиталистов – ликвидированы у нас полностью. У нас остался рабочий класс, остался класс крестьян, осталась интеллигенция. Но между этими социальными группами нет антагонистических противоречий: интересы их не только не враждебны, а, наоборот, дружественны. Самое различие между ними постепенно стирается. На основе единства жизненных интересов и миро-

воззрения в характере советских людей выделяются общие черты, типичные для всякого передового советского человека, как человека социалистического общества, как борца за коммунизм» (Теплов, 1954, с. 239). Таким образом, по мнению Теплова, советский человек как новый тип человека уже появился и можно выделить следующие присущие ему черты:

«1. Идейная направленность и целеустремленность. Нет ничего более чуждого психологии советского человека, как безыдейность и сознание бесцельности своего существования, своей деятельности.
2. Советский патриотизм. Основой советского патриотизма являются не расовые или национальные предрассудки, а любовь к советской родине, которая является братским сообществом рабочих всех наций в нашей стране.
3. Коллективизм. Истинный коллективизм выражается в том, что общие интересы, интересы коллектива становятся личными интересами, что человек „живет“ с коллективными интересами, переживает их так же глубоко, как и свои личные интересы.
4. Социалистический гуманизм. Из действенной любви к людям, к народу, ко всем трудящимся появляется непримиримая ненависть к врагам трудящихся, к тем, кто борется против интересов народа, кто преграждает путь к счастливому будущему.
5. Коммунистическое отношение к труду. Для советских людей нет разрыва между трудовой деятельностью и личной жизнью; напротив, трудовая деятельность является основным содержанием личной жизни человека.
6. Сознание долга и ответственности.
7. Готовность к преодолению трудностей.
8. Мужество.
9. Инициативность.
10. Скромность.
11. Бодрость, уверенность в своих силах, оптимизм» (там же, с. 240–251).

В целом Б. М. Теплов высказывается в духе «советской агитки», цитируя лидеров и главных лиц социалистического строя: секретаря ЦК ВКП(б) и КПСС И. В. Сталина, советского государственного и партийного деятеля М. И. Калинина, российского революционера, участника гражданской войны Г. И. Котовского и др. (там же, с. 240–251). Говоря о советском человеке как о новом типе, Б. М. Теплов выдает желаемое за действительное под влиянием партийной идеологии.

Раймонд Бауэр обнаружил три специфические особенности в понимании личности послевоенной советской психологией:

1) максимальный упор на возможности формирования личности в социально желательном направлении, а не на реальное положение дел;
2) ограничение ответственности при формировании «нового советского человека» семьей, школой и самим человеком;
3) снятие ответственности с общества в целом за отрицательные результаты человеческого поведения, но сохранение всех достоинств общества с положительными результатами (Bauer, 1959, p. 143).

По мнению Г. М. Бреслава, характеристики, выделенные Р. Бауэром, позволяют воссоздать типичные особенности советского человека (или человека с «советским синдромом»), первое и главное качество которого можно обозначить как *нигилистическое прожектерство,* что включает в себя: а) вполне произвольное построение желаемого будущего, прошлого или настоящего, как правило, деструктивным путем, т. е. не столько проектируя новое или анализируя старое, сколько отрицая существующее или избегая его; б) снятие с себя ответственности за происходящее в условиях отсутствия возможностей для личной инициативы и принятия собственных решений; в) «пофигизм» как фаталистическое убеждение в неизбежности происходящего и объяснение собственной пассивности и безответственности.

Нетерпимость по отношению к различным этническим, культурным или национальным группам в СССР не признавалась советскими людьми в виду непрерывного декларирования интернационализма в «стране советов». Вместе с тем скрытая ксенофобия, которая неизбежно возникает из-за продолжающегося подавления гуманистических ценностей (ничего не имеющего общего с социалистическим гуманизмом Б. М. Теплова) и прав человека, долгосрочной неспособности удовлетворить потребности и декларируемой необходимости подчинить человека коллективу и жить для светлого будущего, может рассматриваться как неспецифическая черта «советского синдрома» как совокупности качеств и черт характера, свойственных в разной пропорции всем советским людям (Бреслав, 2009, с. 159).

В постсталинский период (1960–1970-е) понятие «советский человек» определялось психологами на партийных съездах и пленумах в рамках многочисленных деклараций «о формировании гармонической и всесторонне развитой личности». И опять же все это имело скорее вынужденный декларативный, чем конкретно-пси-

хологический смысл. Под влиянием ненарушения идеологической партийной линии отличия от зарубежных текстов в научных работах добивались путем «маскирови» — переформулирования новых терминов. Так, в социальной психологии понятия «групповое мышление», «конформность» и «групповая консолидация» были заменены на «коллективистическое самоопределение», «эмпатия» и «дружба» — на «действенную групповую эмоциональную идентификацию», «сходство убеждений» — на «ценностно-ориентационное единство».

Соотношение культурных и биофизиологических детерминант становления человека определили содержание дискуссий в работах ряда исследователей. Западная традиция чаще апеллировала к ведущей роли биологического начала в человеке, трактуя культуру как непротиворечивую надстройку над биологией. А.Л. Журавлев и И.А. Мироненко отмечают, что в силу особенностей российской научной традиции и идеологического запроса советского государства в марксистской психологии сложился принципиально иной подход к биосоциальной проблеме: понимание социализации как запрета природного и естественного поведения, культуры как силы, выводящей человека за пределы власти законов природы. В работах советских методологов подчеркивалось, что единство биологического и социального в человеке имеет в своей основе противоречия, которые порождают диалектическое развитие как культуры, так и биологии человека (Мироненко, Журавлев, 2019, с. 88).

Разбираясь в вопросе существования «советского человека», нельзя не упомянуть этническую проблему в СССР. Профессор Гарвардского университета Терри Мартин считает, что Советский Союз не был моноэтническим государством. По его мнению, никогда не было попыток создать советскую национальность или превратить СССР в российское моноэтническое государство. Термин «советский народ» был просто фразой, которая чаще всего использовалась как синоним страстного патриотизма и говорила о готовности советских народов разных национальностей защищать Советский Союз от иностранных агрессий. Роль, которую доминирующая национальность играет в традиционном моноэтническом государстве, в Советском Союзе отводилась «дружбе народов». «Дружба народов» олицетворяла модель единого общества, как ее представляли власти Советского Союза (Мартин, 2011, с. 630). Этничность была унаследована Советским Союзом, а он преобразовал народы в суверенные национальные образования со своим государственным статусом и тем самым выполнил роль авангарда наций, что, в свою очередь, привело к возникновению понятия «дружба народов».

По мнению Дж. Хоскинга, коммунисты в отличие от русских царей поощряли, по крайней мере, в начале, развитие национального сознания у нерусских народов, видя в этом противовес русскому шовинизму и необходимую стадию на пути к пролетарскому интернационализму. Коммунисты создали этнические территориально-административные единицы – Украинскую ССР, Татарскую АССР и т. д., сделав то, чего всегда избегали императоры. Они сознательно обучали местные кадры для администрирования республиками и содействовали их продвижению: такая политика получила название коренизации. С 1932 г. в паспорте каждого советского гражданина указывалась его национальность, а так как эту национальность нельзя было менять, данная категория считалась скорее биологической, чем этнической (Хоскинг, 2004, с. 331).

В постсталинские десятилетия обострились межэтнические отношения: люди, оказавшиеся вместе в армейских казармах, на стройках и в лагерях, начали разобщаться, постепенно, но явно. Доля советских граждан, говорящих по-русски в качестве основного языка, стала сокращаться, количество смешанных браков уменьшаться, и в армии становилось больше случаев межэтнических конфликтов. Как русские, так и нерусские обратились к более глубокому изучению своей истории, религии и фольклору.

Вопреки провозглашенным целям, советское государство закончило тем, что в 1990-е годы подготовило почву для появления новых национальных государств там, где их прежде не было, кроме как в самых примитивных и недолговечных формах. По крайней мере, это относится к нерусским народам.

Таким образом, на поставленный в названии нашей статьи вопрос нельзя дать однозначный ответ. В реальности Homo Soveticus, конечно, не существовал, в «иллюзорном мире» (на бумаге, в художественных произведениях, «советских агитках») – существовал и продолжает существовать до сих пор. Возводимые в идеал черты советского человека, такие как интернационализм, готовность всегда прийти на помощь, гуманизм и пр., оказались недостижимым идеалом для большинства населения СССР.

Авторитарный контроль во всех сферах порождал страх и подчинение или отвращение и неприятие, но не повышение эффективности какой бы то ни было продуктивной деятельности. Советское государство смогло выстоять в гонке вооружений с Западом, сосредоточившись в основном именно на этом, однако оказалось менее конкурентоспособным в экономическом развитии, потому что большая часть тех, кто создавал все богатства страны, не были в этом заинте-

ресованы: они достаточно ясно отличали свои собственные интересы от интересов власти. Слова популярной в советское время песни «Раньше думай о Родине, а потом о себе» так и не стали внутренним убеждением всех советских людей.

Литература

Ананьев Б. Г. О современном состоянии психологической науки в СССР // Советская педагогика. 1941. № 5. С. 106–117.

Бреслав Г. М. «Новый человек» в советской психологии – взгляд из XXI века // CommunicatoR. № 3 (4). С. 152–162.

Клапаред Э. Психология ребенка и экспериментальная педагогика: проблемы и методы. Душевное развитие. Умственное утомление. М.: Изд-во ЛКИ, 2007.

Корнилов К. Н. Современное состояние психологии в СССР // Под знаменем марксизма. 1927. № 10–11. С. 195–217.

Левин К. Разрешение социальных конфликтов. СПб.: Речь, 2000.

Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М.: Росспэн, 2011.

Мироненко И. А., Журавлев А. Л. Биосоциальная проблема в контексте глобальной психологической науки: об универсальных характеристиках человека // Психологический журнал. 2019. Т. 40. № 6. С. 87–98.

Научный коммунизм: Словарь / Под ред. А. М. Румянцева. М: Изд-во политической литературы, 1983.

Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. М.: Учпедгиз, 1940.

Теплов Б. М. Психология. М.: Учпедгиз, 1954.

Фрейд З. Введение в психоанализ. Лекции. М.: Наука, 2009.

Хоскинг Д. Россия: народ и империя (1552–1917) // Современная этнопсихология: Хрестоматия / Под ред. А. Е. Тараса. Мн.: Харвест, 2004.

Bauer R. A. The new man in soviet psychology. Cambridge: Harvard University Press, 1959.

Основные принципы анализа материалов дискуссий в соцсетях

Е. В. Бакшутова

doi: 10.38098/thry.2020.25.72.016

Постановка проблемы

Все феномены, которые образуют проблемное поле нашего исследования, составляют между собой антагонистические пары: модернизм – постмодернизм; два типа менталитета русского человека – воинствующий и миротворческий; стремление к традиционализму, создание светлого образа прошлого – стремление к конструированию образа общего будущего. Исторической психологии привычнее работать с материальными артефактами, проявляющими психику ушедших поколений и формирующими сознание и бессознательное людей сегодняшних, психологии личности и социальной психологии – с актуальными, не всегда очевидными и уловимыми психическими явлениями. Утро большинства современных людей начинается с просмотра лент в социальной сети, а зачастую – сразу в нескольких, с обмена посланиями в виде ободряющих картинок. Сегодня материальным носителем психического выступают цифровые коды, скрипты и графы. И тем не менее информация, которую они несут, вполне составляет предмет исторической психологии, поскольку и память поколений, и тенденции развития менталитета пользователей социальных сетей как виртуального сообщества здесь ярко представлены.

Интернет-дискуссии в ракурсе «-измов»

На переходе в эпоху постиндустриализма, пафосом которой становится идея производства знания (интеллекта), а не деятельности (активности), интерес психолога смещается к полюсу культурных новообразований в психологии личности – к тектонике личности после

Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 18-013-00171-а.

модернизма. Теоретики постмодернизма опознают в нем культурную реакцию отрицания амбициозных и безрезультатных проектов модернизма по улучшению человека и управлению им. Тотальную девальвацию модернистских ценностей демонстрирует массовая культура как система «перевалки» потребительских стереотипов с одного рынка на другой. Возникая как следствие воздействия массовой культуры на публику, постмодернизм превращает в нее любое и каждое общество. Отвергая элитарные ценности классической культуры, усматривая в срастании сознания со средствами коммуникации символику новых ценностей, постмодернизм демонстрирует упрощение культуры и эклектическую демократизацию психогенеза.

В то же время постмодернизм пытается воссоединить природу, культуру и технику в новой целостности культурного «ренессанса», противопоставляя идеалам модернизма, т. е. технократизма, утилитаризма и эстетизма, идеалы гуманизма и гуманитарной научности. Таким образом, конфликт модернизма и постмодернизма стягивается в узел межкультурья нормативной и дискриптивной, формальной и содержательной, активной и пассивной аксиоматикой личности. Ценности ризоматической (нелинейной, картографической, герменевтически множественной) культуры постмодернизма пластичны и мобильны: изжита бинарная иерархия ценностной структуры. В сознании индивида они могут автономизироваться, структурироваться в ансамбли, создавая тем самым «мягкие программы» гуманизации жизни как новой чувственности и нового конформизма, чуждых концептуальных технологий. Идея развития синестезии этого нового типа ментальности, функционирующей как интерактивность (а не интерпретация), как виртуальность (а не утилитарность), как сетевой способ коммуникации (а не индивидуальный), обнаруживает перспективы будущего личности в неизвестной доселе мнимоподлинности телесного и психического. Ориентировочная функция перцепции сегодня формулируется как конструирование, навигация, адаптация, персонификация, память представляет не просто психический процесс, но и инструмент деконструкции истории и реальности, мышление – симулякрию, интертекстуальность, иронию.

В свое время Е. Е. Пронина, проводя анализ типов мышления, сопровождающих эволюцию человеческого сознания, общения и поведения и сопряженных с ними типов текста, отмечает, что «главным условием функционирования и самореализации такой системы (Интернет) является отсутствие внешнего управления, единой „направляющей руки“» (Пронина, 2006, с. 270). Интернет изменил пси-

хотехнику массовой коммуникации, он «делает коммуникацию открытой и равной; освобождает от наблюдающих и консервирующих механизмов социального регулирования; создает атмосферу, в которой непредосудительно публичное проявление субъективности; обеспечивает связь всех участников в единую сеть, подобную нейронной цепи центральной нервной системы» (там же, с. 271).

Однако в противоположность этому мнению (со времени публикации книги Е. Е. Прониной произошло значительное развитие технологий, что имеет и свои психологические последствия) Ю. Ирхин справедливо отмечает, что «в постмодернизме повышается управляющая роль информационных символов, кодов, смыслов, симулякров, рекламы, разнообразных индексов, кодексов и рейтингов влияния» (Ирхин, 2019). Человек и общество становятся объектами манипуляции. И тогда справедливо перефразировать классический вопрос: «А манипуляторы кто?».

Не останавливаясь на том, что следствием постмодернизма является превращение его ценностей в свою противоположность, отметим, что и модерн, и постмодерн как способы репрезентации реальности сформировались в доцифровую эпоху. Цифровые технологии позволяют заменить реальный мир виртуальным, а в научном дискурсе появляются такие понятия, как «метамодернизм» и «неомодернизм». Вспомним, что в середине XX в. возникла концепция «смерти автора» (термин Р. Барта) как мерила нравственности (Барт, 1989). Текст живет самостоятельно, подвергаясь интерпретациям и пониманию читающего. Для метамодернизма более характерны операции не с текстом, а с технообразами, которые живут независимо от автора.

Впервые к исследованиям коммуникации в социальных сетях мы обратились в 2009–2010 гг. на базе текстов онлайн-конференции в сообществе «Интеллигенты 2.5» (Бакшутова, 2016). Благодаря жесткой модерации создателя группы А. Мильнера и несмотря на сетевой способ организации текстов, это была вполне модернистская коммуникация: «не дозволялась» анонимность, в группе был утвержден «Кодекс чести», не только большие публикации, но и комментарии имели авторскую позицию, которая аргументированно отстаивалась в спорах. Если кто-то приводил цитату, обязательно требовалось указать источник, проявив уважение к автору и к принципам коммуникативной рациональности. Так же выглядела коммуникация в сети «Живой журнал» и других блогах или профессиональных социальных сетях.

Одновременно фоном всего этого стал Рунет как общая площадка и «поле брани» для пользователей, у которых, возможно, нет ни-

каких устойчивых позиций, но есть потребность как-то справиться со своими аффектами, а авторы анонимны для того, чтобы быть безнаказанными.

Начиная с 2009 г. актуализовалось общение в социальных сетях и, в частности, в Facebook, где начиная с 2018 г. нами проводятся новые исследования. Проанализировав порядка 10000 текстов (самостоятельных «постов» и комментариев к ним), мы можем говорить не столько о смерти автора, сколько о гибели авторитета: каждый из пишущих сам для себя авторитет, «собеседники» крайне редко приходят хоть к какому-то согласию. Авторы «распадаются» на две группы – по тому типу менталитета или исторического сознания, в чьей парадигме они создают свои тексты. Первую группу составляют модернистские авторы, использующие старые стили и опирающиеся на традиционные ценности. В качестве примера приведем несколько цитат из публикаций Алексея Ковшова на его странице в социальной сети Facebook[1]:

- «И только при капитализме, где человек может оставаться самим собой – говорящим бабуином, все более-менее стабильно: каждый за себя, кто смел – тот и съел, не вписался в систему – подыхай, Homo homini lupus est – и так далее. Короче, дарвинизм и ницшеанство. Лагерная психология – „сдохни ты сегодня, а я завтра“. Митрополит Антоний Сурожский в ответ на вопрос советского милиционера „А во что верит Бог?“ ответил так: „Бог верит в Человека“. Не мне спорить с Владыкой, но уверен – Бог не только верит, но и знает – „мы справимся“, иначе не стоило страдать на кресте самому и продолжать всю эту историю так долго» (публикация от 16 мая 2020 г.).
- «Основное богатство Планеты – это ее живая составляющая – растения, животные и в том числе – люди. Если бы к нам прилетели гости с другой галактики – вряд ли бы их заинтересовали айфоны, мерседесы и макдональдсы. Другое дело – белые медведи, слоны, киты и прочее живое богатство» (публикация от 15 мая 2020 г.).

У автора довольно много злободневных и критичных текстов, однако с наибольшим интересом он развивает собственную концепцию Города Мастеров, в который должна превратиться Россия, имею-

1 Алексей Ковшов. Личная страница. URL: https://www.facebook.com/profile.php?id=100010796206925. Примеры приведены с сохранением авторской орфографии и пунктуации.

щая для этого колоссальный потенциал. Очевидна его постоянная апелляция к рациональным коллективным ценностям модерна — устойчивости и определенности, общечеловеческому, коллективной идентичности, преобладанию добра над злом. К этому же типу принадлежат публикации Н. Холмогоровой, А. Проханова, А. Рощина и др. — авторские нарративы, за которые их создатели несут ответственность.

Примером второго типа менталитета являются публикации в сообществах, где стимульным материалом для дискуссий чаще всего выступают тексты, «перепощенные» из других сообществ (источник не всегда удается проследить) в виде мемов, демотиваторов, коротких видео — как правило, на самые злободневные темы. Так, в группе «Павел Грудинин — наш президент» стимульным материалом послужил ролик, перенесенный из YouTube.com 9 марта 2018 г.: в этой видеозаписи телеведущий Сергей Белоголовцев, отец сына с ДЦП, в эфире программы «Пусть говорят» ругает отечественное здравоохранение и произносит фразу: «Мне стыдно, что я русский». К 10 марта публикация получила 97 реакций и 228 комментариев. Кто-то из участников дискуссии сочувствует ситуации, но основную массу составляют высказывания в следующем духе:

- «Да ладно, его надо в любую больницу засунуть на неделю смотрителем, а потом посмотрим — он повторит эти слова? Д...к он, а не патриот».
- «Ты очень не прав. Это я тебе говорю как врач-хирург. Не надо пиариться».
- «Позорище ему, который не знает достижений и инноваций в нашей медицине. В какой-то стране есть больше опыта в лечении некоторых заболеваний, а в другой — других. И из США, к примеру, едут в Мексику лечить раковые заболевания в клинику. Нельзя так категорично говорить о российской медицине. Говорил бы так о коррупции».
- «Ваш менталитет как у свиней... а как живет народ остальной вам по хрену, лишь бы ваши свиные рыла были сыты и лоснились от жира. Вы деградировали!»

Очевидно, что дискуссии нет, проблема не обсуждается. Каждый лишь высказывает свое мнение, не приводящее ни к какому общему результату. В этом и реализуется эффект атомизации — и идентичности, и сознания — и распад ментальности как целого. Общими остаются эмоциональные состояния: фрустрация, ресентимент, агрессия.

Дискуссии о русской ментальности

Модель русскокультурного общества имеет сложную, парадоксальную (химерическую) структуру. Когнитивно-аффективно-ценностная система российского социума покоится на расколотой основе интеллигентского (прозападного) и традиционно-культового сознаний как взаимосвязанных и взаимоисключающих сегментов единого сознания общества (Бакшутова, 2016). Наложение систем культурной на социальную придает гетерогенность социальным локусам культуры. Символы, правила, стандартизированные событийные конструкты социальных локусов проецируют будущие установки и реакции на события (Schwartz, 1994, p. 331).

М. Н. Эпштейн убежден, что эпоха психомодерных симуляций, возникнув в феномене византизации Руси, открыла историю поведенческих «цитат», «подделок», «обманок», где всегда за очевидным, показным, формализованным смыслом утаивается неочевидный, но подлинный: «Российская гиперреальность может быть понята как следствие псевдоморфозы, вытеснившей историческую данность одной культуры знаковыми системами другой, результатом чего стала избыточная активность знаков, создающих как бы свою собственную активность» (Эпштейн, 1996, с. 167). Социальной расплатой за политические эксперименты с историческим сознанием и культурной реальностью становится тотальная полиидентичность личности, так называемый «российский постмодернизм».

Сегодня не только интеллигенция является носителем западного сознания. Мир открыт для каждого, каждый может воспользоваться эталонами поведения, транслируемыми зарубежной кинопродукцией либо информацией из социальных сетей. В 1990-е годы политическая европеизация российских народов, став системой сверхкодирования политического сознания населения, привела, возможно, к утрате защитных функций психики. Власть упустила либо сознательно игнорировала, что культурный слой завершает становление человека как результата синтеза биологических, психических и социальных процессов, способного изобретать особый общественный опыт производства социальных представлений и их координации. В результате перестроечных политических модернизаций западная жизнь — такая, какой она проникла в Россию, — имела мало общего с жизнью на самом Западе, хотя и резко отличалась от обычного российского уклада, от той разрухи, которая царила в стране. Новорусский «гиперзапад» стал уникальной, единственной в истории цивилизаций формой существования, когда вынужденная имитация

другой культуры была способом существования своей собственной. Но далее идеологические тренды трансформировались, как и во всем мире, и в пику глобализации начали возникать националистические тенденции, транслируемые социальными медиа. В частности, в качестве основного объекта, призванного аккумулировать народное единство, сейчас используется тема победы в Великой Отечественной войне и «возвращения» в Советский Союз. В последние годы добавились русофобская тематика и, соответственно, преследование либеральных идей как проявления русофобии.

Идеологии сменяются, язык «обрастает» новоязом, однако структура языка сохраняется, значит, сохраняется и способ мышления. В качестве примера обратимся такой грамматической структуре, как глагол, и, в частности, – к переходным и непереходным глаголам. М. Н. Эпштейн пишет о переходности глагола, что она является «душой глагольной системы, мерой глагольности глагола» (Эпштейн, 2007). Переходность – не просто грамматическое свойство глаголов, но мыслительная категория, определяющая, насколько действие, обозначенное глаголом, переходит прямо на предмет. Непереходные глаголы приписывают лицу или предмету свойство действия, а не передают само это действие, определяя тем самым способ выражения действия, и свидетельствуют о дефиците деятельной активности сетевого субъекта. Ссылаясь на исследования В. В. Виноградова, автор утверждает, что переходные глаголы составляют от общего числа приблизительно одну треть (Эпштейн, 2007). То есть, предпочтительное использование непереходных глаголов «кодирует» не активное целенаправленное поведение и деятельность, а как бы времяпрепровождение.

Опираясь на идею М. Н. Эпштейна, мы применили методику выявления психограмматических категорий переходности/непереходности глаголов с целью анализа установок участников виртуальных дискуссий. В июне 2018 г. нами было проведено исследование на выборке 20 триггерных дискуссий с минимальным количеством комментариев – 30.

Стимульным материалом выступила фраза: «Давайте представим такую ситуацию: вы попали на сутки обратно в СССР. Что бы вы сделали за это время?». Текст был размещен в группе «Русские» 8 июня 2018 г. Поддержка: 114 «лайков», 149 комментариев, репостов – 32.

В результате анализа были выявлены 31 непереходный глагол и 29 переходных. Комментарии коммуникаторов мы разделили на три тематические группы: потребительские (поесть мороженого, посетить выставку кактусов, попить водочки, ситро и т. п.); ностальгические

(тоска по детству и родительской семье); негативные: исправление ошибок собственной жизни (забрать заявление из ЗАГСа, не выходить замуж за «нынешнего» мужа и др.), месть и наказание политических врагов (найти всех руководителей ВЛКСМ и посмотреть им в глаза).

Нами зафиксированы некоторые основные признаки эгоцентризма в глаголах, реализующих семантику потребности в удовольствии, в проявлении негативных реакций и поиске виноватых, в чувстве разобщения с окружающими – все те черты, по которым мы узнаем человека постмодерна. Однако преобладание в целом по выборке непереходных глаголов свидетельствует о сохранности языковой традиции в нашей стране. Как поясняет М. Н. Эпштейн, «преобладание непереходности в русском языке способствует становлению непереходного мировоззрения, для которого вещи случаются, происходят, движутся сами собой. Это мир, в котором нечто пребывает в себе или движется само по себе, но ничем не движется и ничего не движет» (Эпштейн, 2007). Пока сохраняется устойчивость языка, вполне возможно говорить и об устойчивости менталитета. Но непереходность – это скорее образ прошлого, чем образ будущего, поскольку в условиях неопределенности от субъекта требуются и большая активность, и большая ответственность – признаки переходности, изменения.

Коммуникативная агрессия и сетевое миротворчество

По словам Р. Харре, поведение представляет собой определенный текст, поскольку оно регламентировано нормами, выраженными при помощи языка: «Явление, подлежащее психологическому объяснению, есть то, что задается соответствующим словарем и характером его использования» (Харре, 1996, с. 5). Следовательно, и текст может рассматриваться как поведение, реализующее коммуникативную стратегию.

Переход массового сознания из мира речи в мир текстов означает переход экзистенций из традиционных исторических нарративов в непрогнозируемый масштаб проектов и стратегий самостановления и самовыражения человека. Легитимировать новые формы коммуникации на деле все чаще означает преступить психологические границы самоидентификации и самоактуализации. Частая и быстрая смена идентичностей, образов и смыслов существования цифрового человека делает крайне неустойчивыми и личность, и социальность: «Ощущение быстротечности и бесконечной сменяемости моментов-эпизодов жизни приводит к тому, что человек перестает

чувствовать себя хозяином и творцом внешних условий своего существования» (Чистякова, 2016, с. 89). Состояние неопределенности усиливает общественную невротизацию, одним из выходов для которой является рост коммуникативной агрессии в сетевых коммуникациях, рост асоциальных моделей вербального поведения, о чем мы писали ранее (Бакшутова, 2019).

Социальная инженерия в России, в обществе с массово применяемыми технологиями манипуляции общественным сознанием, без внедрения конвенциональных коммуникативных технологий невозможна, так как «торможение» социальных реформ во многом обусловлено массовой адаптацией к тоталитарно-архаическим идеократическим способам коммуникаций. Обычно реформированию общества как переходу от идеократической системы коммуникаций к конвенциональной предшествует реформа типа коммуникации. Без достижения консенсуса большинством общества бесплодна координация социального действия.

Психологический код коллективной памяти «русской души» (носителей русской культуры и языка) антагонистичен и многоголос. Это и вакханалия чувств, ведущая к бунтарству, но это и сверхконформизм, покорность, кротость, смирение, потаенность, подлинность, которые в ситуации взрыва протеста оборачиваются неуправляемым выбросом спонтанности и катарсизма отрицательных эмоций. Не существует содержательных норм, которые бы были априорно моральными. Однако существуют процедуры тестирования морального содержания и обоснования моральных норм, имеющие критериологический смысл: он постулирует во взаимоотношениях людей необходимость достижения консенсуса и стабильности, медиумом чего служит сетевое миротворчество, своей целью имеющее если не достижение консенсуса, то хотя бы снижение уровня вербальной агрессии.

Возвращаясь к модерну как «незавершенному проекту» (термин Ю. Хабермаса), мы исходим из необходимости минимизации сетевой агрессии при помощи разрабатываемой и апробируемой нами в русскоязычном секторе социальной сети Facebook как пространстве постмодернистской коммуникации методики скриптоимплантирования (внедрения текстов) миротворческих «постов», способных направить дискуссию к консенсусу.

Сетевое миротворчество – пока зарождающаяся социальная практика. Метод минимизации агрессии, который мы конструируем, носит признаки потенциальности, гипотетичности, ненасильственности, аналоговости и всего самого благородного, что есть в рус-

ском менталитете. Синтез групповых позиций согласия опирается на распредмечивание устойчивых связей значений, порождающих агрессию, для последующего сочетания новых значений понятий как результатов воображения и перегруппировки. То есть, во-первых, как минимум, возможно пресечение, диссеминация позиций коммуникаторов, во-вторых – перекодирование агрессивных текстопотоков в более конструктивное измерение по следующему алгоритму:

- подготовительный этап (обоснование необходимости превентивного воздействия в групповой коммуникации);
- индуцирование «поста»-конгруэнта в групповую дискуссию (имплант-потенциал согласия);
- размещение импланта в текстопотоке и анализ последствий.

Рост агрессивных модальностей служит основанием для принятия решения о применении сетевой предупреждающей акции скриптоимплантации для недопущения сдвига намерений ненависти, зависти, мести к активизму сепаратизма, терроризма, кровопролития, расправы, бунта, погрома в реальности.

***

В своем основополагающем для исторической психологии исследовании В. А. Шкуратов отмечает, что чисто постмодернистские работы в исторической психологии пока неизвестны, поскольку постмодернизм имеет дело не с большими нарративами, а с «попурри, составляемым из разных стилевых и культурно-исторических кусков» (Шкуратов, 1997, с. 153). Возможно, это справедливо и в отношении данной работы, анализирующей совсем новые текстовые потоки – материалы дискуссий в социальных сетях. Однако нам удалось показать, что эти быстро рождающиеся и еще быстрее исчезающие, уходящие в цифровую Лету информационные ленты дают возможность выявить их авторство или анонимность, определить тип сознания авторов, опознать признаки их национального менталитета или его диффузию. Более того, мы имеем возможность бесконтактного управляющего воздействия на психическое состояние коммуникантов – практику сетевого миротворчества, направленного на снижение уровня фрустрации, ресентимента и агрессии общества.

Литература

Бакшутова Е. В. Философствование в культурных практиках российской интеллигенции: Дис. ... д-ра филос. наук. Саранск, 2016.

Бакшутова Е. В. Сетевые войны, полилог и скриптоконвенция в общественно деструктивных онлайн-группах // Вестник СамГТУ. Сер. «Психолого-педагогические науки». 2019. № 3 (43). С. 6–18.

Пронина Е. Е. Психология журналистского творчества. М.: КДУ, 2006.

Соломонов Ю. Мир – это текст с картинками. Без автора. Постмодернизм возник, когда мы утратили веру в себя, прогресс и моральные ценности (Интервью с Ю. Ирхиным) // Независимое военное обозрение: Газета. 2019. 27 мая. URL: http://www.ng.ru/stsenarii/2019-05-27/9_7583_world.html (дата обращения: 23.10.2020).

Харре Р. Вторая когнитивная революция // Психологический журнал. 1996. Т. 17. № 2. С. 3–15.

Чистякова О. В. Образы человека в культуре модерна и постмодерна // Культурное наследие России. 2016. № 4. С. 85–93.

Шкуратов В. А. Историческая психология. М.: Смысл, 1997.

Эпштейн М. Н. Истоки и смысл русского постмодернизма // Звезда. 1996. № 8. С. 166–188.

Эпштейн М. Н. О творческом потенциале русского языка. Грамматика переходности и транзитивное общество // Знамя. 2007. № 3. URL: https://magazines.gorky.media/znamia/2007/3/o-tvorcheskom-potencziale-russkogo-yazyka.html (дата обращения: 07.11.2020).

Schwartz T. Anthropology and psychology: an unrequited relationship // New direction in Psychological Anthropology / Eds T. Schwartz, G. M. White, C. A. Lutz. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. P. 324–349.

Русская ментальность и ее историческое отображение в подготовке женщины к браку и семейной жизни

Т. В. Калинина, Э. Г. Патрикеева

doi: 10.38098/thry.2020.25.72.017

В современном обществе прослеживается серьезная тенденция изменения отношения к семье как социальному институту. Восприятие брака и семьи, роль матери и жены в настоящее время существенно изменились. В России молодежь предпочитает сожительство, или так называемый гражданский брак: «Около трети всех пар – или трех миллионов семей – живут в гражданском браке, и таких браков становится все больше» (Хачатрян, 2014, с. 112).

Цель данной работы – выделить специфические, исторически сложившиеся в русской семье социально-психологические механизмы подготовки девушки к семейной жизни.

Анализ психолого-педагогической литературы показал, что многие авторы определяют готовность молодежи к семейной жизни как сложное личностное образование, включающее моральную и духовную зрелость, понимание и осознание внутрисемейных ролей, супружеских обязательств, способность личности принимать ответственность за рождение и воспитание детей (Борлакова, 1999; Галимова, 2000; Дубровина, 1981; Ковалева 2009; Гребенников, Питилин, 1991; и др.). П. А. Решетов трактует «готовность» исходя из конечного результата – успешности или неуспешности брака, наличия или отсутствия гармонии межличностных отношений в супружеской паре и семье в целом, наличия успешности в воспитании детей (Решетов, 2004, с. 19). *Готовность к семейной жизни* авторами настоящей статьи понимается как *совокупность специальных компетенций, позволяющих личности участвовать в осуществлении основных базовых функций семьи: коммуникативной, репродуктивной, психотерапевтической, воспитательной, хозяйственно-экономической и т. д.*

Экскурс в историческую семейную психологию и педагогику показывает нам, что для дореволюционной России была характерна моногамная патриархальная семья. Непосредственной причиной возникновения такого типа семьи были социально-экономические

условия жизни в России X–XIX вв. и связанные с ними вопросы наследования. Патриархальная семья могла состоять из нескольких семей (до четырех поколений: прародители, родители и их дети), представляя собой микрообщину. Таким образом осуществлялась попытка удержать зависимость молодой семьи от старшей, для того чтобы сделать семью экономически успешнее, обеспечить ее молодыми работниками, сохранить доход внутри семьи.

Семейные отношения в крестьянском сословии отличались определенным своеобразием: женились и выходили замуж, как правило, не по любви: родители сами выбирали партию своему ребенку, исходя из экономических и статусных запросов семьи. Для расширенной семьи было характерным укрепление собственных позиций за счет занятости каждого поколения в разных сферах хозяйства. Уровень образования каждого следующего поколения был выше, чем предыдущего, дети могли рассчитывать на то, что в интересах семьи они освоят новые профессии. Выбор брачного партнера преследовал цели укрепления социального положения семьи, слияния хозяйств, улучшения материального положения за счет крепкой и работящей молодой силы.

Подготовка девочек к семейной жизни в России, где большую часть населения составляли крестьяне, как правило, осуществлялась в лоне расширенной семьи: совместное проживание нескольких поколений кровных родственников создавало условия для передачи жизненного опыта и реализации основных базовых функций семьи, в частности, хозяйственно-экономической. Распределение семейных обязанностей среди девочек осуществлялось на основе гендерного подхода. Они включались в работу с ранних лет: старшие осваивали необходимое для семьи ремесло (ткачество, прядение, вязание, валяние, шитье, вышивку, кулинарию и мн. др.) под руководством женщин, девочки помладше осуществляли воспитательную функцию, заботясь о братьях и сестрах.

Народный фольклор, пословицы и поговорки отражали твердые семейные устои, служили опорой для сохранения семейных уз, даже при выраженном искажении супружеских отношений: «В семье согласно, так идет дело прекрасно», «В семью, где лад, счастье дорогу не забывает», «Семье, где помогают друг другу, беды не страшны», «Бьет – значит, любит», «Стерпится – слюбится» и мн. др. Семейные традиции ориентировали девочку на рождение детей: «Жизнь родителей в детях», «Дочерьми красуются, сыновьями в почете живут», «Семья без детей, что цветок без запаха», «Человеку без братьев и сестер – одиноко»; формировали образ любящей матери: «При сол-

нышке тепло, при матери добро», «Мать кормит детей, как земля людей», «Любящая мать – душа семьи и украшение жизни», «Материнский гнев, что весенний снег: и много его выпадет, да скоро растает», формируя в сознании детей ценность деторождения и понятие о безусловной материнской любви.

Беседы с матерями, сестрами, подругами о наличии или отсутствии жениха, рассказы взрослых женщин о том, как мужчины оказывают знаки внимания, совместные гулянья в выходные и на народные праздники пробуждали у девочек и девушек ожидание светлой и чистой любви, утверждали романтический образ невесты и жены. Русские народные сказки, легенды, предания пробуждали надежду на счастье в семейных отношениях и браке: «И стали они жить поживать, да добра наживать», «И жили они долго да счастливо».

Всепрощающая любовь, способность любить вопреки, долготерпение, умение поддерживать супруга и сопереживать ему, – все эти качества русской женщины, отразившись в фольклоре, служили примером для девочек, эталоном недопущения конфликтных ситуаций и эффективного разрешения проблем супружества. Образ русской женщины основывался на великодушии и добродетелях, которые формировались веками, отшлифовывались и, наконец, обрели окончательный вид в том, что называют ментальностью.

Отношение женщины к ребенку имеет ключевое значение для формирования у него чувства социальной общности и социальной идентичности. Помимо безусловного эмоционального принятия ребенка, мать своим образцом нежности и заботы о детях, муже, людях вне семейного круга демонстрирует модель поведения, побуждаемого социальными запросами. Девочки, начиная с игровой деятельности и подражания, переносят этот эталон в собственную семейную жизнь, формируют любовь к собственному потенциальному ребенку.

В семье мать примером собственного поведения учит девочку любви и заботе о других людях. Построение полоролевой идентичности требует от девочки идентификации образа женщины с образцами женственности, в частности, подражания моделям поведения, носителем которых является мать. Мать формирует у девочки образец половой идентификации и полоролевого поведения.

Функция отца дочери в традиционной русской семье состоит в том, чтобы, подчеркивая и выделяя ее фемининные черты, дать ей возможность сформировать свою полоролевую идентификацию, ориентируясь на идентичность матери, но в собственном уникальном варианте, а также определить выбор потенциального брачного

партнера. Любящий отец видит в девочке будущую женщину и жену. Очень тонко описывает отцовскую любовь С. Т. Аксаков в сказке «Аленький цветочек». Отец в русской патриархальной семье является скорее «помощником» матери в воспитании дочери. Его основная функция – работник, добытчик, хозяин.

Современная семья готовит к браку воспитывающихся в ней девочек совершенно в других условиях. Она сменила свой статус с расширенной на нуклеарную, в которую входят муж, жена и их дети. Нуклеарную семью отличает относительная независимость супругов друг от друга в выборе работы, размера заработков, получения образования. Современная русская семья стремится к малодетности: женщина больше не рожает столько, сколько «Бог пошлет». Медицина получила активное развитие в области акушерства и гинекологии, контрацепция и плановая рождаемость детей приводит к тому, что в семье растут один, два, реже три ребенка. Семьи детей, родителей и прародителей живут, как правило, отдельно друг от друга.

Молодые пары в современном обществе все больше предпочитают не вступать в официальный брак на начальном этапе развития своих отношений или вовсе не оформлять отношения в государственных органах, вступая в так называемые «гражданские браки». Однако в социологии, педагогике, психологии и других науках под «гражданским браком» понимается брак, зарегистрированный официально органами записи актов гражданского состояния (ЗАГС), а союзы со свободными, незарегистрированными отношениями называются внебрачными семьями или сожительством.

Внебрачные отношения часто популяризируются средствами массовой информации и коммуникации (кино, радио, телевидение, печатная продукция, современная литература и искусство). Романтизируются внебрачные связи и измены. Значимость института семьи подвергается сомнению. Подчеркнем, что внебрачные семьи часто (более 50%) имеют детей. Однако известно, что психологически здоровый ребенок воспитывается и развивается там, где есть оба родителя и создана позитивная атмосфера стабильности и надежности, поэтому дети, рожденные вне брака, обречены на нарушение психологического здоровья и впоследствии на проблемы в собственных семьях (Калинина, Патрикеева, 2019, с. 249).

К. В. Потемкина и Ю. В. Шестеро, анализируя результаты исследования психологической готовности к семейной жизни юношей и девушек студенческого возраста, утверждают, что для большинства юношей и девушек, принимавших участие в исследовании, харак-

терна удовлетворительная психологическая готовность к семейной жизни. Однако среди юношей процент недостаточно готовых к семейной жизни ребят в 2 раза меньше, чем среди девушек. Возможно, это связано с тем, что в современном обществе девушки стараются стать более независимыми, построить карьеру, прежде чем выходить замуж и рожать детей (Потемкина, Шестеро, 2017).

Воспитываясь в современной семье, девочки не приобретают навыков поддержания хозяйственно-экономической функции семьи. Им больше не надо выращивать овощи и фрукты на огороде, ухаживать за скотом и домашней птицей для того, чтобы накормить семью. Девочки зачастую осваивают спорт, вождение автомобиля и программирование, не погружаясь в домашнее хозяйство.

Согласно результатам исследования А. В. Тишкиной и Э. Г. Патрикеевой, 10% школьников не считают для себя необходимым официальное оформление брачных отношений (Тишкина, Патрикеева, 2014). Данный факт в определенной степени соответствует общим тенденциям неустойчивости брака в России. В то же время чуть больше половины старшеклассников (56,4%) придерживаются позиции необходимости регистрации брака. У старшеклассников доминирует такая ценность, как «теплые искренние отношения и взаимоотношения в семье». Иными словами, психологическая близость, откровенность, теплота отношений является той безусловной ценностью, которая лежит в основе создания семьи.

Как отмечают К. В. Потемкина и Ю. В. Шестеро, анализируя результаты своего исследования, на первом месте среди семейных ценностей по общему полученному показателю стоит эмоционально-психотерапевтическая. «Она выражает установку на значимость эмоционально-психотерапевтической функции брака, рассматривается как показатель значимости моральной и эмоциональной поддержки членов семьи, ориентации на брак как среду, способствующую психологической разрядке и стабилизации» (Потемкина, Шестеро, 2014).

Таким образом, семья по-прежнему не утрачивает своего значения в подготовке девочки к браку и рождению детей, к созданию и поддержанию психологически комфортной, безопасной и стабильной атмосферы для сохранения физического и психологического здоровья – своего и других членов своей будущей семьи. Только внутреннее пространство благополучной семьи, живой, наглядный пример доверительных супружеских и детско-родительских отношений, передача опыта ведения хозяйства способны готовить девочку быть успешной женой и матерью.

Уникальная национальная культура, непреходящие семейные ценности детско-родительских отношений в русской семье всегда были основой формирования готовности девочек к браку и семейной жизни. Современные русские семьи, несомненно, отличаются от патриархальных русских семей своей структурой, социальными условиями, степенью психологической близости и независимости их членов, однако по-прежнему можно утверждать, что готовность современной девочки к браку и семейной жизни наиболее успешно формируется в условиях благополучной, гармоничной родительской семьи.

Литература

Борлакова Б. М. Формирование у старшеклассников потребности в создании семьи и воспитании детей: Дис. ... канд. пед. наук. Карачаевск, 1999.

Галимова Н. М. Подготовка старшеклассников к будущей семейной жизни: Дис. ... канд. пед. наук. М., 2000.

Гребенников И. В. Основы семейной жизни. М.: Просвещение, 1991.

Дубровина И. В. Проблемы психологической подготовки молодежи к семейной жизни // Вопросы психологии. 1981. № 4. С. 146–151.

Зритнева Е. И. Воспитание будущего семьянина в современной России. Ставрополь: СКИПКРО, 2005.

Калинина Т. В., Патрикеева Э. Г. Семья как источник психологического здоровья подростка // Проблемы профилактики социально опасного поведения среди подростков и молодежи: Сборник статей участников Всероссийской научно-практической конференции с международным участием / Отв. ред. Т. Т. Щелина. Арзамас: Изд-во АФ ННГУ, 2019. С. 246–253.

Ковалева О. Ф. О готовности студенческой молодежи к семейной жизни и родительству // Сацыяльна-педагагічная работа. 2009. № 7. С. 10–12.

Потемкина К. В., Шестеро Ю. В. Психологическая готовность к семейной жизни юношей и девушек студенческого возраста // Концепт: Научно-методический электронный журнал. 2017. Т. 12. С. 38–44.

Решетов П. А. Педагогические условия совершенствования подготовки студентов вузов к семейной жизни: Дис. ... канд. пед. наук. М., 2004.

Тишкина А. В., Патрикеева Э. Г. Семейные ценности в структуре ценностных ориентаций современных старшеклассников Ни-

жегородского региона России // Культура и образование. 2014. № 6 (10). С. 56.

Хачатрян Л.А. Тенденции изменения современной российской семьи // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2014. № 4 (20). С. 111–120.

Трансформация брачных отношений в России на рубеже XIX–XX вв. в ракурсе психологической безопасности личности

К. В. Кабанова

doi: 10.38098/thry.2020.25.72.018

Актуальность проблемы исследования психологической безопасности определяется сложившейся в современном обществе ситуацией, когда очень остро встает вопрос психологической защищенности личности и ее способности к выстраиванию отношений с постоянно изменяющимся окружающим миром. Потребность в безопасности является одной из основных в иерархии потребностей человека. Проявляется она и в сфере семьи и брачно-супружеских отношений. О важности сохранения семейных ценностей и традиций говорят и политики, и ученые, и религиозные деятели. Цель данной статьи – проследить процесс формирования современного представления о традиционной российской семье, рассмотрев исторический путь становления брачных отношений на рубеже XIX–XX вв. Основная гипотеза заключается в том, что зарегистрированный брак, церковный или гражданский (оформленный государством), выступает фактором психологической безопасности личности. С ним связаны уверенность, спокойствие, стабильность психологического состояния личности, которых практически лишен человек, находящийся в незарегистрированных отношениях.

Теоретический ракурс психологической безопасности личности

Понятие «психологическая безопасность» появилось в российской психологической науке в 1990-е годы. Тогда оно определялось как такое состояние общественного сознания, при котором общество в целом и каждая личность в отдельности собственное качество жизни воспринимает адекватным и надежным, так как оно предоставляет реальные возможности по удовлетворению разнообразных потребностей сегодня и дает уверенность в будущем (Рощин, 1995). На современном этапе изучения проблемы психологической безопасности феномен безопасности рассматривается в качестве особой субъек-

тивной реальности – проекции экзогенных и эндогенных факторов на психические структуры человека, обеспечивающие переживание им чувства защищенности в единстве с сохранением способности к неснижающемуся развитию в интересах достижения главной для него жизненной цели (Тылец, Краснянская, 2017).

Исследования проблемы психологической безопасности на сегодняшний день ведутся и на опытно-эмпирическом уровне, и на теоретическом. До сих пор не окончен процесс становления методологического аппарата в изучении этого феномена.

В понятийный аппарат теории безопасности входят такие понятия, как риск, угроза, уязвимость. Т.М. Краснянская определяет *риск* как вхождение системы в ситуацию, в отношении которой нельзя изначально достоверно установить уровень ее подконтрольности; *угрозу* как воздействие, в потенции несущее возможность утраты системой контроля над ситуацией; а *уязвимость* – как точку выхода за пределы нормы уровня подконтрольности системе внешних и внутренних параметров, значимых для ее целевого комплекса (Краснянская, 2006, с. 239).

По мнению Н.Л. Шлыковой, психологическая безопасность детерминирована по крайней мере двумя моментами: уровнем субъектности (мотивационно-потребностной сферой, перцептивными и мыслительными процессами) и объективными факторами (уровнем развития среды, содержанием, условиями, характеристиками деятельности) (Шлыкова, 2005). Можно говорить об «объективной» и «субъективной» безопасности как об уровне объективной или субъективной подконтрольности личности определенного комплекса эндогенных (внутренних) и экзогенных (принадлежащих внешнему миру) факторов; при этом существует возможность несовпадения объективного и субъективного уровней безопасности (Краснянская, 2006). Таким образом, когда речь идет о стремлении официально выйти замуж (жениться) или о выражении общественного мнения, что кому-то уже пора «обзавестись семьей», зарегистрированный брак можно считать фактором психологической безопасности на субъективном уровне.

Если рассматривать точку зрения В.М. Львова, который в своих работах высказывает мнение, что психологическая безопасность личности формируется в рамках определенного качества жизни, детерминированного информационными, экономическими, психологическими воздействиями внешней среды (Львов, 2004, 2007), то можно с уверенностью сказать, что в брачных отношениях, выступающих в данном случае в категории «качество жизни», формируется чувст-

во психологической безопасности, если эти отношения способствуют противостоянию негативным воздействиям извне.

Многие ученые (Краснянская, Тылец, 2012; и др.) указывают на то, что предпосылкой формирования психологической безопасности является соответствие потребностей, ценностей, возможностей субъекта отраженным характеристикам реальной действительности, а показателем наличия и проявления угрозы психологической безопасности – несоответствие ценностей субъекта отраженным субъектом характеристикам среды. В этой связи можно предполагать, что при традиционных семейных ценностях зарегистрированный брак соответствует потребностям субъекта и выступает предпосылкой формирования у него чувства психологической безопасности.

Брачные отношения в ракурсе психологической безопасности личности

С первых времен русской государственности и до начала XX столетия базой для построения всех общественных норм являлось православие. Оно же давало чувство защищенности и, будучи единственной государственной религией, лежало в основе семейных отношений. Основу церковной концепции семьи составлял тезис о святости супружества, брак провозглашался священным, моногамным и нерасторжимым. Являясь частью государственного аппарата, церковь могла влиять на политику государства и нравственную сферу общества.

Особенности регулирования семейных отношений в Российской империи определялись следующими факторами:

– в основе правого регулирования семьи лежали религиозные принципы;
– устанавливался минимальный и максимальный возраст вступления в брак: царским указом от 1830 г. минимальный возраст был увеличен с 15 лет до 18 для мужчин и с 13 лет до 16 для женщин); законодательством Российской империи предусматривалось, что лица, достигшие 60 лет, могли вступать в брак только в исключительных случаях, а лицам, достигшим 80 лет, вступать в брак категорически запрещалось;
– развод был под запретом (в отдельных случаях он допускался законодательством, но был крайне сложно осуществим, так как не поддерживался ни церковью, ни властными структурами, ни обществом);
– для крестьян, составлявших большинство населения страны, семья выступала не только духовно-нравственным, но и эконо-

мическим союзом, первичной ячейкой организации совместной хозяйственной деятельности.

После революционных событий и прихода к власти большевиков ситуация с регулированием брачно-семейных отношений изменилась. Одним из первых мероприятий советской власти стало отделение церкви от государства, что повлекло за собой изменение всей модели отношений в сфере семьи. Уже в первый послереволюционный месяц особым декретом был отменен церковный брак, а в сентябре 1918 г. был принят первый брачно-семейный кодекс законов о записи актов гражданского состояния, о брачном, семейном и опекунском праве.

Если в дореволюционной России особенности конструирования семейных отношений определялись их религиозными основами (вплоть до церковной записи актов гражданского состояния), сословным характером общества и сохранявшимися сословными привилегиями, то после революции эти основания были ликвидированы: провозглашены не только отделение церкви от государства, но и ликвидация всех сословий и сословного строя. В основу новой модели семейных отношений легли следующие принципы:

- правовые последствия имел лишь гражданский брак, заключенный в специальных государственных органах записи актов гражданского состояния;
- был разрешен свободный развод, как по взаимному согласию, так и по заявлению одной из сторон;
- сохранялись нормы о раздельности имущества супругов, т. е. каждый из них мог распоряжаться только своим собственным имуществом;
- максимальный возраст вступления в брак отменялся, в то время как минимальный оставался прежним вплоть до 1926 г., когда достижение восемнадцатилетнего возраста стало общим условием для заключения брака и для мужчин, и для женщин;
- факт заключения брака не налагал на супругов обязанности менять гражданство или место жительства, что было закреплено законодательно до революции;
- внебрачное родство полностью приравнивалось к родству брачному, дети имели равные права независимо от того, были они рождены в законном браке или нет;
- усыновление и удочерение запрещались (этот пункт стал нововведением, призванным не препятствовать поступлению наследства умерших в государственную казну).

Таким образом, в результате принятия брачно-семейного кодекса в 1918 г. была сконструирована новая модель семейных отношений, основанная на ином понимании функций семьи по сравнению с имперским периодом. Сразу после революции на некоторое время получила силу идеологическая позиция, что семья – это один из старых институтов, который должен быть разрушен и заменен другими социальными формами. Народный комиссар просвещения А. В. Луначарский заявлял, что семьи создают «не людей, которые сделают вклад в общественный коллектив, но людей, которые будут индивидуалистами» (Луначарский, 1976, с. 34). А. М. Коллонтай утверждала: «Человек, воспитанный в учреждениях республики рабочих, будет лучше приспособлен к жизни в рабочей коммуне, чем человек, чье детство прошло в закрытой среде эгоистичных семейных привычек» (Коллонтай, 1923). Важно отметить, что подобные суждения указывают на признание того факта, что именно в семье происходит развитие ценностной сферы личности.

Тем не менее, тенденция возврата к традиционной модели брачно-семейных отношений становилась все более очевидной. Она значительно усилилась в конце 1920-х годов, когда семья стала рассматриваться как основная ячейка социалистического общества, ужесточились нормы брачно-семейного законодательства, и государство стало все в большей степени регламентировать аспекты данного типа отношений между людьми. «В социально-идеологическом плане начинается борьба с распущенностью, свободные половые отношения подвергаются критике, происходит возврат к пропаганде крепкого семейного союза, нацеленного на длительную парную семью как единственную приемлемую форму семейно-брачных отношений. Таким образом, потребовалось менее 10 лет социального эксперимента в брачно-семейных отношениях, чтобы понять, что стабильность государства во многом зависит от стабильности института брака и семьи» (Никулин, 2016). Создавая новую модель регулирования семейных отношений, государство осознало, что институт семьи как основу общества и государства необходимо сохранить, при этом свобода и добровольность брака, провозглашенные новой моделью брачных отношений, повысили уровень их психологической безопасности.

Однако социальный институт семьи в советские годы претерпел и существенные изменения. Стали распространяться идеи женского равноправия, идеи понимания брака как любовного и товарищеского союза двух равных членов коммунистического общества, свободных и одинаково независимых. Женщина должна была стать не только

финансово, но и духовно независимой. Для достижения экономической независимости женщины был принят ряд декретов: вводился оплачиваемый отпуск по беременности, предоставлялись оплачиваемые перерывы для кормления младенцев, запрещался тяжелый физический труд в ранние и поздние сроки беременности; начали открываться детские ясли и сады; женщине предоставлялись свобода перемещения и возможность раздельного владения имуществом в браке. Для психологического «раскрепощения» женщин были приняты законодательные меры по разрешению абортов и облегчению процедуры развода. Процедура регистрации брака и рождения стала светской. Церковь же была отделена от государства и перестала оказывать влияние и на политику, и на межличностные отношения, Правительство объявило о том, что забота о воспитании детей будет возложена на общество.

В период СССР семья стала прежде всего социальным институтом, ответственным за весь комплекс вопросов воспроизводства человека. Сексуальные отношения до брака, рождение ребенка вне брака и самоценность сексуального общения мужа и жены считались нарушением социокультурных норм. При этом нельзя не отметить и такие явления, как снижение рождаемости, «малодетность», сознательную бездетность, распространение добрачной практики поведения молодежи.

Таким образом, проследив трансформацию брачно-семейных отношений на рубеже XIX–XX вв., можно сделать вывод о том, что в ментальности российского народа законный брак остался основной формой отношений между партнерами, несмотря на то, что в общественном сознании произошел переход от долга и самоограничения во имя божественного идеала к праву и свободе индивида в определении формы отношений со своим партнером. Что касается психологической безопасности личности в браке, то произошел сдвиг относительно источника, привносящего эту безопасность. В дореволюционной России таким источником была религия. Создание семьи по законам церкви, как это делали предки на протяжении долгого времени, давало чувство стабильности, правильности, уверенности в будущем, что, в свою очередь, рождало чувство психологической безопасности. В постреволюционной России появились другие источники психологической безопасности: относительная свобода, возможность выбора, отсутствие давления в вопросах построения брачно-семейных отношений. Можно сказать, что сам индивид вышел на первый план и стал автором и создателем чувства психологической безопасности.

Современная семья живет в новых социально-экономических условиях и, являясь одной из наиболее подвижных групп, становится «инициатором» нового в соответствии с ценностными ориентациями и потребностями супругов. Именно в семье формируются новые представления о месте и роли мужчины и женщины в современном мире (Пушкарева, 1989). В то же время семья и сейчас держится на традиционных ценностях, которым уже не одно столетие. Несмотря на тот факт, что формы брака, как и отношение к зарегистрированному браку, менялись на протяжении российской истории, он всегда оставался фактором психологической безопасности, привнося в психологическое состояние личности чувство уверенности и стабильности.

***

«Идея семьи существует независимо от конкретных жизненных условий современного периода, она отражает сущность и содержание данного института. Сама идея семьи не меняется по мере развития общества, но ее воплощение на практике, безусловно, зависит от конкретных условий государственного и общественного развития» (Елисеева, 2017). Пристальное внимание к брачным отношениям как со стороны церкви, так и со стороны государства на любом этапе XX столетия говорит о признании значимости этого социального института как основного института первичной социализации индивида, где закладываются его личностные ценности.

Литература

Елисеева А. А. Равенство супругов в имущественных отношениях: история и современные вызовы // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 5. С. 118–125.

Коллонтай А. М. Положение женщин в эволюции хозяйства: Лекции, читанные в Университете им. Я. М. Свердлова. М.–Л., 1923.

Краснянская Т. М. Безопасность и опасность как феномены системы «человек» // Известия Южного федерального университета. Технические науки. 2006. Т. 56. № 1. С. 238–247.

Краснянская Т. М., Тылец В. Г. Индивидуальность в субъектном измерении безопасности // Психология индивидуальности: Материалы IV Всероссийской научной конференции. М.: ВШЭ, 2012. С. 94–95.

Луначарский А. В. О воспитании и образовании. М.: Педагогика, 1976.

Львов В. М., Римская Т. С. Психологическая безопасность и качество жизни личности // Надежность и качество: Труды Международного симпозиума: В 2 т. Т. 2 / Под ред. Н. К. Юркова. Пенза: ПГУ, 2007. С. 163–166.

Львов В. М., Шлыкова Н. Л. Эргономика, психологическая безопасность и качество жизни личности // Человеческий фактор: проблемы психологии и эргономики. 2004. № 3. С. 30–33.

Никулин В. В. Эволюция института брака в советской России: от отмирания брака к консервативной семье (1917–1920-е гг.) // Вестник ТГУ. 2016. № 7–8. С. 159–160.

Пушкарева Н. Л. Женщины Древней Руси. М.: Мысль, 1989.

Рощин С. К., Соснин В. К. Психологическая безопасность: новый подход к безопасности человека, общества и государства // Российский монитор. 1995. № 6. С. 28–35.

Тылец В. Г., Краснянская Т. М. Модеративный потенциал принципа безопасности в моделировании психологической реальности // Молодежь в современном обществе: к социальному единству, культуре и миру: Материалы Международного форума. Ставрополь: ИД «Тэсэра», 2017. С. 710–713.

Шлыкова Н. Л. Психологическая безопасность: история и перспективы исследования // Человеческий фактор: проблемы психологии и эргономики. 2005. № 4. С. 65–66.

Идеалы образованности и воспитанности в ментальности славянских народов: историко-герменевтический анализ

Т. Е. Титовец

doi: 10.38098/thry.2020.25.72.019

В конструировании содержания образования должны учитываться не только темпы развития науки и накопленный человечеством опыт, но и особенности менталитета и национального характера того народа, к которому принадлежит обучаемый. Учет специфических для конкретной культуры особенностей понимания образованности и воспитанности человека позволяет реализовать принцип культуросообразности учебного процесса и сделать систему образования средством гармонизации растущей личности с той частью мира, в которой она живет.

Изучение специфики интерпретации педагогических категорий для конкретной культуры требует обращения к методу историко-герменевтического анализа, который позволяет не только выявить причины того или иного понимания образовательного феномена в различные исторические эпохи и в различных культурах, но и определить перспективы дальнейшего развития образования с учетом диалектики традиций и инноваций. Метод историко-герменевтической экспертизы особенно востребован при изучении таких педагогических категорий, как «образованность» и «воспитанность» человека, поскольку они напрямую связаны со сложившимися духовными и смысложизненными ценностями народа, его идеалами и мировоззренческими установками, которые, в свою очередь, обусловлены историко-религиозным и философским контекстом его развития.

Рассмотрим идеалы образованности и воспитанности в ментальности славянских народов, которые были выявлены с помощью данного метода. Термины «образование» и «образованность» в русском языке восходят к христианскому пониманию смысла жизни челове-

---

Исследование выполнено при поддержке БРФФИ и РГНФ, проект № 17-26-01003.

ка, который создан по образу и подобию Бога, поэтому его задачей является приближение к этому образу, формирование в себе стремления к постоянному движению в этом направлении. В древнерусской традиции воспитания признавалось, что человек преодолевает свои недостатки сам, а его в этом лишь направляют и наставляют (Рыжов, 2008). Поэтому идеал образованного человека у славян состоит скорее не в наличии знаний или в достигнутом высоком уровне интеллектуального развития (как его часто трактуют в других культурах), а в сформированной у него потребности в самосовершенствовании, в критическом отношении к самому себе и постоянной работе над собой. При этом смысл самосовершенствования состоит не только в «оттачивании» своих способностей, но и в воспитании у себя волевых качеств, умений управлять собой и делать выбор в пользу духа, а не телесного и материального.

Такая трактовка образованности согласуется с результатами исследования специфического для славян понимания предназначения учителя (наставника): учить других может только тот, кто прочувствовал на себе механизмы духовного взросления и научился сам управлять собственным развитием и самосовершенствованием, чтобы передать этот опыт другому (Титовец, Поморин, 2010).

В отличие от западноевропейской культуры, идеал образованности в славянской культуре менее тяготеет к интеллектуальной составляющей развития личности. Во-первых, умственное развитие человека в ней неотделимо от нравственного развития и признается его базисом (и потому в славянской традиции формирование интеллекта долгое время не выносилось в самостоятельную задачу образования); во-вторых, умственное развитие, рассматриваемое отдельно от нравственного, может привести к ненужному «мудрствованию», т. е. к росту самомнения, гордыни, эгоизму. Главной движущей силой личностного роста считается не интеллектуальное развитие, а духовное, так как духовное открывает разуму новые возможности, а бездуховное, напротив, притупляет способность мыслить (Нефедов, 2008).

С этой позиции становится понятна специфическая для славянской культуры интерпретация такой образовательной задачи, как развитие творческих способностей человека. Как и в других культурах, креативность человека, его способность к созиданию нового по законам гармонии и красоты, высоко ценится в ней и составляет критерий образованности (Нестерук, 2006), однако обучение специфическим приемам творчества или алгоритмам творческой деятельности не получило широкого распространения в содержании образования славянских культур по той причине, что творческий акт представ-

ляет собой не раскрытую до конца тайну, дар благодати, связанный с нравственным чувством. Согласно этому взгляду, творчеству «научить» нельзя, можно только взрастить душу для творчества, подготовить почву для креативной деятельности при условии внутренней работы личности над собой.

Характерное для славян смещение от интеллектуального к духовному, проявляющееся в понимании идеала образованного человека, подтверждается современными этносоциологическими исследованиями. Отмечается, что для данной культуры характерен эталонный личностный статус: ценность личности измеряется совокупностью ценностей, которые она реализует, а не мерой достигнутых ею целей (что характерно для деятельностного личностного статуса) (Касьянова, 1994). При эталонном личностном статусе поведение человека подчинено больше задаче сохранения своего нравственного облика и достойного реагирования на вызовы ситуации, чем задаче продвижения к поставленным целям (Парсонс, 2002).

В славянских культурах большое воспитательное значение придается художественной литературе и языку. Истинно образованный человек, ставший на путь самосовершенствования, стремящийся к реализации своей природной сущности, готов и способен прислушиваться к языку, открывать его в себе, видеть в нем детерминанту своего миропонимания, а также уметь переводить возникающие мировоззренческие проблемы в плоскость языка, решать их посредством анализа последнего. Иными словами, важным критерием образованности человека является его речь – богатство языковых оттенков, обеспечивающее ему чувство полноты бытия, событийности существования. По мере того как человек развивается, его речь отвечает все более высоким переживаниям, которые свойственны человеческой природе (Лакофф, Джонсон, 2008).

С категорией образованности тесно связана категория воспитанности человека. Неотъемлемой частью воспитанности являются следующие ценности: свобода, труд, воля, терпение и человеколюбие (Казанцева, Белов, 2012; Киреев и др., 2018).

Под свободой понимается стремление человека к независимости от страстей при выборе между добром и злом и его единение с обществом (общиной). Это единение происходит через принятие духовных идеалов, одинаково близких богатым и бедным (соборность) (Монина, 2016). Обретение свободы возможно только в братстве, в условиях взаимопомощи и любви друг к другу. Поэтому основная стратегия самовоспитания – самоограничение телесных влечений и удовольствий и культивирование готовности трудиться на благо обществу.

Труд в понимании славянских народов – это одна из форм подвижничества и нравственного делания, ведущая к спасению человеческой души. Труд – выражение духовности: трудиться должен не только бедный, но и богатый, имеющий достаток.

Воля – способность к отказу от вещей, удовольствий, которые могут составлять преграду достижения высокой цели (цели, претворяющей в жизнь Божественный идеал). Воспитание силы воли сопряжено с самоограничением, отказом от праздных удовольствий; лучшей деятельностью при этом считаются добрые дела по оказанию помощи другому и требующие самопожертвования.

Терпение – возвышенное чувство благодарности за испытания судьбы, приближающее человека к Богу и приносящее очищение души. Составной частью нравственного воспитания является формирование установки не роптать на жизненные невзгоды, а выносить из них пользу для духовного роста.

Главная цель и смысл воспитания – в передаче опыта человеколюбия. Через этот опыт и познается истина в любой области знаний. Чтобы привить растущей личности опыт человеколюбия, нужно научить ее видеть в другом человеке свет его духа. Поэтому искусство педагогического общения и доверительных отношений педагога с учениками – в умении видеть образ Божий в каждом из них. Как только это удается, ученик обретает способность приобщиться к духовному миру учителя, восприняв новое знание.

Согласно результатам проведенного нами эмпирического исследования, в котором студентам предлагалось раскрыть значение концептов «свобода», «труд», «терпение» (с позиции их личной концептосферы), в сознании современных студентов, относящихся к славянской культуре, до сих пор бытует старославянское понимание свободы, которая невозможна вне соборности или единения людей друг с другом, труда как нравственного деяния и самоценности, терпения как способности извлекать из страданий опыт (Титовец, 2009, 2010; Титовец, Поморин, 2010). Эти ценности до сих пор бытуют в славянских школах и университетах, отражая национальную специфику образования и оказывая влияние на его традиции. В частности, в соответствии с концептосферой славянского менталитета, истинны следующие утверждения:

- нельзя отрывать умственное воспитание от нравственного;
- личность растет и раскрывается преимущественно в коллективе (обществе, общине);
- важной частью воспитания является формирование представлений о своем предназначении на земле и долге перед отечест-

вом, культивирование любви к труду как самоценности, облагораживающей человека (трудиться должен каждый, независимо от достатка);
- поощряется стремление к богатству не материальному, а духовному.

Большое значение в славянских традициях образования также отводится задаче формирования душевного здоровья, равновесия, опыта довольствования жизнью без постоянных развлечений и праздных утех. Такое понимание радости не как состояния эйфории, а как ощущения полноты жизни органично славянскому менталитету.

***

Идеал образованности в славянской культуре отражает смещение от интеллектуальной к духовной составляющей развития личности и заключается в сформированной у него потребности в постоянном самосовершенствовании. Такое понимание образованности восходит к христианскому пониманию смысла жизни человека. Важным компонентом образованности человека является его речь.

Идеал воспитанного человека проявляется в сформированных в его сознании ценностях свободы, труда, воли, терпения и человеколюбия. Они оказывают влияние на традиции образования и воспитания подрастающего поколения в славянских системах образования.

В современных условиях диалога культур традиции образования меняются, и в славянских системах образования появляются новации и идеи воспитания, вытекающие из наследия других культур, которые вносят изменения в эталоны воспитанности и образованности личности. В частности, славянским педагогам все более импонирует идея о том, что творчество поддается научению и сформированность метакогниций креативной деятельности отличает высокообразованного человека от малообразованного (в отличие от старославянских идей о врожденном и неземном источнике творческой деятельности), а также идея о воспитании силы воли не только через отказ от удовольствий, но и посредством грамотного целеполагания и поступательного движения к цели.

Осознание зависимости системы образования от менталитета, этнокультурного и исторического прошлого ее субъектов позволяет оценить ее достоинства и недостатки, а также определить оптимальное соотношение между показателями ее консервативности и вариативности, степень ее открытости к заимствованию нового, которое неизбежно в ситуации растущего диалога культур. Диалектика образовательных традиций и инноваций, разумное сочетание этно-

культурного наследования и адаптации прогрессивного зарубежного опыта к ментальным особенностям народа позволяет системе образования сохранить свою жизнеспособность и реализовать опережающую функцию по отношению к темпам социокультурных перемен.

Литература

Казанцева Д. Б., Белов А. В. Русская философия XIX–XX в. Об основных ценностях славянской культуры // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2012. № 1. С. 22–26.

Касьянова К. О русском национальном характере. М.: Институт национальной модели экономики, 1994.

Киреев М. Н., Киреева Н. В., Коренева Е. Н., Кистенев В. В. Ценностный потенциал славянской культуры как основа формирования и воспитания личности // Наука. Искусство. Культура. 2018. Вып. 3 (19). С. 119–134.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: Изд-во ЛКИ, 2008.

Монина Н. П. Аксиологический код русской культуры // Общество и цивилизация. 2016. Т. 1. С. 111–114.

Нестерук А. Логос и космос. М.: Библейско-богословский институт св. ап. Андрея, 2006.

Нефедов Г. Основы христианской нравственности. М.: Паломник–Сибирская Благозвонница, 2008.

Парсонс Т. О социальных системах. М.: Академический проект, 2002.

Рыжов А. Н. Из истории становления основных педагогических понятий в России (XI–XVII вв.) // Вопросы образования. 2008. № 4. С. 217–237.

Титовец Т. Е. Влияние древнерусской культуры на современный образовательный идеал как тема учебной дискуссии // Россия и россияне: особенности цивилизации: Материалы Международной научной конференции, посвященной 80-летию АЛТИ-АГТУ. Архангельск: АГТУ, 2009. С. 332–334.

Титовец Т. Е. Междисциплинарная интеграция содержания высшего педагогического образования как фактор профессиогенеза: Монография. Минск: БГПУ, 2010.

Титовец Т. Е., Поморин И. С. Идеи обучения и воспитания в современной отечественной педагогике как отражение наследия православной культуры // Духовно-нравственное воспитание на основе отечественных культурно-исторических и религиозных традиций и ценностей: Материалы Международной научно-практической конференции. Минск: Беларус. наука, 2010. С. 293–295.

Исследование В. А. Сониным профессионального менталитета учителя

Л. С. Разина

doi: 10.38098/thry.2020.25.72.020

В конце октября 2019 г. на базе Смоленского государственного университета состоялась XV ежегодная международная научно-практическая конференция «Социально-психологические проблемы ментальности/менталитета». Работа конференции стала традиционной и объединяет заинтересованных данной проблематикой ученых, исследователей из разных городов и государств (Россия, Словакия, Польша, Белоруссия, Германия). Освещаются новые аспекты исследуемых вопросов, возникают новые дискуссионные площадки. Сегодня эта конференция – еще и дань памяти ее организатору, заслуженному работнику высшей школы Российской Федерации, доктору психологических наук, профессору Валерию Абрамовичу Сонину.

Основным направлением исследований В. А. Сонина был психолого-педагогический анализ профессиональной ментальности учителя. На данную тему в 1998 г. при Психологическом институте РАО он успешно защитил докторскую диссертацию, а в 1999 г. была издана его монография, которая стала результатом многолетних размышлений, научных исканий и глубокого понимания работы учителя, воспитателя, педагога (Сонин, 1999). Валерий Абрамович считал важной задачей побуждение к осознанному выбору профессии, особенно в области педагогики. По словам его учеников, он часто говорил, что современная педагогика тяготеет к «бездетности», под воздействием современных социальных, экономических и нравственных факторов учитель рискует стать «бесчеловечным», а этого нельзя допустить. Он призывал «верить в детей», считал это главным социальным вектором педагогики и психологии, основой профессионального менталитета учителя. Специально для школ В. А. Сонин разработал учебную программу по психологии, был издан учебник «Психология для педагогического лицея» (Сонин, 1996). Под руководством В. А. Сонина образована научная школа, в кото-

рой продолжают исследования профессионального менталитета его ученики и аспиранты.

С 1998 г. на базе школ города Смоленска коллективом исследователей под руководством В.А. Сонина (О.А. Анисимовой, И.В. Волковой, Н.И. Гаршиной, Л.Г. Ивановой, Ф.М. Кремень, К.Е. Кузьминой, И.В. Морозиковой) проводилось изучение особенностей менталитета учителя. В ходе ряда эмпирических работ была показана взаимосвязь между уверенностью учителя в своем профессиональном выборе, демократическим стилем его отношений с учениками и эмоциональной стабильностью, уровнем оптимистичности. Выявлены отличительные особенности ментальности учителя и людей других профессий, отражающиеся преимущественно в мотивационной сфере и некоторых чертах личности. Ф.М. Кремень, К.Е. Кузьмина и И.В. Морозикова в 2000–2006 гг. под руководством Валерия Абрамовича проводили также тестовое обследование абитуриентов Смоленского государственного университета для определения их профессиональной конгруэнтности педагогическому выбору. Исследование позволило выявить отличительные особенности студентов психолого-педагогического направления подготовки, особенности профессиональной направленности и интересов будущих педагогов, а также системообразующие свойства профессиональной ментальности педагога. Наиболее значимые научные результаты нашли отражение в кандидатских диссертациях Ф.М. Кремень «Динамика системообразующих свойств профессиональной ментальности педагога» (Кремень, 2002) И.В. Морозиковой «Сравнительные характеристики и структурная взаимосвязь художественных и педагогических способностей» (Морозикова, 2007).

Понятия «ментальность», «профессиональный менталитет» стали предметом научных исследований относительно недавно. В середине 1990-х годов к проблеме ментальности ученые стали обращаться в связи с назревшей необходимостью изучения жизнедеятельности и особенностей мышления современного человека. Осмысление этого сложного, интегрального понятия позволило приблизиться к его научному определению в различных областях знания. В.А. Сонин в понимании ментальности является сторонником ее определения как «феномена бытия и внутреннего регулятора человеческой деятельности, опосредованного обычаями, традициями, коллективным бессознательным этноса, нормами, культурой Супер-Эго» (Сонин, 2007, с. 46).

Анализ психолого-педагогических составляющих профессионального менталитета учителя приводит исследователя к мысли

о том, что главным компонентом его структуры является аксиологический. Учитель как носитель культурных, национальных, социальных, профессиональных ценностей передает их в своей деятельности, проявляет во взаимодействии с учениками. Ментальные особенности функционируют на бессознательном уровне, но легко поддаются художественному описанию. В своей монографии В. А. Сонин иллюстрирует ментальные особенности учителя через произведения писателей К. Г. Паустовского, А. П. Чехова и др. (Сонин, 1999). Так, в рассказе Паустовского «Вода из реки Лимпопо», на котором подробно останавливается В. А. Сонин, дается портрет учителя, компетентного предметника и талантливого педагога, и этот уникальный учительский менталитет способствует обретению учениками духовных ориентиров, нравственных ценностей. Кроме того, эмоционально-личностное отношение к учителю часто становится важным мотивом для выбора этой профессии в будущем. Хороший учитель играет важную роль в воспроизводстве профессии.

Одним из достижений В. А. Сонина является построение модели профессионального менталитета учителя. Им выявлены структурные компоненты данной модели: профессионально-предметные способности (когнитивный компонент), педагогическая мотивация (аксиологический компонент), понимание общественной значимости педагогической деятельности (образ «Я-профессионала»), тенденция идентифицировать свою деятельность с запросами государства (эмоционально-волевой компонент).

В профессиональном менталитете учителя В. А. Сонин выделяет качества, которые отражают его ментальные свойства: это эмпатийность, толерантность, ценностные ориентации, социальные установки, рефлексия, доминирование, эмоциональность в принятии решений, надситуативная активность, панорамное видение ситуации и детских проблем. У педагогов проявляются также негативные качества: назидательность, завышенная самооценка, самоуверенность, снижение критичности мышления, догматизм взглядов, отсутствие коммуникативной гибкости, прямолинейность, педагогическое упрямство, ориентация на социальное одобрение, низкая мотивация и др. Исследователь обращает внимание на удивительную взаимосвязь положительных и негативных качеств в структуре менталитета учителя. Он демонстрирует, что учительскому менталитету свойственна амбивалентность профессиональных симптомокомлексов, характеризующих тип менталитета и психологический тип личности (Сонин, 2007).

Каждая профессия предполагает наличие определенных качеств личности специалиста, позволяющих ему более эффективно справляться с ее требованиями. С другой стороны, выполнение профессиональных обязанностей влияет на становление личности, определенной ментальности, социальных ориентаций. Эти процессы способствуют формированию в общественном сознании определенных стереотипов восприятия людей разных профессиональных групп. В психологии были попытки смоделировать образ учителя в общественном сознании, например, с помощью различных модификаций семантического дифференциала Ч. Осгуда. В монографии В. А. Сонин отмечает изменения традиционного облика педагога в глазах современников: образ учителя приобретает негативные черты, делающие профессию менее социально привлекательной (Сонин, 2007).

Дихотомия социальных установок подтвердилась и в другом, более позднем исследовании: с учащимися Смоленского государственного университета в 2008 г. был проведен эксперимент, позволяющий выявить их семантико-перцептивные стереотипы и комплекс представлений, относящихся в том числе и к представителям различных профессий (Разина, 2008). Исследуя стереотипы современных студентов, нам удалось проследить противоречивость в их описаниях обобщенного образа учителя. Студенты наделили педагога такими чертами, как умный, знающий, гуманный, толерантный, порядочный, добрый, нервный, консервативный. Изучались также стереотипы восприятия людей таких профессий, как программист, врач, инженер-конструктор, автомеханик, юрист. Критерием выбора данных профессий для оценки было желание сравнить автостереотипы с гетеростереотипами, при этом выбор последних определялся понятными для современных студентов образами.

В целом профессиональные стереотипы в сознании опрошенных имели простую структуру и малое разнообразие характеристик. Такая структура позволяет респондентам легко относить человека к той или иной группе на основании малого количества признаков. Подобное восприятие учителя, с одной стороны, свидетельствует об устойчивости его образа, с другой – о высоких требованиях к его личности. Отметим, что в себе респонденты склонны видеть лишь позитивные черты выбранной профессии, и это характеризует их как обладающих низкой критичностью и в то же время стремящихся к развитию лучших профессионально значимых и личностных черт.

В работах В. А. Сонина собран интересный эмпирический материал, включающий в себя многочисленные результаты анализа

профессиональных и личностных качеств учителя, рефлексии педагогической деятельности самими педагогами, социальной оценки учительства (общественный статус педагога). Подтвердились его предположения о наличии особого социального типа личности педагога, отличающегося от других социальных типов.

В. А. Сонин неоднократно подчеркивает существующую взаимосвязь между ментальными характеристиками учителя и социальными, политическими, экономическими, культурными изменениями: «Школа является зеркалом, отражающим происходящие в обществе процессы, а профессиональный менталитет учителя не является законченным социально-психологическим образованием, он постоянно получает нравственную, этическую и конструктивную подпитку со стороны общества, его социальных институтов, что обуславливает логическую трансформацию менталитета учителя; четко прорисовываются совершенная и качественная предметная деятельность, методическое мастерство, профессиональный стиль и почерк» (Сонин, 2007, с. 269). Сама деятельность педагога выходит за рамки конкретной образовательной организации, в которой он работает. Она имеет более широкую общественную направленность, ориентированную на будущее (кого воспитал, чему научил).

Одной из отличительных черт современных педагогических коллективов (особенно школьных) является их феминизация. По наблюдениям В. А. Сонина, это также накладывает отпечаток на особенности менталитета педагога, который значительно феминизирован. На одной из конференций по изучению ментальности ученица профессора, Фаина Маратовна Кремень, подтвердила результатами своего исследования эту тенденцию: она констатировала, что образ учителя и педагогические ценности в сознании мужчины-учителя во многом не совпадают с общепринятыми (женскими); особенно эти различия заметны с увеличением педагогического стажа (Кремень, 2006).

В. А. Сонин обращает наше внимание и на феномен когнитивного диссонанса в сознании педагога. Проведенное исследование охватило довольно большой отрезок времени. Первые эмпирические данные были собраны в 1970-е годы, второй этап исследования был осуществлен в 1990-е годы в условиях перестройки экономики, политики, массового сознания, смены идейных парадигм. Было установлено, что российский учитель, с одной стороны, имеет положительное отношение к профессиональной деятельности, осознает ее значимость, а с другой – сталкивается с невозможностью реализоваться в работе в силу известных трансформаций системы представлений о труде педагога и осознания степени своих профессио-

нальных возможностей. Эта внутренняя противоречивость влияет на здоровье специалиста и его удовлетворенность своим профессиональным выбором. Противоречия проявляются при неблагоприятных для реализации профессии условиях.

В ряде исследований (Крюковский, 1983; Рогов, Антипова, 1996) отмечено, что многие поведенческие черты из требований профессии перерастают в черты личности. Эти черты становятся особенно заметны при сравнении людей разных профессий. Так, у учителей нередко проявляются склонность к нравоучениям, назидательная интонация и соответствующая жестикуляция, возникает «мышечный панцирь». Интересно отметить, что в исследовании В.А. Сонина зафиксирован определенный консерватизм в системе ценностей личности у учителей. Анализу подвергались данные опроса уровня сформированности ценностных ориентаций по методике Б.С. Кругловой (адаптированный вариант методики М. Рокича) у нескольких групп испытуемых: студентов университета и педагогов школ с различным педагогическим стажем. Оказалось, что студенты и учителя имеют существенные различия в структуре ценностных ориентаций, а вот учителя в структуре ценностей имеют поразительные сходства независимо от стажа работы (Сонин, 2007).

Нередко упоминание о педагогической профессии связано с таким понятием, как «призвание». В исследовании Д. Лондона профессиональное призвание связано с эмоционально положительным отношением к выбранной деятельности и высоким уровнем нравственно-волевого развития (Лондон, 1975). Наблюдения автора позволили заключить, что студенты с выраженным призванием к педагогической деятельности свои поступки, отношение к другим людям оценивают через призму будущей профессии. Такая идентификация себя с профессиональным образом, рефлексия своих действий позволяет говорить о формировании у них профессионального менталитета учителя.

В профессиональной деятельности педагога происходят трансформация и становление ментальных особенностей. Можно выделить два этапа: на первом он открывает для себя профессию как призвание, на втором – профессия становится условием реализации своего призвания. Именно на втором этапе, согласно выводам В.А. Сонина, учитель достигает аксиологической зрелости и реализует свой потенциал в качестве наставника, приобщает учеников к духовным и нравственным ценностям общества. Валерий Абрамович пишет о существовании положительного профессионального менталитета учителя, для которого духовное начало преобладает над материаль-

ными установками. Учителя, уверенно выбравшие профессию, осознающие свою роль в обществе, придерживающиеся демократического, гуманистического стиля, помогающие становлению личности ученика, менее капризны, оптимистичны, самокритичны, эмоционально устойчивы. Педагогическая деятельность сложна тем, что выполнять ее могут только специалисты, готовые любить воспитанников. Профессиональный менталитет позволяет осознать, что ребенок не несет ответственности за несовершенство взрослого мира, за родительскую и педагогическую немощность и бескультурье.

Научная проблема профессионального менталитета учителя довольно сложная и многогранная. Пока только немного удалось приоткрыть дверцу к пониманию особенностей менталитета педагога, его структуры, формирования и влияния на жизнедеятельность. В. А. Сонин и его единомышленники положили начало такого рода исследованиям, ученики продолжают и, вероятно, новые поколения исследователей также обратят внимание на этот интереснейший феномен.

Литература

Кремень Ф. М. Динамика системообразующих свойств профессиональной ментальности педагога: Дис. ... канд. психол. наук. Смоленск, 2002.

Кремень Ф. М. Влияние феминизации профессии учителя на профессионально-педагогическую ментальность // Социально-психологические проблемы ментальности: VII Международная научно-практическая конференция: В 2 ч. Часть 1. Смоленск: СмолГУ, 2006. С. 131–136.

Крюковский Н. И. Человек прекрасный. Мн.: Изд-во БГУ им. Максима Танка, 1983.

Лондон Д. Волевая активность личности и призвание профессии // Вопросы психологии личности: Вып. 2 / Под ред. В. И. Селиванова. Рязань: РГПИ, 1975.

Морозикова И. В. Сравнительные характеристики и структурная взаимосвязь художественных и педагогических способностей: Дис. ... канд. психол. наук. Смоленск, 2007.

Разина Л. С. Изучение стереотипов восприятия как предпосылки толерантного реагирования // Высшее образование сегодня. 2008. № 10. С. 60–64.

Рогов Е. И., Антипова И. Г. К вопросу об исследовании категориальных структур сознания педагога // Социально-психологические

проблемы ментальности педагога: Материалы научной конференции. Смоленск: СГПУ, 1993. С. 262–264.

Сонин В. А. Психология для педагогического лицея: Учеб. пособ. для вузов. Смоленск, 1996.

Сонин В. А. Психолого-педагогический анализ профессионального менталитета учителя (на материале школы, лицея, колледжа, вуза). Смоленск: ЦНТИ, 1999.

Сонин В. А. Учитель как социальный тип личности. СПб.: Речь, 2007.

Раздел 3

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИОГЕНЕЗА ПСИХИЧЕСКОГО И ПСИХОБИОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Актуальный взгляд исторической психологии на духовно-нравственные аспекты исторического процесса

Н. В. Борисова

doi: 10.38098/thry.2020.25.72.021

В ситуации переживаемого современным обществом духовного кризиса особое место в системе психологических знаний надлежит занять *нравственной психологии* (Борисова, 2018а, б, 2019; Воловикова, 2018; Воловикова, Журавлев, 2018; Гостев, 2017; Духовно-нравственные проблемы..., 2018; Журавлев, Юревич, 2013; Психологическое здоровье личности..., 2014). В данном термине, как отмечают М. И. Воловикова и А. Л. Журавлев, содержится двойной смысл. Это не только психологические исследования процессов, происходящих в нравственной сфере (личной, общественной, профессиональной и др.), но и *переосмысление перспектив развития психологической науки под углом зрения нравственного закона,* что предполагает включение в область исследования новых тем, методов и, возможно, пересмотра отношения к некоторым из существующих направлений. Авторы считают, что нравственная психология должна охватывать практически все традиционные разделы общей психологии: методологию, психологию личности и межличностные отношения, познавательные и эмоционально-волевые процессы. «И дело здесь не в новом объекте исследования, а в рассмотрении привычных для психологии объектов с позиции *нравственности как системообразующего фактора нормального, здорового развития и функционирования всех психических процессов»* (здесь и далее во всех цитатах курсив мой. – *Н. Б.*) (Воловикова, Журавлев, 2018, с. 22).

В осмыслении механизмов и закономерностей цивилизационных, мировоззренческих и ценностных трансформаций серьезную роль может сыграть историческая психология, «изучающая законы взаимоизменчивости общества и человека в ходе истории» (Боброва, 1997, с. 5). Взгляд на историческую психологию под углом зрения изменений в духовно-нравственной сфере, сопровождавших исторический процесс, позволит установить экзистенциальный диалог между современными людьми и людьми иных эпох. Для такого пси-

холого-исторического диалога открыто множество путей. Исключительный материал предлагает мир искусства, который в динамике своего развития представляет собой эволюцию школ и объединений, стилей и техник, тем и сюжетов.

Искусство как «свидетель» эпохи и объект психолого-исторических исследований

Исследование проблем человеческого поведения в прошлом, как справедливо констатирует Д. С. Самохвалов (Самохвалов, 2016), затруднено неполнотой тех сведений, которые предлагают ученому традиционные исторические источники – дневники, письма, хроники, статистические таблицы, так как их авторы зачастую сознательно искажали или попросту игнорировали многие факты своего времени.

Сегодня, по мнению О. А. Кривцун, способы историко-антропологического познания ломают барьеры, надолго закреплявшие герметичность отдельных научных областей: исторической психологии, истории культуры, истории искусств (Кривцун, 2000, 2019). На путях междисциплинарного синтеза в познании человека возник и развивается «словарь нового историко-антропологического мышления», в котором ключевую роль играют такие понятия, как «менталитет, сознание и подсознание культуры, ценностные ориентации, автоматизмы и навыки поведения, неявные установки мысли, культура воображения эпохи» (Кривцун, 2000, с. 219). Эти «измерения», проводимые на основе анализа разных продуктов культурной деятельности человека, позволяют пролить свет на важнейшие этапы его исторического бытия, закономерности восприятия и мышления, изменение характера эмоциональных реакций и переживаний, воссоздать «целостную картину психической эволюции» (там же). По мнению автора, *ценным объектом психолого-исторических исследований являются произведения искусства,* которые вследствие кристаллизации в них невербализуемых элементов психики человека можно рассматривать как уникальные «психологические затвердения» (там же). Уже к концу XIX в., обращает внимание Кривцун, появились искусствоведческие школы, утверждавшие, что язык искусства не может рассматриваться только с точки зрения внутрихудожественных и технических проблем: приемы художественного мышления крепко спаяны со способом бытия и мироощущения человека, с особенностями его культурного самосознания.

Представители венской школы искусствознания О. Бенеш и М. Дворжак на материале разных художественных эпох показали,

что произведение искусства является носителем психологии групп и социальных слоев своего времени и опосредованно выражает эту психологию через композиционные приемы, разнообразие языковых выразительных средств, тематические пристрастия и т. п. Дворжак прямо утверждал, что искусство является частью всеобщей духовной истории человечества, выражением господствующих над умами идей (Дворжак, 2001).

Все меняющиеся параметры искусства – язык, образный строй, виды и жанры – являются, по мнению Кривцун, зеркалом перемен, происходящих в человеке, его самочувствии и самопознании. Для того, чтобы регистрировать отдельные стороны исторической психологии как неслучайное и распространенное явление, необходимо наблюдать их на протяжении длительного периода. В искусстве единый конструктивный принцип наиболее осязаемо выражается в понятии *стиля*. Романика, готика, барокко, классицизм – каждый из этих стилей характеризует целостные социально-психологические состояния, а потому может выступать источником «реконструкции эволюционирующих психологических структур внутреннего мира человека» (Кривцун, 2000, с. 221).

В. А. Шкуратов обращает внимание на то, что историческая психология, как и искусствоведение, литературоведение, этнология, фольклористика, социология, культурология, имеет дело с изучением, анализом созданных в истории человечества образов (Шкуратов, 1997, 2015). Например, на материале произведений искусства искусствоведение чаще оценивает эстетические характеристики художественного образа, социология искусства и массовой коммуникации анализирует распространение образов в обществе и отношение к ним разных социальных групп. В компетенцию исторической психологии входит иной круг проблем: она подходит к образам в культуре с желанием познать психологическую специфику восприятия, свойственную той или иной исторической эпохе. Ее интересует психологическая история отпечатков отношений человека с миром, явленных в изображениях, символах, аллегориях, знаках. Эти отпечатки дают возможность многое узнать о человеке в истории, однако сложность заключается в том, что исследователь «ограничен знанием того, как образ-артефакт связан с живой психикой» (Шкуратов, 2015, с. 411).

По мнению В. А. Кольцовой, искусство – чуткий индикатор общественных потребностей, настроений, идей. Оно обладает способностью быстрого и оперативного освоения социально-психологических тенденций и воплощения их в художественной форме. Автор

выделяет следующие аспекты психологического анализа искусства: рассмотрение роли искусства в психическом развитии человека (В. М. Бехтерев, Л. С. Выготский, М. М. Рубинштейн, Н. А. Рубакин, И. А. Сикорский и др.); выявление психологического содержания самого искусства как продукта человеческой деятельности (Б. Г. Ананьев, В. А. Артемов, Л. С. Выготский, А. А. Потебня, Н. А. Рубакин, Б. М. Теплов и др.). Большинство работ в этой области ограничивается теоретическим анализом проблемы и не содержит попытки введения продуктов художественного творчества непосредственно в психологические исследования (Кольцова, 2008).

Потенциал искусства как источника знаний о сознании человека, его миропонимании, ценностных ориентациях, идеалах в разные исторические периоды значителен. Его последовательное освоение поможет лучше понять духовно-нравственные причины кризисных явлений в современном мире.

Живопись и духовно-нравственные аспекты исторического процесса: от символа к симулякру

Предлагаемый психолого-исторический анализ носит поисковый характер и является попыткой осмысления исторической психологии как научного направления, позволяющего проследить *историческую динамику нравственного сознания человека.*

Средневековое искусство было *«насквозь символичным»* (Никитина, 2013, с. 355). По сравнению с ним, течение современного искусства конца XIX–начала XX в., именуемое символизмом, «кажется детским упражнением в сложной и многоходовой игре, которую можно назвать „символизацией“» (там же). Обилие художественных символов было непосредственно связано с особым характером средневекового миросозерцания, которое отличалось *цельностью.* Как отмечает Р. Гвардини, «отдельные символы были соотнесены Я и святые в вечности, светила в мировом пространстве, природные существа и вещи на земле, человек и его внутреннее строение, человеческое общество с различными его слоями и функциями – все это являло структуру смысловых образов, имевших вечное значение» (Гвардини, 2000, с. 173). Такой же символический порядок царил и в истории с ее различными фазами, «от подлинного начала в творении до столь же подлинного конца на Страшном Суде. Отдельные акты этой драмы – исторические эпохи – были связаны друг с другом, и внутри эпохи каждое событие имело свой смысл» (там же). *Мир воспринимался исполненным высшей закономерности,* «тайна этой оду-

хотворенной гармонии притягивала, ее хотелось постичь и освоить» (Морозова, Котельникова, Королёва, 2013, с. 119). Человек понимался как «единство всех тех элементов, из которых построен мир, и конечная цель мироздания» (Гуревич, 1984, с. 79). *Проблема нравственного совершенствования человека была центральной в живописи.* Основная задача средневекового художника заключалась в создании образа «трансцендентной умопостигаемой реальности через чувственно воспринимаемые объекты земного мира, т.е. задача угадывания того, что не дано непосредственно в чувстве» (там же, с. 84).

Рождение современной живописи традиционно связывают с деятельностью итальянского художника Джотто ди Бондоне (1266–1337). Преодолев византийскую иконописную традицию, он разработал абсолютно новый подход к изображению. Византийский иконографический канон прежде всего стремился в совершенной форме выразить Божественную мысль, не отвлекаясь на человеческие эмоции и переживания. Реализм Джотто стал «инструментом повествовательного изображения *человеческих страстей и драматических переживаний»* (Искусство..., 2009, с. 86). Внеся в свои работы психологизм, рефлексию и драматизм, художник адаптирует сакральные сюжеты, делая их восприятие более доступным. Если в византийской традиции контакт с образом осуществляется благодаря «трудной работе души и интеллекта», у Джотто восприятие изображенного – это прежде всего «труд глаз» (Хачатуров, 2013, с. 101). Бог Отец в его работах – могучая фигура, «строение которой соприродно нашему тактильному восприятию мира. Это лик, который мощно вылеплен светотенью и находится уже у самой границы здесь-бытия. Это благословляющий жест, чье воздействие мы ощущаем с силой прямого контакта» (там же). А Мадонна у Джотто уже не Царица, не священный образ, а просто мать. Художник-новатор отразил фундаментальные сдвиги в общественном сознании: *переход от инклюзивного восприятия мира к эксклюзивному,* смену средневекового восприятия пространства и времени ренессансным (Маклюэн, 2005). Таким образом, своим творчеством он поставил своеобразную «точку невозврата» в истории мировой живописи и позволил появиться Ренессансу.

Пришедшая на смену Средним векам эпоха Возрождения стала утверждать то, что еще недавно подвергалось осуждению. «Идеалы Средневековья – бедность, смирение, целомудрие, благочестие – уступают место жажде жизни, обладанию ее благами, прославлению земной чувственной любви» (Морозова, Котельникова, Королёва, 2013, с. 8). Искусство эпохи Возрождения, *стремившееся показать на картине окружающий человека мир в его естественном виде,*

как полагает В. Б. Раушенбах, должно было отказаться от приемов, свойственных средневековому искусству. Например, границу между миром «видимым» и «невидимым» стали изображать с помощью облаков. Совершенно очевидно, отмечает ученый, что облака никак не могут быть границей между двумя мирами, что они могут разделять лишь две области видимого мира. «С точки зрения геометрической логики художники, отделявшие реальный мир от мистического не четкой линией и цветом, а облаками, демонстрировали тем самым свою полную неспособность сделать то, что легко давалось средневековым предшественникам. Подчиняясь жестким ограничениям, которые им предписывало ренессансное искусство, они пытались распространить наивный реализм на те сферы, где он абсолютно неуместен» (Раушенбах, 2002, с. 238).

Слом традиций, существовавших в живописи начиная с эпохи Возрождения, осуществили *импрессионисты*. Они первыми из художников стали передавать на своих картинах световые эффекты, изображая сцены повседневной жизни в технике хорошо видимых мазков чистого цвета (Искусство..., 2009). В отличие от академического искусства, для импрессионистов был *важен не столько сюжет, сколько способ его отображения*. Сюжет был лишь средством передачи игры света, влияющей на цвет предметов и создающей блики и тени (там же).

Выдающийся голландский художник Винсент Ван Гог (1853–1890) предвосхитил стиль в живописи, названный *экспрессионизмом*. Он действует в пространстве, открытом импрессионистами, но «почти что вне искусства своего времени» (Анноша и др., 2006, с. 511). Ван Гог в своих работах не столько воспроизводит действительность, сколько *выражает свое эмоциональное состояние*. Если Джотто в свое время, отвлекаясь от сакрального, наделил эмоциями изображаемых персонажей, Ван Гога не интересуют и изображаемые как таковые: живопись для него – выражение себя и собственных переживаний. Это стремление отказаться от формы и академизма в пользу выражения личных переживаний художника стало характерной особенностью экспрессионизма. Задумаемся, какой поразительный путь осуществила живопись от Средних веков до Ван Гога. Вероятно, аналогичный пройденному человечеством: *от созерцания тайн мироздания до замыкания на самом себе*.

Для картин Ван Гога, созданных незадолго до смерти, характерны энергичные пастозные мазки в виде штрихов. Нанося их, художник создавал «стилизованные завихрения и концентрические круги с мощным эмоциональным эффектом» (Искусство..., 2009, с. 378).

В пейзажах Ван Гога, «как в душе человека, происходит „столкновение страстей“: скалы содрогаются, деревья взывают о помощи» (Современная иллюстрированная энциклопедия..., 2007, с. 47). Резкие и энергичные мазки оказывают сильное эмоциональное воздействие, передавая чувство тоски и тревоги. Многие полотна художника – отчаянный крик души: «Изображение человеческого удела, хрупкого и безнадежного, рождает новую форму живописи: усиливается мучительный изгиб штриха, оттенки цвета передают растущее отчаяние» (Анноша и др., 2006, с. 511).

Экспрессионизм в живописи является отражением экзистенциалистских настроений XX в. «Наиболее живое описание смысла экзистенциализма», считает Р. Мэй, можно найти в современном искусстве (Мэй, 2015, с. 93). И Ван Гог – это первая фигура, на которую указывает психолог, называя его уже «выдающимся художником», хотя при жизни он не получил признания. Экзистенциализм родился во время культурного кризиса, и центральным в экзистенциальном творчестве для Мэй является попытка «здесь и сейчас выразить смысл ситуации современного человека, даже если это означает изображение отчаяния и пустоты» (там же).

Спустя несколько лет после смерти Ван Гога норвежский художник Эдвард Мунк (1863–1944) создает серию живописных полотен под названием «Крик». Первая картина в этой серии называлась «Отчаяние». Используя подчеркнуто экспрессивные художественные средства, Мунк становится выразителем «экзистенционального пессимизма, пронизанного отголосками Шопенгауэра, философией отрицания Ницше, эстетикой Вагнера» (Искусство..., 2009, с. 537). Охваченный ужасом человек, изображенный Мунком, стал одним из самых узнаваемых в искусстве образов, предвосхитив ключевые для эпохи модерна темы: *одиночества, отчаяния и отчуждения*. Специалисты отмечают, что ни одна другая картина не выразила в такой яркой форме самоощущение человека XX века – с его постоянным предчувствием или переживанием катастрофы, отчаянием и тотальной потерей душевного равновесия (Уваров, 2019).

Современная эпоха постмодерна, констатирует М. В. Рендл, характеризуется тем, что «ценностно-нормативная система, равно как и система культурных констант, определявшая мировоззренческие координаты индивида на протяжении веков, распадается на хаотическое множество частных интенций» (Рендл, 2017, с. 10). В ситуации «тотальной неопределенности», «неупорядоченности и хаотичности новых представлений о мироздании» искусство на-

чала XXI в., отмечает М. Г. Чистякова, подталкивает человека «к радикальному сомнению в устоявшихся и стремительно ветшающих системах ценностей – эстетических, этических, гносеологических» (Чистякова, 2012, с. 6). В современном искусстве категория символа, по мнению А. О. Губанова, уступает место «паракатегории» *симулякра:* «Что остается в художественных объектах, когда в них теряется связь с символическим? Они превращаются в постмодернистский, посткультурный симулякр» (Губанов, 2012, с. 105). Симулятивность в искусстве предполагает *«неоднозначность смысла* и *смещение акцентов с самого объекта на процесс создания или восприятия»* (Демченко, 2009, с. 8).

К. Юнг убедительно доказал, что результатом лишения человека исторических символов стали *«духовная опустошенность и растущее чувство страха»* (Юнг, 1991, с. 31). Личностное бессознательное покоится на врожденном глубоком слое коллективного бессознательного, идентичного у всех людей и имеющего не индивидуальную, а всеобщую сверхличную природу. Структурными элементами коллективного бессознательного являются архетипы, которые Юнг называет «инстинктивными векторами», точно такими же, как импульсы у птиц вить гнезда, а у муравьев строить муравейники. Благодаря тысячелетним усилиям человеческого духа эти образы создали мифы, религии и философии, а «вечные истины» нашли выражение в культурных символах, которые должны привлекать, убеждать, очаровывать, потрясать. Культурные символы являются «жизненными силами» в построении человеческого образа, а посему не могут быть устранены без значительных потерь. Там, где они подавляются либо игнорируются, их специфическая энергия исчезает в бессознательном с непредсказуемыми последствиями. Кажущаяся уже утраченной, она на самом деле служит оживлению и усилению всего, что лежит на верхнем уровне бессознательного, – тенденций, которые иначе не имели бы случая выразить себя или, по крайней мере, не имели бы возможности беспрепятственного существования в сознании. Общество, полагая, что освободило себя от суеверий, на самом деле утратило духовные ценности и не понимает, насколько его рационализм, «расстроивший способность отвечать вечным символам и идеям, отдал его на милость психической „преисподней“» (там же, с. 37).

Психологам следует серьезно задуматься о значимости *культурно-исторических символов* в жизни человека и последствий их дефицита в современном мире, в котором они уступили место симулякрам.

Духовно-нравственное содержание произведений искусства и феномен гениальности

Часто, обращаясь к творчеству выдающихся деятелей в той или иной сфере, авторы используют термин «гений», подчеркивающий уникальность личности творца и его профессиональных достижений. Значительные научные открытия, технологические прорывы, высокое мастерство и неординарность художественных произведений порой оказываются достаточными основаниями для того, чтобы признать у того или иного профессионала в своей области наличие этого редкого дара. Однако всегда ли исключительное мастерство и новаторство тесно связаны с гениальностью?

Феномен гениальности очень сложен. Исследования в рамках исторической психологии способствуют раскрытию его психологического содержания и критериев, позволяющих дифференцировать талантливую и гениальную личность. Так, В. А. Кольцова и Е. Н. Холондович на примере изучения жизненного пути и творчества Ф. М. Достоевского предприняли попытку рассмотрения психологических характеристик личности гения (Кольцова, Холондович, 2013). Необходимо разделить, считают авторы, понятия «историческая личность» и «гениальная личность». Исторические личности вносили вклад в развитие цивилизации, делали выдающиеся открытия, «перекраивали» карты мира и изменяли историю народов. Гениальные личности имели «духовное зрение», которое в совокупности с выдающимися способностями и нравственными принципами позволяло им продвигать идеи гуманизма и вести вперед культуру и человечество (Холондович, 2010, с. 1). Наряду с такими *критериями гениальности,* как *универсальность, высокое мастерство, провидческий дар,* Кольцова и Холондович выделяют высокую *духовность.*

Полагаем, что гения от выдающейся личности той или иной эпохи отличает *особая глубина творчества, отвечающего на смысложизненные вопросы.* Исторический процесс не увлекает гения в свою стихию; интеллектуально и нравственно поднимаясь над ним, он способен осмыслить его, напоминая своим творчеством современникам и потомкам об *абсолютных, непреходящих ценностях,* демонстрируя возможность преодоления возникших на данном цивилизационном этапе ошибок и заблуждений или предупреждая о них. Так это делал Достоевский на материале исторического контекста своего времени. Не являются ли следующие слова, которые можно прочесть на памятной доске, установленной на «доме Раскольникова», ключевыми в формуле гениальности: «Трагические судьбы людей

этой местности Петербурга послужили Достоевскому основой его страстной *проповеди добра для всего человечества»?*

Названные в статье художники интересны как выдающиеся профессионалы и новаторы, носители исторических норм и ценностей, удивительно точно отразившие и даже предвосхитившие психологические проблемы не только человека своего времени, но и потомков. Их творчество – ценный материал для исторической психологии, изучающей «социально-историческое сознание как ту реальность, которая связывает человека с обществом, цивилизацией, историей в целом» (Историческая психология..., 2004, с. 24). Но могут ли они сегодня тем, кто потерял глубинные основы жизни, помочь? Несет ли их творчество те абсолютные ценности, которые гении способны выразить и передать смотрящему на живописное полотно человеку, в какую бы эпоху он ни жил?

Ответить на этот вопрос нам может помочь другой художник, творчество которого демонстрирует «вершины философского и художественного обобщения» (Демина, 1956, с. 324). Имя этого гения – Андрей Рублев. «Среди мятущихся обстоятельств времени», раздоров, междоусобных распрей и татарских набегов в двадцатых годах XV в. он создал шедевр русской живописи, имеющий «неувядаемую ценность для людей всех времен и национальностей» (Демина, 1963, с. 82). «Троица» Рублева явила человечеству «бесконечный, невозмутимый, нерушимый мир», вражде и ненависти противопоставила «взаимную любовь, струящуюся в вечном согласии, в вечной безмолвной беседе» (Флоренский, 2007, с. 46). «Страх перед смертью, страданием и одиночеством души оказался преодоленным всепоглощающим *чувством доверия к закону жизни, понятому как любовь»* (Демина, 1963, с. 82). Важные слова о Рублеве были сказаны отечественным режиссером А. А. Тарковским, посвятившим художнику историческую кинодраму. После Куликовской битвы еще в течение века Россия подвергалась опустошительным набегам. Перемены касались не практической жизни, а духовной: русские люди обрели веру в свое окончательное освобождение. Эту веру, это предчувствие перемен выразил в своем творчестве Рублев, конкретизировав в образах «*потрясающей нравственной силы»* (Тарковский, 1990, с. 64).

***

Обращение к творчеству художников мирового уровня разных исторических периодов, начиная от Средних веков, таких как Джотто ди Бондоне, Андрей Рублев, Винсент Ван Гог, Эдвард Мунк, демонстрирует уникальную способность произведений изобразительного ис-

кусства отражать психологические стороны исторического процесса. Предложенный психолого-исторический анализ является попыткой осмысления исторической психологии как направления, позволяющего проследить *историческую динамику нравственного сознания человека.* В рамках данного подхода уже сейчас можно выдвинуть некоторые предположения и ориентиры для дальнейших исследований.

Процесс мировоззренческой и ценностной дезориентации человечества от Средних веков до наших дней сопровождался значительными преобразованиями в изобразительном искусстве, а именно постепенным забвением культурно-исторических символов, аккумулирующих опыт предшествующих поколений, уходом в экспрессию и самовыражение, усилением акцента на индивидуальных, субъективных переживаниях художника. Характерные для живописи Средневековья осмысленность, устремленность к нравственному идеалу резко контрастируют с присущими живописи начала XXI в. сомнениями в традиционной системе ценностей.

Серьезного внимания сегодня заслуживает проблема высокой значимости *культурно-исторических символов* в жизни человека и их дефицита в современном мире, в котором они уступают место симулякрам. Необходимо предпринимать регулярные попытки психологической интерпретации культурно-исторической символики с целью постижения ее роли в формировании нравственного сознания.

Значительный интерес для нравственной и исторической психологии представляет *феномен гениальности.* Гений – не только высочайший профессионал в той или иной области деятельности, но и выразитель *общечеловеческих, универсальных ценностей,* обладающий способностью интеллектуально и нравственно подняться над социально-историческим контекстом своего времени и в созданных им шедеврах быть подлинным нравственным ориентиром. Гениальность связана с глубоким осмыслением проблемы человеческого в человеке.

Историческая психология, обладая значительным потенциалом, помогает ответить на многие животрепещущие вопросы современности. Важно понимать, как верно отмечает В. А. Шалак, что субъективное восприятие истории, основанное на отличной от изучаемой эпохи системе ценностей, самым серьезным образом может влиять на выводы исследователя (Шалак, 2009, с. 107). Для того, чтобы познать прошлое таким, каким оно было «на самом деле», следует подойти к нему с адекватными критериями, остерегаясь навязывания современных оценок, а потому необходим такой подход, при котором «помехи прибора», т. е. порождаемые современностью представления

и ценности, были бы сведены по возможности к минимуму (Гуревич, 1984, с. 16). Соблюдение этих условий по отношению к познанию духовных ориентиров прошлого – важный шаг к осмыслению экзистенциальных проблем настоящего.

Литература

Анноша Э., Антинори А. К., Бишоне М. и др. История мирового искусства. М.: БММ АО, 2006.

Боброва Е. Ю. Основы исторической психологии. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1997.

Борисова Н. В. Духовно-нравственная психология как новое направление отечественной психологической науки // ИП РАН. Социальная и экономическая психология. 2018а. Т. 3. № 1 (9). С. 85–92.

Борисова Н. В. Личность в отечественной философско-психологической традиции: вызовы современности // Ярославский педагогический вестник. 2018б. № 4. С. 180–187.

Борисова Н. В. Сергей Леонидович Рубинштейн на рубеже тысячелетий // Психологический журнал. 2019. Т. 40. № 4. С. 107–115.

Вебер М. Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. СПб.: Университетская книга, 2016.

Воловикова М. И. Нравственная психология: современное состояние и перспективы исследования // ИП РАН. Социальная и экономическая психология. 2018. Т. 3. № 2 (10). С. 6–29.

Воловикова М. И., Журавлев А. Л. Вместо введения: Вклад Института психологии РАН в исследование духовно-нравственных проблем личности и общества // Духовно-нравственные проблемы современной личности / Отв. ред. М. И. Воловикова, А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. С. 15–31.

Гвардини Р. Конец Нового времени. Попытка найти свое место // Самосознание культуры и искусства XX века. М.: Культурная инициатива, 2000. С. 169–226.

Гостев А. А. Глобальная психоманипуляция: психологические и духовно-нравственные аспекты. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017.

Губанов А. О. Художественный символ и симулякр: эстетическое противостояние // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2012. № 3. С. 103–107.

Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М.: Искусство, 1984.

Дворжак М. История искусства как история духа. М.: Академический проект, 2001.

Демина Н.А. Черты героической действительности XIV–XV веков в образах людей Андрея Рублева и художников его круга // Труды отдела древнерусской литературы (Институт русской литературы Академии наук СССР). 1956. Т. XII. С. 311–324.

Демина Н.А. «Троица» Андрея Рублева. М.: Искусство, 1963.

Демченко В.И. Метафора и симулякр как средства конструирования культурной реальности современного общества: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ставрополь, 2009.

Духовно-нравственные проблемы современной личности / Отв. ред. М.И. Воловикова, А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018.

Журавлев А.Л., Юревич А.В. Психология нравственности как область психологического исследования // Психологический журнал. 2013. Т. 34. № 3. С. 4–14.

Искусство: Иллюстрированная энциклопедия / Под ред. Э. Грэма-Диксона. М.: БММ, 2009.

Историческая психология: предмет, структура и методы: Учеб. пособ. / Под ред. А.А. Королёва. М.: Изд-во МосГУ, 2004.

Кольцова В.А. История психологии: Проблемы методологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.

Кольцова В.А., Холондович Е.Н. Воплощение духовности в личности и творчестве Ф.М. Достоевского. М.: Изд-во «Института психологии РАН», 2013.

Королёв А.А., Журавлев А.Л., Кольцова В.А. История и психология: неумолчный диалог. Учеб. пособ. / Под ред. А.А. Королёва. М.: Изд-во МосГУ, 2011.

Кривцун О.А. Историческая ментальность и художественный процесс // Вестник культурологии. 2019. № 1 (88). С. 58–81.

Кривцун О.А. Эстетика: Учебник. М.: Аспект Пресс, 2000.

Маклюэн М. Галактика Гутенберга. Становление человека печатающего. М.: Академический проект, 2005.

Морозова О.В., Котельникова Т.М., Королёва А.Ю. Босх, Брейгель, Дюрер: гении Северного Возрождения. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2013.

Мэй Р. Истоки экзистенциального направления в психологии и его значение // Теория и практика экзистенциальной психологии / Под ред. С. Римского. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2015. С. 88–131.

Никитина И.П. Эстетика: Учебник для бакалавров. М.: Юрайт, 2013.

Психологическое здоровье личности и духовно-нравственные проблемы современного российского общества / Отв. ред. А. Л. Журавлев, М. И. Воловикова, Т. В. Галкина. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014.

Раушенбах В. Б. Геометрия картины и зрительное восприятие. СПб.: Азбука-классика, 2002.

Рендл М. В. От модерна к постмодерну: социокультурные основания парадигмальных изменений: Автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Ростов-на-Дону, 2017.

Самохвалов Д. С. Историческая психология: основы историко-психологических исследований: Пособ. для студентов. Минск: БГУ, 2016.

Современная иллюстрированная энциклопедия. Искусство / Сост. Т. В. Балицкая. М.: Росмэн-Пресс, 2007.

Тарковский А. Для меня кино – это способ достичь какой-то истины // Экран. 1990. № 19. С. 60–68.

Уваров С. Крик в вечность: почему шедевр Эдварда Мунка стал столь популярен // Известия. Культура. 2019. 15 апреля. URL: https://iz.ru/867368/sergei-uvarov/krik-v-vechnost-pochemu-shedevr-edvarda-munka-stal-stol-populiaren (дата обращения: 03.11.2020).

Флоренский П. А. Иконостас. М.: Мир книги, 2007.

Хачатуров С. Обратное пространство сакрального образа // Диалог искусств. 2013. № 2. С. 100–103.

Холондович Е. Н. Реконструкция психологических характеристик личности гения на примере изучения жизненного пути и творчества Ф. М. Достоевского: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2010.

Чистякова М. Г. Современное искусство как культурно-антропологический феномен: Автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Тюмень, 2012.

Шалак В. А. Историческая психология как метод очеловечивания истории // Психология в экономике и управлении. 2009. № 2. С. 107–110.

Шкуратов В. А. Историческая психология. Книга первая. Введение в историческую психологию. М.: Кредо, 2015.

Шкуратов В. А. Историческая психология. М.: Смысл, 1997.

Юнг К. Г. Архетип и символ. М.: Ренессанс, 1991.

Стадии исторической коэволюции психики и музыки

С. А. Гильманов

doi: 10.38098/thry.2020.25.72.022

Несмотря на обилие исследований, посвященных сущности и генезису музыки и психики, их связям, все они рассматривают эти вопросы с различных общегуманитарных (философских, культурологических, эстетических, искусствоведческих, исторических и др.) позиций. Поэтому и для психологии выявление взаимных линий историогенеза психики и музыки в историческом макровремени остается актуальной и малоизученной проблемой, решение которой позволяет в определенной мере обнаружить новые стороны целостных оснований культурного бытия человека, уловить историческое единство процесса развития свойств психического.

В рамках исторической психологии, изучающей «человека как объекта и субъекта истории, а также обусловленность структуры его сознания и поведения социо-исторической процессуальностью» (Кольцова, 2011, с. 85), когда историогенез психики связывают с жизнью «больших человеческих сообществ: цивилизаций, народов, сословий, классов», а выводы распространяют «на генетические последовательности… в той степени, в какой ритмы исторического времени проникают в индивидуальное бытие человека и в эволюцию высших приматов» (Шкуратов, 2015, с. 13), обнаружение генетических связей психики и музыки требует определения логически оправданных ориентиров, по которым можно выявлять коэволюционные линии и «кореволюционные» рубежи их взаимодействия, сохранять единство рассмотрения на фоне культурных реалий.

Цель данной статьи – выделить основные исторические стадии коэволюционного взаимодействия психики и музыки и дать их содержательную характеристику.

Методологические ориентиры исследования

Чтобы не ограничивать рассмотрение рамками определенных теоретических постулатов (как исторических, так и общенаучных –

конструктивистских, эмердженистских и т.д.) мы предлагаем взять за основу используемые в гуманитаристике понятия чувственного, рационального и смыслового в их предельно широком понимании и взаимообусловленности, что, на наш взгляд, позволяет в первом приближении анализировать и сопоставлять и психику, и музыку, и культуру. Поясним, по необходимости сверхкратко, нашу точку зрения.

Чувственное в настоящей работе понимается как то, что ощущается, воспринимается, переживается человеком в текущий момент. В музыке чувственность явлена через физические свойства звуков, их сочетаний, последовательности, тембров в их эстетическом «оформлении», в психике – через переживание текущего момента, выраженное в едином процессе и состоянии в сенсорной, перцептивной, эмоциональной сферах.

Понятие рационального используется нами для обозначения процесса и результата создания логически обоснованных мысленных моделей объектов, феноменов мира, что обусловлено стремлением проникнуть в сущность, скрытую за явленным. Рациональное существует через системы знаков: только так может выражаться и передаваться другим то, что понято, что смоделировано.

Смысловое мы рассматриваем здесь как сознательно постигаемое разумом основание, назначение, объяснение, понимание онтологических оснований бытия определенных объектов, процессов, этапов, событий и т.д. через «схватывание» их структуры, целостности, их значимости для человека; в музыке смысл проявляется через избирательное воплощение в ней свойств мира на основе символизации, имитации, метафоризации и др.

Подобные основания рассмотрения взаимодействия психики и музыки сформулированы, например, Я. Кроссом, выделяющим в музыке мотивационно-структурное, социально-интенциональное, культурно-энактивное измерения (Cross, 2016), О.А. Кривцуном, определяющим психику в ее взаимодействии с искусством как «целостный духовный комплекс, субъективную реальность, выражающую себя через деятельность, потребности человека во множестве мыслительных и эмоциональных, осознанных и неосознанных форм» (Кривцун, 2000, с. 64), и др. Затрагивают исторические этапы развития музыки в их взаимосвязи с психическими проявлениями как зарубежные музыковеды, эстетики и философы (Т. Адорно, Дж.К. Бисфем, Дж. Блэкинг, П.В. Больман, С. Вялимяки, Л. Гер, А. Киллин, Дж. Краут, Дж. Кросс, Н. Кук, С. Лангер, С.Р. Ливингстон, Л.Б. Мейер, Х. Ортега-и-Гассет, Д.Б. Скотт, Г.А. Томлинсон, У.Ф. Томпсон,

Л. Трейтлер, Й. Хейзинга, Г. Хупер, Дж. Шеферд и др.), так и отечественные: Б. В. Асафьев, М. Ш. Бонфельд, Ю. Н. Бычков, Е. В. Герцман, Д. В. Кожевникова, О. А. Кривцун, А. Ф. Лосев, Ю. М. Лотман, Л. А. Мазель, В. В. Медушевский, Е. В. Назайкинский, В. М. Розин, Г. В. Рыбинцева, А. Н. Сохор, И. С. Стогний, В. К. Суханцева, П. А. Флоренский, Ю. Н. Холопов, В. Н. Холопова, В. А. Цуккерман и др.

Мы считаем, что в исторической коэволюции психики и музыки можно выделить следующие стадии, в которых преодолеваются исторически значимые рубежи: докатегориальную стадию, стадию искусства и современную интеграционную стадию.

Докатегориальная стадия

По сравнению с давно существующими теориями, в которых предлагается только одна основная причина возникновения музыки, в современных концепциях, можно увидеть не только расширение взглядов на коэволюцию музыки и психики, но и обоснованные суждения о связи биологических, социальных и собственно психических причин возникновения и эволюции музыки. Западные музыковеды, подчеркивая биосоциальные истоки музыки и разнообразие ее форм, отмечают, что такое свойство психики, как музыкальность, формируется «не как полноценная способность, а скорее как субкомпоненты этой способности, появляющиеся в разное время и, вероятно, в ответ на различные давления отбора» (Cross, 2016, p. 12). Делается акцент и на рациональных и эмоциональных сторонах возникновения музыки. Так, Ливингстон и Томпсон объясняют ее появление с позиций широко распространенной в западной психологии «теории разума»[1] – в силу существования способности «приписывать» психические состояния себе и другим (Livingstone, Thompson, 2009). Автор капитального диссертационного исследования Дж. Бисфам считает, что музыка имеет общие фундаментальные истоки в древней эволюции млекопитающих, в важных филогенетических изменениях в нейронных структурах, регулирующих вегетативную нервную систему; что она возникла как особая нить в эволюции коммуникации и «не обязательно должна быть „искусством“»; что она с момента своего возникновения «в подавляющем большинстве случаев не автономна (или „чиста“) и не может

1 Термин «Theory of mind» введен в 1978 г. Д. Премаком и Г. Вудруфом в статье «Есть ли у шимпанзе теория разума?» и используется как обозначение способности к пониманию индивидом чужого сознания на основе сформированной «теории разума» другого индивида.

быть отделена от всего нашего индивидуального или коллективного опыта и сознания» (Bispham, 2018, p. 25).

Глубокую историческую связь биологической и социальной коэволюции человеческого вида с музыкой обосновывает в интереснейшей теории Г. Томлинсон, указывая на следующие факторы: действие биокультурной обратной связи в коэволюционном построении «ниши» гоминидов в среде; изменения селективных давлений в результате перехода от врожденного поведения к его культурной передаче; появление способности гоминидов накапливать «архивы культурной практики» (Tomlinson, 2015, p. 293).

В европейской античности музыка существует уже как отдельная культурная реалия, имеющая двойственное понимание: как проявление «космической гармонии сфер», задающей порядок во Вселенной и во внутреннем мире человека (Пифагор), и как социальная практика, имеющая целью воспитание духовных качеств (Платон, Аристотель и др.), обслуживание ритуалов, бытовых обычаев проведения досуга. Это раздвоение сохранилось до периода Средневековья, в социальной жизни которого музыка играла чувственную роль, а в образовании – рационально-смысловую: она входила не в «гуманитарный» тривиум, а в «естественнонаучный» квадривиум наряду с арифметикой, астрономией и геометрией.

На наш взгляд, на докатегориальной стадии музыка, уже существуя как самостоятельное явление, еще не влияет впрямую на развитие психики. Отражая психические качества и служа социальным потребностям, она совершенствуется и обрастает средствами выражения. Однако в определенном отношении именно музыка задает ориентиры рационального осмысления и смысловой интерпретации явлений мира. Она опосредованно включается в процесс возникновения новых форм практической деятельности, в переход от наглядно-действенных видов практики к сложным формам теории, что, по словам А. Р. Лурии, является одним из важных аспектов исторического развития и «приводит к коренной перестройке основных психических процессов, к радикальному изменению их психологического строения, к появлению новых видов психической деятельности, которые до этого не имели места» (Лурия, 1971, с. 61).

Стадия искусства

Стадия возникновения искусства в современном смысле этого слова – важнейший рубеж историогенеза психики и революционный рубеж развития музыки.

В историческом аспекте эта стадия начинается с эпохи Возрождения и длится до конца XIX в. Ее вклад в коэволюционный генезис психики и музыки заключается в том, что происходит осознание искусства как социокультурной ценности, отражающей духовную жизнь человека, и как самостоятельной области жизнедеятельности общества. На этой стадии возникает современное понятие художественного произведения (связанное с созданием художественного образа, с авторством, материалом и формой и др.), происходит эмансипация музыки как отдельной социокультурной системы, появляются представления о музыкальном тексте как носителе произведений, сохраняющемся в исторической памяти.

В отличие от античности, где практика музицирования и теория музыки как гармонии космоса почти не соприкасались, происходит становление единого представления о музыке. Большинство теоретических размышлений о ней опирается на смысловую единицу культуры – произведение, которое может быть записано, воспроизведено, осмыслено, отнесено к определенному жанру. Музыкальное произведение – знаковая система, имеющая качество осознанного использования средств музыки в совокупности стимулов, призванных оказать целенаправленное воздействие на реципиента. Появляется авторство как основание персонифицированного бытия произведений в истории. Носителем произведения становится текст, где в знаковой форме сохраняется, развивается и реализуется память культуры, сосредоточены культурные способы взаимодействия человека с самим собой и с другими, содержатся ценностные ориентиры осмысления жизненных ситуаций и линий поведения. Текст стимулирует взаимодействующего с явлениями мира человека к интерпретации возникающих чувственных откликов и к возникновению смысловых переживаний. В художественном произведении он разомкнут к чувственности и смыслам таким образом, чтобы в процессе взаимодействия с произведением человек обнаруживал, достраивал, «дочувствовал и домысливал» смыслы. Рациональным средством фиксации музыки становится окончательно сформировавшаяся музыкальная письменность, позволившая регистрировать не только сами звуки, но и сочетание одновременного действия многих инструментов, что привело к появлению больших оркестров, произведений крупной формы и социальных практик, центром которых становилась сама музыка, музыкальное произведение (концерт, симфония, соната и т. д.) Возникает и новое качество мыслительного оперирования информацией, в котором не просто соединяются интеллект

и аффект, но и происходит взаимовлияние научного и художественного освоения мира[1].

Психика при взаимодействии с музыкой обогащается и в чувственном, и в рациональном, и в смысловом планах. Осознаются особые («эстетические», художественные) переживания, преображенная чувственность обогащается осознанием смысловых инсайтов, вызываемых музыкой.

В. М. Розин, назвавший одну из глав своего учебника культурологии «Музыка как явление культуры и психический феномен», рассматривая классическую музыку, доказывает, что она «находит себя (организуется, формируется) через психику человека» (Розин, 2003, с. 403), иллюстрируя это описанием особенностей переживания музыки средневековым человеком и человеком Нового времени, проведением линии прямой связи компонентов музыки с личностными свойствами.

Генетические линии связи эволюции музыки и психики точно определил Б. В. Асафьев: «Эволюция музыкальных форм в Европе от первых опытов многоголосия (IX–XIII вв.) до колоссальных размеров романтических симфоний (А. Брукнер, Г. Малер) и опер (Р. Вагнер) есть в некотором отношении процесс раздвижения границ музыки и расширения границ движения, – процесс, тесно связанный с практикой усвоения и обусловленный эволюцией слухового восприятия, а значит, базирующийся на непременных его свойствах (запоминание путем сравнения и различения тождественных и контрастных звукосопряжений)» (Асафьев, 1971, с. 27).

Интеграционная стадия

Современное состояние коэволюции психики и музыки характеризуется в первую очередь интеграцией всех предыдущих стадий, произошедшей в результате «цифровой» революции, изменившей и чувственные, и рациональные, и смысловые стороны и психики, и музыки. Появление устройств, позволяющих обращаться в элек-

---

1 Например, Г. В. Рыбинцева указывает на прямую взаимосвязь развития рациональных сторон музыки и научных представлений, проводя аналогии темперированного строя с декартовой системой координат, мажоро-минорной ладовой системы и учения о гармонии – с моделями звездно-планетарных систем, двухчастных и рондальных структур – с круговоротом, барочной танцевальной сюиты – с движением по прямой, фуги – как механистической картины единого в своей материальности (корпускулярности) мира и др. (см.: Рыбинцева, 2012, 2014).

тронной форме к музыкальным произведениям в любое время, в любой ситуации, в любой стране, приводит к тому, что музыка становится феноменом, пронизывающим все стороны социальной жизни, что влечет за собой и положительные, и отрицательные последствия.

К положительным последствиям следует отнести, во-первых, вовлечение все большего числа людей в музыкальную деятельность и увеличение количества социальных сфер обращения к музыке. Упрощение средств сочинения, исполнения, слушания, обращение к музыке в образовании, психотерапии, организации досуга – все это обогащает способы взаимодействия психики и музыки. Во-вторых, следует отметить превращение музыкальной деятельности в общесоциальную культурно-историческую систему, функционирующую на социокультурном, собственно деятельностном, психологическом, социотехническом уровнях. Наконец, к положительным моментам следует отнести и то, что расширение доступности любых способов взаимодействия с музыкой стимулирует проявления именно в этой области «надситуативной активности» (В. А. Петровский) огромного числа людей. Музыка становится стимулом для саморазвития способностей как формирования новых направлений историогенеза психики.

Значительны и негативные факторы, в результате действия которых взаимное отражение музыки и психики дробится, музыка перестает выражать реалии жизни. Это прежде всего глобализация и массовизация музыки: происходит переход от эпохи композиторов и исполнителей к эпохе потребителей, массовых субъектов, не погружающихся в глубины произведений, а использующих свойства музыки как средство и условие для самых разных целей: получения удовольствия, стимулирования консьюмеристского поведения, танцев и пр. Композиторское искусство заменено комбинированием сэмплов, исполнительское – электронным воспроизведением наиболее характерных черт жанров и стилей. Слушание становится индивидуализированной ситуацией, опосредованной электронными носителями звучания, функционируя зачастую как «полуслушание». Наблюдается деиндивидуализация произведений: в них утрачивается уникальность художественного образа, который уже не выражает типичное, а сам становится основой конструирования типажей. Типологизация компонентов музыки – результат отделения знаковых систем, моделирующих ее семантические и семиотические средства (в первую очередь в компьютерных программах), и их использования в качестве элементов конструкции текста. Происходит и размывание цельности произведений в «саундтреках», «композициях», в ко-

торых не ставятся и не решаются самодостаточные для произведения задачи, не стимулируется интерпретационная активность психики.

В современном состоянии коэволюции психики и музыки можно, по нашему мнению, выделить тенденции, обобщенно отраженные в чувственных, текстовых, смысловых характеристиках последней. «Чувственная» музыка всегда остается во времени отдыха, требует простых текстов и гедонистических смыслов, существуя в повседневной жизнедеятельности и менее всего отражаясь в развитии психики. «Смысловая» музыка апеллирует в первую очередь к классике, требует отдельного времени на взаимодействие с произведениями, особых условий слушания. Она ритуализирована и социально маркируема, существуя в специально назначаемое время, и требует развитой в чувственном и рациональном отношении психики. «Текстовая» музыка остается и останется уделом профессионалов и отдельных любителей, конструируемые и «прочитываемые» тексты которой отражаются рационально, а чувственные и смысловые стороны играют роль конструкционных элементов. В ней расширяются способы рационального осмысления и оперирования музыкой как определенной самодостаточной знаковой системой, и достаточно часто происходит отрыв ее от общесоциальной жизнедеятельности.

***

Таким образом, на основе разработки методологического подхода, ориентированного на анализ чувственного, рационального и смыслового в коэволюции психики и музыки, мы выделили и охарактеризовали основные стадии этого процесса. Первый коэволюционный рубеж – осознание человеком конструкции музыкальных явлений и возможности влиять с помощью музыки не только на эмоциональные состояния, но и на культурно обусловленное поведение людей. Участие в социальной коммуникации звучащего, а не только визуально существующего знака – шаг в развитии социально оформленных орудий психики: отражаясь в психике, музыка становится орудием интеллекта. Второй рубеж коэволюции психики и музыки – появление концепта искусства как явления культуры и обусловленное этим оформление произведений как носителей связей, замыкающих через текст чувственные и смысловые свойства психики. Третий коэволюционный рубеж характеризуется расширением социальных практик, в которых музыка участвует, и одновременно усилением глобализации и унификации взаимодействия психики и музыки. Это связано со взрывным развитием информационно-коммуникационных технологий, активизирующим и положительные, и отрица-

тельные факторы, влияющие на отражение эволюции музыки в зеркале историогенеза психики.

Можно ли на основе изложенного сделать прогноз относительно дальнейших коэволюционных изменений психики и музыки? На наш взгляд, конкретные предсказания здесь невозможны в силу чрезвычайно усложнившихся персональных и социальных способов взаимодействия человека и общества с музыкой, появления новых средств ее создания и использования. С определенной долей вероятности можно предположить следующее: расширятся способы воздействия чувственных средств музыки на чувственную же сторону психики (в том числе и за счет использования синтезированных звуков и биологически обоснованных ритмов, трансляции музыки непосредственно в мозг, минуя внешнюю среду и органы чувств, и т. п.); станут разнообразнее знаковые средства выражения музыки и усложнятся ее тексты (однако увеличатся и средства означения и воспроизведения «стандартных» текстов); смыслы, «вкладываемые» в музыку и «извлекаемые» из нее, с одной стороны – усложнятся, с другой – будут подвергаться все большей конкретизации через жанры, исполнителей, инструментальные исполнительские практики, среды трансляции музыки. В любом случае взаимообогащение психики и музыки продолжится.

Литература

Асафьев Б. В. Музыкальная форма как процесс: В 2 кн. Л.: Музыка (Ленинградское отделение), 1971.

Кольцова В. А. Историческая психология как комплексная отрасль знания: теоретико-эмпирический анализ // Психологический журнал. 2011. Т. 32. № 3. С. 85–95.

Кривцун О. А. Психология искусства. М.: Изд-во Литературного института им. А. М. Горького, 2000.

Лурия А. Р. Психология как историческая наука (К вопросу об исторической природе психологических процессов) // История и психология / Под ред. Б. Ф. Поршнева, Л. И. Анцыферовой. М.: Наука, 1971. С. 36–62.

Розин В. М. Культурология: Учебник. М.: Гардарики, 2003.

Рыбинцева Г. В. Коперниканская революция и музыка барокко // Южно-Российский музыкальный альманах. 2012. № 2. С. 7–12.

Рыбинцева Г. В. Музыкальное искусство барокко и механицизм XVII–XVIII столетий // Южно-Российский музыкальный альманах. 2014. № 1 (14). С. 21.

Шкуратов В. А. Историческая психология: Книга первая. «Введение в историческую психологию». М.: Кредо, 2015.
Bispham J. C. The human faculty for music: What's special about it? Dissertation submitted for the degree of doctor of philosophy. University of Cambridge, 2018.
Cross I. The theory of evolution in musicological context // The Oxford handbook of music psychology / Eds S. Hallam, I. Cross, M. Thaut. Oxford: Oxford University Press, 2016. P. 3–17.
Livingstone S. R., Thompson W. F. The emergence of music from the theory of mind // Musicæ Scientiæ. 2009. V. 13 (2). P. 83–115.
Tomlinson G. A million years of music. The emergence of human modernity. N. Y.: Zone Books, 2015.

Методологические проблемы психологии невербального самопредставления в историческом контексте

В. И. Екинцев

doi: 10.38098/thry.2020.25.72.023

Интерес к исследованию невербальной коммуникации проявляется не только в психологии общения, но и в различных областях науки, не имеющих возможности непосредственного наблюдения динамики невербальной коммуникации: истории (М. Блок), археологии (А. Д. Столяр), искусствознании (В. Пасквинелли) и др. Данный интерес объясняется той фундаментальной ролью, которую играет невербальная коммуникация в становлении сознания, речи, искусства.

Фактически существуют два подхода к изучению становления сознания и речи. Первый, естественнонаучный, представлен в области зоопсихологии как попытка моделирования возникновения языка и интеллекта через обучение обезьян языку жестов, решение ими задач, изучение их коммуникации. Второй подход – психоисторический: интерпретация и анализ многообразных исторических данных. Оба подхода спорны с точки зрения обоснованности и надежности получаемых данных. В этой связи уместно замечание В. Вундта: «Существуют психические явления, которые недоступны эксперименту, но иногда там, где отказывает лабораторный эксперимент, за нас экспериментирует история» (цит. по: Awards Кликс, 1983, с. 6). Археологические данные, предметы искусства, письменные источники позволяют исследователям интерпретировать особенности невербальной коммуникации, которые понимаются как продукт социальных и культурных условий, открывающих путь к познанию возникновения сознания и речи, особенностей менталитета.

Несмотря на сложность использования исторического материала для интерпретации, психоисторический анализ невербальной коммуникации имеет давнюю традицию, которая связана с попытками формирования теории выразительных движений и объяснения возникновения речи. Роль невербальной коммуникации хорошо понимал Э. Б. Тейлор, который первые три главы своего труда «Антропология: Введение к изучению человека и цивилизации» по-

святил рассмотрению жестов (Тейлор, 1881). Ч. Дарвин акцентировал внимание на подражании у человека и особенно, по его наблюдениям, «у дикарей» (Дарвин, 1953). Поэтому он считал, что речь обязана своим происхождением подражанию естественным звукам, голосам других животных и собственным инстинктивным крикам человека, при которых вспомогательную роль играли знаки и жесты.

В. Вундт предложил гипотезу «ручных жестов». Согласно ей выражение аффекта переходит в выражение мысли, простейшей формой которой является язык жестов (Вундт, 1912). Гипотеза языка жестов позднее поддерживалась многими известными учеными: Л. Леви-Брюлем, Н. Я. Марром и др. Ее слабым звеном является непонимание места жестов в общей системе пантомимики человека, поскольку гипотеза «ручных жестов» предполагает существование языка жестов еще до развития речи.

Считается, что предметное сознание в антропогенезе тесно связано с синкретичной «натуральной пантомимой», которая являлась коллективным действом, вырабатывавшим «предметно-изобразительный код социального общения и наследования» (Столяр, 1985, с. 267). Данный код был необходим для создания обобщений и генезиса речи, для эмоционального выражения, для работы механизма социального опыта. Существование «натуральной пантомимы» подтвердилось следующими данными:

- археологическими: артефакты (мустье) в пещере Базуа, комплексы первобытного творчества Ла-Мадлен, Ласко, Альтамира, Трюк-д'Одубер, Пеш-Мерль, Монтеспанье и др., антропоморфные «пляшущие» изображения в пещерах Ле-Труа-Фрер и Габийю;
- этнографическими наблюдениями пантомимы у первобытных народов: на ритуальных праздниках, у шаманов, в процессе бытовой коммуникации;
- психологическими данными об историческом формировании восприятия, мышления, происхождении языка, представленными в трудах А. Р. Лурии, М. Коула, С. Скрибнера, Дж. Брунера, Ф. Кликса, А. Кендона и др.

«Натуральная пантомима» открыла материальную запись внутренней формы (представления) через символический труд (первобытное творчество), который имитировал охоту и связывался с тушей зверя или ее натуральными атрибутами. В ранних формах коммуникации человека «натуральная пантомима» была стержнем, который синкретично объединял все виды его самовыражения, в том числе из-

образительные («первобытное искусство» – наскальные изображения животных, объектов охоты, и скульптурные женские фигуры). Феномен синкретичной «натуральной пантомимы» демонстрирует генезис функционального базиса речи в палеолите. «Натуральная пантомима» представляла собой исторически первую форму презентации, в которой не дифференцированы форма и содержание, а образ предмета не существует без действия с ним. Остатками этой формы являются подражательные, обрядовые народные танцы-пантомимы и вся танцевальная культура на всем историческом развитии.

«Натуральная пантомима» резко отличается по уровню выразительной активности от изобразительных жестов и жестов-эмблем. Это вызвано тем, что как в антропо-, так и в онтогенезе пантомимика изначально выступает как элемент практической деятельности и появляется раньше речи. Жест играет важную роль в становлении знаковости, в формировании семиотической функции сознания в период despre словесной коммуникации.

От «натуральной пантомимы» идет развитие других форм невербальной и вербальной коммуникации человека: с возникновением речевой деятельности на смену ей приходят изобразительные движения, которые, в свою очередь, могут уступать место символическим жестам, сформированным на основе развитой понятийной системы.

Первобытная коммуникация в отечественной психологии рассматривается как более сложное явление, чем просто «язык жестов», как полиморфная, синкретичная коммуникация с участием выразительных движений и звуков. Данная традиция берет свое начало в исследованиях В. М. Бехтерева, Л. С. Выготского, Б. Г. Ананьева, С. Л. Рубинштейна, А. Н. Леонтьева, А. А. Леонтьева и др. Л. С. Выготский отмечал, что история развития указательного жеста играет чрезвычайно важную роль в развитии речи ребенка и является вообще значительной древней основой всех высших форм поведения; что языки жестов и слов не были изолированы друг от друга, а представляли сложную форму, объединяющую жесты и слова (Выготский, 1993, с. 102). Признавая полисемантизм первых слов в общем единстве жеста, звука и ситуации, С. Л. Рубинштейн и А. Н. Леонтьев выделяли значительную роль жестов.

В процессе развития в антропогенезе происходит дифференцирование знаковой формы. На уровне образной презентации жесты приобретают форму изобразительных движений, которые носят пояснительный, схематичный характер. Символическая презентация предполагает, что жесты приобретают форму условных знаков. Символический жест может быть эквивалентен нескольким словам, име-

ет очень конкретное значение, требует меньше времени для выражения, часто употребляется там, где употребление речи невозможно.

Важную роль невербальная коммуникация играет в становлении знаковости, в формировании сознания в период до словесной коммуникации, когда жест неотделим от ситуации. С развитием речи невербальная коммуникация стала обслуживать другую систему, включилась в связь с развитыми формами сознания, деятельности личности. Жест стал играть роль не отражения ситуации, а выражения смысла, ценностей, ценностно-смысловой позиции личности (оценки ситуации, ее деталей, себя и готовности действовать в ней), т. е. жест перестал быть простой проекцией ситуации, естественной, ситуативной пантомимой, танцем.

В области сценического искусства С. М. Волконским были выделены жесты иллюстративные и жесты отношений, введен термин «психологический жест» (Чехов, 1945). М. А. Чеховым показано, что пантомима относится к жесту как общее к частному. «Кинестетическое чувство» А. Я. Таирова, «зеркаленье» В. Э. Мейерхольда, «ощущение порождающей активности» М. М. Бахтина предвосхитили открытие А. В. Запорожцем, М. И. Лисиной, В. П. Зинченко, Н. Д. Гордеевым, Б. Д. Элькониным, Д. Б. Элькониным «экранирования» в психологии.

В. Е. Клочко показал, что коммуникация входит в структуру самоорганизации и ментального пространства личности, выражающего динамичность отношений человека и их направленность к действительности (Клочко, 2005). Включая исторические символы в коммуникацию, человек превращает культуру в картину, в образ мира, в свой жизненный мир.

Человек, обладающий развитыми формами сознания, строит систему представлений о ситуации, о мире в целом, о своем месте в нем, стремится найти смысл своего существования. Характер взаимодействия с познаваемым объектом изменяется благодаря использованию знаков, становится универсальным средством создания смысловой структуры, ее оформления и преобразования. Проблема исследования жестов человека имеет общепсихологическое значение, так как жест являлся основой общепсихологических теорий и учений (В. Вундт, В. М. Бехтерев, К. Бюлер, Л. С. Выготский, В. Е. Клочко и др.). Невербальная коммуникация, в особенности жесты, могут изучаться в онтогенетическом, психоисторическом и историко-научном планах.

Таким образом, с развитием речи невербальная коммуникация стала обслуживать другую систему, включилась в связь с развитыми

формами сознания, деятельности личности. Жест стал играть роль не отражения ситуации, а выражения смысла, ценностей, ценностно-смысловой позиции личности, т. е. перестал быть простой проекцией ситуации, естественной, ситуативной пантомимой. В отечественной психологии были заложены теоретические основы, которые, с одной стороны, преодолевали редукционизм гипотезы языка жестов, а с другой – создавали фундамент для психоисторического анализа невербальной коммуникации человека.

Тенденции развития невербальной коммуникации запечатлелись в двух формах: 1) выражение в невербальной коммуникации смысла (смысловой позиции) в общении между людьми и 2) выражение в невербальной коммуникации ценностей (ценностно-смысловой позиции) в религиозных ритуалах. Если первое мы можем встретить в произведениях великих художников и др., то выражение ценностей мы находим в религии. Религиозные жесты можно обнаружить в любой религии. Например, древние перуанцы культуры мочика употребляли жест «моча» (протягивание рук) при обращении к идолу, солнцу. Ю. Е. Березкиным этот и другие жесты древних перуанцев были описаны на основе сохранившихся изображений на росписях и на сосудах (Березкин, 1985). Жест обращения к божеству с поднятыми вверх руками часто встречается в разных религиях.

Практически во всех традиционных религиях имеются ритуальные жесты. Наиболее изученной является невербальная коммуникация в христианстве: большое количество жестов запечатлено в иконографии, а обратная перспектива делает их интенциональными, своеобразной энтелехией внутреннего содержания образа. В выдающейся работе представителя «школы анналов» М. Блока «Короли-чудотворцы: Очерк представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распространенных преимущественно во Франции и Англии» (Блок, 1998) описан обряд возложения рук королями на больных золотухой, который существовал в Англии и Франции в XIII–XV вв. Например, в 1289–1290 гг. король Англии Эдуард I возложил руки на 1736 больных золотухой, что демонстрирует большую популярность данного обряда в тот период времени. М. Блок считал, что исцеление больных золотухой является составной частью целой психологической системы, основу которой составляли представление о сакральности королевской власти, иррациональность мышления и недостаточная грамотность. В средневековом Западе жестами и клятвами закреплялись социальные отношения, с помощью жестов совершались политические и религиозные властные действия.

Значимость жестов в эпоху Средневековья определялась самим строем жизни, представлениями о мире. Не зная образа мысли тех людей, нельзя понять и смысл их жестов. Так, тенденция развития невербальной коммуникации в выражении ценностей в состоянии молитвы привела к появлению особой категории жестов – ритуализированных, которые являются выражением «выхода», «ухода» человека за рамки ситуации, реальности и также имеют свое историческое развитие. В средневековом христианстве жест воспринимался как телесное выражение тайных движений души, а не как простое средство коммуникации: западные христиане той эпохи вкладывали в жесты всю силу своей веры, все символические ценности, присущие их социальной страте.

Понять феномен невербальной коммуникации можно, лишь осмыслив те тенденции развития, которые в нем были заложены в определенные эпохи. Для этого необходим трансспективный анализ. Его преимущество состоит в том, что это не просто анализ тенденций, но анализ места сосуществования времен, их взаимопроникновения и взаимоперехода, в котором реализует себя тенденция усложнения человека как системной организации (Клочко, 2005).

В философии науки В. С. Степиным в 1989 г. была выявлена смена типов научной рациональности по линии «классика-неклассика-постнеклассика» (Степин, 1989). Если в основе классической научной рациональности лежит «аристотелевское» мышление, которое основано на представлении о том, что все качества предмета принадлежат самому предмету, а в основе неклассической рациональности научного познания – «галиллеевское» мышление, основанное на представлении об открытии при взаимодействии противоположностей новых качеств, то в основе постнеклассической методологии находится «трансспективное мышление», выделенное В. Е. Клочко на основе представления об «онтологии взаимодействия с ее порождающим эффектом» (Клочко, 2005, с. 43).

Создание трансспективного анализа стало следствием развития постнеклассической методологии в психологии. По своим идеям он близок к универсальному эволюционизму и синергетике. В. Е. Клочко выделяет следующие его характеристики: динамичность (темпоральность), тенденциональность, системность и прогностичность (там же).

Трансспективный анализ зарождался в рамках историко-системного подхода. В диссертационных исследованиях, выполненных в рамках научной школы В. Е. Клочко, были вскрыты объективные тенденции развития психологической науки на материале

конкретных научных категорий и понятий как усложнение организации науки, представляющей собой открытую самоорганизующуюся систему. В. Е. Клочко выделил основные области применения трансспективного анализа в психологии: исследование филогенеза (психоистории), истории науки и онтогенеза, однако в основном его использовали для анализа тенденций развития в теоретической области, изучения становления истории науки: психологического познания (В. Е. Клочко), проблемы стресса в психологии (Т. Г. Бохан), становления психологии жизненного самоосуществления (И. О. Логинова), в качестве модели пиарологии как нелинейной когнитивной системы (И. П. Кужелева-Саган).

Являясь общенаучным методом в постнеклассической науке, трансспективный анализ может быть использован в разных областях научного знания. Развитие постнеклассической методологии в гуманитарных науках делает его универсальным методом исследования. Но наиболее перспективной областью его применения, по нашему мнению, является область коммуникации человека. Это вызвано тем, что именно через коммуникацию проявляется «порождающий эффект взаимодействия» в «человекоразмерных» системах. Невербальная коммуникация, отраженная в исторических источниках, является самопредставлением человека в историческом контексте.

К идеям трансспективного подхода близка концепция бесконечности общения П. А. Сорокина об общении людей разных эпох, опосредствованном культурными памятниками. Действительно, человек в своей жизни постоянно оставляет знаки памяти (фотографии, знаки отличия и др.). Более того, еще В. М. Бехтерев отметил функцию исторических памятников как посредников взаимодействия и общения между людьми, принадлежащими разным народам и разным эпохам (Бехтерев, 1921).

Таким образом, исследователи коммуникации как у нас в стране, так и за рубежом выходят на понимание системного и трансспективного характера невербальной коммуникации человека. Психоисторическое исследование невербальной коммуникации позволяет реконструировать жизненное пространство людей, их ценности, потребности, которые наиболее ярко проявляются в переходные периоды общественного развития. Невербальная коммуникация демонстрирует глубинные сдвиги в менталитете общества, которые могут быть исследованы на примере визуальных, письменных источников, ритуалов, танцевального творчества, систематизированных в психолого-антропологическом направлении (Екинцев, 2018).

В заключение обозначим основные методологические проблемы психологии невербальной коммуникации в историческом контексте.

1. «Натуральная пантомима» является генетически первой формой коммуникации человека, и ее феномен имеет общепсихологическое значение. Современные исследования жестовой коммуникации и «зеркальных нейронов» подтверждают гипотезу возникновения «натуральной пантомимы» в палеолите. С развитием речи жест включился в связь с развитыми формами сознания и деятельности личности, стал обслуживать другую психологическую систему, не превратился в рудимент.
2. Невербальная коммуникация является не только средством передачи информации, но и способом организации наших представлений о себе и окружающем мире, индентификации себя. Она играет важную роль в становлении знаковости, в формировании сознания в период дословесной коммуникации, когда жест неотделим от ситуации, а с развитием речи включается в связь с развитыми формами сознания и деятельности личности. Включение в систему интерпретации и анализа исторического исследования новых источников, отражающих невербальный компонент поведения и коммуникации, является одной из задач исторической психологии.
3. Постнеклассическая методология психологии относит невербальную коммуникацию в историческом контексте к самопредставлению, которое создает «эффект взаимодействия» человека с реальностью.
4. Трансспективный анализ позволяет выделить следующие формы невербальной коммуникации: «натуральную пантомиму» в период становления сознания и речи и ее развитие в танцевальном творчестве; изобразительные движения и символические жесты, выражающие смысловую позицию личности; символические ритуальные жесты, выражающие групповые ценности и ценностно-смысловую позицию личности.
5. Трансспективный анализ является общенаучным постнеклассическим методом исследования, в его основе лежит «трансспективное мышление», становление «человекоразмерных» систем через «порождающий эффект взаимодействия». Он позволяет исследовать становление невербальной коммуникации, выявить тенденции и направленность процесса ее развития и может применяться в исследованиях по истории науки, исторической психологии и психологии развития.

Литература

Березкин Ю. Е. Жесты древних перуанцев // Этнические стереотипы поведения. Л.: Наука, 1985. С. 250–270.

Бехтерев В. М. Коллективная рефлексология. Пг., 1921.

Блок М. Короли-чудотворцы: Очерк представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распространенных преимущественно во Франции и в Англии / Науч. ред. и послесл. А. Я. Гуревича. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998.

Бунак В. В. Речь и интеллект, стадии их развития в антропогенезе // Ископаемые гоминиды и происхождение человека. М.: Изд-во АН СССР, 1966. С. 495–555.

Выготский Л. С., Лурия А. Р. Этюды по истории поведения. Обезьяна. Примитив. Ребенок. М.: Педагогика-Пресс, 1993.

Вундт В. Основы физиологической психологии: В 16 т. Т. 3. СПб., 1912.

Дарвин Ч. Выражение эмоций у человека и животных // Ч. Дарвин. Собрание сочинений: В 9 т. Т. 5. М.: Изд-во АН СССР, 1953.

Екинцев В. И. Психологическая антропология жеста: трансспективный анализ. Чита: ЗабГУ, 2018.

История ментальностей, историческая антропология: Зарубежные исследования в обзорах и рефератах. М., 1996.

Кликс Ф. Пробуждающееся мышление: у истоков человеческого интеллекта. М.: Прогресс, 1983.

Клочко Е. В. Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности (введение в трансспективный анализ). Томск: ТГУ, 2005.

Степин В. С. Научное познание и ценности техногенной цивилизации // Вопросы философии. 1989. № 10. С. 3–18.

Столяр А. Д. Происхождение изобразительного искусства. М.: Искусство, 1985.

Личностно-деятельностные истоки славянской традиции (цивилизационный аспект)

Л. Н. Горюнова

doi: 10.38098/thry.2020.25.72.024

Наша история — это не древние манускрипты и не война за достоверность исторических фактов, но история нашего отношения к тому, что случилось когда-то с предками. Если это понимать, то надо рассматривать писания древних и других историков иначе, чем принятие или непринятие той или иной точки зрения. Надо смириться с тем, что прошедшее нельзя знать так, будто вне познания есть некий объективный «исторический процесс вообще». Мы «познаем» прошлое подобно тому, как наблюдаем небо в ночное время, когда в пределах своего пространства и времени видим в основном свет уже не существующих звезд.

В данном исследовании изложен цивилизационный подход к пониманию личностно-деятельностных истоков славянской традиции. Под традицией понимается система практической деятельности, воспроизводимая и транслируемая из поколения в поколение. Применяемый цивилизационный подход в данном контексте включает рассмотрение особенностей психологической структуры деятельности в западной и восточной типах цивилизаций. Личностно-деятельностные особенности в славянской традиции устанавливаются в системе западной цивилизации.

Традиции в общем смысле являются системой социокультурного наследия. Славянская традиция основывается на системе славянских языков и отражает социокультурное наследие славянских народов. Модернистский подход к пониманию традиции отличают рационализация и редукция. Тем не менее, несмотря на фрагментарность традиции и ее умаление, подчинение современности, она не разрушается полностью, а продолжает существовать.

Славянская культурная традиция включает в себя комплекс фольклорных и этнолингвистических элементов: фольклорные жанры (песни, пословицы, поговорки, обрядовые тексты и др.), традиционные мифологические верования, описания праздников, обрядов

и обычаев, специфическую терминологию и фразеологию. Славянская традиция описана с точки зрения мифологии, фольклора, языка и обрядности в многочисленных исследованиях (этнолингвистических, фольклористических, этнографических, семиотических и др.). При сопоставлении способов номинации понятий в славянской группе языков выделяются сходные черты языковой картины мира славянских народов, ее наивно-бытовых, фольклорных и мифоэпических элементов.

Говоря о методике психологического исследования, С.Л. Рубинштейн отмечал, что образ мысли человека определяется образом его деятельности так, как сознание людей определяется общественной практикой. Поэтому познание человека должно отправляться от его деятельности и опираться на ее социально-исторический анализ. «Лишь правильно определив подлинное общественное содержание и значение тех или иных поступков человека и объективных результатов его деятельности, можно прийти к правильному их психологическому истолкованию» (Рубинштейн, 2002, с. 45).

В данном исследовании деятельность рассматривается как активность человека, включенная в систему цивилизации. Она транслируется посредством традиции, сохраняется, модернизируется, рассматривается как необходимая или типичная в рамках определенной цивилизации. Люди выражают традиции посредством коренного типического образа деятельности и поведения. Специфика образа деятельности выражается в особо заданной исходной форме организации деятельности, которая передается, воспринимается, различается, обладает силой и воздействием в ходе истории. В изложенном подходе к пониманию личностно-деятельных истоков славянской традиции рассматриваются коренные, типические формы организации деятельности, поддерживающие славянскую традицию в западной цивилизации.

Л.С. Рубинштейн пишет, что «внутреннее психологическое содержание действия раскрывается обычно не из изолированно взятого акта, не из отдельного фрагмента, а из системы деятельности. Лишь учитывая деятельность индивида, а не только какой-нибудь изолированный акт, и соотнося ее с теми конкретными условиями, в которых она совершается, можно адекватно раскрыть... внутреннее психологическое содержание действий и поступков» (там же, с. 44).

Специфика образа деятельности выражается в особой заданной исходной форме организации деятельности, которая передается, воспринимается, различается, обладает силой и воздействием в ходе истории. Духовное содержание традиционной деятельнос-

ти составляют обычаи, мифы, верования и другие явления культуры. В данной работе рассматриваются коренные, типические формы организации деятельности, поддерживающие славянскую традицию.

Предметом настоящего исследования является особенности психического образа деятельности, обеспечивающие воспроизводство славянской традиции в западной цивилизации.

Образ деятельности в контексте типологии цивилизаций

Рассмотрим детерминирующий образ деятельности в контексте цивилизации и традиции или, иначе говоря, цивилизационные особенности как особый образ деятельности. Целостный образ деятельности человека соответствует модели (образу) мира, которая построена субъектом на основе различных форм его активности. Власть образа проявляется в его детерминирующей функции, реализуя принцип единства сознания и деятельности.

Сознательная деятельность человека материализуется в продуктах деятельности. Зачастую психологические основания той или иной деятельности понимаются как психологические свойства и качества индивида, опосредующие требования деятельности и ее ограничения. В рамках исторического подхода такая установка является малопродуктивной. Содержание психологических свойств индивида отражает историческую специфику времени, но перечень таких качеств имеет смысл лишь в сравнительном контексте. Фиксирование различий не является указанием на их истоки. Так, например, концепция «коллективной личности» предполагает, что она распространяется на всех членов сообщества и воспроизводится народной культурой. Коллективная личность наделяется коллективными чертами, такими как коллективное самосознание, коллективная воля, коллективный дух, что не раскрывает ее истоков, а указывает на своеобразие.

В труде Н. Я. Грота «Психология чувствований в ее истории и главных основах» дан исторический анализ развития представлений о психических явлениях от Аристотеля до трудов российских ученых (Грот, 1880). Грот приводит описание исторических воззрений на психику и предлагает деятельностную систему анализа их формирования и развития. Данный труд важен для понимания методических оснований представленного исследования, поскольку вводит психологическое понятие деятельности как основы исторического развития психических явлений. Грот пишет: «Мы вводим в число основных психологических понятий понятие „деятельности“ в тесном

значении слова, т.е. проводим не признанное в наше время противоположение воли (стремлений, желаний) и деятельности (движений, действий)» (там же, с. 434). Ученый предлагает деятельностные основания для классификации психических явлений, рассматривая их как результат психического взаимодействия человека с окружающей средой. Он трактует происхождение фундаментальных идей, идеи пространства, времени и причинности, исходя из чувственного опыта, преобразованного коллективной деятельностью в процессе эволюции общества и в ходе индивидуального развития человека. Н.Я. Грот определяет психическое взаимодействие как один из видов взаимодействия организма с окружающей средой с целью приспособления внутренних отношений к внешним, которое «состоит в переработке впечатлений извне в такое внутреннее впечатление, которое соответствовало наличным внутренним условиям существования организма» (там же, с. 429).

У мыслителей древнего периода Н.Я. Грот выделяет учение о способностях души, принцип деления души на разумную и неразумную, а также представления о душе как о жизненном начале, чувственном и умственном. В средневековый период появляется понятие воли, а также происходит разделение на ум и волю (познание и волю). Христианская этика выдвигает понятие нравственной личности, основанной на абсолютном идеале и осуществляющей сознательную оценку поступков. Также в этот момент развивается учение о страдании и удовольствии, которое изначально исходило из того, что сама душа не подвержена волнениям, а только противодействует им, когда они сильны. Таким образом, в древний период преобладают двучленное или трехчленное деление области психического на сферы и восприятие его как целого.

Характер психической деятельности, по Гроту, определяется четырьмя фазами психического цикла: 1) объективная восприимчивость, которой соответствуют ощущения, ум и познание; 2) субъективная восприимчивость, чувство удовольствия или страдания, чувствительность; 3) субъективная деятельность, выражающаяся в стремлениях и воле; 4) объективная деятельность, т.е. движения. Первая и четвертая фазы связаны с взаимодействием с внешним миром и могут быть отнесены к внешней деятельности. Вторая и третья фазы касаются внутреннего плана деятельности. Грот особенно подчеркивает, что нельзя рассматривать каждую фазу (в его терминологии – «моменты психического оборота») как отдельные психические способности (или «силы души»). Н.Я. Грот рассматривает четыре ступени непрерывного психического развития, существую-

щие рядоположно и одновременно: бессознательную, сознательную, произвольную и методическую.

Исторический анализ психических явлений Н. Я. Грота построен на письменных источниках древности. Поскольку письменные источники древнеславянского периода отсутствуют, он считает наиболее информативным обратиться к сравнительным лингвистическим исследованиям и к исследованиям славянского этноса.

Изучение древнеславянского языка (В. С. Иванов, В. В. Колесов, В. Н. Топоров, О. Н. Трубачев, И. И. Срезневский) показывает, что понимание славянами психических свойств и качеств в древнее время ограничено понятием «душа», под которым подразумевались и душа, и сердце, и ум. Обратим внимание на то, что, по мнению В. В. Колесова, до XVI в. русский человек не связывал понятие «воля» с независимым состоянием. Душа в славянской традиции локализуется, согласно эпическим преданиям, в сердце. Слова «сердечный» и «душевный» являются общеславянскими синонимами. Так, из терминов древнеславянского языка мы знаем: «вѣдати» обозначает знать из «восприятия зрением»: ведаю то, что вижу; «знати» связано в большей степени с людьми (признавать, соблюдать, исполнять, «знатисѧ» – быть знакомым); «разумѣти» связано с процессами понимания; «чути» – чувствовать, ощущать.

Таким образом, понимание психического в древнем славянском мире также отличается целостностью, и попытку описать древнего человека исходя из современных представлений о личности и личностных качествах следует признать малоперспективной. Рассмотрим возможности деятельностного подхода, который предлагает взять за основу анализа психологическую структуру деятельности.

Общепсихологическая теория деятельности Г. В. Суходольского, высоко ценившего вклад Н. Я. Грота в понимание деятельности и ее форм, дает представление о структуре деятельности как о субъектно-объектных отношениях, представленных субъектами, объектами и их взаимодействиями (Суходольский, 2008). Каждый структурный элемент деятельности может быть изображен в двух планах: внешнем и внутреннем. Г. В. Суходольский ввел в описание деятельности помимо пространственно-временного измерения еще два: вероятностное и логическое. Таким образом, каждый из элементов деятельности, описанный во внешнем или внутреннем планах, включен в структуры, определяемые четырьмя типами отношений: пространственными, временными, вероятностными и логическими.

Геннадий Владимирович задолго до современного бума в квантовой физике говорил о возможности так называемого «пятого из-

мерения» в психологическом описании, которое фиксирует вероятность того, что элемент деятельности или событие имели место в прошлом или будут иметь место в будущем. Прошлое и будущее выступают как набор вероятностей, состоящих из реально свершившегося, возможного и невозможного вариантов будущего или прошлого. Прошлое включает сумму вероятностей: реально свершившееся прошлое, прошлое, которое могло произойти, и невозможное прошлое. Это означает, что из каждой точки настоящего идет не единичный отрезок или вектор в будущее и прошлое, а веер таких отрезков, имеющих различную вероятность с точки зрения наблюдателя.

Так называемый антиподход к описанию деятельности Г. В. Суходольский реализовал в аксиологии деятельности, введя в качестве оснований для описания ценностной природы деятельности три вида отношений: ожидаемое/фактическое, общее/частное и полезное/вредное. Ожидаемое/фактическое основание позволяет описать объективные и субъективно предвидимые результаты деятельности, которые также представлены обобщенными и конкретными результатами деятельности: первые соотносятся с действиями, а вторые – с деятельностью в целом, с ее продуктом. Отношение «полезное/вредное» позволяет описать ценности и антиценности деятельности: полезные результаты удовлетворяют потребности, вредные препятствуют их удовлетворению и являются антирезультатом деятельности. Антимотив деятельности – это избегание или обобщенный запрет деятельности, приводящий к ее разрушению. Понятие «антидеятельность» по сути отражает разрушение деятельности или создание препятствий, которые делают ее совершение невозможным. Г. В. Суходольский выделяет объективные и субъективные, социальные и индивидуальные, актуальные и потенциальные, материализированные и идеализированные, пассивные и активные формы существования деятельности. Выделяются следующие компоненты метасистемы деятельности: «люди–объект–среда». Психическая деятельность человека рассматривается как непременная и важнейшая составляющая человеческой деятельности, которая обусловливает развитие общества и самого человека. Объект в деятельностном контексте понимается как приложение активности субъекта, как то, во что в конечном счете трансформируется продукт деятельности. Цель деятельности – это представление субъекта о продукте деятельности.

Мы исходим из понимания значения деятельности как основания личности, разработанного в психологии деятельности. «В отличие от индивида личность человека ни в каком смысле не является

предсуществующей по отношению к его деятельности, как и его сознание, она ею порождается» (Леонтьев, 1975, с. 173). Деятельностный подход в психологии предполагает, что многообразные формы деятельности субъекта и те связи, в которые он вступает, являются исходными единицам психологического анализа личности. А. Н. Леонтьев считал, что главное основание личности составляют ее связи с миром, выражаемые через деятельности, а иерархии деятельностей составляют «ядро личности». Кроме того, личность – это субъект познания и активного преобразования материального мира, общества и самого себя. Личность является относительно поздним продуктом общественно-исторического и онтогенетического развития человека и порождается деятельностью человека. В российской психологической науке советского периода были четко сформированы основные методологические принципы исследования психического: принцип единства сознания и деятельности, детерминизма, развития, деятельностного и субъектно-деятельностного подходов. В советской психологии разработана проблема коллективного субъекта как совместно действующей группы людей. Данное понятие в большей степени сопряжено с понятием коллектива в социальной психологии. Основные признаки коллективного субъекта характеризуют группу одновременно (Журавлев, 2009). Ценным для нашего исследования является то, что на основе выраженности признаков можно выделить различные уровни и типы коллективного субъекта.

Ранее была сделана попытка ввести понятие праличность. Праличность характеризует состояние индивида до-личности, перед-личностью, так как понятие личности было введено отцами христианской церкви и правомерно к рассмотрению начиная с соответствующего исторического периода (Горюнова, 2019). Нас же интересуют дохристианские корни личности в славянской традиции.

Если говорить о широте данного понятия, то в контексте нашей работы определение «русская личность» было бы необоснованным сужением. Основами цивилизации выступают ментальные особенности народов, системы духовных ценностей и идеалов, устойчивые традиции, религиозные верования, общественная организация управления. Возможно, есть смысл говорить о русской традиции и личности в русской цивилизации в каком-то определенном контексте. Но, на наш взгляд, понятие цивилизации более широкое, чем путь прогресса конкретного народа. Традиция является неотъемлемой частью цивилизации. Личность формируется в рамках традиции и питается ее многообразными формами деятельности; ее истоки связаны с особыми коренными формами и образами

деятельности, разумными и имеющими смысл для одной цивилизации и разрушительными и безумными для иной. Несмотря на то, что цивилизационный подход активно критиковался в период его становления, в настоящее время он укрепил свои позиции и используется как методология в большом спектре исторических и культурно-исторических исследований.

Для целей этой работы достоинства цивилизационного подхода более значимы, чем его недостатки. Однако для того, чтобы понимать, какие ограничения накладывает данный подход, следует перечислить последние. Во-первых, нет общего определения цивилизации. Н. Я. Данилевским цивилизация понималась как общность людей, которая не сводится к государству и объединена духовной, материальной, бытовой культурой, а также способом поведения и мышления. По его мнению, цивилизация не имеет генетической и географической основы. Большие цивилизации живут в различных географических условиях и имеют несколько генетических корней (Данилевский, 1995). Во-вторых, не определена связь цивилизации и религии. В-третьих, не решены споры о границах и количествах цивилизаций. Пожалуй, единственное, что вызывает мало дискуссий, – это связь человека и цивилизации: в фокусе анализа цивилизации находится анализ человека, его личности и ментальности.

Есть труднопреодолимый методический барьер, который заключается в том, что в большинстве случаев цивилизационный и деятельностный подходы рассматриваются как отдельные парадигмы. В этой связи отсутствует возможность сослаться на какие-либо научные авторитеты, кроме авторитета А. Я. Ефименко, известной исследовательницы русской общины, которая написала: «Давно уже про нас, русских, говорится, что мы ничего не можем знать, что немцем не написано в книжке. И я, признаться, устанавливая свои положения, немало смущалась, что не могу, подобно моим оппонентам, сослаться ни на какого немца» (цит. по: Алаев, 2014, с. 52). Не удалось найти в литературных источниках подтверждения или примера совместного использования в анализе цивилизационного и деятельностного подходов. Следовательно, еще предстоит дальнейшая концептуально-фактологическая разработка в значительной степени интуитивно-априорного их соединения.

В связи с данным ограничением уместно упомянуть понятие мыследеятельности, разработанное Г. П. Щедровицким, которое обеспечивает, по мнению автора и других сторонников его идеи, воспроизводство деятельности и трансляцию культуры. Мыследеятельность отражает то, каким образом люди реализуют определенную форму

организации деятельности (Щедровицкий, 1987). «Когда мы говорим о деятельности, то вряд ли имеет смысл апеллировать к ее отдельным носителям. Бессмысленно искать законы этой деятельности, скажем, в физиологическом устройстве отдельного индивида. Сама деятельность является как бы особой субстанцией, которая развертывается по своим внутренним имманентным законам. Деятельность – поток, который передается от одного поколения к другому. Поколения рождаются и умирают, а деятельность протекает через них, и она во многом независима от своего материального биологического субстрата» (Щедровицкий, 1997, с. 256).

При сравнении цивилизаций используется обобщенная схема анализа деятельности человека, обеспечивающая процесс ее воспроизводства и развития. Применяется и традиционное объединение цивилизаций в типы на основе общности менталитетов, схожести социально-экономического развития, единства культурной и духовной судьбы. Традиционно разделение цивилизации на западную и восточную. В качестве критериев их различия выделяют отношение человека к природе и меру (степень) единства с нею, скорость развития технологий и техники, различия в социальном динамизме, в скорости изменения основ общественного развития, разнообразие институтов прав и свобод человека и мн. др.

Иерархия устойчивых форм человеческой деятельности служит основой развития цивилизации. В недавней работе А. А. Гостева «Глубинные детерминанты человека и общества: в поиске новых подходов и возможностей понимания» обоснованы метаисторические коды глубинных влияний на групповую ментальность и внутренний мир личности, информационными источниками которой могут выступать мифологические представления народов, религиозные верования, историко-психологическая реконструкция жизнедеятельности субъектов истории (Гостев, 2019).

В рамках традиционного разделения на западную и восточную цивилизации славянские народы нередко включаются в состав западной цивилизации как ее составная часть. Наиболее распространенным является отнесение их к частной восточно-европейской цивилизации в составе большой западной цивилизации (А. Парибок). В литературе имеются разнообразные представления на этот счет. Понятие о славянской цивилизации используется при изучении проблем истории славянского мира и славянских культур, политической истории, истории и теории православия в целом (например, Н. Я. Данилевский, К. Н. Леонтьев). Рассмотрение личностно-деятельностных особенностей в славянской традиции адекватно в бо-

лее общем контексте западной цивилизации. Вклад славян в развитие западной цивилизации не вызывает сомнение и имеет множество подтверждений.

Образ деятельности и славянская традиция в западной цивилизации

Цивилизационный подход позволяет усмотреть в качествах человека грани, которые «отшлифованы» течением времени и развитием цивилизации. Например, А. В. Смирнов, используя сравнительно-философский анализ западной и восточной цивилизаций, установил цивилизационные особенности мышления представителей каждой из них (Смирнов, 1997). А. В. Сухарев выделил исторические стадии развития личности и соответствующие им ведущие представления, показав, что выделенные стадии отражают этапы общего плана развития конкретной этносреды (Сухарев, 2017).

Основное своеобразие цивилизации проявляется в результатах созидательной и духовной деятельности народностей, ее составляющих. Исходный образ деятельности отражает практическую реализацию духовных идеалов традиции внутри цивилизации в конкретных географических, климатических и этнических условиях. Развитие и формирование цивилизации реализуется через развитие и формирование деятельностей людей. Истоки различия цивилизаций коренятся в особенностях образа деятельностей людей, их составляющих.

Образ деятельности выражает эффективный для конкретных условий способ взаимодействия людей с окружающим миром, который в ходе исторического развития становится узнаваемым, заданным, типическим, относительно механистическим и носит стихийный и спонтанный характер. Образ деятельности, характерный для той или иной традиции, содержит важные для нее смыслы, идеи, обладает созидающей силой, производит неизбежное воздействие на большинство ее носителей. Детали образа деятельности внутри традиции понятны ее носителям, работают, появляются, меняются, передаются, воспринимаются, однако не подлежат коренным изменениям. Коренное изменение образа деятельности может происходить насильственным путем, приводящим к частичному или полному разрушению традиции.

В западной цивилизации феномен личности отражает способность человека вычленять переживания своего внутреннего мира из переживаний единого бытия; личность является источником

разумного и рационального в человеке. Зачатки личности появляются в тот момент, когда человек способен отделить внешнее и внутреннее в пространстве восприятия, не растворяясь в протекающих явлениях и процессах, преодолевая природную детерминацию, реализуя независимое существование. В отличие от пространственных и временных координат, внутренние координаты личности могут быть несогласованными и противоречивыми. Личность вмещает в себя противоречия, осью разрешения которых и является путь ее развития. Становясь личностью, человек творит свои миры, получает возможность вырваться из взаимообусловленности всего на земле. Личность выражается в том, что создает смыслы и интерпретирует по-своему происходящие события. Личность в западной цивилизации характеризуется свободой действия и переходом от реактивности к активности, т. е. к активным формам человеческой деятельности, изменяющим мир.

Восточная цивилизация обходится без понятия «личность», считая, что личности нет. Например, в буддийской культуре есть только «имя», которое объединяет соединенные вместе разнообразные элементы. В китайской цивилизации Дао – «путь человека», вечное действие и принцип творения, не нуждающийся в понятии «личность». В исламской цивилизации понятие личности также отсутствует. Аллах – это высшая активность. Человек – «раб Аллаха». «Отсутствие личности» не мешает восточной цивилизации демонстрировать высочайшие стандарты внутреннего, духовного развития человека. В западной цивилизации отрицание личности означает безличность и равняется недоразвитости.

Личность в славянской традиции с точки зрения западной цивилизации всецело и полностью противоречива. Так называемый феномен «славянской души» неизменно привлекал интерес исследователей в области культурологии, философии, антропологии. «Славянскую душу» лишали воли и свободы. Ее допускали лишь в связи с принятием христианства и образа Единого Бога. Общество обвиняли в нивелировании и порабощении единой и цельной «славянской души». Личность в славянской культуре награждали полной свободой или судили за потерю смелости быть личностью. Выступали против рационального анализа «славянской души», исповедуя непосредственное интуитивное понимание. Утверждение, что личность в славянской традиции имеет собственную специфику, в западной цивилизации высказано многими исследователями. Яркая особенность «славянской души» породила множество синтетических конструктов относительно евроазиатских, азиатских или даже вос-

точных ее истоков. Однако вклад старославянской культуры в развитие западной цивилизации обоснован и неоспорим и заставляют рассматривать славянские народы в ее системе.

Деятельностная особенность западной цивилизации выражается в ориентации на усложнение деятельности, на повышение ее технологичности, продуктивности и результативности. При этом субъект деятельности рассматривается и оценивается относительно его качеств, адекватных требованиям деятельности. В западной цивилизации сферы деятельности прогрессивно усложняются и совершенствуются.

Восточная цивилизация ориентирована на развитие и совершенствование субъекта деятельности, при этом внешняя сфера деятельности максимально редуцируется: деятельность существует, поскольку есть некий субъект, который ее выполняет. В оценке деятельности важен субъект, поскольку он ее осуществляет, и ее результаты рассматриваются в связи с внутренней организацией субъекта.

В западной цивилизации значим внешний план деятельности, в восточной же внутренний план деятельности выступает как определяющий. Можно привести пример, который использовал в своей лекции «О подходе к сравнительному изучению культур» А. В. Смирнов: «Человек сидит и пишет, кто-то его спрашивает: „Что ты делаешь?“ По-русски он скажет: „Я пишу“, употребив местоимение (субъект действия) и глагол „пишу“. А по-арабски это будет звучать так: „Я пишущий“, то есть будет употреблен не глагол, а имя действователя» (Смирнов, 2009, с. 9). А. В. Смирнов подчеркивает: «Картина мира, которую предполагает русский язык, может быть названа субстанциальной. Это такая картина мира, когда мы видим мир как собрание вещей, обладающих свойствами. Картина мира, которую предполагает арабский язык, – процессуальная, когда мир предстает как совокупность процессов, в которых всегда участвуют две стороны, причем эти две стороны обязательно предполагают наличие друг друга: не может быть так, что есть одна сторона и нет другой» (там же, с. 15). Таким образом, западная цивилизация ориентирована на объекты (продукты) деятельности, а восточная придает бо́льшую ценность ее процессам.

В упомянутых цивилизациях по мере их развития были сформированы соответствующие институты: западная сформировала институт гражданства, который ориентирован на внешние регуляторы деятельности, а восточная (например, индийская) создала институт «каст», который является внутренним регулятором отношений между людьми.

Тщательный сравнительный этнофункциональный анализ развития ментальности русского и западноевропейского общества дан А. В. Сухаревым (Сухарев, 2017). Достаточно в качестве примера привести такие исторические фигуры, которые направляли Россию по западному пути, как царь Алексей Михайлович и Пётр Великий.

В составе западной цивилизации славянские народы выделяются выраженностью внутреннего плана деятельности. Согласно классификации Н. Я. Грота (Грот, 1879–1880), это вторая и третья фазы психического цикла: вторая фаза – субъективная восприимчивость, чувства удовольствия или страдания, чувствительность, третья – субъективная деятельность, направляемая стремлениями и волей. Для славян характерна субъективная восприимчивость, для западноевропейских народов целеустремленность и воля. Подобные сравнительные описания восточных и западных европейцев в литературном и культурном контексте встречаются повсеместно.

В концепции деятельности, предложенной Г. В. Суходольским, во внутреннем плане деятельности выделяются две основные психические сферы: чувственная (первосигнальная) и символически-речевая (второсигнальная). И та, и другая включают материализованные формы, перцептивный и внешне речевой уровень, умственные формы внутреннего плана деятельности (Суходольский, 1998).

Разделение славянских и западноевропейских народов внутри западной цивилизации, в контексте образа деятельности, связано с выраженностью первосигнальной сферы у первых и второсигнальной у вторых. Это говорит о преобладании той или иной психической субстанции, а следовательно, проявляется в особенностях формирования образа мира и образа деятельности.

Можно определить образ деятельности в славянской традиции как «чувствительный», а в западноевропейской – как «целеустремительный». Определение «чувствительный» в данном контексте не имеет отношения к сентиментальности, мягкости и нежности; оно указывает, что преобладающими источниками формирования деятельности являются ощущения. В географических и климатических условиях, в которых обитали наши предки, для выживания было необходимо непосредственно ощущать изменения погоды, ветра, температуры воздуха. Личность славян в своей основе строилась не на отделении себя от окружающей среды, а на соединении с ней. Таким образом, личностно-деятельностные истоки славянской традиции коренятся в «естествосознании», в опоре на чувствительность, в преобладании чувственных, а не второсигнальных

оценок явлений, прежде всего явлений природы, от взаимодействия с которой зависела возможность выживания, сохранения и продолжения рода. Смею предположить, что и в настоящее время многие представители славянских народов сохранили задатки, доставшиеся им от предков, ощущать природные явления в непосредственной данности. Возможно, именно благодаря такой особенности в психологической структуре деятельности славянские племена обладали высокой степенью адаптации и выживаемости в трудных климатических условиях.

***

В этнографии и фольклористике накопилось множество подтверждений того, что особенности исполнения обрядов, бытовое осмысление образов святых, приметы имеют смысл, основанный на наблюдениях за природой, и транслируют практический опыт выживания. Территории, населяемые славянскими народностями, почти повсеместно с октября по май находились под влиянием холодного климата. На Покров (14 октября по новому стилю) «Земля снегом покрывается, морозом одевается». Повторяющиеся из года в год явления природы – положение солнца на небосводе, снег, дождь – играли большую роль в обеспечении жизнедеятельности человека, в формировании его психологических особенностей и явлений культуры. Общеизвестно, что, несмотря на единую структуру обрядовой деятельности у всех европейских народов, у западных европейцев имеет место смещение многих обрядов к зимнему периоду, по сравнению с восточными. Так, у итальянских средневековых крестьян «бабье лето» было приурочено к дню памяти святой Терезы и начиналось 15 октября, когда восточные территории «снегом покрываются и морозом одеваются».

Подводя итоги, можно сказать следующее. Рассмотрение деятельности как активности человека, включенной в систему цивилизации, дало возможность выделить типичные образы деятельности западной и восточной цивилизаций:

- для западной цивилизации характерна опора на личность как деятельное начало, восточной присущи безличностные формы духовного развития;
- западная цивилизация ориентирована на усложнение форм деятельности и получение ее лучших результатов, восточная – на редукцию внешних форм деятельности с акцентом на совершенствование ее субъекта;

– западная цивилизация направлена на объекты (продукты) деятельности, а восточная придает большую ценность ее процессам.

Славянская традиция, включенная в контекст западной цивилизации, проявляет все ее типические черты, но обладает существенными особенностями, которые связаны с выраженностью первосигнальной сферы в структуре деятельности (в западноевропейский традиции выражена второсигнальная). Образ деятельности в славянской традиции определен как «чувствительный», а в западноевропейской – как «целеустремительный». У древних славян более значимой для выживания была субъективная восприимчивость, у западноевропейских народов – целеустремленность и воля. Благодаря такой особенности в психологической структуре деятельности славянским племенам была обеспечена высокая степень адаптации и выживаемость в сложных климатических условиях.

Мы не найдем археологические находки или древние манускрипты, которые подтвердят историческую достоверность соотношения чувствительности и целеустремленности. Иногда в стремлении доказать или опровергнуть ту или иную точку зрения вера в научную картину мира и незыблемость фактов современной науки может мало отличаться от религиозной веры. В известном смысле предложенную точку зрения нельзя верифицировать или апробировать в эксперименте. Трансцендентальное стоит в стороне от эмпирического опыта, но делает доступным познание априорных условий опыта, «перешагивая» и «выходя за его пределы», выступая призмой, через которую мы смотрим на мир. Чувствительность и целеустремленность имманентно принадлежат сознанию человека. Познание, выходящее за пределы чувственного опыта, в значении, которое ему придавал И. Кант, т. е. предшествующее чувственному опыту и делающее опыт возможным, служит опорой представленных предположений.

Литература

Алаев Л. Б. Чем была «русская община» и что такое «русская общинность» // История и современность. 2014. № 2. С. 46–72.

Горюнова Л. Н. Психолого-историческая реконструкция личности древних славян // Развитие российской психологии накануне и после русской революции 1917 г.: тенденции, научные школы, персоналии / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Ю. Н. Олейник, Э. В. Тихонова. Саров: Интерконтакт, 2019. С. 411–420.

Гостев А. А. Глубинные детерминанты человека и общества: в поиске новых подходов и возможностей понимания // Развитие российской психологии накануне и после русской революции 1917 г.: тенденции, научные школы, персоналии / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Ю. Н. Олейник, Э. В. Тихонова. Саров: Интерконтакт, 2019. С. 15–25.

Грот Н. Психология чувствований в ее истории и главных основах. СПб.: Тип. Императорской академии наук, 1879–1880.

Данилевский Н. Я. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германо-Романскому. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1995.

Журавлев А. Л. Коллективный субъект: основные уровни, признаки и психологические типы // Психологический журнал. 2009. Т. 30. № 5. С. 72–80.

Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975.

Никонов О А. Философские вопросы геометрии Минковского // Вестник МГТУ. 2010. Т. 13. № 2. С. 291–294.

Рубинштейн Л. С. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2002.

Смирнов А. В. О подходе к сравнительному изучению культур. СПб.: Изд-во СПбГУП, 2009.

Смирнов А. В. Сознание. Логика. Язык. Культура. Смысл. М.: Языки славянской культуры, 2015.

Сухарев А. В. Развитие русской ментальности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017.

Суходольский Г. В. Основы психологической теории деятельности. Л.: ЛГУ, 1998.

Щедровицкий Г. П. Теория деятельности и ее проблемы. 1966 // Г. П. Щедровицкий. Философия. Наука. Методология. М.: Школа культурной политики, 1997. С. 256.

Щедровицкий Г. П. Схема мыследеятельности – системно-структурное строение, смысл и содержание // Системные исследования. Методологические проблемы. 1987. Т. 1986. С. 242–268.

Изучение ритуала как психологического средства регуляции поведения людей в группе

И. Н. Дворникова

doi: 10.38098/thry.2020.25.72.025

Ритуал (от *лат.* ritualis – обрядовый, ritus – торжественная церемония, культовый обряд) – понятие, исследуемое в этнологии и культурной антропологии, тесно связанное с изучением особенностей человеческого поведения в архаических и традиционных культурах.

Часто ритуал понимают как священнодействие, основанное на наделении вещей особыми, символическими свойствами. В традиционной философии культуры ритуал понимается как несущественное для достижения результата «обрамление» практических действий, напрямую связанное с отсутствием знаний и предлагающее свои причины происходящего, далекие от истинных. Однако в современных историко-культурных исследованиях ритуал рассматривается иначе – в тесной связи с повседневной трудовой деятельностью человека, ее основами. Такая позиция ставит вопрос о специфической целесообразности ритуала.

Обратимся к культурно-исторической теории Л. С. Выготского и к одному из основных ее понятий – «психологическое средство (орудие)». Ученый рассматривает его как искусственное образование, социальное по своей природе. Психологическое средство направлено на овладение человеком процессами своего или чужого поведения. Оно представляет собой стимулы, побуждающие и регулирующие его поведение, подчиняющие собственные силы своей власти. Л. С. Выготский пишет, что человек, «подчиняя своей власти процесс собственного реагирования, вступает тем самым в принципиально новое отношение с внешней средой, приходит к новому функциональному употреблению элементов внешней среды в качестве стимулов-знаков, с помощью которых он, опираясь на внешние средства, направляет и регулирует собственное поведение, извне овладевает собой, заставляя стимулы-знаки воздействовать на него и вызывать желательные для него реакции» (Выготский, 1984, с. 86). Именно это делает человека свободным. По Л. С. Выготскому, свобода харак-

терна для человека культуры; развитие свободы действия находится в прямой функциональной зависимости от употребления знаков.

В исследованиях Выготского и его учеников в качестве психологических орудий рассматриваются язык, различные формы нумерации, мнемотехнические приспособления, произведения искусства, схемы, диаграммы, карты, чертежи, всевозможные условные знаки. По нашему мнению, ритуалы также можно считать одним из видов психологических орудий, поскольку они, выполняя функцию опосредования, играют важную роль в межличностных отношениях, подобную знакам и техническим средствам в процессе формирования высших психических функций.

Говоря о понятии «ритуал», важно выявить его содержание и отделить от понятий, близких по значению: «традиция», «обряд», «обычай», «привычка». Традиции представляют собой исторически сложившиеся и передаваемые из поколения в поколение формы деятельности и поведения. В качестве обрядов рассматриваются традиционные действия, сопровождающие важные моменты жизни и деятельности человека (обряды инициации, брачные обряды, сельскохозяйственные, календарные и др.). Обычаи представляют собой стереотипный способ поведения, привычный для членов данного общества или социальной группы (обычай деревенских жителей ложиться рано спать). За понятием «привычка» закрепилось следующее содержание: сложившийся способ поведения, осуществление которого в определенной ситуации приобретает для индивида характер потребности (чистить зубы).

Рассмотрим более подробно понятие «ритуал». В психологию оно было введено Э. Эриксоном. В 1966 г. в докладе, прочитанном в Лондонском Королевском обществе, он применил некоторые положения этологии к своей схеме индивидуального развития. Представители этой науки показали, что в отношениях друг с другом высокоорганизованные животные применяют систему ритуализированных действий, которая помогает выжить отдельным особям. У примитивных народов существует практика ежегодных ритуальных войн для предотвращения настоящей войны. Подобные ритуальные действия есть на всех уровнях человеческих отношений.

В статье «Онтогенез ритуализаций» Э. Эриксон пишет, что понятие ритуала имеет три разных значения: наиболее привычное и распространенное связано с пониманием обрядов и ритуалов как осуществляемых для того, чтобы отметить повторяющиеся события: смену времен года или периодов жизни (Обухова, 1998). Такое понимание характерно для этнографии. В психиатрии данный термин при-

меняется для обозначения навязчивого поведения, повторяющихся действий, похожих на действия животных, запертых в клетке. В этологии термин «ритуал» используется для описания церемониальных действий у общественных животных, сформированных в филогенезе. Так, когда новорожденный гусенок выбирается из яйца и лежит среди обломков скорлупы, у него можно наблюдать жизненно важную реакцию: если наклониться к нему и издать звук, напоминающий крик гусыни, то гусенок поднимет головку, вытянет шею и издаст тонкий, но ясно различимый ответный звук (Лоренц, 1984). Данная церемония приветствия, или ранняя форма ритуала встречи, осуществляется еще до того, как гусенок начнет ходить или есть. Жизнь и рост гусенка зависит от успешности этого самого первого отклика на присутствие матери (и она, в свою очередь, добивается его). Так, уже на филогенетическом уровне в повторяющихся формах поведения, которые этологи (и Эриксон вслед за ними) называют ритуализацией, существует взаимосвязь, содержанием которой является обмен сообщениями.

Для нас важно и то, что Э. Эриксон различает подлинные ритуалы и ритуализмы с выхолощенным содержанием. Для подлинных ритуалов характерны следующие отличительные признаки:

- общее значение для всех участников взаимодействия при том, что различия между индивидами сохраняются;
- развитие по стадиям жизненного цикла, при этом достижения предыдущих стадий на более поздних этапах приобретают символическое значение;
- игровой характер ритуала, или способность сохранять новизну при многократных повторениях.

Подлинные ритуалы играют особую роль в идентификации личности с коллективом, способствуют сплочению группы. Ритуализмы же – это механически повторяющиеся, автоматические действия, из которых выхолощено духовное содержание. Однако Эриксон отмечает и сходство между ними: в обоих случаях, по его мнению, преодолевается чувство разобщенности и отчуждения.

В процессе развития личности ритуальный элемент, однажды возникнув, последовательно включается в систему, возникающую на более высоких уровнях, становясь существенной частью дальнейших стадий. Зрелый ритуал – это полный набор элементов, добавляющихся на всех стадиях развития. Наблюдая ритуал в утреннем приветствии матери и ребенка, ученый отмечает, что это поведение *формализовано* (мать старается вызвать у ребенка заранее извест-

ный ответ), вместе с тем *индивидуально* (типично для этой матери и подстроено именно под этого ребенка), *стереотипизировано* (осуществляется по определенным культурным образцам), а также связано с *периодичностью* жизненных потребностей и представляет собой практическую необходимость как для матери, так и для ребенка.

Итак, согласно Э. Эриксону, ритуалы – это повторяющиеся действия, имеющие значение для всех участников взаимодействия, при этом они формализованы, стереотипизированы и индивидуализированы, и их значение не выступает в качестве объекта рефлексии участников взаимодействия. В ритуализации межличностных отношений Э. Эриксон видел возможность создания нового стиля жизни, способного привести к преодолению агрессивности и амбивалентности в человеческих отношениях (Обухова, Дворникова, 2008).

Продолжение исследования ритуалов мы находим в педагогической системе А. С. Макаренко. Он рассматривал ритуалы и традиции как важное средство в идентификации личности с коллективом и его сплочении. Так, в колонии А. С. Макаренко использовались ритуал приема прибывших колонистов, включавший торжественное сжигание старой и выдачу новой, форменной одежды, ритуал оказания почести знамени и др. (Макаренко, 1951). В его педагогической системе было показано, что подлинные ритуалы способствуют нормативному регулированию функционирования группы, координируют поведение каждого ее члена для достижения общей цели. В данном случае практика намного опередила теорию.

Интересно и внимание психотерапевтических направлений к понятию ритуала. В Миланской школе семейной терапии (Палаццоли и др., 2002) семейный ритуал рассматривается как система последовательных действий, выработанных членами семьи. Примерами культурных и семейных ритуалов служат дни рождения, свадьбы, годовщины, похороны, траурные церемонии и другие события, важные для конкретной семьи. Исследователи выделяют четыре основных типа семейных ритуалов: ритуалы повседневной жизни (ежедневных событий, таких как прием пищи, отход ко сну, уход и приход); ритуалы внутрисемейного календаря для каждой пары или семьи (дни рождения, годовщины, отпуска, семейные сборы); ритуалы празднования событий, отмеченных во «внешнем» календаре (варианты этого в русской традиции – Новый год, 8 Марта и т. д.); ритуалы жизненных циклов (помолвка, свадьба, рождение ребенка, отъезд из дома, развод, окончание обучения, выход на пенсию, похороны и новые ритуалы, связанные с особенностями современного жизненного цикла). Повторяющиеся симптоматические стереотипы вза-

имодействия обозначаются последователями данного направления как ритуальные формы поведения. В этой школе также считается, что ритуалы являются основным источником групповой сплоченности и внутригрупповых связей и служат нормативному регулированию функционирования группы, координируя поведение каждого для осуществления общей цели.

Ритуалы характеризуются структурностью и одновременно открытостью. Структурность предполагает перенос ритуала во времени; если структура становится слишком жесткой, люди выполняют ритуальные действия автоматически (по Эриксону, именно так ритуалы превращаются в ритуализмы). Открытость же придает ритуалу индивидуальное значение, появляются новые формы, детали и т. д., однако при чрезмерной открытости ритуал также перестает существовать. Очевидно, что между открытостью и структурностью в ритуале должен существовать баланс.

В Миланской школе семейной терапии выделяют определенные типы ритуалов. *Минимизированные* ритуалы получили свое название по причине стремления свести их к минимуму из-за их сочетания с неприятными переживаниями для членов семьи (например, если муж пьет, жена и дети избегают совместных праздников с другими семьями). *Прерванные* ритуалы могут стать таковыми, например, в связи с переездом, разводом, войной: семья стремится приспособиться к новым условиям жизни, и ей не хватает сил на соблюдение ритуалов. Известны случаи, когда с ритуалом совпадает смерть близкого человека, и тогда ритуал прекращается. *Жесткие* ритуалы характеризуются доминированием четкой структуры, открытых творческих частей в них почти не остается. При наличии жесткого ритуала в семье мало веселья, игривости, а это важные части ритуала. В данном случае нужно изменить ритуал так, чтобы приблизить его к потребностям людей. *Обязательные* ритуалы отличаются пустотой и напряжением для людей, которые их не ждут, но изменить ничего не могут (например, религиозные ритуалы для атеистов). *Несбалансированными* могут быть, например, ритуалы, пришедшие из разных религиозных традиций. *Гибкие* ритуалы изменяются с течением времени (например, ребенок становится подростком, и, естественно, меняется ритуал отхода ко сну).

Все вышеназванные типы ритуалов не существуют в чистом виде: как правило, один ритуал принадлежит сразу к нескольким типам. Для описания ритуала в этой научной школе используют следующие элементы: место; присутствие свидетелей; символы; символические действия; подготовка и процесс; слова (обращения); звук, движения,

музыка, свет; пища; одежда; ожидания; связь с прошлыми событиями; связь с будущими переменами.

Интерес к ритуалам существует и у отечественных психологов. Так, ритуал рассматривается Б.Д. Элькониным как форма осуществления событийности, в которой обнаруживается новая реальность новой идеи (Эльконин, 2001). Развитие мысли В.Я. Проппа привело Эльконина к пониманию ритуала как имитации или реального воссоздания перехода из одних состояний и миров в другие. Всякая новая деятельность, пишет он, начинается и должна начинаться с ритуала. На втором году жизни ребенка это еда за столом, прогулка, в 6–7 лет – обряд прихода в школу, ритуальные действия при входе в класс. Это происходит всегда в одно и то же время и по одной и той же событийной схеме, при этом сами по себе данные действия не имеют прямого и существенного отношения к содержанию деятельности. Таким образом, в ритуале задаются смыслы и задачи, которые впоследствии будут развертываться и разрешаться посредством определенного способа действия.

Итак, мы кратко обозначили основные вехи изучения ритуала как психологического средства регуляции поведения людей в группе. В рассмотренных нами исследованиях заложены основы глубокого изучения этого психологического средства, и в том числе – использования его в терапевтической практике.

Литература

Выготский Л.С. Детская психология // Л.С. Выготский. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 4. М.: Педагогика, 1984.

Лоренц К. Год серого гуся. М.: Мир, 1984.

Обухова Л.Ф. Детская психология: теории, факты, проблемы. М.: Тривола, 1998.

Обухова Л.Ф., Дворникова И.Н. Ритуалы как психологическое средство формирования сплоченности семьи // Психологическая наука и образование. 2008. Т. 13. №4. С. 24–34.

Палаццоли М.С., Босколо Л., Чеккин Д., Прата Д. Парадокс и контрпарадокс: Новая модель терапии семьи, вовлечённой в шизофреническое взаимодействие. М.: Когито-Центр, 2002.

Макаренко А.С. Методика организации воспитательного процесса // А.С. Макаренко. Сочинения: В 5 т. Т. 5. М., 1951. С. 9–102.

Эльконин Б.Д. Психология развития. М.: ИЦ «Академия», 2001.

Влияние художественного наследия и личности В. Ван Гога на изобразительное творчество Д. Д. Бурлюка: историко-психологический анализ

М. М. Дробышева

doi: 10.38098/thry.2020.25.72.026

Как отмечают специалисты, предметом исторической психологии является «историческая детерминация психики» (Кольцова, Холондович, 2013, с. 57), т.е. совокупность феноменов психики и поведения человека, обусловленных особенностями конкретного исторического периода. Изучение человека как объекта и субъекта истории, с позиции историко-психологического анализа, предполагает исследование влияния, с одной стороны, исторических событий и персон на становление и развитие личности, с другой – самой личности на исторический процесс. В рамках данного подхода анализ преемственности творчества художников разных исторических периодов и художественных направлений может помочь в понимании влияния исторической личности, ее профессиональной деятельности, на становление и развитие последующего поколения художников, на формирование новых направлений в искусстве, что определяет актуальность настоящего исследования.

Связь художественного наследия Ван Гога и изобразительного творчества Давида Бурлюка как одного из основоположников «русского авангарда» в рамках искусствоведческих работ рассматривается с позиции их общности и различия в стиле и манере письма, цветовой палитре, в объекте и предмете изображения и т. п. (Вакар, б. г.; Крусанов, 2010; и др.). Специфика историко-психологического анализа процесса «культурной трансмиссии» в творчестве двух художников связана с выявлением фактологического материала, раскрывающего роль личности и творчества В. Ван Гога в становлении художественного стиля авангардиста Д. Бурлюка. Отношения двух художников, разделенных социально-историческим временем (Корягина, 2008), объясняются механизмом аттракции. В связи с этим возникает вопрос: что привлекало русского художника в личности и творчестве Ван Гога, чья профессиональная деятельность формировалась в условиях иной социально-исторической среды, культуры, менталитета?

Данная проблема стала основанием для формулировки цели исследования: изучения с позиции историко-психологического анализа вклада личности и художественного наследия Ван Гога в развитие творчества русского художника-авангардиста Давида Бурлюка. Гипотезу исследования можно сформулировать следующим образом: не только стиль живописи или цветовая палитра В. Ван Гога, но и его личностные характеристики (особое видение окружающего мира, склонность к экспериментированию, поиску нового и т. п.) являются источниками развития творчества художника Давида Бурлюка. Соответственно, предметом исследования стали отраженные в представлениях Д. Бурлюка личностные характеристики В. Ван Гога – его работоспособность, отношение к творчеству, жизненные ценности, особое видение окружающего мира, склонность к экспериментированию, поиску нового в разнообразии тем живописных работ – как источники развития изобразительного творчества самого Бурлюка. Мы использовали качественные *методы* исследования, такие как анализ продуктов деятельности, источниковедческий анализ, биографический анализ, сравнительный анализ. *Источниками* исследовательского материала выступили биографические данные, посвященные Винсенту Ван Гогу; письма и статьи Давида Бурлюка 1949 г. (в период с сентября по декабрь включительно), времени его поездки по местам, связанным с творчеством Ван Гога; искусствоведческая литература о творчестве Давида Бурлюка и «русском авангарде».

Кратко изложим результаты нашего исследования. Понятие «русский авангард» стало применяться западными искусствоведами начиная с середины 1950-х годов для обозначения нового художественного направления русского и советского искусства. На данный момент среди искусствоведов нет единого мнения о временных рамках его существования. В своей работе мы будем придерживаться подхода А. В. Крусанова, использовавшего данное понятие для описания деятельности русских художников, работавших в исторический период с 1907 по 1931 гг., стоявших у истоков данного направления в искусстве (Крусанов, 2010).

Движение «русского авангарда» стало логичным продолжением отказа ряда художников (он начался с 1870 г.) от «диктатуры» официальных учреждений, в частности, Академии художеств: художники создавали независимые профессиональные группировки, стремясь к свободному выражению своих идей. Благодаря выставкам, в том числе из коллекций С. И. Щукина и И. А. Морозова, заграничным поездкам самих русских художников-авангардистов, фокус их про-

фессионального интереса изменился. От работ импрессионистов они обратились к работам художников-постимпрессионистов. По мнению искусствоведов, цветовая палитра, мазок, упрощение рисунка, главенствование формы над содержанием в работах постимпрессионистов, в первую очередь Ван Гога, оказались близки русским художникам, стремящимся к «примитивным» народным рисункам и «искусству будущего» (там же). Анализ искусствоведческой литературы показал, что художественное наследие В. Ван Гога оказало непосредственное влияние на формирование творчества таких выдающихся художников «русского авангарда», как М. Ф. Ларионов, Н. С. Гончарова, А. Г. Явленский, П. П. Кончаловский, И. И. Машков и ряда других, среди которых и Д. Д. Бурлюк.

По мнению специалистов, Давид Бурлюк является одним из ярчайших представителей «русского авангарда», стоявших у истоков создания данного направления. Исторически формирование «русского авангарда» в живописи происходило вокруг нескольких образовавшихся художественных объединений, сообществ, к числу которых относится выставочное объединение «Стефанос» («Венок») (Кочетов, 1908; Эттингер, 1908). Выставка этого объединения, проведенная в период с 27 декабря 1907 г. по 2 февраля 1908 г., была организована и профинансирована Давидом и Владимиром Бурлюками. Она представляла работы не только самих Бурлюков, но и Н. С. Гончаровой, М. Ф. Ларионова, Г. Б. Якулова, А. В. Лентулова, В. В. Рождественского и многих других художников, положив, по мнению искусствоведов, «начало движению русского авангарда» (Крусанов, 2010, с. 91). Несмотря на негативную реакцию критиков относительно живописи Бурлюков, именно их работы были признаны наиболее радикальными и отличающимися от работ других художников, принимавших участие в выставке. Американский репортер Оливер М. Сейлер в статье «Футуристы и другие в голодной Москве» в нью-йоркском журнале Vanity Fair отмечает, что друзья Давида Бурлюка называют его «отцом русского футуризма» (Sayler, 1919, p. 54).

Художественное наследие Винсента Ван Гога, как было указано выше, оказало существенное влияние на творчество русских художников начала XX в., особенно на становление художественного стиля Давида Бурлюка. Данный факт находит подтверждение не только при сопоставлении работ двух художников (характерные мазки и цветопередача картин), но и благодаря анализу уникального исторического документа – писем Бурлюка из его путешествия по местам Ван Гога в Провансе. Эта поездка, по мнению искусствоведа В. Полякова, имела «совершенно особый характер, оставив

весьма заметный след в искусстве „позднего“ Бурлюка» (Поляков, 2016, с. 15).

Поездка Д. Бурлюка с женой Марией в Прованс была не туристической, а художественно-исследовательской, и Арль был выбран в качестве пункта назначения неслучайно: это место, в котором сформировался знаменитый стиль Винсента Ван Гога (вершиной его творчества считаются работы именно арльского периода). Из трех художников – Гогена, Сезанна и Ван Гога, – которые повлияли на становление «русского авангарда», Бурлюк особо выделял последнего, говоря о том, что Винсент «самый реалистичный, самый разнообразный в своих темах и практически универсальный в своей недолгой попытке отразить разнообразие граней жизни» (Бурлюк, Бурлюк, 2016, с. 41). В одном из писем он отмечает: «Люди исчезают, вещи остаются. Великий художник Ван Гог завещал будущему сотни прекрасных картин (767 подписанных холстов)... Мы решили из Америки поехать в Арль и попытаться *найти «модели», вдохновившие художника на картины, прославившие его,* и ныне памятные зрителю, известные каждому культурному человеку» (там же, с. 74; здесь и далее курсив мой. – *М.Д.*).

В этой поездке Бурлюк «реконструировал» (как бы воссоздавал заново) те места, которые до этого писал Винсент. Однако это не было простым копированием. Изображая местность, Бурлюк использовал свою собственную оригинальную манеру письма, учитывая при этом «интерпретацию» ландшафта голландского художника. По-своему «трансформируя» работы Ван Гога, Бурлюк таким образом оттачивал свой художественный стиль, отличающий его от других живописцев. Для него было важным понять *особенности восприятия Ван Гогом окружающего мира,* отраженные в темах живописных работ. В письмах Бурлюк отмечал: «Ван Гог не выбирал пейзажа, он писал то, что попадалось ему на глаза» (там же, с. 109); он «искал деревни, в нем *горело чувство восторга перед природой»* (там же, с. 87); «работы, сделанные в Арле, полны ясного блеска, яркости красок и *влюбленности в „малые детали“ жизни»* (там же, с. 171–172).

Бурлюки во время путешествия искали не только те места, где жил Винсент и которые он изобразил на картинах, но и живых свидетелей «арльского периода» Ван Гога, непосредственно общавшихся с ним. В результате этих встреч они узнали об отсутствии у Винсента «коммерческой жилки» и его нежелании продавать «дорогие» ему работы (там же, с. 89). Позже, наблюдая «парадные» работы выпускников парижской Академии художеств, Бурлюк воскликнет: *«Ирония судьбы: рост цен произведений Ван Гога и популярности его име-*

ни – и неизбежное забвение этих „имен“, писавших „окорока своих метресс“!» (там же, с. 200). Бурлюк болезненно воспринимал факт неоцененности своего творчества на Родине. И в этом он видел сходство отношения современников к своему изобразительному творчеству и творчеству великого голландца.

В письмах творчество Ван Гога часто становится «фоном», на котором «проявляется» талант Д. Бурлюка как живописца. Мария Бурлюк писала своим детям: «Папа написал прекрасные картины – они знамениты папиной блестящей манерой и тем, что их, эти мотивы, писал и Ван Гог» (там же, с. 93).

Бурлюков интересовало не только творчество, но и бытовая жизнь Винсента, и даже здесь они находили параллель: «Вопрос питания для художника, как для каждого рабочего, связан с характером его работы. Ван Гог постоянно жаловался, что в ресторанах с него брали деньги, но не давали достаточно простой пищи. Мы, обладая бóльшими средствами, чем объект нашего изучения, испытываем то же самое затруднение» (там же, с. 110). Наблюдая работы выпускников парижской Академии художеств, Бурлюк замечал: «Глядя на эти „шедевры“, становится ясно, что Ван Гог, работавший в соседнем Арле, не имел никакого шанса получить поддержку богачей Франции» (там же, с. 199).

Итак, анализ писем Д. Бурлюка показал, что, отправляясь в 1949 г. из Америки во Францию, художник поставил перед собой несколько задач, главная из которых – разгадать «тайну» творчества великого голландца: понять и усвоить «те приемы, благодаря которым Ван Гогу удавалось достичь преображения натуры, и тем самым приблизиться к разгадке самого движущего „механизма“ вангоговского стиля» (Поляков, 2016, с. 17). Он хотел понять не только профессиональные приемы изображения на холсте, но и мотивы выбора художником тем и объектов для своих работ: «Ван Гог не выбирал пейзажа, он писал то, что первым попадалось на глаза» (Бурлюк, Бурлюк, 2016, с. 109); «Когда смотришь на месте то, что служило мотивами для великого художника, поражаешься точности его глаза, характерной правильности рисунка и *меткости наблюдения»* (там же, с. 120). Бурлюка также поражала необычайная работоспособность Ван Гога (там же, с. 74).

Для Бурлюка было важно, как оценивали современники Ван Гога его творчество. Он писал, что великий голландец долгое время оставался «скрытым и недооцененным сокровищем века... среди неосвоенных эстетических ценностей столетия» (там же, с. 41). Результатом поиска Бурлюка стало понимание того, что *«разнооб-*

разные предметы и *темы, широкий набор аспектов жизни,* к которому часто прибегал мастер», его *склонность к экспериментам,* а также «девиз» искусства Ван Гога в целом – «*правдивость и страсть к жизни»* (там же) – являются *главными источниками признания потомками творчества голландского художника.* В письмах и статьях Бурлюк проводил параллель между своей жизнью и жизнью Винсента Ван Гога: «стиль и история жизни Ван Гога глубоко укоренились во мне, и на протяжении десятилетий моей жизни творения этого мастера являются частью моего существования» (там же, с. 39). В одной из своих статей он вспоминал первую встречу с творчеством Ван Гога, говоря, что она «послужила стимулом для нашей работы, из того времени мы стали следовать принципам, намеченным кистью и палитрой Ван Гога» (там же, с. 38).

Итак, влияние личности и художественного наследия Винсента Ван Гога на творчество Д. Бурлюка признается как самим русским художником, так и его коллегами, критиками, искусствоведами. Художник А.А. Дайнека в одном из писем Бурлюку в период его путешествия в Прованс отмечает: «Он – такая же непосредственность, как и вы. Я полагаю, что, работая там, вы должны продолжать и дальше *искреннюю чистоту в живописи,* которая сейчас так редка» (там же, с. 129). После переезда Д. Бурлюка в Америку критика стала называть его «американским Ван Гогом». Сам художник с гордостью писал, что в предисловии к каталогу выставки Сезана, Гогена и Ван Гога в музее современного искусства в Нью-Йорке среди прочих художников, «которые с 1904 года следуют традициям этих трех великих живописцев» (там же, с. 38), упомянут и Давид Бурлюк. Дункан Филипп в своей книге «Искусство и его понимание» поместил работы Ван Гога и Бурлюка рядом, сравнив их, а американский корреспондент Оливер М. Сейлер в статье, посвященной футуристам, назвал извилистые детали картин Бурлюка «похожими на те, что у Ван Гога» (Sayler, 1919, p. 112). По мнению искусствоведа В. Полякова, с голландским художником Бурлюка роднила не только пастозная манера письма, но и «мазки-обводки», которые появились в его живописи после выставки картин Ван Гога в 1935 г. (Поляков, 2016, с. 16).

В одной из наших более ранних публикаций (Дробышева, 2019) были выделены стадии профессионального развития В. Ван Гога, среди них – стадия «признания мировым профессиональным сообществом», которая хронологически продолжается после смерти художника. В этой же работе был проведен анализ влияния творчества Ван Гога на становление и развитие нового направления в мировом

искусстве– «русского авангарда». В настоящей статье на примере анализа писем Д. Бурлюка как одного из основоположников этого направления было показано, что источниками его профессионального развития как художника стали не только стиль, цветовая палитра Винсента Ван Гога, но и особое восприятие им окружающего мира, высокая работоспособность, склонность к экспериментированию, к поиску новых форм и т. п. Подчеркивая экзистенциональную связь своего творчества и творчества Ван Гога, Давид Бурлюк пишет: «В течение 25 дней нашего пребывания в Арле мы уходим мыслью в прошлое, приходя на те места, где когда-то работал Ван Гог, желаем восстановить прошлое, на основании двух известных величин найти третью <…> мы своим умом повисаем между прошлым и будущим, и *настоящее является мостом между этими двумя мирами*» (Бурлюк, Бурлюк, 2016, с. 717–172). Выявленные нами оценки влияния творчества и личности Ван Гога на последующее развитие искусства, его широкое признание профессиональным сообществом указывают на особое место этого гениального художника в мировом искусстве.

Литература

Бурлюк Д., Бурлюк М. По следам Ван Гога. М.: Грюндриссе, 2016.

Вакар И. А. Постимпрессионизм // Энциклопедия русского авангарда: Онлайн-энциклопедия. URL: http://rusavangard.ru/online/history/postimpressionizm (дата обращения: 04.11.2020).

Дробышева М. М. Роль изобразительного творчества Ван Гога в становлении «русского авангарда»: историко-психологический анализ // Развитие российской психологии накануне и после революции 1917 года: тенденции, научные школы, персоналии: Сборник научных статей / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Ю. Н. Олейник, Э. В. Тихонова. Саров: Интерконтакт, 2019. С. 420–429.

Кольцова В. А., Холондович Е. Н. Воплощение духовности в личности и творчестве Ф. М. Достоевского. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.

Корягина Е. А. К проблеме определения исторического времени // Вестник Башкирского университета. 2009. № 14 (2). С. 538–542.

Кочетов Н. Художественные выставки // Московский листок. 1908. № 7. С. 3.

Крусанов А. В. Русский авангард: 1907–1932 (Исторический обзор): В 3 т. Т. 1. Боевое десятилетие. Кн. 1. М.: Новое литературное обозрение, 2010.

Поляков В. Не только о Ван Гоге. Вступительная статья // По следам Ван Гога. М.: Грюндриссе, 2016. С. 15–25.
Эттингер П. Художественные выставки // Русские ведомости. 1908. № 13. 16 января. С. 4.
Sayler O. M. Futurists and others in famished Moscow // Vanity Fair. 1919. September. P. 54, 112. URL: https://archive.vanityfair.com/article/1919/09/01/futurists-and-others-in-famished-moscow (дата обращения: 18.11.2020).

Художественное произведение как историографический источник исторический психологии (на примере романа Н. Кочина «Семён Пахарев»)

Н. Ю. Стоюхина

doi: 10.38098/thry.2020.25.72.027

Историческая психология – зона взаимовлияния и взаимопроникновения различных социогуманитарных дисциплин, плотного переплетения их предметов исследования (психология, история, языкознание, текстология, источниковедение, палеография, литературоведение, культурология и др.), способствующих «реконструкции психического облика ушедших поколений людей как далекого, так и совсем недавнего времени... исследованию особенностей психического развития человечества в целом» (Білявський, 2004, с. 7). Эти две задачи являются важнейшими для исторической психологии (Журавлев, 2004; Королёв, Журавлев, Кольцова, 2014; и др.).

При изучении некоторых вопросов исторической психологии любое художественное произведение рассматривается как значимый источник психолого-исторического и историко-психологического знания, о чем писалось неоднократно (Шкуратов, 1997). И. Г. Белявский заметил, что «после работ Бахтина было бы непростительно рассматривать литературу в отрыве от культуры, составной частью которой литература является. <...> Есть в ней (в литературе. – *Н. С.*) и еще один важный аспект – историко-психологический» (Білявський, 2004, с. 370). В литературоведении, в свою очередь, используется опыт психоаналитического направления; из работ последнего времени можно упомянуть труд литературоведа и историка литературы Д. Л. Шукурова, исследовавшего «фактические контексты непосредственного или опосредованного восприятия идей Зигмунда Фрейда в авангардном творчестве и имманентные литературным произведениям русских авангардистов психоаналитические конструкты и их влияние на развитие литературного дискурса» (Шукуров, 2014, с. 8).

Но нас, рассматривающих литературное произведение через призму исторической психологии, в первую очередь, привлекает *позиция личности во времени* как объекта исторической психологии.

Автор монографии по исторической психологии Е. Ю. Боброва выводит закон неблагоприятной исторической ситуации, в соответствии с которой «сохранение конформизма личности в отношении общества неизбежно приводит к нарушению структурных характеристик личности» (Боброва, 1997, с. 90), к ее деградации и разрушению, «препятствует осуществлению социальных действий в соответствии с уровнем субъекта, продуцирует изменения в системе целеполагания субъекта, приводит к изменению его социального поведения» (там же). По мысли Бобровой, личность переживает эту неблагоприятную ситуацию в виде исторического самоопределения, которое неизбежно приводит к изменению ее социального поведения. Ключевой глагол «переживать» отсылает нас к замечательной работе литературоведа и лингвиста Г. О. Винокура «Биография и культура», где он писал: «Исторический факт (событие и т. п.), для того чтобы стать фактом биографическим, должен в той или иной форме быть пережит личностью... становясь предметом переживания, исторический факт получает биографический смысл» (Винокур, 2007, с. 37).

Нижегородский историк А. А. Кузнецов, исследуя один из романов Н. Кочина как источник по истории науки и высшей школы в Нижнем Новгороде, заметил, что «особенности художественного произведения как исторического источника расширяются, если в нем присутствуют уникальные автобиографические переживания, то есть если в нем автор творчески отразил свою жизнь или отдельные ее моменты, передал свои впечатления о людях, с которыми встречался, о событиях, свидетелем (участником) которых был. <...> По таким произведениям зачастую судят о тех или иных событиях, забывая об изначально творческом вымысле. Осмысление своего опыта неизбежно носит субъективный характер. Со временем на это восприятие влияют оценки других людей. Неучет данных обстоятельств ведет к тому, что авторские впечатления в художественном произведении подаются как критерий достоверности» (Кузнецов, 2014, с. 367).

Ранее мы уже обращали внимание на возможности некоторых литературных произведений быть источниками историко-психологических исследований (Стоюхина, 2013, 2016, 2019а, б), и сейчас рассмотрим с этих позиций произведение нижегородского писателя Н. И. Кочина (1902–1983) «Семён Пахарев». Этот малоизвестный роман – четвертый и последний в тетралогии о взрослении сельского парня Семёна Пахарева, чья жизнь разворачивается на фоне предреволюционных, революционных и послереволюционных событий в нижегородской губернии и самом Нижнем Новгороде. Тетралогия

автобиографична. Например, в романе «Нижегородский откос» автор описал годы своей учебы в нижегородском педагогическом институте первых лет его существования, и для исследователей этот текст стал поистине удачной находкой (Кузнецов, 2014; Стоюхина, 2013).

Последний роман тетралогии «Семён Пахарев» был написан в 1972 г., а опубликован в 1981 г. (Колачевская, 1995). К этому времени Н. И. Кочин пережил многое: учеба в сельской школе, работа селькором, обучение в нижегородском вузе, учительство, публикация романа «Девки» в «Красной нови», его признание как писателя, поездки по стране в качестве члена Союза писателей, арест, десять лет лагерей, лесоповал, мастерские, реабилитация, снова писательство – вот только основные вехи его биографии. Среди множества его книг, интересных в первую очередь краеведам, тетралогия о Семёне Пахареве занимает особое место из-за множества отраженных в ней тем, связанных с описанием становления образования в Нижегородском крае: дореволюционного народного, послереволюционного среднего и высшего.

Хронология развития событий в романах, их написание и время выпуска не совпадают: о детстве героя повествуется в романе «Гремячая Поляна», который закончен в 1970 г., а издан в 1973 г., о юности – в романе «Юность» (закончен и издан в 1937 г.), о студенческой поре героя – в романе «Нижегородский откос» (закончен в 1967 г., а издан в 1972 г.), о начале его трудовой жизни – роман «Семён Пахарев» (закончен в 1972 г., издан в 1981 г.). И если первые три романа еще в 1970-х были собраны в автобиографическую историко-краеведческую трилогию, которую с большим удовольствием читали в г. Горьком (места узнаваемы, родной говор, живое описание), то последний роман не обрел такой популярности. Основная причина этого, на первый взгляд, кроется в том, что его издали однажды тиражом 100 тысяч экземпляров в серии «Новинки „Современника“» (московское издательство), но в г. Горьком, где жили почитатели таланта Н. И. Кочина, роман издан не был, хотя в Верхне-Волжском книжном издательстве выходили все его другие книги.

Произведение «Семён Пахарев» представляет из себя «роман с ключом» (roman à clef). Этот жанр, родившийся во Франции в XVI в., интересен тем, что повествование в нем почти хроникально, а за выдуманными персонажами угадываются современники, причем эти аллюзии понятны только посвященным. Уже в романе «Нижегородский откос» Н. И. Кочин изобразил под измененными, но угадываемыми фамилиями преподавателей нижегородского педагогического института: Б. В. Лавров в романе – Миртов, С. И. Архангельский – Ас-

траханский, В.Л. Комарович – Мошкарович, А.Н. Свободов – Ободов и т.д. В «Семёне Пахареве» автор снова избирает подобную тактику.

В романе несколько слоев, которые хотелось бы проанализировать: жизнь уездного городка в разгар НЭПа с 1924 по 1926 гг.; школьное образование начала 1920-х годов с его неразберихой, поиском новых методов обучения; коллеги-учителя, их судьбы (некоторые персонажи имеют реальные прототипы, и было бы полезно найти их); поведение учителей в новой советской школе; поведение учеников, хлебнувших школьной вольницы 1920-х годов; деятельность педолога в школе. Однако объем статьи позволяет нам остановиться лишь на последнем.

Можно с уверенностью сказать, что Николай Иванович Кочин получил хорошее образование. Начав свой путь малограмотным деревенским парнем, он сумел поступить «на учительские курсы при Нижегородском отделе народного образования и на филологический факультет Нижегородского пединститута» (Кузьмичев, 1972, с. 4), его учителями были известные преподаватели и ученые, приехавшие из Москвы и Петрограда (Стоюхина, 2013). Выпускная дипломная работа Кочина «Нижегородский край в произведениях П.И. Мельникова-Печерского и П.Д. Боборыкина» была написана под руководством нижегородского литературоведа А.Н. Свободова (1884–1950). Курсы философии, логики, психологии и педологии он слушал у выпускников историко-филологического факультета Московского университета А.Ф. Лосева, П.С. Попова, Н.В. Петровского, Б.В. Лаврова[1], докторов А.А. Писнячевского и В.М. Чегодаевой, поэтому введение писателем Кочиным в сюжет романа линии «педагогика vs педология» сделано с использованием конкретных знаний, когда-то им приобретенных.

Итак, в центре романа – выпускник нижегородского педагогического института Семён Пахарев, присланный осенью 1924 г. школьным учителем в уездный город Павлово-на-Оке Нижегородской губернии с числом жителей менее 20 тысяч. И сразу же Пахарев встречается с Арионом Борисовичем, заведующим уездным отделом народного образования (УОНО), который удивительно напоминает лидера педологического движения Арона Борисовича Залкинда, с работами которого был знаком Кочин. Мы читаем в «Записках селькора»: «Нельзя рационализировать процесс революционного горения. Против этого возражает Залкинд. Он ищет гармонию. Фриче – за рационалистического человека. Ермилов – за живого. Залкинд – за гармонического» (Кочин, 1929, с. 164).

1 ЦАНО. Ф. 2734. Оп. 1. Д. 56.

В городе Павлово-на-Оке было всего три школы: имени Ленина, имени Маркса и имени Луначарского; в последней предстояло работать Пахареву. Располагалась она в здании бывшей гимназии: «чудесное здание, прекрасная библиотека... физический кабинет» (Кочин, 1981, с. 5), но сейчас все запущено: и учительницы – только «пудрятся-мудрятся до седых волос», «учителя, как щука, лебедь и рак, тянут в разные стороны», и саму постройку «превратили в конюшню» (там же), – так характеризует ситуацию в школе инспектор УОНО. Он же говорит, что «наиболее актуальной задачей являются новые методы преподавания», которых много: кабинетный метод, Дальтон-план, бригадный метод, метод проектов, и последний – особо важен, так как «нарком Луначарский к нему благоволит» (там же).

Новый учитель обществоведения Пахарев понемногу знакомится с коллегами, школьниками, завоевывает авторитет и становится директором школы. В это время (в романе 1924–1925 учебный год) в советском школьном образовании появляется новая «модная» дисциплина – педология: «она у всех вдруг стала притчей по языцех. На местах тревожно и спешно искали педологов, но кто их готовит и где они находятся, никто толком не знал. Никто не знал и того, что это за дисциплина, которая заявила о себе так неожиданно и властно» (там же, с. 114). Инструкция УОНО настоятельно рекомендовала принять приезжего педолога. И тут уже ставший директором школы Пахарев думает словами «из будущего», из «после Постановления 1936 г.»: «...на этот раз дискредитации подверглась старушка педагогика, без которой всегда не мыслилось воспитание и обучение детей и которая сразу объявлена „грубой эмпиреей“» (там же, с. 115), «в этих брошюрах, написанных развязным языком, трубят, что педагогика не наука, лженаука. <...> Но она искусство! Самое трудное, самое сложное, самое высокое и самое необходимое для народа» (там же). Желая посмотреть «лису в ее норе», директор школы приглашает на педсовет педолога.

Появившийся в романе педолог – человек без имени, без возраста, у него есть только профессиональная принадлежность, что удивительно, так как все персонажи имеют полную атрибуцию – имя, фамилию, отчество, даже возраст.

Педолог выступает перед педколлективом, производя хорошее впечатление: «Говорил он умно, толково, все время ссылался на громкие авторитеты Западной Европы, кстати и умеренно цитировал классиков марксизма, так что никто ничего ему не мог возразить и все чувствовали себя на положении учеников-новичков, которые разинув рот постигают мудрость освоения чтения по слогам. Вопро-

сов тоже не было, потому что никто ничего в этой области не знал и не рисковал показывать свое невежество» (там же). Вероятно, в докладе упоминался Фрейд или же фрейдизм, потому что автор с иронией поясняет, что в это время «фрейдизм входил в моду, объявлялся дополнением к марксизму. Историки и литературоведы писали сочинения, объясняя поведение героев и замыслы писателей сексуальной теорией Фрейда о могуществе подсознательного» (там же, с. 116). Больше о Фрейде на страницах книги не упоминается.

Представитель УОНО Арион Борисович радуется появившемуся новому подходу к ребенку, когда «способность каждого мальца будет абсолютно видна как на ладошке. Одаренных следует в одну группу отобрать, а неспособных отсечь в специальные группы дебильных, с затяжной инфантильностью, наследственно отягощенных» (там же). Теперь-то, уверен он, педагогический процесс станет на диалектико-материалистические рельсы.

Педолог занял кабинет врача, где, наряду с уже имевшимися весами, пирометром, шкафом с медикаментами, столом для перевязок и диаграммами заболеваемости учеников, он поместил огромные таблицы с цифрами и бесчисленное множество тестов на выявление одаренности учеников, силы их внимания, свойств памяти, степени их умственной полноценности. Появление педолога сопровождалось выявлением групп «неуспевающих» в школе (Кочин берет это слово в кавычки, так говорили и писали после разгрома педологии), и учителя стали все чаще обращаться к Пахареву с просьбой перевести очередного ученика в одну из этих групп, которые «все росли и угрожали поглотить в себе половину школы. Педологу все было ясно. Типы мышления школьника им были запечатлены в виде пространственных схем» (там же, с. 117). Такому упрощенному подходу автор противопоставляет труды И. П. Павлова – «старшины физиологов всего мира», который всю жизнь потратил на объяснение высшей нервной деятельности, но все же не претендовал на исчерпанность проблемы, в отличие от педолога, который «своими рисунками и чертежами... все объяснил и проник во все тайники сознания. Он завел на каждого школьника „физиологический паспорт“, куда вносил свои выводы о дарованиях или неполноценности ученика, склонностях, поведении, сообразительности, памяти, организаторских способностях и т. д.» (там же).

Школьный директор Пахарев, какой-то удивительный провидец, «со скорбью рассматривая таблицы» (там же), будто понимая, как педология «навредит» педагогике и детям, спросил педолога, понимает ли тот сам картинки и характеристики, на что тот самоуве-

ренно ответил, что кроме него никто не может добраться до смысла, так как педология – новая наука, возглавляемая в Москве Энчменом. Вероятно, Кочин имел в виду Э. С. Енчмена (1891–1966), автора «теории новой биологии» – «не столько научного или философского, сколько идеологического феномена... одного из проявлений внешнего, деструктивного по своей сути воздействия марксистской идеологии на психологическую науку» (Богданчиков, 2004, с. 144). Странно, что из всех педологических направлений Кочин выбрал именно то, которое проповедовал Енчмен: это было не самое популярное направление. И уж никак Енчмен не возглавлял педологию!

Тем временем Пахарев, не доверяя школьному педологу, попросил завуча контролировать каждый его шаг. Здесь нам не обойтись без длинной цитаты с описанием портрета педолога и его деятельности: «высокий как жердь, волочащий ногу и припадающий на нее, бесстрастный, с полузакрытыми глазами человек, двигался медленно, осторожно ступал, хватаясь за коленки, а когда объяснял урок, то не отрывался от записной книжки. Выговаривал педологические термины с трудом» (там же, с. 118). Мы видим нарочитое наивно-гротесковое, даже издевательское изображение немолодого и некрасивого человека: как можно волочить ногу, одновременно припадая на нее, да еще и хватаясь за коленки при ходьбе? К неправдоподобному изображению походки Кочин добавляет еще одну нелепую характеристику педолога: произведя своим выступлением хорошее впечатление на коллег, он демонстрирует совершенное неумение общаться с детьми. «На уроки он приносил свернутые трубочкой рисунки, чертежи, диаграммы, схему и показывал их и объяснял сидя, не глядя на класс. На партах в это время играли в шахматы, читали, сражались в „козла“ или в „двадцать одно“ на пирожки, на щелчки, на бабки. Он никогда не вмешивался в жизнь учеников... Была негласная и подразумеваемая договоренность не трогать друг друга. Педолога беспокоило только одно: чтобы не усомнились в необходимости его науки. Поэтому он изо всех сил старался охранять ее приоритет перед всеми науками. Стены его кабинета решительно все, без просвета, были увешаны плакатами, восхваляющими педологию. „Я – представитель марксистской науки о детях, – то и дело повторял он к месту и не к месту. – Последователь знаменитого Энчмена“» (там же, с. 118). Здесь не совсем понятно, что за уроки вел педолог? Можно предположить, что это урочные часы, отведенные для тестирования учеников или для профориентации... Зачем снова появляется Енчмен, которого автор романа назначил руководи-

телем педологии? И марксистской педологию провозгласили позже, уже в 1928 г., на I Всесоюзном педологическом съезде.

Автор освещает методологические и методические основы исследования педолога: «Иногда он ссылался еще на Кремчера да на Блонского. Кроме этой троицы (еще Енчмена. – *Н. С.*) он никого больше не признавал. Способности и поведение ученика он объяснял конституциональными особенностями организма и эндокринной системы. Из него так и сыпались фразы: „беззубое детство“, „молочнозубое детство“, „постояннозубое детство“. С книгой Кремчера „Строение тела и характер“ он не расставался даже в постели. По Кремчеру отмечал связь умственного развития школьника с щелочностью слюны, возрастом матери. Педолог, потея от чрезмерного труда, мерил грудную клетку учеников, ширину лба, изучал их на тысячи ладов, мог всякого отправить в школу дефективных или в группу „трудновоспитуемых и неуспевающих“. Ученики шарахались от него в сторону, проходя мимо. И пугали друг друга: „Смотри, обмеряет – и запишет отсталым“» (там же, с. 119).

Действительно, термины «беззубое детство», «молочнозубое детство», «постояннозубое детство» принадлежат возрастной периодизации П. П. Блонского, известной в те годы, и книга Э. Кречмера «Строение тела и характер» вышла на русском языке в 1924 г., но в ней нет ничего о связи умственного развития школьника с щелочностью слюны, возрастом матери. Это, скорее, теории австрийского физиолога Э. Штейнаха, французского хирурга С. А. Воронова, советского биолога Б. М. Завадовского, изложенные Е. А. Аркиным в книгах по педологии и обязательные для прочтения будущими педологами. Упомянутые антропологические исследования педологи действительно проводили, это входило в обязательную программу обследования ребенка.

В романе школьники смеются над педологом, сочиняют смешные песенки о нем («Наш педолог очень ловок. / Одаренный любит род. / Рост обмеряет – готово: / Ну и будешь идиот»), пародируют вопросы теста, дразня друг друга, обращаются не по фамилии или имени, а «астеник», «пикник», «атлетик». Вся терминология педолога «вошла в бытовой обиход школьника, обогатив и без того очень емкий школьный жаргон, а сам он получил кличку «Идиотолог» (там же, с. 121).

Озадаченный Пахарев пришел на обследование по одаренности и увидел, что «тесты Бинэ, исправленные Блонским», «ассоциативный эксперимент по Юнгу, устанавливающий быстроту реакции школьников», приводили к тому, что «хорошие дети давали непра-

вильные ответы, а плохие вышли на первое по одаренности место. И если педолог уверен, что «педология есть непогрешимая наука, новая и очень нужная», то директор школы понял, что это «абсолютно идиотская „наука“» (там же, с. 121). К тому же он попросил опытного педагога поработать с учеником, занесенным педологом в «отсталые», после чего мальчик стал самостоятельным и инициативным. Пахарев вызвал педолога на серьезную беседу, сразу заявив: «ваша наука нашей школе не нужна» (там же, с. 124). Но директор все же подозревал, что дело не в самой науке, а в отдельном ее носителе и исполнителе, трагедия которого ему открылась: «переход с рельсов военного коммунизма к мирному делу порождал типов подобного рода в массовом масштабе. Они еще не знали того, что если к истине один только путь, то тысячи путей ведут к заблуждению и первооткрывателями в науке чаще всего мнят себя те, которые находятся далеко за ее пределами» (там же, с. 125). Оказалось, что педолог – бывший ресторанный официант, сменивший профессиональную деятельность из-за тромбофлебита и записавшийся на курсы усовершенствования учителей по совету знакомого профессора, часто обедавшего в ресторане, где он работал. В это время искали педологов, срочно обучая, и профессор успокаивал: «Никто не понимает, что это за новая наука, и тебе понимать не надо. Делай, что скажут... Лишь бы денег платили» (там же, с. 126). «Чем непонятнее говоришь, тем ученее будут тебя считать... темнота в докладах всегда профанами принимается за глубокую ученость» (там же, с. 127). Этот же профессор преподавал на курсах педологию и велел своему протеже заучить имена Холла, Болдуина, Меймана, Прейера...

Разжаловав педолога, директор определил его на работу буфетчиком. Больше этот персонаж не появляется на страницах романа.

На протяжении всего повествования главный герой использует имена Фрейда, Енчмена, Павлова и других психологов и педологов начала XX в., но читателя не отпускает постоянное чувство, что Пахарев тогда, в 1924–1925 учебном году, уже все знал наперед, т.е. автор наделяет молодого человека знаниями из 1970-х: и о Постановлении 1936 г. «О педологических извращениях в системе Наркомпросов», и о последующем замалчивании педологии, длившемся вплоть до 1990-х годов (Кулаков, 1990). Поэтому размышлениям Семёна Пахарева, его диалогам с другими персонажами часто не доверяешь...

Напомним, роман был написан, когда автору исполнилось 70 лет, а до его издания прошло еще почти 10 лет. Если рассматривать роман как исторический, то удивляет небрежность в деталях. Напри-

мер, школы называются «средними», а они были «трудовыми». Страницы романа, посвященные педологу (их всего 14), по сравнению с остальным текстом, написаны неряшливо, будто аберрация памяти позволила смешаться восприятиям двух людей – молодого человека, учителя, находившегося внутри школьного образования, и немолодого человека, за спиной которого длинная драматическая жизнь. Именно этим объясняются необыкновенная «прозорливость» молодого директора и его занудливая дидактичность, несвойственная молодым. Да и школьные педагоги тоже неявно «прозорливы»: им не нравится педолог, они глухо возмущаются его деятельностью или, как завуч Мария Андреевна, легко доказывают всему коллективу, что опытный педагог может «исправить» «отсталого» ученика, но в литературе 1920–1930-х годов не встречался текст (статья, монография, дневник), где бы был зафиксирован протест педагогов школы против педолога и педологии.

Создается впечатление, что фрагмент текста о педологе был быстро дописан и вставлен после того, как Кочин прочел в «Литературной газете» статью А. В. Петровского «Ответственность психолога и психология безответственности» (Петровский, 1972). Автор данной статьи призывает психологов, занимавшихся психодиагностикой тестовыми методами, чувствовать всю меру ответственности за получаемые результаты. Он вспоминает книгу Э. Енчмена «18 тезисов о теории новой биологии», вышедшую в 1920 г., где автор «уведомлял, что необходимо подготовиться к введению системы „физиологических паспортов“, причем в каждом таком паспорте должна быть указана цифрами „напряженность, сила реакций каждого человека“. Эти паспорта должны были стать, по мысли автора, „карточкой“ и на „труд“, и на „потребление“. К тому же конкретных путей определения „коэффициентов“ напряженности и силы он предложить не мог. Енчмен был высмеян – и по заслугам» (там же, с. 13).

Непонятно, почему Петровский выбрал для примера амбициозную, но методологически слабую и не очень распространенную теорию Енчмена, хотя в истории ранней советской психологии было много других известных теорий. Н. И. Кочин почему-то подхватил этот пример, вставив в роман и снабдив ссылкой: «В те года (20-е годы XX века) автор – сам учитель – тщательно изучал эти тезисы и был свидетелем попыток в „показательных школах“ проведения их в жизнь. Тогда всевозможных прожектеров во всех областях культурной жизни было великое множество, а также и всяких имен „знаменитых новаторов“. К таким именам принадлежал и ныне канувший

в вечность пресловутый Энчмен, которого всерьез изучали, цитировали на деловых конференциях, на педагогических симпозиумах, в научных обществах и студенческих сходках» (Кочин, 1981, с. 108).

Следует отметить, что в момент развертывания действий романа (1924–1925 гг.) педология, конечно, была известна (советские педологи начали заявлять о себе на Первом Всероссийском психоневрологическом съезде 10–16 января 1923 г., там их количество составляло 24% из 324 участников, а в работе педологической секции участвовали около 50% (Педологическая секция..., 1923, с. 50), но массового распространения профессия школьного педолога еще не получила. Это произошло позже, на I Всесоюзном педологическом съезде в 1928 г., который «дал синтез между принципиальной марксистской платформой и непосредственной педологической практикой» (Залкинд, 1929, с. 56).

Возвращаясь к статье Петровского, отметим следующую его реплику о педологах: «Стихия безответственного тестирования развернулась позднее, в конце 20–начале 30-х годов, и была остановлена известным постановлением ЦК партии от 4 июля 1936 г. Заметим, что постановление ЦК критиковало не тесты вообще, а научно необоснованные тесты» (Петровский, 1972, с. 13). Здесь уважаемый академик лукавил, так как в Постановлении о самих тестах говорилось, что это «обширная система обследований умственного развития и одаренности школьников, некритически перенесенная на советскую почву из буржуазной классовой педологии и представляющая из себя форменное издевательство над учащимися, противоречащая задачам советской школы и здравому смыслу. Ребенку 6–7 лет задавались стандартные казуистические вопросы, после чего определялся его так называемый „педологический“ возраст и степень его умственной одаренности. Все это вело к тому, что все большее и большее количество детей зачислялось в категории умственно отсталых, дефективных и „трудных“» (О педологических извращениях..., 1936, с. 1), т. е. никакого деления тестов на научно обоснованные и научно необоснованные не было. Историк психологии М. Г. Ярошевский в 1976 г. писал: «Идеалистические и механические установки педологов, их антипсихологизм, увлечение необоснованными тестами, при помощи которых определялся так называемый коэффициент умственной одаренности учащихся (*IQ*), тяжело сказались на психологии и педагогике и в особенности много вреда причинили школе» (Ярошевский, 1976, с. 427).

Мы проанализировали небольшой фрагмент романа Н. И. Кочина, где автор, допуская исторические и художественные небреж-

ности, ввел фигуру педолога, изобразив его упрощенно, схематично и, в соответствии с Постановлением 1936 г., издевательски-саркастически. Однако это вовсе не значит, что мы должны пренебречь романом Н. И. Кочина «Семён Пахарев» как историографическим источником. Главный герой этого произведения во многом является резонером самого автора: на его страницах мы сталкиваемся с глубоко личностным отношением к пережитому советской психологией и педагогикой очевидца событий Николая Ивановича Кочина, сформировавшимся, очевидно, под влиянием официальной пропаганды.

В этой связи отметим, что о самом произведении было написано мало. В частности, дочь писателя, литературовед Е. Н. Колачевская, отмечала постановку в нем вопроса об истоках сталинизма. Анализируя роман с этой точки зрения, она приходит к выводу, что отец видел эти истоки в идеологии троцкизма: «В троцкизме Н. Кочин прежде всего критикует игнорирование личности, что было неприемлемо для основной доминанты его творчества. <...> Троцкисты не понимали и ненавидели крестьянина, относились брезгливо ко всему отечественному» (Колачевская, 1995, с. 129–131). Именно в противостоянии Семёна Пахарева и троцкиста Петеркина, в показе трудностей разоблачения троцкизма и борьбы с ним она видела основной конфликт романа. Специалист по творчеству Н. И. Кочина И. К. Кузьмичев вообще не анализировал это произведение. В последней его статье, посвященной Кочину, роман только упоминается, но в центре размышлений литературоведа стоят работы, написанные в 1960-х годах, так называемая «лагерная» литература, ранее не публиковавшаяся, а с начала 1990-х годов ставшая востребованной (Кузьмичев, 1993).

Можно предположить и некоторые причины такой непопулярности романа. Во-первых, некая узость ракурса повествования. Слова И. К. Кузьмичева о предыдущем романе тетралогии, «Нижегородский откос», на наш взгляд, можно спокойно отнести и к «Семёну Пахареву»: «Для романа как такового здесь недостает прежде всего полноты картины, всестороннего анализа действительности. <...> В сферу внимания художника попало лишь то, что доступно главному герою произведения – Семёну Пахареву. <...> перед нами... „ощущение эпохи личное“, связанное с восприятием действительности тем же Пахаревым» (Кузьмичев, 1972, с. 136). Однако этот недостаток является и достоинством романа для историков психологии, поскольку приближается к мемуарной прозе очевидцев событий. Во-вторых, нам кажется, что в 1972 г. роман выглядел небезупречным

и с точки зрения идеологии: далеко не все работники молодой советской школы триумфально ведут подрастающее поколение в светлое завтра. Здесь есть и старые педагоги, чье время кончилось, есть и «заблудшие души», которые, надо сказать, в большинстве случаев вызывают сочувствие. Так, руководитель отдела народного образования в уезде – фигура гротескная, бюрократ, карьерист, бывший враг, конечно, наказанный в конце концов судьбой (супруга увозит его в больницу с симптомами маниакально-депрессивного психоза), но покаянную речь говорит не он, а его жена. В-третьих, введение странной фигуры педолога, как нам представляется, еще больше запутало дело, так как в 1970–1980-х гг. мало кто помнил, кто такие педологи и чем они конкретно занимались. Наконец, как уже было сказано, в Нижнем Новгороде роман не издавался, а ведь нижегородцам он был бы интересен в первую очередь.

Итак, роман Н. И. Кочина «Семён Пахарев», несмотря на все его недостатки, является романом автобиографическим и историческим одновременно. Подобные произведения простые читатели воспринимают как достоверное отражение событий истории, считают «полноценным историческим источником, идентичным любому другому историческому документу, от которого массовый читатель требует полной объективности в отражении исторических событий и изображении исторических лиц. Тем самым в массовой культуре стирается грань между понятием термина „история“: истории как res gestae и истории как rerum gestarum» (Святославский, 2017, с. 51). Однако осознание ошибочности подобного восприятия никак не отменяет использование автобиографического художественного произведения в качестве исторического источника. Тем не менее, мы должны помнить о специфике анализа подобных источников, которая состоит во всестороннем и глубоком исследовании причин выражаемых автором взглядов, в проникновении в творческую лабораторию писателя. Мы должны каждый раз отвечать на вопрос: объективно ли автор отражает картину или что-то недоговаривает, что-то искажает? Каковы причины подобного освещения событий? Филолог А. В. Святославский призывает учитывать влияние идеологии, политики, социального управления, пропаганды в сфере образования и просвещения, в освещении событий в СМИ и т. д. (там же).

Говоря об истоках взгляда на педологию в романе Н. И. Кочина, оставим проблему намеренного искажения действительности автором: с 1936 г. точка зрения на педологию была одна – официальная, изложенная в Постановлении 1936 г. о ее запрете, и Н. И. Кочин полностью следовал ей. Как заметил В. А. Шкуратов, «ни одна из картин

мира не обладает столь тотальным господством в сфере объяснения, как победившая утопия. <...> Пустая оболочка официальных слов действует отдельно от жизни и реальной политики. Но она покрывает сферу реального объяснения» (Шкуратов, с. 330).

Подводя итог разбору историко-психологического факта, отраженного в романе Н. И. Кочина «Семён Пахарев», а именно – деятельности педолога в советской трудовой школе, заметим, что ценность произведения как исторического источника, несмотря на допущенные искажения, все же велика, ведь на страницах книги мы видим картину эпохи с ее бытом, нравами, внешними проявлениями культуры, что называется, от лица очевидца. То, как автор интерпретирует события, для нас представляет особый интерес как «исторический источник особого рода, позволяющий увидеть в этом взгляде типичное свидетельство о конкретной культуре (социальном лице автора и т. д.)» (Святославский, 2017, с. 71).

Литература

Білявський І. Г. Лекції з історичної психології. Одеса: Астропринт, 2004.

Боброва Е. Ю. Основы исторической психологии. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1997.

Богданчиков С. А. Феномен Енчмена // Вопросы психологии. 2004. № 1. С. 144–155.

Винокур Г. О. Биография и культура. М.: Изд-во ЛКИ, 2007.

Журавлев А. Л. Введение. Историческая психология в контексте современной психологии (взгляд психолога) // Историческая психология: предмет, структура методы: Учеб. пособ. / Под ред. А. А. Королёва. М.: Изд-во МосГУ, 2004. С. 3–11.

Залкинд А. Б. Педология в СССР. М.: Работник просвещения, 1929.

Колачевская Е. Н. Н. И. Кочин: творческая эволюция. Дис. ... канд. филол. наук. М., 1995.

Королёв А. А., Журавлев А. Л., Кольцова В. А. История и психология: неумолчный диалог: Учеб. пособ. М.: Изд-во Московского гуманитарного университета, 2011.

Кочин Н. Записки селькора // Октябрь. 1929. № 4. С. 124–170.

Кочин Н. Семён Пахарев: Роман. М.: Современник, 1981.

Кузнецов А. А. Роман Н. И. Кочина «Нижегородский откос» – источник по истории науки и высшей школы в Нижнем Новгороде // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. 2014. Вып. 49. С. 367–397.

Кузьмичев И. Неизвестный Кочин // Н. Кочин. Зона. Нижний Новгород, 1993. С. 3–17.
Кузьмичев И. К. Николай Кочин: Очерк творчества. Горький: Волго-Вятское книжное изд-во, 1972.
Кулаков Л. В реабилитации не нуждается // Учительская газета. 1990. № 250. 1 января. С. 3.
О педологических извращениях в системе Наркомпросов: Постановление ЦК ВКП (б) от 4 июля 1936 года // Правда. 1936. 5 июля. С. 1.
Педологическая секция на Первом всероссийском психоневрологическом съезде: Отчет // Педологический журнал. 1923. № 1. С. 50–53.
Петровский А. В. Ответственность психолога и психология безответственности // Литературная газета. 1972. № 41. 11 октября. С. 13.
Святославский А. В. Между вымыслом и реальностью: художественная литература и публицистика как исторический источник // Профессиональная историография и историческая память: опыт пересечения и взаимодействия в сравнительно-исторической перспективе / Под ред. О. В. Воробьевой, О. Б. Леонтьевой. М.: Аквилон, 2017. С. 49–72.
Стоюхина Н. Ю. Выдающиеся психологи и педагоги в Нижегородском университете (1918–1921 гг.): Монография. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского университета, 2013.
Стоюхина Н. Ю. Психология воздействия в советской психотехнике: 1920–1930-е годы: Монография. Ярославль: РИО–ЯГПУ, 2016.
Стоюхина Н. Ю. Визиотип советского педолога в воспоминаниях и художественной литературе // Развитие российской психологии накануне и после русской революции 1917 года: тенденции, научные школы, персоналии (Арзамасские чтения по истории психологии – 4) / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Ю. Н. Олейник, Э. В. Тихонова. Саров: Интерконтакт, 2019а. С. 449–463.
Стоюхина Н. Ю. Повесть бывшего педолога о подростках и военном времени // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2019б. № 1. С. 84–95.
Шкуратов В. А. Историческая психология. М.: Смысл, 1997.
Шукуров Д. Л. Русский литературный авангард и психоанализ в контексте интеллектуальной культуры Серебряного века. М.: Языки славянской культуры; Рукописные памятники Древней Руси, 2014.
Ярошевский М. Г. История психологии. М.: Мысль, 1976.

Раздел 4

КРОССКУЛЬТУРНЫЕ ПСИХОЛОГО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Развитие культурно-исторической парадигмы в отечественной психологии

И. А. Юров

doi: 10.38098/thry.2020.25.72.028

Под исследовательской парадигмой (от *гр.* παράδειγμα – пример, модель, образец) понимается совокупность фундаментальных научных установок, представлений и терминов, принимаемая и разделяемая научным сообществом и объединяющая большинство его членов. «Под парадигмой, – писал Томас Кун, – я подразумеваю признанные всеми научные достижения, которые в течение определенного времени дают научному сообществу модель постановки проблем и их решения» (Кун, 1977, с. 11).

В зарубежной психологии успешно развиваются различные психологические парадигмы: психоанализ, бихевиоризм, гуманистическая психология, гештальтпсихология и др. В отечественной психологии ни в одном учебнике нет упоминания о наличии какой-либо психологической парадигмы. Некоторое исключение составляет специально выполненная под руководством А. Л. Журавлева, Т. В. Корниловой и А. В. Юревича работа «Парадигмы в психологии». В ней выделены три основные позиции, сложившиеся в отношении парадигмального статуса психологии. Согласно первой, которой придерживался Т. Кун, психология представляет собой допарадигмальную дисциплину, в которой единая парадигма, способная интегрировать различные «психологии» в цельную науку, еще не сложилась, что и отличает ее от более развитых естественных дисциплин. Согласно второй позиции, психология – это мультипарадигмальная наука, находящаяся в том состоянии, которое Кун усматривал в естественных науках только при переживании ими научных революций. Третья позиция состоит в том, что психология характеризуется как непарадигмальная научная дисциплина, к которой неприменимы представления о парадигмальной логике развития науки, наработанные на материале изучения истории естественных наук (Парадигмы в психологии, 2012). Представленные А. В. Юревичем естественнонаучная и гуманитарная парадигмы (Юревич, 2012), А. Л. Журавле-

вым и Д. В. Ушаковым – теоретико-экспериментальная и практическая парадигмы (Журавлев, Ушаков, 2012) дают возможность выхода на уровень общенаучной философской обобщенности, но не конкретизируют собственно психологические парадигмы. Поэтому до сих пор в отечественных монографиях и учебниках описываются только зарубежные психологические парадигмы (Юров, 2019).

На наш взгляд, одной из отечественных парадигм психологии, помимо диалектико-материалистической и системно-комплексной, является *культурно-историческая,* традиционно представленная трудами Л. С. Выготского, А. Н. Леонтьева, Л. И. Божович, А. В. Петровского, А. Г. Асмолова и др. Несмотря на то, что это название не принадлежит Л. С. Выготскому, используемые им словосочетания «культурное развитие», «культурно-психологическая теория» и «социальная ситуация развития» позволили его ученикам говорить о таком феномене, как культурно-историческая психология.

По нашему мнению, исторический анализ отечественной психологии дает основания считать, что культурно-историческая парадигма начала формироваться в период становления психологии как самостоятельной науки, вышедшей из лона философии. Обратимся к источникам. Так, первый председатель Московского психологического общества М. М. Троицкий еще в 1882 г. писал: «Развитие личности и ее борьба с вторичными законами общественности ведут к отмене и преобразованию таких законов, которые находятся в противоречии с требованиями личности. С другой стороны, развитие общественности человека и ее борьба с его личностью ведут к культуре личности согласно с принципом сохранения общественности, – культуре, достигаемой именно образованием специальных форм и законов человеческого духа» (Троицкий, 1882, с. 53). И еще: «Понятия, составляющие культурную форму человеческого мышления, являются могущественнейшим органом общественных отношений» (там же, с. 62).

Отечественная педагогика всегда развивалась одновременно с психологией. Не зря академик РАО, профессор Б. Г. Ананьев назвал ее педагогической психологией. Культурно-историческая парадигма тесно связана также с историей, культурой, социологией, медициной, и в этом ее преимущество и специфика. Об этом писал К. Д. Ушинский в предисловии к своей книге «Человек как предмет воспитания»: «Вот почему мы советуем педагогам изучать сколь возможно тщательней физическую и душевную природу человека вообще, изучать своих воспитанников и окружающие их обстоятельства, изучать историю различных педагогических мер, которые не всегда

могут прийти на мысль, выработать себе ясную положительную цель воспитания и идти неуклонно к достижению этой цели, руководствуясь приобретенным знанием и своим собственным благоразумием» (Ушинский, 1867, с. 17). А в главе XLIX этой же книги он подчеркивал: «Зрелость разума может быть почерпнута только из изучения человеческой природы в ее вечных основах, в ее современном состоянии и в ее историческом развитии, что и составляет главную основу педагогики, или искусства воспитания в обширном смысле этого слова» (там же, с. 457).

Зачинатели педагогической психологии П. Ф. Каптерев, П. Ф. Лесгафт и А. П. Нечаев описывали не только индивидуальные различия детей, но и комплексно изучали и объясняли формирование личности ребенка. Так, Каптерев понятие личности употребляет как интегральное, включающее самосознание. Высшим уровнем развития личности он считает сознание ею тождества самой себе среди всех изменений психической и физической жизни, которые пережиты и переживаются в данный момент. П. Ф. Лесгафт утверждал, что возникновение отношения ребенка к людям, с одной стороны, и взрослых к нему – с другой формирует его как личность. Исходной позицией А. П. Нечаева в исследовательской деятельности было стремление к целостному познанию развивающейся личности. Подобный подход был характерен и для других выдающихся психологов того времени – В. А. Вагнера, А. Ф. Лазурского, М. М. Рубинштейна, И. А. Сикорского, благодаря чему в психолого-педагогической науке и общественном сознании утвердился идеал всесторонне развитой, гармонической личности.

Говоря о единстве психической жизни личности, Нечаев серьезное внимание уделял ее интеллектуальной, эмоциональной и волевой сферам, считая, что волевое действие обусловлено интеллектуальным опытом и эмоциональным состоянием, т. е. необходимо руководить развитием личности в целом (подробнее см.: Будилова, 2019, с. 373).

Создатель первой экспериментальной лаборатории в России (в 1885 г.) В. М. Бехтерев так размышлял о проблемах формирования личности: «Личность является существом социальным в настоящем смысле слова, повторяя не свои особые, а общие всем взгляды, выполняя общие всем обычаи, обнаруживая в известных случаях общие всем действия... Человек в обществе безусловно подчинен общественным требованиям» (Бехтерев, 1921, с. 69). Ученик Бехтерева А. Ф. Лазурский предложил теорию личности, основанную на разделении эндопсихики (нервно-психической организации человека)

и экзопсихики (отношения личности к среде). Он писал, что классификация личности должна быть не только психологической, но и психосоциальной (Лазурский, 1922).

Известные юристы постоянно обращались к психологии, чтобы правильно понять и объяснить условия возникновения преступности. Так, Л.И. Петражицкий, расширяя понятие права, особо выделяет социально-психологические связи, которые создаются между людьми, объединенными теми или иными жизненными отношениями в группы (Петражицкий, 1907). Д.А. Дриль отмечал, что всякое преступление есть производное от взаимодействия внутренних и внешних факторов: внутренними факторами являются биологические и психологические свойства человека, а внешними – социальные условия его жизни, общественная среда, в которой он находится. М.А. Рейснер, ставя вопрос о необходимости исторической психологии, считал, что заслуживает исследования проблема включения в систему культуры индивида и социальных общностей (речь идет о развитии социальной психологии культуры в историческом плане) (Рейснер, 1925).

Большой вклад в развитие психологии на рубеже XIX–XX вв. внесли психиатры России – С.С. Корсаков, А.А. Токарский, В.Х. Кандинский, П.П. Ганнушкин, И.П. Мержеевский, В.Ф. Чиж, Н.В. Краинский и др. Соединяя психиатрию с научной психологией, они давали не только описание, но и социально-психологическое объяснение психических расстройств, связывая их с состоянием социальной среды, с материальным положением и культурой (Будилова, 2019).

В этот период была широко представлена в России и социология (П.Л. Лавров, М.М. Ковалевский, Н.И. Кареев, Н.К. Михайловский, П.Б. Струве, Н.А. Бердяев, А.А. Богданов, Г.В. Плеханов и др.). Социолог Н.И. Кареев писал, что в начале XX столетия в науках обнаруживаются новые искания главным образом в сторону психологизма. «Самый историзм не только не может ничего иметь против этого, но и должен всячески содействовать психологизму, потому что и сама-то наука история – вся в психологии» (Кареев,1913, с. 87).

Л.С. Выготского считают создателем культурно-исторического исследования в психологии. Однако необходимо учитывать, что он прежде освоил все то, что уже выработала научная мысль России (об этом свидетельствуют обширные библиографические списки в его работах). Историзм означал для Выготского «применение категории развития к исследованию явлений. Изучать исторически что-либо – значит изучать в движении» (Выготский, 1983, с. 62). Ученый отмечал, что нет непроходимой грани между изучением историческим и из-

учением наличных форм. Ему импонирует мысль П. П. Блонского о том, что поведение может быть понято только как история поведения. Даже рудиментарные функции или «наши психологические окаменелости показывают в застывшем виде свое внутреннее развитие. В них соединены начало и конец развития» (там же, с. 64–65).

По мнению Выготского, все культурное является социальным. Он ставит знак равенства между личностью ребенка и его культурным развитием. Согласно взглядам этого ученого, личность есть понятие социальное, оно охватывает надприродное, историческое в человеке. Она не врожденна, но возникает в результате культурного развития, и потому личность есть понятие историческое. Сущность культурного развития заключается в том, что человек овладевает процессами собственного поведения, но необходимой предпосылкой для этого овладевания является образование личности, и потому развитие той или иной функции является всегда производным и обусловленным развитием личности в целом. Культура есть продукт социальной жизни. Поэтому сама постановка проблемы культурного развития поведения непосредственно вводит нас в план социального развития. Автор отмечает, что психологическая природа человека представляет собой совокупность общественных отношений, перенесенных внутрь и ставших функциями личности и формами ее структуры. Все внутреннее в высших психических функциях было некогда внешним, т. е. «социальным». Он считал, что мировоззрение – это то, что характеризует поведение человека в целом, культурное отношение ребенка к внешнему миру (Выготский, 1983). А. Р. Лурия, разрабатывавший теорию культурного развития с Выготским в Академии коммунистического воспитания, писал, что «развитие человека как исторического существа идет путем выработки специфических форм исторического, культурного поведения» (Лурия, 2002, с. 522), понять которое можно, лишь исходя из анализа его культурно-исторических механизмов. Автор предисловия к английскому изданию книги Лурии «Природа человеческих конфликтов» А. Мейер называет его подход психобиологическим, учитывающим специфику культурной и политической жизни.

Выготский и его коллега А. Н. Леонтьев в своих исследованиях основной акцент ставят на центральной, краеугольной идее исторического развития поведения человека – исторической теории развития высших психических функций. Леонтьев пишет: «В сущности, так называемая теория исторического (или культурно-исторического) развития в психологии означает теорию высших психологических функций (логическая память, произвольное внимание, ре-

чевое мышление, волевые процессы и т.д.)» (Леонтьев, 2003, с. 200). В статье, посвященной памяти Выготского, Леонтьев говорит о нем как об авторе трактовки «психического как человеческой деятельности» и создателе «научной психологической теории – теории общественно-исторического („культурного“ – в противоположность „натурному“, естественному) развития психики человека» (Леонтьев, 1983, с. 19). Кроме того, Выготский заложил основу «учения о системном и смысловом строении сознания» (там же, с. 20).

В свою очередь, Леонтьев выдвигает положение об общественно-исторической сущности личности. Положение это означает, что личность впервые возникает в обществе, что человек вступает в историю (и ребенок вступает в жизнь) лишь как индивид, наделенный определенными природными свойствами (задатками), и что личностью он становится в качестве субъекта общественных отношений. Исследование процессов порождения и трансформаций личности человека в его деятельности, протекающей в конкретных социальных условиях, и является ключом к ее подлинно научному психологическому пониманию. Личность не есть целостность, обусловленная генотипически: личностью не родятся, ею становятся. Личность есть относительно поздний продукт общественно-исторического и онтогенетического развития человека. Считая, что выступает с истинно марксистских позиций, Леонтьев решил дополнить С.Л. Рубинштейна, дав свое определение «внутреннее через внешнее» (Леонтьев, 2003, с. 200).

По мнению Л. И. Божович, целостная структура личности определяется прежде всего ее направленностью, в основе которой лежит возникающая в процессе жизни и воспитания человека устойчиво доминирующая система мотивов. Основные, ведущие мотивы, подчиняя себе все остальное, характеризуют строение мотивационной сферы личности. Возникновение такого рода иерархической системы мотивов обеспечивает наивысшую устойчивость личности (Божович, 1968).

А. В. Петровский считает, что понимание социальной сущности человека, его включенности в исторически возникающую и исторически изменяющуюся систему общественных отношений, органически входит в трактовку категорий «психосоциальное отношение» и «организм – индивид – личность». Принцип развития в психологической теории личности реализуется в понимании процесса превращения биологических структур индивида в социально обусловленные структуры его личности. Таким образом, строится представление о социогенезе личности как результирующей взаимодействующих

в ней двух противоборствующих тенденций – к сохранению и к изменению развивающихся социальных систем. Развитие личности в онтогенезе определяется наличием и преодолением противоречия между потребностью индивида в персонализации и его способностью посредством соответствующей деятельности быть персонализированным в социальной ситуации развития (Петровский, 2007).

А. Г. Асмолов видит психологию личности в контексте культурно-исторического понимания развития человека. По его мнению, чтобы развернуть эту абстракцию, нужно, во-первых, обозначить содержащиеся в ней ориентиры, задающие общую логику изучения развития личности: развести понятия «индивид» и «личность», «личность» и «психические процессы», а также дать новую схему детерминации развития личности. Во-вторых, указать конкретные области психологии личности, высвечиваемые этими ориентирами. Автор считает, что появление человеческого индивида в «мире человека» опосредствовано всей историей его вида, которая преломилась в наследственной программе индивида, подготавливающей его к специфическому для данного вида образу жизни. Образ жизни человечества приводит к коренной перестройке закономерностей историко-эволюционного процесса, а не к его полной отмене. Закономерности эволюции не просто отмирают, а радикальным образом преобразуются, в корне меняется логика причин и движущих сил эволюционного процесса. Асмолов отмечает, что социально-исторический образ жизни является источником развития личности в системе общественных отношений. В психологии в этом смысле употребляется понятие «социальная ситуация развития» (Асмолов, 1996).

Итак, в отечественной психологии традиционно выделяется общепсихологическая культурно-историческая парадигма, становление которой определено развитием системы фундаментальной отечественной психологии. Истоки ее возникновения восходят к периоду становления психологии как самостоятельной науки в России.

Культурно-историческая парадигма показала свою высокую научно-методическую значимость. Она, по сути, предвосхитила создание гуманистический и экзистенциальной психологий, раскрывает возможности гуманистического и гуманного развития в современной науке, в том числе в психологии, философии, социологии и педагогике. В рамках этой парадигмы рассматриваются важные проблемы человековедения. В условиях научной конвергенции западной и отечественной психологии с целью глубокого и многомерного изучения человека необходимо отказаться от одностороннего применения принципов одной психологической парадигмы и переходить

к системному и комплексному использованию основных принципов современной психологии в их единстве и взаимосвязи (Юров, 2019, с. 42).

Литература

Асмолов А.Г. Культурно-историческая психология и конструирование миров. М.: Институт практической психологии, 1996.
Бехтерев В.М. Коллективная рефлексология. Пг., 1921.
Божович Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте. М.: Просвещение, 1968.
Будилова Е.А. Очерки истории русской психологии конца XIX–начала XX вв. / Под общ. ред. В.И. Белопольского, А.Л. Журавлева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2019.
Выготский Л.С. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 3. М.: Педагогика, 1983.
Кун Т. Структура научных революций. М.: Прогресс, 1977.
Лазурский А.Ф. Классификация личностей. Пг., 1922.
Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения: В 2 т. Т. 1. М.: Педагогика, 1983.
Леонтьев А.Н. Становление психологии деятельности: Ранние работы. М.: Смысл, 2003.
Лурия А.Р. Природа человеческих конфликтов. М.: Когито-Центр, 2002.
Парадигмы в психологии: науковедческий анализ / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Т.В. Корнилова, А.В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теориями нравственности. СПб., 1907.
Петровский А.В. Психология и время. СПб.: Питер, 2007.
Рейснер М.А. Социальная психология и марксизм. М., 1925.
Троицкий М.М. Наука о духе: Общие свойства и законы человеческого духа. М., 1882.
Ушинский К.Д. Человек как предмет воспитания: Опыт педагогической антропологии: В 2 т. Т. 1. Часть физиологическая. М., 1867.
Юров И.А. Парадигмы отечественной психологии // Человек и мир. 2019. Т. 3. № 1. С. 41–63.

Феноменология толпы в исторической ретроспективе

Л. Г. Почебут

doi: 10.38098/thry.2020.25.72.029

В исторической ретроспективе можно выделить две основные традиции изучения толпы – французскую и российскую. Научному анализу были подвергнуты толпы во время революционных потрясений, преступные толпы, толпы в состоянии паники.

Интерес к феноменологии толпы возник у ученых в середине XIX в. в связи с социальными революциями во Франции. Г. Ле Бон был первым, кто сосредоточил свое внимание именно на психологии толпы. Идею демократии он выразил следующим образом: «Божественное право масс должно заменить божественное право королей» (Ле Бон, 1998, с. 126). Г. Ле Бон даже назвал грядущий ему XX век «эрой толпы». События Парижской коммуны 1848 г., пережитые в юношестве, произвели на него сильное впечатление. Он систематизировал свои мысли и чувства в книге «Психология толп» (1895). Беспорядки в толпе Г. Ле Бон объясняет психологическими факторами: утратой людьми разумного, рационального понимания своих поступков и склонностью толпы к мгновенному действию. Толпу он характеризует как собрание людей, приобретающих новые черты, отличные от черт отдельных индивидов.

Г. Ле Бон сосредоточил свое внимание на трех основных феноменах:

1) психологии индивидов, входящих в толпу;
2) психологии толпы как единого образования;
3) психологии вождей, способных внушить толпе свои идеи и управлять ею.

Описывая психологию индивидов, составляющих толпу, Г. Ле Бон подчеркивает три специфические свойства. Первое, что характеризует индивида в толпе, – это исчезновение думающей, разумной личности. Второе свойство проявляется в том, что вместо осознанного поведения личности появляется *коллективное бессознательное,* ко-

торое становится регулятором поведения, берет верх над сознанием. Третья особенность поведения толпы заключается в том, что доминирование бессознательного приводит к *переориентированию* мыслей и чувств людей в едином направлении. Эти поразительные феномены, открытые Г. Ле Боном, объясняют, почему люди в толпе действуют единодушно, согласованно, не рассуждая, а мгновенно.

Основную причину появления новых специфических свойств у человека толпы Г. Ле Бон видел во *влиянии инстинктов*. В толпе благодаря ее численности человек начинает чувствовать себя сильным и теряет способность обуздывать свои инстинкты, которые и становятся ведущими регуляторами поведения (подробно об основных регуляторах социального поведения человека см.: Психологические проблемы..., 1976; и др.). Вторая причина неосознанного и безответственного поведения человека толпы основана на *механизме заражения*. В толпе люди заражаются чувствами друг друга, подражают действиям. Наконец, третья причина заключается в *восприимчивости к внушению*. Как нам известно из экспериментальной социальной психологии, человек не безразличен к присутствию других людей. В толпе наиболее сильно проявляется эффект социальной фасилитации, возникает перевозбуждение нервной системы, которое блокирует когнитивные процессы. Человек на какое-то время утрачивает способность адекватно воспринимать окружающий мир, контролировать свои действия. Он подчиняется власти инстинктов, внушению со стороны вождя (оратора), заражается чувствами, исходящими от окружающих. Противиться этому воздействию способны только люди, обладающие сильной волей и выраженной индивидуальностью. Воля подавляет инстинкты, а индивидуальность позволяет не подвергаться заражению и внушению (о психологических закономерностях поведения человека в толпе см. также: Журавлев, 2002, с. 271–272).

Г. Ле Бон отмечал, что, «становясь частью толпы, человек спускается на несколько ступеней ниже по лестнице цивилизации. В изолированном положении он, может быть, был бы культурным человеком; в толпе – это варвар, то есть существо инстинктивное» (Ле Бон, 1998, с. 137).

Описывая толпу как единое сообщество людей, Г. Ле Бон подчеркивал сходство их психических состояний. Он сформулировал пять основных свойств толпы:

1. Импульсивность, изменчивость и раздражительность, приближающая толпу к общности первобытных существ. В толпе человек никогда не рассуждает и не поступает намеренно.

2. Легковерие как результат податливости внушению. В толпе люди доверяют самым невероятным слухам, лишаются способности к наблюдению и анализу.
3. Преувеличение и односторонность чувств: в праздничной толпе – восторг, приподнятое настроение, в агрессивной толпе – раздражение, злоба, гнев. Главное, что эти чувства охватывают почти каждого члена толпы, нарастают и выливаются в конкретные действия.
4. Нетерпимость, авторитарность. Поскольку толпой владеют только простые и крайние чувства, то всякую идею или верование она принимает или отвергает полностью, считая свою позицию абсолютной истиной. Верования проникают в психику человека путем внушения, а не путем рассуждения и доказательства.
5. Нравственность/безнравственность. Под нравственностью Г. Ле Бон понимал подавление инстинктов. Поскольку в толпе человеку обеспечена безличность (деиндивидуализация), приводящая к безответственности и безнаказанности, он в полной мере может удовлетворять свои инстинкты. Однако ученый подчеркивал, что если толпа способна на убийства, поджоги и преступления, то она также способна и на очень возвышенные чувства и поступки: самопожертвование, проявление преданности, патриотизма и бескорыстия.

Описывая *психологию вождя толпы,* Г. Ле Бон отмечал: «Для толпы надо быть богом или ничем!». Внимательно читали книги Г. Ле Бона Б. Муссолини, А. Гитлер, В. Ленин, И. Сталин и др., изучая практики работы с толпой. Г. Ле Бон считал, что у людей, входящих в толпу, возникает инстинктивная потребность повиноваться вождю. Вожди толпы не принадлежат к разряду мыслителей, это люди действия. Инстинкт самосохранения может у вождя исчезнуть полностью. Он может принести в жертву все: и жизни своих последователей, и свою жизнь. Вождь обладает огромной силой внушения, передает свои идеи и верования. Его убеждения нельзя поколебать никакими доводами рассудка. Вождем становится человек, который имеет силу воли, в то время как у людей в толпе воля ослабевает, и они подчиняются инстинктам и вождю. Вожди должны быть прекрасными ораторами, обладать способностью подчинить толпу. Предназначение великих вождей, считает Г. Ле Бон, состоит в том, чтобы создать веру – религиозную, политическую или социальную: «Дать человеку веру – это удесятерить его силы» (там же, с. 194).

Г. Ле Бон первым сформулировал *парадигму изучения толпы*. Остальные ученые изучали толпу в рамках этой парадигмы. Основные ее положения следующие:

1. В психике человека, когда он попадает в толпу, происходят изменения. Психика индивида не адекватна психике человека толпы: это два различных проявления психики.
2. Толпа представляет уже единое целое, обладающее рядом специфических свойств. Основным регулятором поведения человека толпы становятся инстинкты.
3. Вождь является единственным авторитетным источником влияния на толпу.
4. В толпе возникает коллективное бессознательное, которое составляет ее душу. Закон духовного единства толпы таков: сознательная личность исчезает, а чувства и мысли людей принимают общее направление (Почебут, 2017а, б).

Психологическое описание толпы осуществил и другой французский ученый – Г. Тард в книге 1892 г. «Мнение и толпа». Он считал толпу естественной общностью, самой старинной из социальных групп после семьи. Именно Тард выявил следующую важную закономерность: как только толпа перестает слышать голос своего вождя, она распадается. Однако специальным предметом своего исследования Тард сделал *публику*. Он отмечал, что одновременно человек может принадлежать к различным видам публики и в то же время быть членом только одной толпы. Толпа более нетерпима, интолерантна, чем публика. Толпа подчиняется вождю, а публика – публицисту, журналисту.

Г. Тард считал, что толпы не просто легковерны, они безумны. Им свойственна нетерпимость, неумеренность во всем. В толпе люди доходят до двух крайностей: или возбуждения (героическая толпа), или упадка духа (паническая толпа). У них возникают коллективные галлюцинации: люди видят и слышат то, что не видит и не слышит отдельный человек. Г. Тард выделял: 1) толпы внимающие (собираются вокруг трибуны вождя); 2) толпы манифестантские, преувеличенно проявляющие свою убежденность и страстность; 3) толпы действующие, которые могут только разрушать, но не созидать (Тард, 1998).

Французский юрист С. Сигеле в книге 1892 г. «Преступная толпа. Опыт коллективной психологии» поставил перед собой задачу определить меру ответственности человека за преступление, которое он совершил, будучи частью толпы. Толпа, по его мнению,

может быть вовлечена в совершение самых диких и свирепых поступков, она больше ориентирована на зло, чем на добро. С. Сигеле попытался объяснить многочисленные случаи жестокости толпы во время французских революций конца XVIII–середины XIX в. Он отмечал, что толпу составляют люди в основном злые и активные. С. Сигеле описывал яркие примеры жестокости и погромов, совершенных толпой. «Тысячи человек, случайно собранных вместе, сознавая свою силу и видя себя хозяевами положения, считают себя вправе быть судьями, а подчас даже и палачами. Неожиданное могущество и безнаказанность за убийство – чересчур крепкое вино для человеческой головы» (Сигеле, 1998, с. 68). Эпизоды, которыми изобилует французская революция, поражают своей жестокостью. С. Сигеле писал: «Народ тогда был диким зверем, ненасытным в своей жажде к грабежу и убийству. Никто не мог обуздать своей ярости, видя подачку своему кровавому, жестокому инстинкту, всякий остервенялся все более и более» (там же, с. 70).

Основную причину преступных действий толпы С. Сигеле видит в ее специфическом составе. Результаты его исторического и социологического исследования показывают, что в толпу входят люди особых категорий. Во-первых, находящиеся в состоянии алкогольного опьянения, во-вторых, психически больные, выпущенные во время революции из госпиталей. Они совершенно свободно предавались безумию на площадях и улицах. В-третьих, вооруженные бандиты, авантюристы и разбойники. Именно они становились инициаторами и виновниками любой резни. «Самой знаменитой из них была Ламбертина Теруан – кровавая героиня, которая повела толпу на штурм инвалидного дома и взятие Бастилии» (там же, с. 77).

Такое поведение толпы С. Сигеле называл «пороховым безумием», возвращающим людей к их животным инстинктам. Ученый описал примеры этого бешенства ничего не понимающих людей в результате опьянения кровью, выстрелами, вином, криками: «Во время расстрела заложников один из коммунаров хватал каждого попа поперек тела и перебрасывал через стену. Последний поп оказал сопротивление и упал, вовлекая за собой федералиста. Нетерпеливые убийцы не стали ждать и убили своего товарища так же быстро, как и попа» (там же).

С. Сигеле считал, что люди, попадая в преступную толпу – жестокую, слепую, неукротимую, потерявшую всякое чувство справедливости и меры, находящуюся в состоянии буйного помешательства, – оказываются неспособными опомниться и волевым усилием обуздать свои инстинкты. Тем не менее, он настаивал на том, что пре-

ступление, совершенное человеком среди разъяренной толпы, должно расследоваться, а преступник – нести индивидуальную ответственность за свои противоправные деяния.

Французские ученые О. Кабанес и Л. Насс в 1905 г. опубликовали книгу «Революционный невроз». Они описали психопатологическое состояние французского общества в 1785–1793 гг. и на основе своего анализа подтвердили мнение других ученых, что в период революции наблюдается пробуждение первобытных, чисто животных инстинктов. «Толпы людей оказываются во власти стихийных, не подлежащих никакому умственному контролю порывов и побуждений» (Кабанес, Насс, 1998, с. 255). Неспособность контролировать инстинкты приводит к паническому страху и нравственному регрессу общества. Обращаясь к истории средневековой Европы, ученые пишут, что панический страх составлял характерную черту состояния умов того времени. Во времена жестоких эпидемий, суеверия и веры в колдовство толпами часто овладевали паника и страх, вселяя ужас в души, а паническое безумие доходило до беспредела. В качестве примеров авторы приводят мистический страх перед наступлением конца света в 1000 г. и эпидемию «Великого страха» во Франции в конце XVIII в., когда страну наполнили толпы нищих, бродяг и разбойников. В обоих случаях психологическими причинами стали зловещие слухи, вызвавшие чувства растерянности и неопределенности. Кабанес и Насс утверждают, что история всех войн и революций – это история панических страхов и необъяснимого насилия бушующей толпы.

По мнению Кабанеса и Насса, развитие революционных настроений проходит три этапа. На первом в умах людей, охваченных паникой, начинает стихийно зарождаться идея полного истребления опасных врагов. На втором этапе совершается переход к насилию. Вид пролитой крови опьяняет толпу. Люди начинают специально выискивать жертву, жестоко расправляются с ней. Третий этап – консолидация на основе расправы, радость, неистовые рукоплескания, единодушие, рост националистических настроений, провозглашение лозунга «Да здравствует нация!».

История английской и французской революций полны сцен насилия. Стоит только человеку попасть в бушующую толпу, как пробуждаются его варварские инстинкты. Так, в Англии 1648 г. вооруженные кольями, топорами и ржавыми шпагами 200 тысяч крестьян пришли в Лондон, взяли приступом Тауэр, грабили частные дома, отрубленные головы с триумфом проносили по улицам на остриях пик (там же, с. 272).

Поведение толпы полно противоречий. Приведем лишь один пример. В XIV в. Европу охватила «черная смерть» – эпидемия чумы, унесшая более 20 миллионов жизней. В разгар этого бедствия наступил праздник святого Витта. Люди всегда отмечали его массовыми танцами и пирами, и особенно активно в Италии. И в этот день изможденные, потерявшие надежду люди вышли на улицы, устроили пир, напились вина, танцевали, доведя себя до истерического состояния, и не в силах остановиться падали замертво. Заразительное и зловещее веселье переходило из одного города в другой, охватывая всю Италию. Этот кошмар был описан летописцами, а в медицинской практике дал название синдрому «пляски святого Витта» (см.: Назаретян, 2003, с. 24–25).

В истории России XV–XVI вв. тоже имели место беспорядки, вызванные эпидемией холеры. В. К. Случевский отмечал, что они были связаны с массовым суеверием: причиной несчастий люди считали медицинские меры, принимаемые докторами (Случевский, 1893).

По свидетельствам российских историков, массовая паника возникла и в день коронации Николая II 18 мая 1896 г. На Ходынском поле собралось более 500 тысяч человек. Люди были настроены празднично, они хотели приобщиться к знаменательному событию, повеселиться и получить праздничные подарки. Кто-то крикнул: «Подарков всем не хватит!». Началась страшная давка: обезумевшие люди топтали упавших, теряли сознание, гибли в тесноте. По официальным данным, в результате паники погибли 1389 человек, 1300 получили увечья (Назаретян, 2003).

Обратимся к событиям истории русской революции. Поведение людей в январе 1917 г. описал В. М. Бехтерев. Он отмечал, что «затянувшаяся война привела к полному расстройству жизни страны, сокращению продовольствия до голодного пайка. Казалось бы, можно ожидать народного восстания. Ничуть не бывало: в праздничные дни Рождества, несмотря на голодный паек и всю тяжесть переживаемого времени, предпраздничная суматоха шла своим обычным порядком. В Москве и в Петрограде в дни праздников и после на улицах установлены афиши „веселый бал“, были беспрерывные танцы с участием артистов и публики, раздавались конфеты, серпантин, организовывались игры в снежки. И все это в то время, когда старая Россия государственно и экономически гибла (Бехтерев, 1994, с. 254–255).

Февральскую революцию в России описал Н. А. Бердяев. В это время он находился в Москве. Из Петрограда были получены известия о начале восстания. На улицы Москвы вышли люди, передавались самые невероятные слухи. Атмосфера в городе казалась раскален-

ной, ожидался взрыв народного возмущения. Революционная толпа двигалась к Манежу. На площади около Манежа стояли войска, готовые стрелять. Толпа все ближе подходила, сжимая тесным кольцом площадь. Наступил страшный момент: ожидалось, что войска начнут стрелять. Однако они не стреляли. Тогда люди с восторгом заговорили о «бескровной русской революции», об ожиданиях свободы и справедливости (см.: Бердяев, 1991, с. 222).

Вот как описывал развитие событий в Петрограде Питирим Сорокин, член партии эсеров. 27 февраля 1917 г. около Троицкого моста собралась огромная, но спокойная толпа. Никто не знал ничего определенного. Невский проспект был еще спокоен, но на Литейном толпы стали расти, выстрелы стали все громче. Попытки полиции рассеять толпу были безрезультатными. На Литейном были обнаружены два трупа и пятна крови. Два вооруженных полка с красными знаменами покинули казармы и направились в сторону Думы (Таврический дворец). Вокруг Таврического Дворца стояли пушки и пулеметы. Дума была распущена, но там царило полное спокойствие. Был назначен Исполнительный комитет, чтобы временно выполнять обязанности правительства. Растерянность и неуверенность чувствовались в поведении и выступлениях депутатов. Все разглагольствовали о власти народа и призывали поддержать революцию. Революция после отречения царя Николая II развивалась совершенно спонтанно, никто не пытался ее возглавить. Внезапно на Литейном возник пожар, горели и другие правительственные здания, полицейские участки. Никаких попыток потушить пожары не предпринималось. В огневых отблесках лица людей в толпе смотрелись демонически. Они ликовали, смеялись и танцевали. Повсюду валялись резные российские двуглавые орлы. Эти имперские эмблемы срывали со зданий и бросали в костры. Старый режим исчезал в пепле, и никто не горевал. Толпа стала грабить винные магазины. Несколько офицеров Балтийского флота были убиты моряками (Сорокин, 1992, с. 227).

П.А. Сорокин отмечал, что было полным безумием ожидать бескровной революции. Он опасался действий экстремистов: например, в Кронштадте был убит адмирал Вирен и много других офицеров. Старый режим был уничтожен. И в Петрограде, и в Москве народ гулял, как на Пасху. Люди кричали: «Свобода! Святая Свобода!», «Революция! Бескровная революция!». Вся страна ликовала. Царь отрекся сам и отрекся от имени своего сына. Великий князь Михаил отказался от престола. Было избрано Временное правительство и провозглашена республика. Люди проявляли невиданную со-

циальную активность. Крестьяне привозили в города и в воинские подразделения зерно, некоторые раздавали зерно бесплатно. Однако были и тревожные факты. Рабочие ходили с транспарантами, проводили время на политических митингах, требовали восьмичасового и даже шестичасового рабочего дня. Солдаты отказывались выполнять приказы командующих под предлогом, что Петроград нуждается в их защите. Поступала информация о захвате крестьянами частных усадеб, грабежах и поджогах. На улицах праздно шатались пьяные люди. Любая попытка инженеров или предпринимателей установить дисциплину на заводах, чтобы поддержать производство, определялась как контрреволюционная.

Созданные большевиками Советы народных рабочих и солдатских депутатов вмешивались во все дела и пытались решить все проблемы, что приводило к дезорганизации и подстрекательству самых низменных инстинктов толпы. Все политические узники были освобождены, и их почитали как героев, хотя большая часть из них, осужденная за воровство, мошенничество, убийство, никогда не были таковыми. Питирим Сорокин характеризует этих людей следующим образом: «Многие из возвратившихся „политиков" наглядно демонстрировали неуравновешенность сознания и эмоций. Проведя годы в тюрьмах и ссылке, на тяжелых и физически изнурительных работах, они стали насаждать в обществе методы и жестокость, от которых сами страдали. Они навсегда сохранили в себе ненависть, жестокость, презрение к человеческой жизни и страданиям людей» (там же, с. 231). Безудержный беспорядок становился угрожающим. Преступные ограбления магазинов вошли в норму. Временное правительство не справлялось с ситуацией. Люди тысячами покидали Петроград, где были голод и погромы. В октябре 1917 г. хорошо вооруженные и моторизированные солдаты и рабочие захватили Зимний дворец, Петропавловскую крепость, железнодорожные вокзалы, телефонные узлы и почты. На это им потребовалось не более двадцати четырех часов. Арестованные царские министры не были убиты, их лишь посадили в Петропавловскую крепость. Затем, однако, многие из официальных лиц Временного Правительства были умерщвлены с садистским зверством.

Д. В. Ольшанский, сравнивая французскую и русскую революции, подчеркивает, что в западной историографии «французская революция не получила эпитета „террористическая" в отличие от революции 1917 г. и последующего затем периода российской истории» (Ольшанский, 2002, с. 42). Как мы убедились, очевидцы событий русской революции 1917 г. В. М. Бехтерев, Н. А. Бердяев, П. А. Соро-

кин не приводят фактов зверств толпы, сопровождавших революцию во Франции. Начавшаяся в феврале 1917 г. революция проходила в основном бескровно. В октябре также не фиксировались разгул и насилие на улицах Петрограда и Москвы. Начавшаяся в дальнейшем гражданская война велась уже организованными вооруженными армиями. Это были не толпы.

***

Феноменология толпы, рассмотренная нами в исторической ретроспективе, показывает сходство и различия поведения людей в толпе, особенно в период революций.

Сходство проявляется в том, что люди в любой толпе подчиняются воздействию инстинктов, действуют импульсивно, не рассуждая и не оценивая ситуацию. Пробуждение инстинктов часто приводит к агрессивным действиям, насилию со стороны толпы над более слабыми и незащищенными. Такое поведение толпы наблюдается практически во всех странах мира, в том числе и в настоящее время.

Различия выражены в том, что толпы в России в период революций, эпидемий, экономических кризисов хотя и собираются на манифестации, проявляют агрессию по отношению к правоохранительным органам (например, события на Болотной площади в Москве 06.05.2012), однако им не свойственны зверства, – такие, например, как во времена революции во Франции.

Историческая ретроспектива помогает нам лучше понять психологию того или иного народа, рассмотреть кросскультурные различия. Люди собирались в толпы во всех странах мира и во все времена. Тем не менее, в одних культурах толпы могли позволить себе крайние акты жестокости и насилия, а в других поведение толпы было менее агрессивным. Причины таких различий следует искать в особенностях культуры и ценностях разных народов.

Литература

Бердяев Н. А. Самопознание. Л.: Лениздат, 1991.

Бехтерев В. М. Избранные работы по социальной психологии. М.: Наука, 1994.

Журавлев А. Л. Психология толпы // Социальная психология: Учеб. пособ. М.: Пэр Сэ, 2002. С. 267–272.

Кабанес О., Насс Л. Революционный невроз // Революционный невроз. М.: Изд-во «Институт психологии РАН»–КСП+, 1998. С. 252–560.

Ле Бон Г. Психология толп // Психология толп. М.: Изд-во «Институт психологии РАН»–КСП+, 1998. С. 15–256.
Назаретян А. П. Агрессивная толпа, массовая паника, слухи: Лекции по социальной и политической психологии. СПб.: Питер, 2003.
Ольшанский Д. В. Психология терроризма. СПб.: Питер, 2002.
Почебут Л. Г. Психология социальных общностей. М.: Юрайт, 2017а.
Почебут Л. Г. Социальная психология толпы. М.: Юрайт, 2017б.
Психологические проблемы социальной регуляции поведения / Отв. ред. Е. В. Шорохова, М. И. Бобнева. М.: Наука, 1976.
Сигеле С. Преступная толпа. Опыт коллективной психологии // Преступная толпа. М.: Изд-во «Институт психологии РАН»–КСП+, 1998. С. 13–116.
Случевский В. К. Толпа и ее психология // Книжки недели. 1893. № 5. с. 5–38.
Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Изд-во политической литературы, 1992.
Тард Г. Мнение и толпа // Психология толп. М.: Изд-во «Институт психологии РАН»–КСП+, 1998. С. 257–408.

К вопросу о базовых идеях революционной картины мира и революционере как типе личности

А. Г. Сулейманян

doi: 10.38098/thry.2020.25.72.030

Се, творю все новое.

Откр. 21:5

Базовые идеи революционного сознания

Прежде всего необходимо понять специфику революционного сознания и/или революционной картины мира с психологической точки зрения. А для этого, избегая политической конъюнктуры[1], разберем главные идеи, определяющие суть революционного проекта, обратившись для этого к методам качественного анализа научных, литературных и политических источников, а также к биографическому методу исследования.

Центральной идеей революционного сознания следует считать идею о том, что *человек может управлять историей*. Впервые она афористично была высказана К. Марксом: «Философы лишь различным способом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его» (Маркс, 1955, с. 4). Без этой установки никакая долговременная революционная деятельность с психологической точки зрения невозможна. При этом «изменение мира» мыслится как качественный скачок, а не как эволюционное развитие. Наиболее наглядно эту мысль выразил, на наш взгляд, И. В. Сталин 4 февраля 1931 г. в речи на Первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности: «Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут» (Сталин, 1951, с. 38). Сущест-

1 Автор был свидетелем комичной ситуации на одной из конференций, посвященной революции 1917 г. Один из докладчиков подверг научной критике деятельность Николая II, после чего в завязавшейся дискуссии одна из участниц высказала возмущение этой «хулой на святого царя».

венно, что в революционной картине мира развитие не имеет пределов, и из этого следует *уверенность во всесилии человека*[1].

Революционная картина мира характеризуется глубокой и стойкой уверенностью отсутствия правды в мироустройстве, или *идеей попранной справедливости,* особенно в русском революционном сознании. Важно отметить, что в революционном сознании XIX–XX вв. несправедливость жизнеустройства понимается в трактовке ее Сальери в «Маленьких трагедиях» А.С. Пушкина: «Все говорят: нет правды на земле. Но правды нет – и выше» (Пушкин, 1978, с. 306). Упование на Бога в революционной картине мира с начала XIX в. отсутствует, в отличие от революционных движений средневековой Европы (например, таборитов или сторонников теократического коммунизма Томаса Мюнцера). Данная мысль прямо утверждается в «Интернационале»: «Никто не даст нам избавленья, ни царь, ни Бог и не герой» (Потье, 1939, с. 5). Это не сетование, а уверенность в возможности основать новый миропорядок на «правде».

В революционном сознании часто наличествует и *вера в возможность совершенного искоренения зла,* полной победы добра. Поэтому, кстати, абсурдны нынешние обвинения большевиков в утопизме: в их мировоззрении коммунизм был далекой, но достижимой мечтой. Поскольку несправедливость есть несомненное зло, должна быть и его причина. Первоначально эта идея была высказана идеологами эпохи Просвещения. Не вдаваясь подробно в детали, отметим, что, например, Ж.-Ж. Руссо видел причину зла в неправильном воспитании, поскольку, согласно его воззрениям, каждый ребенок рождается «ангелом» и это состояние можно сохранить при правильном психолого-педагогическом воздействии общества на детей в семьях и образовательных учреждениях. Для большинства идеологов Великой французской революции зло было следствием несправедливого устройства общества, и прежде всего – его разделении на касты по праву рождения.

Поскольку «развитию» всегда имманентны понятия «свобода» и «творчество», две этих идеи – *свободы и творчества* – неизменно присутствуют в общественном сознании революционных эпох. На эту тему написано много. Остановимся подробнее только на важных психологических аспектах понимания данных идей.

1 «Идет вода Кубань-реки, куда велят большевики» – одно из красноречивых подтверждений нашего тезиса. Это анонимная надпись у плотины в верховьях Кубани между станицей Усть-Джегутинская и Карачаевском. Лозунг появился не позднее 1947 г. URL: https://quotesbook.info/quotes/comment/86870.

Свобода понимается как беспредельность: «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью, преодолеть пространство и простор»[1], – пела страна. А творчество – не только пробуждение находившейся «под гнетом самодержавия» или «американского империализма» «народной души», но и возможность управления историей и осуществления самых фантастических идей. Такое понимание творчества с неизбежностью стимулирует воображение; подобное состояние личности и общества афористично выразил Э. Че Гевара, а Х.-Э. Гросс и К.-П. Вольф назвали так посвященную ему книгу: «Мои мечты не знают границ» (Гросс, Вольф, 1984). И это не уникальное мнение романтика революции. В педагогике А. С. Макаренко культивировалось «умение мечтать». Это не просто «цель жизни» и, конечно же, не «грезы фэнтези», погружающие в пассивное созерцание. Это – *идея всеобщего и глубокого преображения человека и общества в будущем:* «И одна из величайших и прекрасных особенностей советской литературы – постоянное, неиссякаемое звучание гуманизма, пленительная красота лучших человеческих стремлений, о которых на протяжении всей истории мечтали самые совершенные люди» (Макаренко, 1937). А в чем суть «педагогики мечты», можно понять из знаменитой песни «Марш энтузиастов»: «В буднях великих строек, / В веселом грохоте, в огнях и звонах, / Здравствуй, страна героев, / Страна мечтателей, страна ученых!»[2].

Наконец, для революционного сознания полем деятельности является весь мир. Это *мессианское сознание,* и оно не может быть другим и замкнуться в узких границах. «Вы – свет мира. Не может укрыться город, стоящий на верху горы. И, зажегши свечу, не ставят ее под сосудом, но на подсвечнике, и светит всем в доме» (Мф. 5: 14–15), – эти евангельские слова взяли на вооружение идеологи Октябрьской революции 1917 г. Экспансию идей нельзя понимать примитивно как расширение зоны геополитического влияния: это – миссия: «И я, как весну человечества, / Рожденную в трудах и в бою, / Пою мое отечество, / республику мою!» (Маяковский, 1958, с. 17).

Мы намеренно используем песни и поэзию революционной эпохи как качественные средства характеристики революционного сознания: во-первых, искусство – всегда выражение «духа времени»; во-вторых, оно, воздействуя на души людей, «творит» время.

---

1 Строки из песни «Авиамарш», 1921 г., слова П. Германа, музыка Ю. Хайта.

2 Строки из песни «Марш энтузиастов», слова А. Д'Актиль (А. А. Френкеля), музыка И. О. Дунаевского.

Прежде чем перейти к исследованию второго предмета – революционера как типа личности, доминантой сознания которого является революционная картина мира, еще раз укажем на основные элементы ее композиции, рассмотрев их с точки зрения концепции С.Л. Рубинштейна о «единстве сознания и деятельности». Это установка на новаторство, планирование коренных изменений всех сфер жизни общества, а следовательно, готовность идти непроторенными путями. Это – созидание и обязательное наличие системного проекта будущего. И самое главное: новый мир и новый человек как конечные цели революционного строительства. В этом, кстати, суть основного принципа социалистического реализма в искусстве – «показывать жизнь в ее революционном развитии». Данный принцип особенно заметен в классических произведениях советской научной фантастики: самый яркий образец – «Туманность Андромеды» И.А. Ефремова. Новое, еще не наличествующее в реальности, должно стать реальностью сознания и побуждать претворять образ будущего в несовершенную повседневность[1]. Обращает на себя внимание и очень интересный психологический феномен: в качественной западной фантастике этого же времени можно найти только антиутопии, например, «451 градус по Фаренгейту» Р. Брэдбери.

Революционер как тип личности

Разумеется, мы не ставим перед собой задачу дать полное и всестороннее описание данного типа личности. Постараемся выделить личностную доминанту лидеров революций, или, другими словами, попытаемся понять, как становятся революционерами. Мы предполагаем, что необходимым условием «рождения» революционера как типа личности является формирование в «ключевых событиях» его жизни комплекса идей, о которых говорилось в первой части нашей статьи.

Будем пользоваться двумя методами: биографическим и анализом текстов Л.А. Тихомирова и Э. Че Гевары. Поясним, почему были выбраны именно эти две личности. В лице Л.А. Тихомирова, одного из лидеров революционного движения в России, мы видим пример сознательного отказа от участия в борьбе. Мы изучим его брошюру, в которой он объясняет, почему изменил свои убеждения, хо-

1 Неумелое или нарочитое применение этого принципа на практике приводило к «лакировке действительности» (понятие советской публицистики времен «оттепели»).

тя, как убедимся далее, на самом деле он только отказался от прежних методов. Че Гевара, на наш взгляд, являет собой самый яркий пример мессианского революционера, «апостола» революции. Таким образом, образы Тихомирова и Че Гевары можно рассматривать как «тезис» и «антитезис» и в этом «контрапункте» понять, как происходит становление революционной личности. В качестве дополнения будем обращаться и к характеристикам других выдающихся революционеров.

Начнем с анализа работы Л. А. Тихомирова «Почему я перестал быть революционером?», чтобы понять «сверхзадачу» этого типа личности, поскольку личность в человеке, в отличие от характера, всегда соотносится с целью, смыслом жизни, идеалом, наконец, «сверхзадачей», если использовать принципы школы К. С. Станиславского. В нашем случае доминантой личности является революция, т. е. коренное преобразование всех сфер жизни общества в стремлении к идеалу. Поэтому, изучив работу Л. А. Тихомирова, мы можем отчасти понять, как возникает революционная доминанта и при каких условиях от нее осознанно отказываются.

Во введении к работе автор отмечает, что «надежды на политические убийства обличают полное непонимание законов общественности. Кинжал и динамит способны только запутывать всякое положение. Распутать его способны лишь идеи – здоровые, положительные, умеющие указать России дорогу не для пролития крови, а для развития силы. Нужно иметь идею созидательную, идею социального творчества. Только тогда стоит толковать о политических вольностях» (Тихомиров, 1997, с. 13).

Существенно, что этот главный идеолог «Народной воли» не отрекается от исторического творчества (а, как мы уже говорили, идея творчества является одной из основных в революционной картине мира) и недвусмысленно указывает на то, что при наличии нового и *созидательного* проекта будущего Россию ждет расцвет. И это тоже специфические свойства революционного сознания: «Когда-то я приветствовал появление... партии <„Народная воля“>, я ей отдал все силы. Я тогда еще был революционером, но уже понимал необходимость созидания, без которого не бывает здоровых движений. В новом движении мне чудилось нечто созидательное, элементы которого я старался к нему прививать по мере своего понимания» (там же, с. 14).

Почему же все-таки автор «перестал быть революционером»? Первая причина – отказ от насилия как метода даже не по нравственным соображениям, а по политическим: «Одно из двух: или име-

ются силы ниспровергнуть данный режим, или нет. В первом случае нет надобности в политических убийствах, во втором они ни к чему не приведут. Мысль запугать какое-нибудь правительство, не имея силы его низвергнуть, совершенно химерична: правительств, настолько несообразительных, не бывает на свете» (там же). Вторая причина – отсутствие созидания в революционных партиях России того времени. Л.А. Тихомиров уходит из «Народной воли», и это закономерно потому, что в данной организации стали абсолютно невозможны революционное созидание и культурное строительство: «Уже сразу „Народная воля“ допустила такую громадную ошибку, как включение в программу деятельности разрушительной и террористической. Последующие годы еще более развили ошибку. Эту мысль я доказываю в статье подробно, с точки зрения заговорщика. Мое отрицание террора в высшей степени резко: „Если бы мне сказали, что в той или другой стране ничего не остается делать, как пускать в ход террор, я бы сильно усомнился в способности этой страны к жизни“. Однако же терроризм именно все больше развивался в партии, совершенно подрывая ее собственные силы, ее подготовительную работу, а между тем „роль настоящих революционеров – это роль не только бунтовская, но и культурная“» (там же, с. 17).

Главными причинами, препятствующими созиданию, Л.А. Тихомиров считает «сектантский» характер революционных партий: «Не уединяться, не отстаивать свое должна бы партия, а, напротив, сливаться с Россией» (там же). Автор, как станет ясно далее, призывает к «революции сверху» путем системных реформ, которую он почему-то называет «эволюцией», что приводит к определенному психологическому противоречию, поскольку «эволюция» подразумевает медленные, постепенные и незначительные изменения: «только известная эволюция в народной жизни может создавать почву для революционной деятельности. <...> Я требую единения партии со страной. Я требую уничтожения террора и выработки „великой национальной партии“... Но тогда для чего же самые заговоры, восстания, перевороты? Такая партия, о создании которой я помышлял, очевидно, сумела бы выработать систему улучшений вполне возможных и явно плодотворных, а стало быть, нашла бы силы и способность показать это и правительству, которое не потребовало бы ничего лучшего, как стать самому во главе реформы» (там же).

Не отказывается автор и «от своих идеалов общественной справедливости. Они стали только стройней, ясней» (там же, с. 18). Как следует из обращения автора к бывшим соратникам и всему россий-

скому обществу, не отрекается он и от других перечисленных выше революционных идей – развития, свободы, творчества. Однако теперь он называет себя реформатором, – на наш взгляд, прежде всего для того, чтобы провести четкую черту окончания террористического периода своей жизни: «Реформатор, если он не самозванец, должен быть умственно и нравственно выше среды, в которую приносит свет, а стало быть, он имеет силу и пересоздать ее, повлиять на нее» (там же, с. 20).

Тихомиров также убежден в том, что Россия выполняет во всемирной истории уникальное предназначение. Мы полагаем, что именно так следует понимать следующие его слова об особой миссии нашей страны: «Как много вижу я людей, не ожидающих ничего великого от будущего России, ничего, кроме какого-нибудь парламента, кое-каких вольностей, и для достижения этих пустячков они возлагают свои надежды на убийства да меры насилия... На мой взгляд, все ложно в этой прискорбной оценке положения вещей. Ложен, во-первых, ее пессимизм, потому что если есть страна, от которой можно ожидать пышного развития своеобразной культуры, – то это, конечно, Россия» (там же, с. 14).

Подводя итог рассуждениям Л. А. Тихомирова о революционере как типе личности, нельзя не увидеть, что он отказывается от своих прежних воззрений по двум причинам. Первая – «абстрактность», «доктринерство» и утопизм не только революционных партий России его времени, но и образованных кругов общества: «Наша общественная мысль переполнена всевозможными предвзятостями, гипотезами, теориями одна другой всеобъемлющее и воздушнее. Воспитание ума совершается до того на общих местах, общих соображениях, что я боюсь, не понижает ли оно скорее способности к правильному мышлению... И в связи с такой выработкой ума как часто нравственная жизнь образованного человека представляет только две крайности! Сначала безумный жар фанатика, не допускающего скептицизма, видящего в обсуждении только подлость или трусость. Но – увы! – жизнь идет своим чередом, не по теории: она безжалостно бьет мечтателя; а он, не имея в уме другого содержания, кроме логических построений, начинает сердиться на жизнь: ему кажется, что она бессовестно обманывает его. Наступает второй период – озлобленное разочарование, а иногда и мщение жизни, не умевшей оценить столь великого человека. Так появляются и самые отчаянные революционеры, так появляются и самые бессердечные карьеристы. Фантазерское состояние ума, обычное во всем среднем образованном кругу нашем, достигает высшего выражения у революционе-

ра... Действительность всецело рассматривается сквозь призму теории» (там же, с. 21–22).

Во-вторых, Тихомиров не приемлет насилие как средство общественного развития. Под насилием он понимает только террор, поскольку революционные партии Российской империи в XIX в. абсолютизировали его. Нельзя не согласиться с автором, что установка на насилие – непременная и неотъемлемая черта личности революционера, но сводится ли оно исключительно к террору? Обратимся вновь к А.С. Пушкину, который с поразительной исторической интуицией раскрыл революционную доминанту личности Петра Великого в следующих поэтических строках: «О мощный властелин судьбы! / Не так ли ты над самой бездной / На высоте, уздой железной / Россию поднял на дыбы?» (Пушкин, 1977, с. 286). М. Волошин же прямо называет Петра революционером: «Великий Пётр был первый большевик, / Замысливший Россию перебросить, / Склонениям и нравам вопреки, / За сотни лет к ее грядущим далям. / Он, как и мы, не знал иных путей» (Волошин, 1991, с. 73). Мы полагаем что в этой парадоксальной заочной полемике между революционером и царем, как ни удивительно, правы оба. До сих пор нет удовлетворительного с научной точки зрения ответа на вопрос, возможны ли революционные изменения в обществе без насилия (см., например: Снесарев, 2013).

Для сравнения проанализируем аксиологические установки одной из самых цельных, уникальных и парадоксальных фигур в плеяде революционеров XX столетия – Эрнесто Че Гевары. Это, кстати, позволит сделать и некоторые предварительные замечания о цивилизационных различиях революционного сознания в России и Латинской Америке. Обратимся к записям Че Гевары, которые по принципу контрапункта, как уже говорилось выше, можно объединить под условным названием «Как я стал революционером». Он сам прямо и искренне ответил на данный вопрос в малоизвестном выступлении на открытии курсов политпросвета при Министерстве здравоохранения Кубы 19 августа 1960 г.: «Мне хотелось преуспевать, как хочется преуспевать любому из нас. Я мечтал стать известным исследователем. Но в то время это могло бы означать только личный успех. Я был, как и все, порождением своей среды.

После окончания медфака, в силу особых обстоятельств, а может быть, и из-за моего характера, я начал путешествовать по Америке и познакомился со всем континентом... кроме Гаити и Доминиканской Республики. И благодаря этим поездкам... мне пришлось непосредственно столкнуться с нищетой, голодом, болезнями; я уви-

дел, как из-за безденежья люди не могут лечить своих детей… И тогда я увидел, что есть вещи, не менее важные, чем стать знаменитым ученым или первооткрывателем, – это помощь людям» (Че Гевара, 2004, с. 332–333).

Как мы уже указывали выше, для того чтобы выделить тип личности революционера, надо понять доминанту его сознания, определяющую его жизненный путь (по аналогии с понятием доминанты в психофизиологии). Не менее существенны и ключевые события, под которыми мы понимаем в широком смысле слова все жизненные обстоятельства, оказавшие целостное влияние на его целеполагание и смыслообразование («personal meaning» в западной терминологии).

Путешествие через всю Южную Америку, от Буэнос-Айреса до Каракаса, как можно заключить из «Дневника мотоциклиста» (Че Гевара, 2014), были чередой «ключевых событий», в которых Че Гевара наяву убедился в беспросветной бедности подавляющего большинства жителей «пылающего континента». Книга пронизана «духом» поиска «универсального лекарства» (Че был врачом) для исцеления человечества. Так формировалась доминанта его сознания – идея революционного преобразования общества. Он пришел к выводу о необходимости самоотречения, сострадания и деятельной помощи «униженным и оскорбленным», вполне в духе Евангельских заповедей. Эти идеи созвучны принципам «теологии освобождения» и удивительным образом перекликаются с оценкой революционных событий русскими поэтами, – например, с «поэтохроникой» В. Маяковского «Революция»: «Днесь небывалой сбывается былью социалистов великая ересь!» (Маяковский, 2013, с. 108).

Мы уже предполагали выше, что в революционном сознании обязательно наличествуют идеи развития, свободы и творчества. В трудах и деятельности Че Гевары наша гипотеза находит подтверждение. По его словам, «революция – это не стандартизация коллективной воли и коллективной инициативы, как пытаются доказать некоторые, – это высвобождение индивидуальных способностей человека» (Че Гевара, 2004, с. 334).

Наконец, в высшей степени присуща Че Геваре и идея мессианства, этого неотъемлемого элемента доминанты революционного сознания. Вот строки из его письма матери перед началом герильи (партизанской войны) в Боливии: «Я по-прежнему одиночка, который без чьей-либо помощи ищет свой путь. Но теперь у меня есть сознание моей исторической *миссии*… (курсив мой. – *А. С.*). Я знаю свою цель в жизни. Это не только мощная внутренняя сила, которую я всегда ощущал в себе, но также способность передать что-то дру-

гим, а также абсолютная уверенность в моем предназначении, которая избавляет меня от любой боязни» (Гросс, Вольф, 1984, с. 182)

Имеет смысл сказать несколько слов и о цивилизационных различиях России и Латинской Америки с позиций культурно-исторической теории Н. Я. Данилевского. На наш взгляд, исторические корни идеи герильи, одного из основных методов революционной деятельности в странах Латинской Америки, можно усмотреть в конкисте, когда небольшой отряд храбрецов завоевывал империи. Сам Че Гевара называл себя «конкистадором свободы» (Че Гевара, 2000). В России же и в СССР революционный процесс значительно разнообразнее. В этом отношении не потеряла свое научное значение работа В. И. Ленина, посвященная периодизации революционного движения (Ленин, 1961). Есть и еще одно существенное отличие: в Латинской Америке среди лидеров революционных движений всегда были и священники, поскольку происходило соединение христианской и революционной идей в «теологии освобождения». В России же такие попытки предпринимались, но не получили широкого распространения (Луначарский, 1926). Тем не менее, мы согласны с Н. А. Бердяевым, что основная черта русской революции 1917 г. – парадоксальное сочетание идей христианства с отрицанием Бога (Бердяев, 2006).

***

Признавая предварительность и спорность наших выводов и ожидая критических замечаний, считаем важным подчеркнуть, что размышления о революциях XX в. насущно необходимы. Если рассматривать революционную картину мира или революционное сознание с позиций исторической психологии, перед каждым исследователем неизбежно встает вопрос о возможности управления историей. Это одна из ключевых проблем наук о человеке, не решенная удовлетворительно до сих пор и являющаяся актуальным предметом междисциплинарных исследований. Что касается идеологического подхода, то на основании несомненных фактов нельзя согласиться с классическим марксизмом, определяющим «свободу как осознанную необходимость» и утверждающим неизбежность коммунизма. Ложен и основной постулат либерализма о «конце истории» и о необходимости принятия всеми его ценностей и базовых принципов.

Современный мир находится в состоянии системного кризиса, и это в первую очередь кризис духовный. Нужны качественные изменения и нестандартные решения в интересах всего общества. Победит тот, кто предложит привлекательный и революционный проект будущего. А для этого необходим объективный и неконъюнктурный

междисциплинарный анализ всех революций в истории человечества на основе как культурно-исторической парадигмы в трактовке Н. Я. Данилевского, так и марксистской методологии.

Литература

Волошин М. Россия // М. Волошин. Путями Каина. М.: Педагогика, 1991. С. 59–88.

Гросс Х.-Э., Вольф К.-П. Мои мечты не знают границ. М.: Прогресс, 1984.

Ленин В. И. Памяти Герцена // В. И. Ленин. Полное собрание сочинений: В 55 т. Т. 21. М.: ГИПЛ, 1961.

Луначарский А. В. Христианство или коммунизм: Диспут с митрополитом А. Введенским. Л.: Гос. изд-во, 1926.

Макаренко А. С. Сила советского гуманизма // Литературная газета. 1937. 30 июля.

Маркс К., Энгельс Ф. Тезисы о Фейербахе // Полное собрание сочинений: В 50 т. Т. 3. М.: Политиздат, 1955. С. 1–4.

Маяковский В. В. Хорошо! Октябрьская поэма // В. В. Маяковский. Полное собрание сочинений: В 13 т. Т. 8. М.: Художественная литература, 1958. С. 233–328.

Маяковский В. В. Революция: Поэтохроника // В. В. Маяковский. Полное собрание сочинений: В 13 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1955. С. 134–140.

Потье Э. Интернационал. М.: Художественная литература, 1939.

Пушкин А. С. Медный всадник // А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений: В 10 т. Т. 4. Л.: Наука, 1977. С. 273–288.

Пушкин А. С. Моцарт и Сальери // А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений: В 10 т. Т. 5. Л.: Наука, 1978. С. 306–315.

Динамика инновационной активности с 1700 по 1939 г. и эффект Флинна

А. А. Григорьев

doi: 10.38098/thry.2020.25.72.031

Во второй половине XIX в. начали появляться пессимистические прогнозы, согласно которым качество людей будет снижаться с каждым поколением (Lynn, 2011). Аргументация была следующей. В условиях естественного отбора более способные люди имеют больше шансов преуспеть в жизни и приобрести больше возможностей для расширенного воспроизводства, чем менее способные, которым присущ более низкий уровень жизни и в среде которых высока детская смертность вследствие недостаточного питания, высокой заболеваемости, плохого ухода за детьми. Так как успешные люди передают свои полезные свойства по наследству, доля таких людей в обществе увеличивается. Однако с развитием общества условия жизни улучшаются, что приводит к тому, что корреляция между наличием полезных свойств и уровнем воспроизводства меняет знак: люди из низших слоев общества начинают производить больше потомков, чем люди из высших слоев, результатом чего является тенденция к исчезновению полезных свойств и накоплению отрицательных.

В первую очередь эти прогнозы касались интеллекта. На основании того, что в развитых обществах имеет место отрицательная связь между интеллектом и рождаемостью (люди с низким интеллектом имеют больше детей, чем люди с высоким интеллектом), предсказывалось, что с течением времени средний интеллект населения будет снижаться (ibid.). Между тем измерения интеллекта, проводившиеся в XX в., выявили прямо противоположное: его показатели (оценки тестов интеллекта) со временем не снижались, а росли. По имени Джеймса Флинна, представившего в систематизированном виде данные о росте этих тестовых оценок (Flynn, 1987), данное явление получило название «эффект Флинна»[1].

Статья подготовлена по Госзаданию № 0159-2020-0010.

1 Об исследованиях эффекта Флинна см.: Валуева, Белова, 2015.

Некоторые исследователи, однако, высказывали мнение (и подчас подкрепляли его эмпирическими свидетельствами), что эффект Флинна вызван не действительным ростом интеллекта, а обусловлен тем, что с течением времени людям всё чаще приходится бывать в ситуации тестирования, благодаря чему они все больше в ней осваиваются, приобретают приемы угадывания ответов в заданиях со множественным выбором и т. д. – тесты со временем теряют валидность (например, см.: Wicherts et al., 2004). Эффект Флинна, таким образом, не может считаться бесспорным свидетельством роста интеллекта в XX в. Для заключения о существовании такого роста необходимо, чтобы наряду с улучшением результатов психометрических измерений наблюдалась положительная динамика и других показателей уровня интеллекта (см. также: Журавлев, Ушаков, 2009; и др.). Если же такая динамика будет отсутствовать, это станет аргументом в пользу того, что эффект Флинна не позволяет констатировать повышение интеллектуального уровня людей.

Интеллект является необходимым условием достижений в области науки и техники. Поэтому можно ожидать, что рост интеллекта населения земного шара приведет к увеличению числа таких достижений относительно численности населения («на душу населения»). В какой мере это ожидание оправдывается?

В 2005 г. в журнале «Technological Forecasting & Social Change» была опубликована небольшая статья Джонатана Хьюбнера (Huebner, 2005). Автор, в частности, посчитал ежегодное число значимых инноваций в области естественных наук и технологий, перечисленных в книге Брайана Банча и Александера Хеллеманса (Bunch, Hellemans, 2004) за период с 1455 г. относительно численности населения Земли (коэффициент инновационности). Как оказалось, максимальное значение этого коэффициента пришлось на 1845 г., после чего инновационная активность стала снижаться. Снижение было хотя и не монотонным, но определенным.

Статья Хьюбнера вызвала критику. Наиболее серьезным возражением было то, что нельзя относить количество инноваций к численности всего населения Земли, так как инновации производятся лишь частью стран, а наибольший рост населения имел место в тех странах, где они не производятся.

Отвечая на это возражение, Хьюбнер указывает, что наибольшее абсолютное число инноваций наблюдалось в 1960-е годы, а после этого имело место снижение и абсолютного, и относительного показателя (Huebner, 2006). Как подтверждение вывода о близком конце эры научно-технического прогресса (а именно таково основ-

ное заключение Хьюбнера) этот ответ представляется вполне удовлетворительным. Однако в контексте изучения эффекта Флинна данное возражение указывает на необходимость дополнительного исследования с целью получения менее уязвимых для критики данных о динамике инновационной активности[1].

В настоящей работе проводится анализ динамики инновационной активности с 1700 по 1939 г. (240 лет) в трех странах, давших миру в эти годы львиную долю всех инноваций: в большей части Великобритании (Англии, Шотландии и Уэльсе), Франции и Германии.

Метод исследования

Использовался материал из книги Б. Банча и А. Хеллеманса «История науки и технологии» (Bunch, Hellemans, 2004). В ней перечислены открытия, изобретения и другие значимые для научно-технического и технологического развития события с доисторических времен до 2003 г. События перечисляются в хронологическом порядке, с разбивкой на категории: «Антропология», «Археология» и т. д. В статье, посвященной событию, описано, а иногда и охарактеризовано само событие, и обычно, хотя не всегда, указаны лица-субъекты соответствующих действий. О большинстве этих лиц приведены более или менее полные сведения, в том числе о месте их рождения.

Для 24 десятилетних периодов с 1700 по 1939 г. (1700–1709 г., 1710–1719 г. и т. д.) было подсчитано число упоминаний о родившихся в эти периоды субъектах инновационных событий, про которых было сказано, что они родились в Англии, Шотландии, Уэльсе, Франции или Германии. В случае с Германией было проведено дополнительное уточнение места рождения некоторых лиц, поскольку в источнике страна происхождения указана чаще по современному состоянию. Например, в качестве страны рождения лиц, которые родились в находившемся на территории Германии городе Бреслау (ныне город Вроцлав в Польше), указана Польша. Мы руководствовались следующим правилом: если на момент рождения лица место его рождения входило в Германию, то страной его происхождения считалась

1 В сравнительно недавнем исследовании других авторов (Dong et al., 2016), использовавших больше источников, также было показано снижение инновационной активности в последние десятилетия, хотя согласно их данным это снижение началось позже, около 1920 г. Однако в их работе также рассматривалось отношение количества инноваций к численности населения всех стран мира.

Германия. В нашем исследовании данные по Франции и Германии были объединены, поэтому мы при анализе не учитывали случаи перехода некоторых территорий от Германии к Франции. Такие события, как избрание председателем какого-нибудь общества или присуждение Нобелевских премий, не учитывались: нас интересовали исключительно люди и их достижения, а не награды за них (в случае присуждения Нобелевских премий достижения, за которые они присуждались, как правило, уже были упомянуты).

Подчеркнем, что подсчитывались не люди и не инновационные события, а число субъектов отдельных инновационных событий, т. е. число упоминаний людей в связи с событиями. Если кто-то делал несколько открытий, то засчитывалось упоминание о каждом открытии, а если изобретение было сделано несколькими людьми и эти люди были перечислены пофамильно, то засчитывалось упоминание о каждом человеке. Однако, если люди-субъекты инновационного события не указывались, оно не засчитывалось.

Данные о численности населения Германии и Франции для периода 1820–1939 гг. были взяты из таблиц Мэдисона[1] (Maddison..., 2018), где представлены оценки для каждого года, начиная с 1820, а оценками для десятилетних периодов в данном случае стали средние для этих периодов.

Оценки численности населения для Германии периода 1700–1819 гг. были сделаны следующим образом. В таблицах Мэдисона даны оценки для 1700 г. Мы выдвинули предположение о том, что изменение численности населения между 1700 и 1820 г. было равномерным. Таким образом, оценка для каждого года получалась делением разности значений численности населения в 1820 и 1700 гг. на 120 и прибавлением умноженного на число лет между 1700 г. и годом, для которого делается оценка, результата к численности населения в 1700 г. В качестве оценок для десятилетних периодов брались полученные значения для 1705, 1715 и т. д. годов.

Оценки численности населения для Франции периода 1700–1819 гг. основывались на данных из Википедии, где представлены значения для некоторых лет внутри данного периода. В качестве оценок для десятилетних периодов использовались либо значения лет, входящих в эти периоды, либо средние значения двух лет, ближайших к центру периода.

---

1 Выражаем благодарность А. В. Карлину, указавшему нам на таблицы Мэдисона как на источник сведений о численности населения и снабдившему нас этим источником.

Так как данные для Англии, Шотландии и Уэльса в таблицах Мэдисона не представлены, оценки для них целиком основывались на данных из Википедии. Если там имелись сведения для какого-нибудь года, входящего в десятилетний интервал, в качестве оценок для этих интервалов брались они, иначе проводилась интерполяция подобно тому, как это делалось в случае Германии.

Наконец, оценки численности населения для десятилетних интервалов складывались по странам и территориям (Англия, Шотландия, Уэльс, Франция, Германия).

Результаты исследования

В таблице 1 представлены число субъектов инновационных событий, родившихся во включенных в анализ странах и территориях (Франции, Германии, Англии, Шотландии и Уэльсе), совокупная численность населения этих стран и территорий и число субъектов инновационных событий относительно численности населения (на миллион человек) для 24 десятилетних периодов с 1700 по 1939 г. На рисунках 1–2 представлены графики изменения числа субъектов инновационных событий и числа этих лиц на миллион человек населения во времени.

Распределение числа субъектов инновационных событий, родившихся на части территории Европы, по 24 периодам (см. второй столбец таблицы 1 и рисунок 1) сходно с кривой изменения коэффициента инновационности, представленной Хьюбнером (Huebner, 2005). И там,

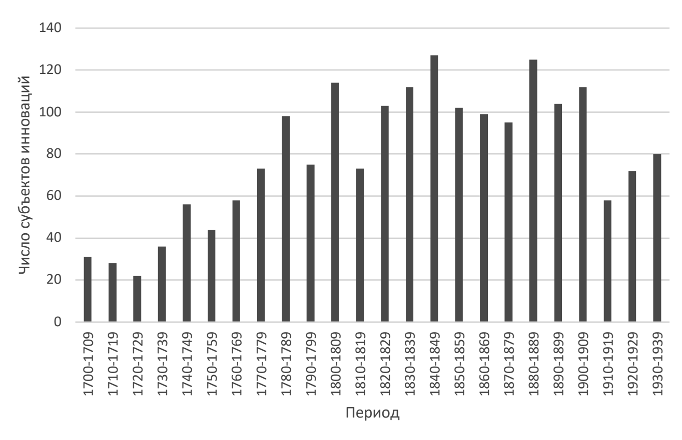

Рис. 1. Изменение числа субъектов инновационных событий в историческом времени

Таблица 1

Динамика инновационной активности во Франции, Германии, Англии, Шотландии и Уэльсе в 1700–1939 гг.

Период	Число субъектов инновационных событий	Оценка численности населения стран и территорий	Число субъектов инновационных событий на млн человек
1700–1709	31	43174782	0,718
1710–1719	28	42510459	0,659
1720–1729	22	46153454	0,477
1730–1739	36	49796449	0,723
1740–1749	56	51289445	1,092
1750–1759	44	52982440	0,830
1760–1769	58	55194722	1,051
1770–1779	73	57316390	1,274
1780–1789	98	59247444	1,654
1790–1799	75	61308999	1,223
1800–1809	114	63265298	1,802
1810–1819	73	66306671	1,101
1820–1829	103	71916735	1,432
1830–1839	112	78546028	1,426
1840–1849	127	85374256	1,488
1850–1859	102	90828866	1,123
1860–1869	99	98226459	1,008
1870–1879	95	105285136	0,902
1880–1889	125	114428684	1,092
1890–1899	104	123510715	0,842
1900–1909	112	135626259	0,826
1910–1919	58	145735460	0,398
1920–1929	72	145956306	0,493
1930–1939	80	153976260	0,520

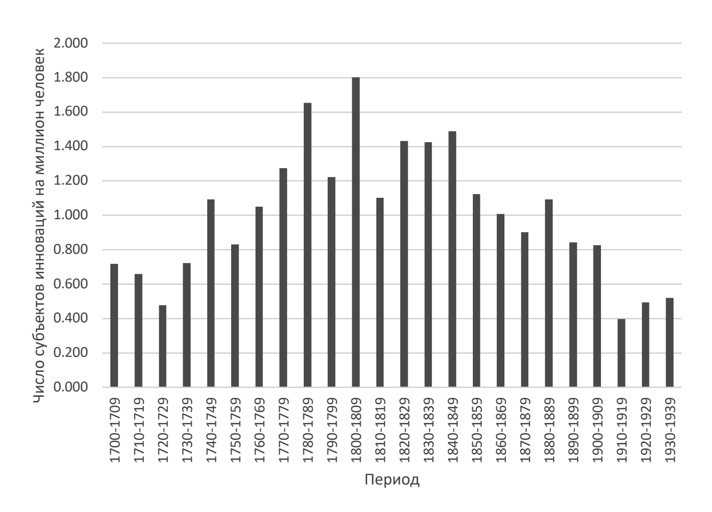

Рис. 2. Изменение числа субъектов инновационных событий на миллион человек населения в историческом времени

и там пик инновационной активности приходится на 1840-е годы. Совпадают и вторые максимумы – 1880-е годы. Динамика же числа этих новаторов относительно численности населения стран их происхождения (см. четвертый столбец таблицы 1 и рисунок 2) показывает несколько иную картину: в этом случае максимум инноваций приходится на первое десятилетие XIX в. В обоих случаях, однако, видно одно: в XX в. инновационная продуктивность снизилась (при относительном показателе это очевидней). Тот же результат мы видим у Хьюбнера. Прежде чем перейти к обсуждению полученных результатов, посмотрим, как с ними согласуется динамика другого показателя – числа инноваций в математике во всем мире с 1700 по 1999 гг.

Данные по этому показателю также были взяты из книги Банча и Хеллеманса. Подсчитывалось число лиц-субъектов инновационных событий в области математики для 30 десятилетних периодов с 1700 по 1999 г. Результаты представлены на рисунке 3.

С 1800 по 1899 г. в источнике упомянуто 148 имен, связанных с инновационными событиями в области математики, с 1900 по 1999–115 имен. В целом уровень инновационной активности в этой области за данный период снизился. Нельзя, однако, проигнорировать тот факт, что с 1970 по 1999 наблюдался заметный подъем активности. Более того, в последующие четыре года, с 2000 по 2003 г., уровень инновационной активности в математике возрос еще больше: на эти годы приходится 13 упоминаний субъектов инноваций (одно – в связи

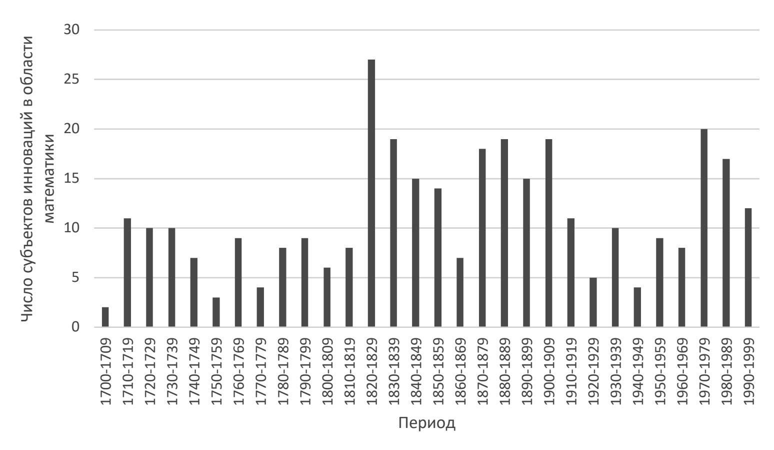

Рис. 3. Изменение числа субъектов инновационных событий в области математики в историческом времени

с присуждением Абелевской премии, но, так как она была присуждена за не упомянутые ранее достижения, данное упоминание следует учесть), что в пересчете на десятилетие даст 32–33 упоминания – больше, чем в любое из предшествующих десятилетий. Это заставляет быть осторожными с выводами. С другой стороны, следует иметь в виду и то, что при учете численности населения превосходство XIX в. над XX было бы более выраженным. Выбор оценок численности населения в данном случае затруднен: непросто разделить страны по степени инновационности. Но и при консервативной оценке роста численности потенциально инновационно активного населения разница между этими веками увеличится. Поэтому представляется допустимой следующая формулировка: результаты анализа динамики инновационной активности в области математики не противоречат результатам анализа динамики общей инновационной активности в некоторых европейских странах, подтверждающим данные других авторов о снижении инновационной активности (продуктивности) в XX в.

Обсуждение результатов

Наш анализ показал, что число достижений в области науки и техники не увеличивается не только относительно численности населения, но и в абсолютном выражении. Этот результат не противоречит данным других авторов о снижении инновационной продуктивности в XX в., ведущим – если позволить себе вслед за другим автором

(Woodley, 2012) выразиться драматично – к выводу об упадке науки. Данный вывод не согласуется с интерпретацией эффекта Флинна как свидетельства роста интеллекта: при таком росте следует ожидать не упадка, а дальнейшего развития науки.

Напротив, снижение инновационной продуктивности хорошо вписывается в контекст пессимистических прогнозов, исходящих из признания отрицательной связи интеллекта с рождаемостью. Такая связь может приводить к уменьшению доли (а скорее всего и числа) людей, способных к научным свершениям, а со временем – и к потере способности использовать имеющиеся достижения.

Безусловно, снижение инновационной продуктивности (к тому же оспариваемое) можно объяснить не только снижением интеллекта населения (см.: Huebner, 2005; Woodley, 2012). Таким образом, это снижение, даже будучи признанным, не является неоспоримым аргументом в дискуссии об интерпретации эффекта Флинна. Оно, однако, не единственный аргумент подобного рода. Так, в работе Е. А. Валуевой с соавторами было показано, что тексты художественной литературы для детей и подростков за примерно последнее столетие структурно упростились (Валуева и др., 1917). Этому также можно найти разные объяснения. Авторы предлагают одно из них, оставляющее в силе интерпретацию эффекта Флинна как свидетельство роста интеллекта. Мы, однако, склоняемся к тому, чтобы считать полученный в их исследовании результат еще одним аргументом против такой интерпретации.

***

Проведенный анализ динамики инновационной активности с 1700 по 1939 г. показал, что в XX в. произошло ее снижение. Этот результат совпадает с данными других авторов, полученными на иных показателях и материале.

Факт снижения инновационной активности в XX в. не согласуется с интерпретацией эффекта Флинна как свидетельства роста интеллекта населения стран мира. Напротив, он согласуется с прогнозами, согласно которым интеллект должен снижаться в силу его отрицательной связи с рождаемостью.

Литература

Валуева Е. А., Белова С. С. Эффект Флинна: обзор современных данных // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2015. Т. 12. № 4. С. 165–183.

Валуева Е.А., Данилевская Н.М., Лаптева Е.М., Ушаков Д.В. Феномен векового роста интеллекта: анализ художественной литературы // Психологический журнал. 1917. Т. 38. № 5. С. 18–26.

Ушаков Д.В., Журавлев А.Л. Образование и конкурентоспособность нации: психологические аспекты // Психологический журнал. 2009. Т. 30. № 1. С. 5–13.

Bunch B., Hellemans A. The history of science and technology. New York: Houghton Mifflin Company, 2004.

Dong J., Li W., Cao Y., Fang J. How does technology and population progress relate? An empirical study of the last 10,000 years // Technological Forecasting & Social Change. 2016. V. 103. P. 57–70.

Flynn J. Massive IQ gains in 14 nations: What IQ tests really measure // Psychological Bulletin. 1987. V. 101. № 2. P. 171–191.

Huebner J. A possible declining trend for worldwide innovation // Technological Forecasting & Social Change. 2005. V. 72. P. 980–986.

Huebner J. Discussion on Coates' commentary // Technological Forecasting & Social Change. 2006. V. 73. P. 906–912.

Lynn R. Dysgenics: Genetic deterioration in modern populations. London: Ulster Institute for Social Research, 2011.

Maddison Project Database. Version 2018. Bolt, Jutta, Robert Inklaar, Herman de Jong, Jan Luiten van Zanden. URL: http://www.ggdc.net/maddison (дата обращения: 24.12.2020).

Wicherts J.M., Dolan C.V., Hessen D.J., Oosterveld P., van Baal G.C.M., Boomsma D.I., Span M.M. Are intelligence tests invariant over time? Investigating the nature of the Flynn effect // Intelligence. 2004. V. 32. P. 509–537.

Woodley M.A. The social and scientific temporal correlates of genotypic intelligence and the Flynn effect // Intelligence. 2012. V. 40. P. 189–204.

История денежного обращения в аспекте решения творческих задач

И. Р. Федоркова

doi: 10.38098/thry.2020.25.72.032

Разное соотношение истории и психологии в научных исследованиях обусловило существование двух парадигм в исторической психологии. С одной стороны, изучается развитие психических явлений в историческом контексте; с другой – исторические феномены исследуются с помощью психологического инструментария. Наша работа выполнена в основном в рамках второй парадигмы: ее предметом является история денежного обращения с древнейших времен и до наших дней, объектом – психологические феномены, характеризующие процесс решения творческих задач, возникавших в ходе этой истории. В рамках первой парадигмы нами изучена система ценностей некоторых народов в результате анализа их денег как продуктов деятельности, а также реконструированы психологические портреты некоторых исторических личностей, предложивших креативные решения «денежных проблем».

В общей психологии мышление изучается как процесс постановки и решения задач, т. е. объектом мышления является сама задача, а субъектом мышления – человек, решающий ее с опорой на свои индивидуальные психологические особенности. В статье будет рассмотрено решение творческих задач в рамках истории денежного обращения с двух сторон: и с точки зрения психологических характеристик исторических персон, принимавших креативные решения в данной области, и с точки зрения анализа продуктов этого решения.

История *денежного обращения* подразумевает появление новых форм денег: общеисторических (товарные деньги, монеты, бумажные деньги, кредитные карты, криптовалюты) и частных проектов отдельных стран (нестандартные деньги). Творческое мышление запускается появлением проблемной ситуации, перерастающей в творческую задачу с конкретными целями, и завершается принятием решения – появлением нового продукта деятельности (конкретной формы денег).

В предметном поле нашего исследования встретятся разные науки с их специфической терминологией: *общая психология* (мышление, проблемная ситуация, креативность, задача, деятельность, мотив, цель), *история* (исторические события, биографии), *нумизматика* (денежное обращение, эмитент, монета, банкнота), *экономика* (деньги, товарообмен), *семантика* (смысловое значение единиц языка).

Стандартные формы денег как результат решения творческих задач

История денежного обращения является примером творческой деятельности людей по созданию совершенной системы товарообмена В условиях произошедшего разделения труда, с целью получения нужного товара люди использовали натуральный обмен до момента возникновения проблемной ситуации: невозможности осуществить обмен имеющегося товара на желаемый. Проблемная ситуация запустила процесс мышления, и перед людьми встала творческая задача – найти универсальный товар, к стоимости которого можно было привязать стоимость других товаров.

Найденные товарные деньги можно условно разделить на универсальные и локальные. Универсальные использовались как платежное средство по всему миру (скот, золото, соль), локальные были в ходу на какой-то определенной территории и отражали систему ценностей конкретного народа (например, какао-бобы – в Южной Америке, мех белки и куницы на территории славянского мира, сыр-пармезан – в Италии) (Федоркова, 2017).

Товарные деньги могли использоваться в двух аспектах: и как платежное средство, и по своему прямому назначению (сшить из шкурки шапку, съесть сыр, приготовить из какао-бобов «божественный» напиток – чоколатль).

Одним из первых товаров-денег был скот. Герои «Илиады и Одиссеи» осуществляли платежи при помощи быков, коров, овец, а в Древней Руси княжеская казна называлась «скотница». Вместе с тем скот как платежное средство имел существенный недостаток – не обладал делимостью и потому не мог быть использован при оплате мелких покупок.

Еще один универсальный «денежный товар» – золото. На протяжении первых 4000 лет после начала его добычи до н. э. в Египте золото использовалось только для украшения дворцов и храмов; на изготовление орудий труда и оружия этот металл не годился, так

как он тяжелый и легко деформируется. С VII в. до н. э. и до 1978 г. золото было монетарным, т. е. выступало в качестве денег. С 1978 г. оно утратило монетарную функцию, продолжая оставаться ценным товаром (Марфунин, 1987). Несмотря на непреходящую ценность золота, в широком обращении оно использоваться не могло из-за относительно малого количества. Следовательно, люди продолжили поиск универсальных товарных денег. К моменту принятия окончательного решения сформировались четкие свойства искомого товара: *всеобщая ценность* (нужен всем); *относительная редкость* (редко встречается, непросто добыть); *сохранность* (не портится); *делимость* (легко делится на части без потери свойств товара). Всем этим свойствам соответствовала соль.

Соль – символ вечности, постоянства, нетленности; неслучайно данное слово считают однокоренным слову «солнце», а в истории существовала и прямая связь этих понятий: у древних римлян был бог солнца Соль, у древних славян – Солонь, у скандинавов соль выступала персонификацией солнца, символом вечной жизни, света и величия, в древнем городе Пальмира находилась огромная статуя почитаемой богини Аллад, у подножия которой заключались важные торговые сделки, скреплявшиеся фразой: «Клянусь солью, огнем и Аллад». Интересным является тот факт, что на первом месте в клятве, как гарантия надежности договора, стоит именно слово «соль». Из Священного Писания мы узнаем, что Иисус Христос называл учеников «солью земли» и «светом миру». Поскольку соль очищает, придает вкус и предохраняет от гниения, апостолам предстояло очистить, предохранить от гибели души людей, придать вкус их жизни, наполнив ее знаниями. В то же время они, как маяки во тьме, указывали людям путь к Богу.

Соль – символ прочности, надежности. В знак доброго отношения к человеку его встречают «хлебом-солью», а про крепкую, нерушимую дружбу говорят: «Мы вместе пуд соли съели». Неслучайно в народе появилась примета: «Рассыпать соль – к ссоре» (рассыпать соль – значит утратить отношения: ведь рассыпанную мелкую соль трудно собрать). А народная примета «Соль дружбы упала» напрямую свидетельствует о нарушении прочности связи.

В 309 г. император Константин Великий впервые эмитировал в Византии золотую монету «солид» (в переводе – «твердый, прочный, надежный»). Эти монеты послужили прототипом первых монет на Руси – златников Владимира Великого (X в.). В русском языке есть созвучное слово «солидный». Используя его в сочетании со словами «человек», «знания», «учреждение» и т. п., мы подразумеваем

надежность, незыблемость, устойчивость этих объектов или явлений. Термин «солидарность» напрямую указывает на общность интересов, прочность связей между людьми, соединение сил разных участников для решения общих задач.

Соль на протяжении многих веков выступала надежным платежным средством, так как, кроме утилитарных свойств, обладала сакральным значением.

Следующая глобальная проблемная ситуация в истории денежного обращения возникла в период активного создания городов-государств. Перед человечеством встала очередная задача: оптимизировать процесс товарно-денежных отношений в период появления большого числа государственных служащих, нуждающихся в оплате труда. Служащим, в свою очередь, деньги требовались для покупки товаров в лавках, на рынках. Очевидно, что 25-киллограммовые слитки-таланты, служащие для накопления богатства и совершения масштабных покупок, для этой цели не годились. Появившиеся в VII в. до н. э. в Малой Азии (Лидия) первые монеты стали, по сути, маленькими индивидуальными денежными слитками, предназначенными для обслуживания феномена городской жизни. С тех пор монета как форма денег не утратила своей актуальности, а ее исчезновение из обращения является индикатором существования в обществе социально-экономического кризиса[1].

В X в. возникла очередная проблемная ситуация, проявившаяся как локальная, но ставшая впоследствии мировой. Провинция Сычуань в 993–994 гг. решила отделиться от Китайской империи. Император, подавив восстание, наказал мятежников, запретив им использовать в обращении самую представительную в Китае бронзовую монету (Ивочкина, 1990). Возникла проблема с транспортировкой разрешенных к обращению тяжелых чугунных денег, связки которых достигали в весе 20 килограммов. Креативное решение было принято сычуаньскими купцами: они стали оставлять друг у друга тяжелые монеты, а взамен писать расписки, в которых обозначалась конкретная сумма. Обратный обмен мог быть произведен в любое время. Император оценил изобретение купцов, и с 1053 г. в Китае появились официальные государственные бумажные деньги. В Европе бумажные деньги появились в конце XVII–XVIII вв., в России

1 Например, в России с 1914 по 1921 гг. в обращении отсутствовали монеты, даже копейки выпускались в виде бумажных билетов. В Германии в период экономического кризиса после поражения в Первой мировой войне выпускались керамические монеты. В Манчжурии в 1944 г. вместо металлических использовались кожаные монеты.

в 1769 г. Причина была та же: бумажные деньги выступили заменителями металлической монеты (в России – медной).

Нестандартной оказалась ситуация, в ходе которой появились бумажные деньги в США. Жители британской колонии Массачусетс периодически нападали на колонистов французской колонии Квебек; часть добычи шла на оплату «труда» исполнителям. В 1690 г. колонисты Квебека отразили атаку, и массачусетцы вернулись домой без добычи, но потребовали выплатить гонорар. Правительство пыталось занять деньги у бостонских купцов. Те отказали, и тогда оно выпустило бумажные деньги с обещанием в ближайшее время обменять их на золото. Обмен состоялся только спустя 40 лет, очевидно, что большей части держателей этих бумажных денег тогда уже не было в живых (Ротбардт, 2009). Интересно, что и в современной истории можно заметить «следы» первоначальных американских установок, приобретенных еще в период зависимости от метрополий: доминирование хищнического способа добычи материальных благ, выпуск необеспеченных денег.

Появление новой формы денег – кредитных карт – ознаменовало переход к безналичному расчету. Замысел появился в XIX в., первая (тогда еще картонная) карта вышла в свет в 1914 г. и была предназначена для оплаты сделок по нефтепродуктам, затем были в ходу металлические, а ныне – пластиковые карты. Однако прообраз современных кредитных карт существовал еще в средневековье. Орден тамплиеров (XII–XIV вв.) обладал большим количеством ценностей, имел конторы в разных городах Палестины и Европы. Тамплиеры получили от Папы Римского разрешения заниматься финансовыми операциями, в том числе ссудными. Для удобства расчетов они использовали куски кожи, на которых наносились данные о вкладчиках и отпечатки их пальцев. Таким образом, человек мог получить средства в любой конторе Ордена, путешествовать налегке и быть защищенным от ограблений. Но тогда это креативное решение значительно опередило свое время; после уничтожения Ордена про подобного рода карты забыли на долгие 600 лет.

Рассмотренные выше примеры деятельности людей по оптимизации товарообмена были вызваны назревшими в процессе денежного обращения объективными проблемными ситуациями. Появление «цифровых денег» – криптовалют (биткоинов и др.) – представляется в большей степени субъективным нововведением: ни реальные мотивы их создания в 2008 г., ни создатели не известны (Сатоши Накамото – аноним). Данная платежная система имеет следующие достоинства: возможность мгновенного перевода денег в любую точ-

ку земного шара; перевод без посредников, минуя банки; отсутствие комиссии за переводы; наличие очень мелких номиналов (самая маленькая – сатоши – одна стомиллионная часть). Однако есть и существенный недостаток: за этими деньгами никто не стоит и их потерю никто не возместит. Так было в истории с сайтом mtgox – биржей для хранения биткоинов, официально зарегистрированной в Японии, но работавшей в США: 127 тыс. человек, владельцев биткоинов, в один из дней не смогли войти на сайт и потеряли все свои средства. Анонимность криптовалют может способствовать развитию «теневой экономики». Таким образом, несмотря на интересную форму, данные деньги не очень надежны по содержанию.

Из новых современных проектов денег особый интерес представляет иткоин (от *татар.* «ит» – мясо) – татарстанская криптовалюта. Курс иткоина привязан к курсу стоимости мяса племенных бычков. Таким образом устраняется недостаток криптовалют – необеспеченность товаром. Иткоины были запущены в оборот под эгидой Министерства экономики Республики Татарстан. Механизм их работы следующий: владелец выкупает бычка, и благодаря чипу отслеживается состояние веса животного с монитора компьютера. Один иткоин равен одному рублю: в зависимости от привеса бычка растет и прибыль владельца; после отправки бычка на мясокомбинат владелец получает причитающуюся ему сумму (Иткоин – татарстанская валюта..., 2017). Примечателен факт, что иткоин является синтезом самых древних товарных денег (скот) и самых современных цифровых денег (криптовалюта).

Нестандартные формы денег как результат решения локальных творческих задач

Нестандартные формы денег являются частными примерами креативных решений и, как правило, служат преодолению конкретно-исторических проблемных ситуаций отдельных стран и народов, отражая, как правило, систему их ценностей.

О деньгах с острова Яп, камнях Раи (Фэи), каменных дисках (от 10 сантиметров до 3–4 метров в диаметре) с отверстием в центре, часто говорят как о примитивных деньгах (такое мнение обозначено не только в популярных изданиях, но и в научно-методической литературе по экономике) или как о деньгах первобытных, ассоциируя их с изделием каменного века. Изучение данного вопроса позволило нам опровергнуть оба тезиса. Камни Раи – не первобытные, так как бытуют с XV в. до наших дней; не примитивные, так как яв-

ляются одной из самых совершенных денежных систем, придуманных человечеством: они защищены от подделки, кражи, инфляции, обесценивания.

Сегодня на острове Яп для повседневных платежей применяются доллары США, в то время как камни Раи могут использоваться только для самых значительных покупок. Камни Раи – символ острова: они изображены на его гербе, флаге, почтовых марках и даже на автомобильных номерах штата Яп. Для япцев камни Раи – это память о предках, с риском для жизни добывших и доставивших эти деньги с острова Палау. Критерием ценности являлись вес, размер и самое главное – количество сил, затраченных на изготовление и перевозку этих денег: если в процессе их изготовления или перевозки по воде на плотах человек погибал, то каменный диск, из-за которого он погиб, сразу возрастал в цене. На Палау япцы проводили от нескольких месяцев до года, и из экспедиции возвращались не все.

Камни Раи изготавливались из кристаллического известняка – арагонита, которого не было на острове Яп; следовательно, каждый желающий не мог изготовить такие деньги, и это служило защитой от фальшивомонетничества.

Система защиты от краж была многоуровневой. Камни считались священными, и прикасаться к ним могли только хозяева. Если допустить существование япца, для которого были не святы традиции предков, то для таких людей включался следующий уровень защиты: человек не мог расплатиться чужим камнем Раи в пределах острова Яп по нескольким причинам. Во-первых, все знали, кто является владельцем конкретного камня, и каждый камень имел собственное имя. Во-вторых, все камни были учтены, на каждом находился знак владельца, который заменялся на знак нового хозяина только в случае совершения официальной сделки (рядом с камнем и при свидетелях). В свою очередь грабителям-чужакам эти деньги были неинтересны, так как имели локальное значение. Поэтому и хранятся они до сих пор не в сейфах за закрытыми дверями, а под открытым небом в пальмовой роще. Они стоят по обе стороны от дороги, образуя «аллею каменных денег». Даже затонувшие камни Раи до сих пор имеют своего хозяина и принимают участие в денежном обращении.

Зная об особом отношении япцев к камням Раи, японцы, хозяйничавшие на острове в промежутке между Первой и Второй мировыми войнами, устраивали «показательные разрушения» священных камней с целью устрашения аборигенов и установления режима послушания. Они также продавали эти необычные деньги коллек-

ционерам из разных стран. Вероятно, поэтому с 1946 г., после ухода с острова японцев, был установлен запрет на вывоз данных камней за границу.

Когда ирландский авантюрист-путешественник Дэвид О'Киф, ставший на время царем острова, наладил изготовление камней по новой, облегченной технологии (взрывая скалы), япцы отказывались принимать такие деньги. Ведь для них каждый камень имел свою историю, свою индивидуальную стоимость, был изготовлен по древней технологии предков – высечен из скалы, и был ценнее многих сокровищ. Эти камни с полным правом можно назвать «деньгами отваги». Деньги, имеющие такую ценность, не материальную, но морально-нравственную, даже духовную (япцы называли их «священными»), поскольку она определяется исторической памятью народа, трудно связать с осуществлением спекуляций и жульничеством. Они никогда не обесценятся, так как с XIX в. прекратилась их эмиссия. Можно предположить, что с каждым годом их ценность будет только возрастать.

История, к сожалению, не сохранила имени автора идеи создания каменных денег на острове Яп. Но деревянные деньги-рейки, деньги-карты (игральные) и деньги-этикетки (винные) имеют реальных авторов – людей, которых можно назвать обладателями высокой степени креативности. О них и пойдет дальше речь.

В Англии в XI в. правил король Генрих I (младший сын Вильгельма Завоевателя) по прозвищу Боклерк («хорошо образованный»). Хорошее образование для правителей того периода в Западной Европе скорее было исключением, чем правилом, многие из них были неграмотны. У Генриха было два старших брата, шансов стать королем практически не было, поэтому его готовили к должности главы Церкви. В связи с этим Генрих много читал и был образован гораздо лучше, чем его братья.

Реконструированные на основе изучения биографии личностные черты Генриха I таковы: неприветливый, жесткий, скупой (наследственные черты Вильгельма Завоевателя), хороший дипломат (старался добиваться победы без кровопролития или малой кровью); в быту был непритязателен; обладал хорошим чувством юмора; любил экзотических животных (организовал зверинец, среди любимцев был дикобраз). О наличии у Генриха продуктивного мышления свидетельствует большое количество проведенных им важных реформ. Можно констатировать факт, что его политические мероприятия далеко опережали свое время (фактически соответствовали периоду Нового времени). Поощряя городское самоуправление, он предоста-

вил ему право самостоятельного сбора и уплаты налогов в королевское казначейство. Шерифы графств стали представлять интересы не местных баронов, а короля, превратившись, по сути, в королевских чиновников. Генрих I поддерживал развитие торговли, ремесла, даруя привилегии городам и купеческим гильдиям, утвердил уставы первых ремесленных цехов.

Придя к власти, он столкнулся с проблемной ситуацией: все финансы находились в руках ростовщиков и менял, в то время как королевская казна была пуста. Король принял оригинальное решение: ввел в денежное обращение систему мерных реек. Деньги-рейки – tally sticks («палки-бирки», или «счетные палки») – изготавливали из орешника. Они имели длину около 20 см. Насечки, толщина и ширина бирок обозначали номинал: широкие бирки – фунты, узкие – пенни. Целую рейку со всеми изготовленными насечками расщепляли вдоль на две части с отрубом в районе «рукоятки». В результате получалась длинная часть с рукояткой (stock), и короткая часть (foil): одна часть отдавалась в обращение, вторая оставалась в казначействе. По совпадению этих частей проводился контроль подлинности. Считалось, что из-за фактуры орешника подделка была невозможна.

Возникает вопрос: станут ли использовать в качестве денег странное изделие из дерева, если в обращении находились серебряные монеты? Оригинальность решения заключалась в том, что король распорядился принимать налоги в казну только деньгами-рейками. Поскольку все граждане Англии были налогоплательщиками, они должны были покупать деньги-рейки в казначействе, тем самым пополняя казну короля серебряной монетой. До наступления срока уплаты налогов владельцы длинных частей (stock) могли расплачиваться ими с другими налогоплательщиками. Так деньги-рейки прочно и надолго вошли в обращение (на целых 728 лет: с 1098 по 1826 гг.). Можно констатировать факт: Британская империя, распространившая свое влияние на весь мир, выросла именно на деньгах-рейках.

Еще один случай креативного решения «денежной проблемы» произошел в Новой Франции – французской колонии в Канаде. В 1685 г. туда должен был прибыть из Франции корабль с деньгами. По какой-то причине деньги не были доставлены и, чтобы спасти ситуацию, интендант колонии Жак де Мёлль реализовал оригинальную идею: он собрал у колонистов игральные карты, присвоил им различные номиналы и поставил на них печать и свою подпись. Изначально эти деньги предназначались для оплаты жалования военным, но далее распространились на всю территории колонии, использовались всеми ее жителями.

Решение де Мёлля интересно с точки зрения разных факторов, практических и психологических. Во-первых, игральные карты – атрибут, находившийся в активном использовании местным населением, поэтому не составило труда внедрить их в качестве денег (умелый прием воздействия на аудиторию). Во-вторых, они были выполнены на плотной бумаге и могли относительно долго служить. В-третьих, на картах были фактически обозначены номиналы цифрами, и ранг картинок был понятен всем, самой крупной денежной единицей являлся «туз». Следовательно, Де Мёлль обошелся минимальными затратами при максимальной пользе для дела. Можно предположить, что, наладив таким образом ситуацию, интендант разрешил кризис и предотвратил возможный социальный взрыв (не стоит забывать, что в Новый Свет ехали люди авантюрной направленности, отважные, способные к экстренным действиям, «взрывоопасные»).

Карты с некоторыми перерывами были законным платежным средством в Новой Франции с 1685 по 1763 гг. Они использовались с 1685 по 1686 гг., вероятно, до прихода судна из Франции, а затем после небольшого перерыва еще 30 лет (с 1689 до 1719 г). Отмена денег-карт вызвала кризис в 1730 г., и система была восстановлена в третий раз. Только в 1763 г. деньги-карты окончательно вышли из обращения. Таким образом, идея, предложенная для экстренного преодоления финансового кризиса, реализовывалась на постоянной основе практически 80 лет. В память об этом на Канадском Монетном дворе в 2008 г. был отчеканен набор памятных серебряных монет улучшенной чеканки номиналом 15 долларов с нанесением цветного рисунка, изображающего деньги-карты: «Червовый валет», «Пиковая дама», «Пиковая десятка», «Червовый король».

Похожий способ выхода из кризисной ситуации был изобретен в Якутии в XX в. После революции 1917 г. в ее отдельных регионах наблюдалась нехватка наличных денег (вероятно, совсем перестали поступать деньги из центра). Алексей Алексеевич Семёнов, в то время еще частный предприниматель (с 19231933 гг. – нарком финансов Якутии), по собственной инициативе в 1919 г. ввел в обращение денежные суррогаты – винные этикетки, имевшиеся в большом количестве на складах. В дореволюционной России вино разливалось в бутылки без этикеток, их выдавали при продаже отдельно как подтверждение качества напитка. Яркие этикетки были знакомы населению. Понятным для них было и ранжирование вин в зависимости от качества и цены. Самое дешевое – «Мадера», поэтому на соответствующей этикетке был обозначен номинал «1 рубль», «Ка-

гор» – 10 рублей, «Опорто» – 25 рублей. Надписи на каждой этикетке Семёнов делал собственноручно: «Предъявитель имеет получить от Якутского Т-ва розничной торговли 1 рубль. Уполномоченный Т-ва А. Семёнов» (Розенберг, 1964). Подлинность денег обеспечивалась печатью организации и личным ручательством А. А. Семёнова: почерком, подписью, штемпелем.

Эти деньги сохранились благодаря А. М. Горькому в его личном архиве. А. М. Горький и А. А. Семёнов познакомились на Капри в 1912 г., с тех пор состояли в дружеской переписке вплоть до самой смерти писателя в 1936 г. Горький писал о Семёнове: «Он один из самых бескорыстных людей, встреченных мною за всю мою жизнь. К деньгам и вещам у него органическое презрение, он любит только книги, а больше их – работу» (Горький, 1960, с. 59).

Изучив биографию А. А. Семёнова, мы составили следующий его психологический портрет. Центральными чертами характера Алексея Алексеевича были *высокие познавательная потребность и познавательная активность.* Он происходил из крестьянской семьи, рано остался сиротой, и тот факт, что в 15 лет юноша сумел окончить училище и устроиться работать письмоводителем к судье, говорит о его хорошей способности к обучению и высоком уровне интеллекта[1].

Еще в юности Семёнов заинтересовался международным языком эсперанто и по собственной инициативе выучил его. Будучи уже взрослым человеком, главой семьи (жена и трое детей), он осуществил тестирование языка оригинальным способом: отправил телеграмму на эсперанто в английскую фирму, торгующую замороженными продуктами, сообщая, что может поставлять им замороженных рябчиков. Рябчиков у него не было, но пришедший из Англии ответ о незаинтересованности в предложении был написан на эсперанто, что очень обрадовало Семёнова, так как он убедился в реальном существовании языка. Впоследствии он объехал практически всю Западную Европу, находил людей, владеющих эсперанто, и общался с ними.

Анализ переписки Семёнова с Горьким свидетельствует о том, что Алексей Алексеевич всегда был вооружен новыми идеями и проектами: «Я уже увлекся новым делом: изучаю графики уровня воды в Алдане за 4 года... для рационализации маневрирования судов» (там же, с. 61); «Когда приеду к Вам, я попрошу у Вас уделить мне

1 Семёнов и внешне был ярким, незаурядным человеком: Горький писал о нем как о «полурусском, полуякуте», в глазах которого сияли «любопытство, проницательность исследователя и чувство „радости бытия“» (Горький, 1960, с. 57–58).

вечер, чтобы пересказать, что хотелось бы сделать...» (там же, с. 68). Еще через несколько лет читаем в письме об обещании Семёнова явиться зимой в Москву «с прожектами...».

Известный ученый С. В. Обручев[1] в своей книге назвал Семёнова «крупным местным общественным деятелем и отчасти фантастом», так как Алексей Алексеевич хотел перенести столицу Якутии в новое место, на 100 километров южнее, ближе к новой дороге на Алдан, и «на юрских утесах... строить небоскребы, которые, как думает Семёнов, требует блестящее будущее Якутии» (Обручев, 1928, с. 25). Действительно, говорить о строительстве высотных зданий на севере в то время было бы фантастичным, однако эта идея реализовалась в наше время.

В период визита в Петербург Семёнова впечатлили трамваи, и у него возникла интересная идея: списанные трамваи утеплить изнутри шкурами, поставить на полозья, впрячь в упряжку оленей и организовать доставку людей из Якутска в Иркутск. Петербургские чиновники с удивлением посмотрели на необычного человека из Якутии и списанные трамваи ему не дали, а жаль: идея была замечательная.

Во всех приведенных эпизодах в полной мере проявился феномен креативности личности Семёнова, названный Д. Б. Богоявленской «интеллектуальной активностью». Этот человек не просто реализовал цели, как «репродуктивы», и не просто пытался оптимизировать способ решения задач, как «эвристы», – он практически всегда ставил перед собой новые познавательные задачи в тех ситуациях, когда от него этого никто не требовал, по собственной инициативе, как это делают «креативы» (Богоявленская, 2002).

Талантливый организатор и исполнитель угадываются в Семёнове по стремительности его профессионального роста. В 16 лет (1898) он еще был мелким служащим в конторе Торгового дома, через 5 лет стал бухгалтером (в 21 год), через 10 лет (в 31 год) – управляющим Торговым домом.

Семёнов отличался *широтой интересов*. Он написал много статей, проблематика которых достаточно обширна: водоснабжение Якутска; строительство дорог; необходимость прокладывания железной дороги; благоустройство городов; почтовая связь; снабжение приисков; постройка пристани и водохранилища. Целью его деятельности было материальное благоустройство Якутии, а также культурное

---

1 С. В. Обручев – ученый-геолог, член-корреспондент АН СССР (1953), лауреат Сталинской премии I степени (1946); его именем названы горы, горные хребты, два полуострова, мыс, ручей, ледник.

и научное развитие региона. Еще до революции он стал выпускать первую в Якутии газету, познакомил местных жителей с кинематографом, создал футбольную команду, открыл первую оранжерею. Семёнов был активным участником Русского географического общества, снаряжал экспедиции с целью изучения Сибири. Открыл на своем руднике первую метеостанцию.

Еще одной важной чертой его характера была *честность*. Так, работая в юности письмоводителем в суде, Алексей Алексеевич, увидев несправедливость и взяточничество, ушел от судьи (несмотря на то, что был сиротой и помощи ждать было неоткуда) и уехал в деревню учить детей грамоте.

Одной из ключевых характеристик продуктивности мышления человека является прогнозирование (Брушлинский, 1979). Семёнов часто *опережал мыслью ход событий:* например, о добыче золота на Алдане и Колыме он начал говорить за 10 лет до официального открытия месторождений.

Семёнов был инициатором многих проектов, в том числе телефонной и электрической станций в Якутске, для этого долго преодолевая сопротивление «отцов города». О *высокой волевой организации* его личности, о его *смелости в принятии решений* говорит тот факт, что, ставя пред собой цели, этот человек всеми силами пытался достичь их и в большинстве случаев одерживал победу. Так, например, в 1923 г. Семёнов самостоятельно подготовил архитектурный проект города Томмот взамен проекта, созданного профессиональным архитектором, так как тот погнался «за красотой на бумаге и не учел всех условий» (Горький, 1960, с. 72). В итоге город был построен по проекту Семёнова.

В 1922 г. образовалась Якутская АССР, и с 1923 по 1933 гг. А. А. Семёнов был народным комиссаром финансов Якутии. Из переписки с Горьким мы узнаем, что Семёнов не искал этой должности и принял ее как необходимость. Ему хотелось исследовать неизведанные тропы, а пришлось расклеивать плакаты о займах. Но даже будучи на этом посту Семёнов продолжал проявлять креативность, в том числе печатал деньги-суррогаты, уже не винные этикетки (Розенберг, 1964), за что Москва ему «шею мылила» (Горький, 1960, с. 70).

Ориентация на другого была центральной жизненной установкой А. А. Семёнова. В 1905 г. он создал профсоюз торговых служащих, и когда в кассе денег не хватало, вкладывал свои. В 1913 г. Семёнов, став управляющим фирмой, не переставал быть душой коллектива, в лучших традициях русского купечества приучил молодых работников к чтению, занимался благотворительной деятельностью: заботился

о детских приютах, устраивал спектакли, концерты, лотереи. В период Гражданской войны он сохранил крепостную башню XVII в., которую местные жители пытались разобрать на топливо. Этот щедрый человек купил башню у города, отдав взамен собственную дачу, и каждый день следил за тем, чтобы ее не разорили, сохраняя ее для потомков. А. А. Семёнов при любой власти продолжал служить людям. После освобождения от должности наркомфина он создал транспортную контору, продолжая строить дороги. Разрабатывал план создания сельскохозяйственного округа для Алданского золотопромышленного района, он ездил в Москву, добивался поставки продовольствия.

Семёнова отличала *позитивная жизненная установка*. Он писал о себе: «чем бы ни был: пастухом, учителем, предпринимателем, наркомом, караульным – всегда интерес к миру будет заставлять забывать личные неудобства, и я надеюсь оставаться всегда жизнерадостным» (там же, с. 80).

В 1937 г. Алексей Алексеевич Семёнов был арестован по делу «якутской буржуазно-националистической организации», объявлен японским шпионом и в 1938 г. расстрелян, в 1967 г. посмертно реабилитирован.

Итак, Алексей Алексеевич Семёнов по широте охвата и результатам своей деятельности был, безусловно, *творческой личностью,* сочетавшей интересы к науке, искусству, промышленному развитию и просветительству. Будучи крупным предпринимателем, а затем чиновником, он строил театры и открывал библиотеки, пел и играл на разных музыкальных инструментах, придумал и реализовал множество уникальных проектов в сфере экономики и культуры. А. А. Семёнов был человеком неиссякаемого трудолюбия, обладал высоким уровнем интеллекта, жизнелюбием и радостным взглядом на мир, был целеустремленным, всегда ориентированным на будущее, отличался высокой мотивацией, инициативностью, выдающимися организаторскими способностями, бескорыстием и человеколюбием.

***

Историю денежного обращения можно охарактеризовать как деятельность людей по созданию совершенной системы товарообмена, процесс решения творческих задач, предполагающий преодоление проблемных ситуаций и принятие креативных решений. Так произошло, например, появление товарных денег в ситуации затрудненного обмена; так появились монеты как важная черта городской жизни; так возникли бумажные деньги в ситуации поиска портативной денежной системы.

В ходе проведения исследования был выявлен основной принцип истории денежного обращения – «эволюция без инволюции». Он означает, что новое появляется, но старое при этом не исчезает. Каждый совершающийся переход на новый этап финансовых отношений с появлением новых форм денег не предполагает отмену старых форм, и все изобретенные человечеством виды денег продолжают существовать. Возможно, в каких-то далеких уголках земли еще до сих пор используют товарные деньги. Применяют их и в кризисных ситуациях (в России в 1921 г. – соль, в Германии в это же время – каменный уголь, в 2008 г. на Соломоновых островах – ракушки).

Деньги многоаспекты с точки зрения формы и содержания. Товарные и символические; универсальные и локальные, они могут иметь объективную ценность с точки зрения внутреннего содержания, т. е. ценности самого товара (соль, золото), или ценность субъективную, придаваемую им народом, при этом не имея объективной ценности (например, каменные деньги как память о подвиге предков, бумажные деньги как доверие к государству или конкретному человеку). Некоторые деньги имели и объективную, и субъективную ценность, – например, соль, обладавшая значимостью как товар и имевшая сакральную символику.

Мотивация деятельности по внесению изменений в процесс товарообмена может быть внутренней, вызванной реальной потребностью, назревшей в процессе денежного обращения, или внешней, привнесенной извне, при отсутствии существенной объективной потребности к изменениям. В критических ситуациях могут быть использованы экстренные меры для стабилизации товарообмена путем принятия нестандартных решений и введения в денежный оборот неожиданных предметов – денежных суррогатов (деньги-игральные карты, деньги-винные этикетки).

Креативные решения в истории денежного обращения могут быть разного характера: например, появление форм денег, значительно опередивших свое время (карты тамплиеров) или деньги, созданные на основе синтеза древних и современных форм (иткоины).

Наличие и характер некоторых форм денег могут свидетельствовать о существующих социальных или психологических явлениях. Например, наличие монеты в денежном обращении является показателем социально-экономической стабильности, а выбор на постоянной основе в качестве денег игральных карт косвенно отражает авантюризм как характерную черту системы ценностных ориентаций жителей Нового Света в конкретный исторический период.

Сопоставив психологические портреты Генриха I и Алексея Алексеевича Семёнова, живших в разные эпохи и в разных странах, можно выделить кардинальные различия их личностно-эмоциональных характеристик. Английскому королю были присущи угрюмая неприветливость, жесткость, ориентация на себя. А. А. Семёнов, напротив, обладал радостным отношением к миру, доброжелательностью, ориентацией на других, активно занимался благотворительностью. Генрих I проявлял нравственную распущенность (у него было от 20 до 25 внебрачных детей), а А. А. Семёнов был добрым семьянином. Однако, несмотря на эти противоположности, у этих двух исторических личностей имеются некоторые общие черты, характерные для людей, способных к принятию креативных решений, а именно: высокий уровень познавательной потребности и активности, любовь к чтению, способность к принятию решений, опережающих время (предвосхищение, стратегическое мышление), выраженные волевые характеристики личности, широта интересов. Поскольку совпадение характеристик выявлено в области когнитивных и волевых черт, можно предположить, что именно выделенные качества являются общими и наиболее значимыми для креативных людей.

Литература

Богоявленская Д. Б. Психология творческих способностей. М.: Academia, 2002.

Брушлинский А. В. Мышление и прогнозирование. М.: Мысль, 1979.

Вольневич Я. Люди и атоллы. М.: Наука, 1986.

Горький А. М. О единице // Новый мир. 1960. № 11. С. 57–86.

Ивочкина Н. В. Возникновение бумажно-денежного обращения в Китае: Эпохи Тан и Сун. М.: Наука, 1990.

Иткоин – татарстанская валюта, которая «мычит» // Банкноты стран мира. 2017 № 8. С. 12–13.

Марфунин А. С. История золота. М.: Наука, 1987.

Обручев С. В. В неведомых горах Якутии: открытие хребта Черского. М.–Л.: Государственное издательство, 1928.

Розенберг Л. Историю рассказывают деньги // Наука и жизнь. 1964. № 3. С. 91–96; № 4. С. 97–101; № 5. С. 102–104.

Ротбард М. История денежного обращения и банковского дела в США: от колониального периода до Второй мировой войны. Челябинск: Социум, 2009.

Федоркова И. Р. Локальные товарные деньги // Банкноты стран мира. 2017. № 6. С. 32–33.

Раздел 5

ИССЛЕДОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ

Российское сознание на переломе эпохи: по материалам конференций 1994–2004 гг. в Самаре

Г. В. Акопов, Л. С. Акопян

doi: 10.38098/thry.2020.25.72.033

Историческая психология занимает особое место в широком спектре устоявшихся и возможных новых отраслей психологии, связанное с качественно иной содержательной двусторонностью объединения в ней разных наук – истории и психологии (Историческая психология..., 2004; Королёв, Журавлев, Кольцова, 2011; и др.). Психологический взгляд на историю (так называемая «оптика»), наиболее обстоятельно осуществленный в трудах представителей школы «Анналов», оказался симметричным (что характерно для немногих отраслей психологии), но не равноценным историческому взгляду на психологию, являвшемуся изначально составной частью самой психологии. Вместе с тем философско-методологические основания психологии, представленные в работах С. Л. Рубинштейна в историческом контексте, и постулаты культурно-исторической психологии, впервые оформленные Л. С. Выготским, способствовали становлению эпистемологической симметрии и существенному углублению вкладов обеих наук в *междисциплинарный комплекс исторической психологии.* Уместно отметить, что базовым понятием в этой контаминации у обоих авторов выступает категория сознания в ее проекциях на осознаваемые и неосознаваемые формы индивидуального и группового поведения человека.

Живой интерес (причем не только у историков и психологов) вызывают явления массовой активности людей (в особенности деструктивного характера), обозначаемые понятием *социальной турбулентности.* Все страны мира в своем историческом развитии в разное время, а иногда и синхронно, в той или иной степени «переживали» состояния социальной турбулентности, в динамике которой решающую роль, на наш взгляд, играют *психологические факторы,* в частности, состояние сознания различных социальных групп и массового

Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 19-013-00816.

сознания в целом (подробнее см.: Проблемы социальных конфликтов..., 2019; Соснин и др., 2017; и др.).

Социальные турбуленции советской-российской истории конца XX в. происходили контемпорально с беспрецедентным расширением психологического образования и соответствующим ростом интереса населения к научной, прикладной и практической психологии. Во всех региональных центрах, возникавших, как правило, на базе педагогических вузов, где было сконцентрировано значительное количество психологически подготовленных кадров, организовывались отделения или факультеты психологии. В Самарском государственном педагогическом университете в 1993 г., после четырехлетнего опыта двухгодичной переподготовки учителей по специальности «Психология», было открыто отделение психологии, получившее в 1995 г. статус факультета. Для обеспечения университетского уровня психологического образования на факультет в течение 10 лет приглашались известные ученые, профессора и доценты из ведущих университетов и научных центров страны: А. Г. Асмолов, Е. Ю. Боброва, Д. Б. Богоявленская, А. В. Брушлинский, В. М. Букатов, М. И. Воловикова, В. В. Гриценко, А. Н. Гусев, Т. В. Дробышева, А. Л. Журавлев, Ю. М. Забродин, В. П. Зинченко, В. В. Знаков, О. А. Карабанова, Н. Л. Карпова, В. А. Кольцова, А. Б. Купрейченко, В. А. Лабунская, Н. И. Леонов, Д. А. Леонтьев, В. Я. Ляудис, А. А. Мелик-Пашаев, З. Н. Новлянская, В. И. Панов, В. Ф. Петренко, А. И. Подольский, В. П. Позняков, Л. М. Попов, А. О. Прохоров, Е. Н. Резников, А. Л. Свенцицкий, В. Е. Семёнов, Е. А. Сергиенко, Ю. А. Сорокин, А. Ш. Тхостов, Л. Ф. Обухова, В. А. Шкуратов, И. П. Шкуратова, В. А. Якунин и др. Это позволяло факультету осуществлять актуальное планирование и разработку фундаментальных научно-психологических тем. По рекомендации и при непосредственном участии В. А. Шкуратова, признанного специалиста в области исторической психологии, приглашенного в вуз для чтения соответствующего курса, проблема *исторической психологии российского сознания* в ее проекции на ментальность российской провинции стала ведущей в планах НИР факультета.

В 1994 г. был подготовлен и издан межвузовский сборник научных трудов «Российское сознание: психология, феноменология, культура», который послужил в определенной степени прелюдией и содержательным ориентиром к серии конференций по исторической психологии российского сознания, подготовленных и проведенных в Самаре. Связанное с перестройкой ослабление советского идеологического контекста вызвало многостороннее обновление научных

знаний, включая психологию, и серьезную корректировку социальных отношений людей во всех сферах жизнедеятельности. Как отмечал автор статьи, открывающей сборник «Российское сознание», известный самарский философ, профессор В. А. Конев, происходила «генеральная смена интерьера», обострился запрос на «приток новых идей, новых философских конструкций» (Конев, 1994, с. 4). Автор в новом для читателя того времени свете представил оригинальную работу М. М. Бахтина в сравнении с сопоставимыми работами зарубежных философов. Российское сознание в философском дискурсе как целостное явление российской философской мысли уже тогда позволяло определить основополагающие ориентиры выхода из социальной турбуленции 1980–1990-х годов.

В свете новейших изысканий в постановках и решениях проблемы сознания (Акопов, 2019) уместно отметить найденное М. М. Бахтиным решение вопроса о соотношении явлений «одного сознания» («сознание вообще» и «абсолютное Я») с «множеством эмпирических человеческих сознаний» в логике неслучайности этого множества в контекстах ситуации «ответственного поступка» (Конев, 1994, с. 17), а также «единства участного сознания и его утверждений о мире» (там же, с. 19).

Своевременность, потенциальная резонансность и содержательность интерпретации данной работы М. М. Бахтина («К философии поступка»), подготовленной В. А. Коневым для сборника «Российское сознание: психология, феноменология, культура» в 1994 г., несомненно, связаны с социальным и экзистенциальным напряжением людей, переживавших состояние «потери почвы под ногами» и полной неопределенности будущего как в государственном, так и в личном жизнеустройстве. Бахтинские категории событийности, такие как «поступающее сознание», «единое и единственное сознание», «ответственность сознания», «ответственность поступка», «участное мышление», «мое не алиби в бытии», «долженствование... как установка сознания», «сомнение», «неучастность сознания»; вопросы измерения поступка: «Я-для-себя», «Другой-для-меня» и «Я-для-Другого»; проблема истины и правды, представленные в рукописи Бахтина 1920–1924 гг., удивительным образом ассоциативно совпали с настроениями людей в периоды пред- и пост-распада СССР.

Если своевременная статья В. А. Конева воспроизводит «голосом Бахтина» совокупность всеобщих проблем личности, погруженной в события перелома советской эпохи (а вместе с ней и всего мирового социализма), то в статье О. И. Сердюковой «Националь-

ное русское сознание в переводной идиллии В. А. Жуковского „Овсяный кисель“» представлен внекатегориальный нарратив обретения конкретной личностью смысла жизни и творчества, обновленного идеей единого национально-культурного осознания после пережитой личной драмы. Не принятая друзьями В. А. Жуковского «идиллическая бесконфликтность национального миросозерцания», изображенная в творческом послании поэта, осталась «в решительном пренебрежении» также у современников, не принимавших «попыток поэта осмыслить русский дух через духовность».

Духовный пласт сознания атеистической в недавнем прошлом страны в турбулентные годы был стихийно (или целенаправленно?) реанимирован. Однако, будучи принят главным образом приватно, без возрождения социально организованных духовных общин, религиозный модус сознания не повлиял существенно на социальную динамику 1990-х годов. Как во времена Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского, новая эпоха в стадии трансформации социального сознания вновь оказалась тесно связанной с решением основополагающих вопросов свободы, справедливости, насилия, любви, смысла жизни, счастья и др. В статье В. Л. Лехциера «Богочеловеческая религия Достоевского» и в статье Г. В. Акопова «Сознание и воля в исканиях счастья», включенных в сборник, представлен созвучный новому времени анализ этих вопросов.

Идейное содержание статьи В. А. Шкуратова «Двойники. Эпизод письменной ментальности XIX в.» подсказало решение по оформлению обложки сборника картиной Фернана Леже «Голова лошади» (см. рисунок 1). Изображенная на картине «раздвоенность» символизирует тему двойника как «атрибута человеческого сознания», персистентно воспроизводимого в культуре человечества и особенно ярко — в российском сознании. Глубокий исследователь явлений письменной ментальности, В. А. Шкуратов обращает внимание на специфику «логических и выразительных средств письменной речи» в произведени-

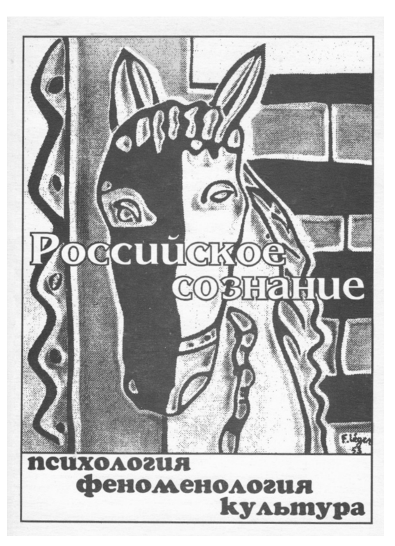

Рис. 1. Обложка сборника «Российское сознание: психология, феноменология, культура» (Самара, 1994)

ях Достоевского. Ускользнувшее от внимания многочисленных интерпретаторов творчества писателя *многообразие языков его сознания,* «звучащих» в стилистике авторской речи и речи персонажей, аккумулировано, по выражению В.А. Шкуратова, в «системе подмены письменного – устным, логического – чувственным, зрительного – слуховым» (Шкуратов, 1994, с. 144). Фиксируемые таким образом предпосылки для изображения раздвоения определяют также предпосылки оппозиции двух сознаний в социокультурной истории человеческих сообществ в разных странах и в разное время.

Тема различных языков сознания в контексте критики учения К. Маркса теоретически раскрывается также в статье А.Н. Дмитриева «Русское национальное сознание: характер и культура». Автор, отталкиваясь от тютчевских поэтических метафор («Умом Россию не понять...», «Мысль изреченная есть ложь...»), сопоставляет интенционально осознанные и не вполне осознаваемые отношения (политические, экономические, социокультурные) в философских дискурсах (образная мысль vs словесно выраженная мысль). В этом автор усматривает своеобразие русской философской мысли в ее растворенности в художественной литературе, поэзии, публицистике. А.Н. Дмитриев полагает, что в ситуации острого кризиса российского сознания периода девяностых возвращение к идеологемам и утопическим проектам русской философии XIX в. («русская идея», «самобытность», «особый путь») равносильно реанимации «магического и мистического сознания» с перспективой «расщепления национального, индивидуального и общественного сознания» (Дмитриев, 1994, с. 217).

В редакторском резюме к сборнику «Российское сознание: психология, феноменология, культура» В.А. Шкуратов, констатируя его жанровую неоднородность и неровность тематического содержания, вместе с тем отмечает и его высокую значимость для последующих научных изысканий, называя книгу «образчиком» состояния российского сознания 1980–1990-х годов.

Подготовка и издание этого сборника предшествовали первой конференции по исторической психологии российского сознания, соучредителями которой выступили Общество психологов РАН (Самарское отделение), Институт психологии РАН, Российская академия образования, Институт социальных и педагогических проблем РАО (Южно-Российский регион), Самарский государственный педагогический институт, Управление образования Самарской области. Темой первой конференции, прошедшей 4–7 июля 1994 г., стала по предложению ее научного руководителя В.А. Шкуратова следу-

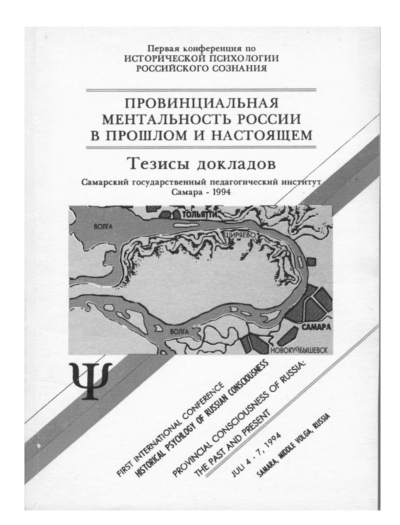

Рис. 2. Обложка сборника «Провинциальная ментальность России в прошлом и настоящем» (Самара, 1994)

ющая: «Провинциальная ментальность России в прошлом и настоящем» (см. рисунок 2), а ее символом, размещенном на обложке сборника, – Самарская Лука.

В информационном письме отмечалось, что конференция открыта для исследовательского внимания и обсуждения заявленных направлений как со стороны психологов, так и историков, этнографов, философов, лингвистов, культурологов, а также представителей других социогуманитарных направлений.

В программу конференции вошли следующие проблемы: «Существуют ли провинциальные особенности российского сознания (в частности, таких его базовых процессов, как память, внимание, восприятие, мышление, эмоции и др.), личностные и деятельностные особенности, обусловленные тем или иным типом сознания?»; «Столица и провинция: два полюса российской ментальности?»; «Восприятие России: взгляд с Запада и взгляд с Востока»; «Восприятие Запада и Востока Россией»; «Советский этап российской ментальности: провинция или периферия?»; «Источники для науки о российской ментальности (художественная литература, мемуары, письма, дневники, архивные и др. материалы)»; «Эмпирические методы исторической психологии, социологии, этнографии» и др.

В конференции приняли непосредственное участие 114 человек из Москвы, Санкт-Петербурга, Волгограда, Ростова-на-Дону, Ульяновска, Нижнего Новгорода, Елабуги, Балакова, Тольятти, Нальчика, и, конечно, Самары. На семи секциях обсуждались следующие проблемы: «Представления и споры о национальной ментальности России»; «Провинция и мир. Диалог культур»; «Политическая ментальность в России»; «Образование и ментальность»; «Становление рыночной ментальности в России»; «Этнопсихология в изучении ментальности. Духовная культура»; «Письменное сознание. Психологическое источниковедение России».

Групповая рефлексия содержательных итогов конференции произошла в рамках круглого стола «Проблемы сознания в контексте

научной ментальности». Научными консультантами конференции и сборника ее тезисов выступили А. Г. Асмолов, А. В. Брушлинский, Ю. М. Забродин, В. П. Зинченко, В. В. Знаков, А. И. Подольский и А. Л. Свенцицкий.

Более 20 лет прошло со времени критичных для России событий, главной ареной которых была столица, «транслировавшая» политические новации. Последние воспринимались близкой и отдаленной провинцией порой с недоумением, тревогой, растерянностью, запуская разнородные процессы: выжидания, стихийной мобилизации и т. д. Сознание провинциала, очевидно, отлично от сознания жителя столицы. Но не всегда «живое дыхание» истории вторгается в текущую жизнь конкретного человека, побуждая его синхронно определиться с социальным выбором и всеми вытекающими из него последствиями.

Участникам этой первой конференции невозможно было представить, что информатизация, ЕГЭ-система, предстоящая цифровизация и другие технологии могут существенно минимизировать «зазор» между столичным и провинциальным сознанием. Тем не менее, говорить о современном нивелировании различий территориальных менталитетов, и тем более – этнических, религиозных, профессиональных и т. д., преждевременно.

Управленческие аспекты сближения сознаний системы «центр – периферия» в контексте социальных изменений были представлены в выступлении А. Г. Асмолова «Реформы, разбивающиеся о психологию». Тезис автора о неопределенности как источнике «потери себя, возникновения массовых социальных неврозов» (Асмолов, 1994, с. 6), неотрывной спутнице перманентных изменений, обусловленных непрерывной технологизацией всех сфер жизнедеятельности человека, все более подтверждается и в постпереходный период нулевых годов уже XXI века (проблема неопределенности сохраняет свою актуальность и в настоящее время, подробнее см., например: Нестик, Журавлев, 2019; и др.).

Интерес участников первой конференции вызвал также проект синтеза исторической психологии, этнопсихологии и истории психологии, представленный В. А. Кольцовой (в то время руководителем лаборатории истории психологии и исторической психологии ИП РАН) и А. М. Медведевым (Кольцова, Медведев, 1994).

Новое для отечественной психологии того периода научное направление было представлено в сообщении А. Л. Свенцицкого «Социально-психологические аспекты предпринимательства» (Свенцицкий, 1994). Впоследствии под руководством А. Л. Журавлева было

оформлено оригинальное направление отечественной экономической психологии в логике императива нравственного и ценностного сознания (Журавлев, Журавлева, 2002; Журавлев, Купрейченко, 2003).

Важно также отметить, что в работе первой и последующих конференций по исторической психологии сознания участвовало весьма значительное число самарских исследователей в области психологии и других смежных наук. Впервые в Самаре – и, более того, в Среднем Поволжье – оказались консолидированы научные силы в сфере социальных и гуманитарных наук. В связи с этим А. В. Брушлинский, в те годы возглавлявший Институт психологии РАН, посоветовал организовать в самарском научном центре РАН отделение психологии и провел консультации по этому вопросу с тогдашним руководителем СНЦ РАН, академиком РАН В. П. Шориным. К сожалению, последующие события не позволили осуществиться этому плану. Вместе в тем существенно укрепилось и расширилось сотрудничество самарских психологов с Институтом психологии РАН, с факультетом психологии МГУ им. М. В. Ломоносова, с Психологическим институтом РАО и другими российскими центрами, проявлявшими интерес к проблемам менталитета и сознания. Соответственно, расширился и консультационный совет последующих значительно более масштабных конференций 1997, 1999 и 2004 годов; помимо перечисленных выше ученых, в него вошли также Т. Ю. Базаров, С. К. Бондырева, А. И. Донцов, А. Л. Журавлев, Е. А. Климов, В. Я. Ляудис, В. Ф. Петренко, В. В. Рубцов, В. Е. Семёнов и др. Расширился и стал более конкретным спектр научных направлений конференций. Более отчетливо обозначилась проблематика российского сознания и менталитета в хронотопических измерениях.

Следует отметить, что социальные настроения в стране в период проведения первой и второй конференций характеризовались сочетанием самых разных, порой противоположных, эмоциональных состояний: от надежды и ожидания лучшего до тревоги, сомнения и разочарования. В статье «Социальное самочувствие человека как индикатор его психического состояния» В. А. Кольцова и Ю. Н. Олейник отмечали также такие распространенные тогда состояния, как «утрата... психологических ориентиров в своей жизнедеятельности, снижение психологической защищенности..., кризис идентичности» (Кольцова, Олейник, 1997, с. 86). В первой статье сборника материалов второй конференции «Страна без места» (Шкуратов, 1997б) отразились соответствующие этим настроениям интонация и восприятие исторического материала о жизни в России сравни-

тельно с европейскими странами. Наряду с этим в сборник вошли также и статьи с примерами позитивного восприятия иностранцами российской действительности как в прошлом (Акопов, 1997), так и в настоящем (Омельченко, 1997). Как известно, российское самосознание особенно просвещенного (интеллигентского) «сословия» традиционно более критично, нежели европейское. Однако снятие пространственных и информационных ограничений в современном глобализированном обществе, по-видимому, способствует преодолению этой традиции, если не принимать во внимание так называемые информационные войны.

Констатируя рубежность первых двух конференций, предшествовавших конференции 1999 г., посвященной А. С Пушкину, можно отметить, что в научном отношении *комплексирование* психологических проблем сознания и ментальности (менталитета) в контексте истории было инновационным и послужило основой для оформления самарской научной школы психологии сознания (социально-коммуникативная концепция сознания) с последующими всероссийскими конференциями 2007, 2011 и 2015 гг. («Психология сознания: современное состояние и перспективы»).

Дальнейшее развитие научных исследований ментальности (менталитета) в большинстве работ осуществлялось вне контекста или связи с проблематикой сознания. Возможно, причины этой «сепарации» кроются в следующем факте: уже на первой конференции 1994 г. научная апробация категории ментальности в комплексе с понятием российского сознания была осуществлена в направлениях, сужающих многоаспектность категории ментальность (менталитет) как составной части категории сознания и, соответственно, провинциальной ментальности как составной части российского сознания. Проблема ментальности вызвала определенный резонанс в философских и научных кругах. Так, в 1994 г. в первом номере журнала «Вопросы философии» были напечатаны материалы «круглого стола» «Российская ментальность», а также статья А. П. Огурцова «Трудности анализа ментальности». Однако в соответствующих публикациях явления ментальности рассматривались не всеми их авторами в отчетливой связи с проблематикой сознания.

Незадолго до второй конференции была опубликована монография «Российский менталитет: психология личности, сознание, социальные представления» под редакцией К. А. Абульхановой-Славской, А. В. Брушлинского и М. И. Воловиковой, что также определило последующий интерес к проблеме менталитета в связке с проблемой сознания.

Среди многих интересных и содержательных статей и тезисов сборника материалов второй конференции отметим также работу А. Н. Дмитриева, в которой с теоретических позиций Пеппера–Уайта (модель стилей мышления) определены специфические особенности российского сознания в сравнении с Европой, США, Китаем, Индией и др. (Дмитриев, 1997).

Вместе с тем следует признать, что самарские конференции 1994 и 1997 гг., а также две последующие 1999 и 2004 гг. обозначили весьма широкий спектр направлений, тем, вопросов и задач, нашедших свое продолжение в исследовательских программах более позднего времени (см., например: Историогенез..., 2016; Кольцова, Журавлев, 2007; и др.). В системе eLIBRARY. RU сегодня можно обнаружить более ста научных публикаций, тематически либо по содержанию непосредственно связанных с проблемой ментальности (менталитета).

Ментальное направление в самарских конференциях было обозначено неологизмом «менталистика» и включило в себя следующие компоненты: соответствующие понятия, классификацию по видам и типам ментальности (политический, элитарный, маргинальный, криминальный, профессиональный, научный, педагогический и другие менталитеты); анализ этнической, религиозной и др. ментальностей; проблемы осознаваемого и бессознательного в менталитете; сравнение различных «субменталитетов»; исследование эволюции менталитета; изучение проблемы ментального единства и ментальных различий центра (столица, областной центр и т. д.) и провинции; анализ факторов различных сред – природной (территория), письменной, визуальной, виртуальной – как образующих менталитета. Сопряженный с проблематикой менталитета перечень тем, непосредственно затрагивающих явление российского сознания, раскрывался в докладах и статьях, посвященных исторической динамике данного феномена, особенностям идеологизированного сознания, понятиям советской ментальности, мифологического сознания, ценностного сознания (Россия – другие страны), национальной идеи, регионального самосознания и российского патриотизма, военно-патриотической ментальности, этнокультурного сознания, провинциального сознания (ментальности), предпринимательства (в исследуемом контексте), языкового сознания и письменной ментальности, детского сознания и др.

В этом широком спектре обсуждения проблемы российского сознания и менталитета и в те годы, и сегодня отчетливо выделяются узловые вопросы, решение которых призвано определить главные ориентиры политического, экономического и социально-культурно-

го «поворота» в развитии постсоветской России. Несомненно, главным из них был и остается вопрос о взаимоотношениях и взаимодействии России с Западом и другими странами.

Другой важный вопрос связан с внутренней конфликтностью российского сознания и множественностью российских менталитетов, проявляющихся в этнокультурном, конфессиональном, социально-статусном («новые русские», «олигархи», «челноки» и т. д.), территориальном, регулятивном и других оценках и измерениях.

В материалах сборника затрагиваются также вопросы электорального сознания россиян в новых условиях взаимоотношений центра (столицы) и провинции (регионов), проблемы связи личностного, этногруппового и национального (общероссийского) сознаний, связи различных видов и форм искусства с провинциальным сознанием.

Весьма остро обсуждаются вопросы реформируемого образования, его направленности и содержания в контексте особенностей российской педагогической ментальности (учителя и учащиеся) и ее сравнения с западной. Отношение к образовательным реформам у авторов статей неоднозначное, однако свободное движение психологического образования в регионы при всех сложностях и упущениях все же признается позитивным. Это определило содержание новых направлений в практической психологии образования.

Свое образно-метафорическое выражение центральная идея второй конференции получила на обложке сборника, воспроизводящей картину А. Г. Венецианова «На пашне. Весна»: лучезарная женщина в крестьянском одеянии и головном уборе, похожем на нимб, ведет под уздцы двух коней, один из которых с распущенной гривой, видимо, упирается, а другой, с хомутом на шее, спокойно шествует… (см. рисунок 3). Подспудно существовавшие противоречия в социаль-

Рис. 3. Обложка сборника «Российское сознание: психология, культура, политика: Материалы II Международной конференции по исторической психологии российского сознания „Провинциальная ментальность России в прошлом и будущем“» (Самара, 1997)

ном сознании советского общества (прекрасное будущее и трудное настоящее, иллюзия красивой западной жизни и недостатки советской реальности, коллективизм и индивидуализм, ограничение свобод и либеральная свобода и др.) были «освобождены» и стали явно артикулируемыми в постсоветской действительности.

В год 200-летнего юбилея А. С. Пушкина прошла третья самарская конференция «А. С. Пушкин и российское историко-культурное сознание», посвященная проблемам российского сознания и ментальности. Помимо уже прошедших апробацию на предыдущих форумах направлений были обозначены и новые: историко-психологический контекст феномена А. С. Пушкина; место и роль А. С. Пушкина в российском национальном сознании; концепция самоценности и бытия человека в творчестве А. С. Пушкина; ментальный перелом в российском сознании и его осмысление через творчество А. С. Пушкина и других мыслителей.

В конференции приняли участие более 160 человек при весьма широкой географии участников. Имя Пушкина придало этой встрече особое настроение высоты, масштабности, единства в представлениях о ценности исторического опыта России в становлении консолидированного сознания, развивающего традиции как Запада, так и Востока.

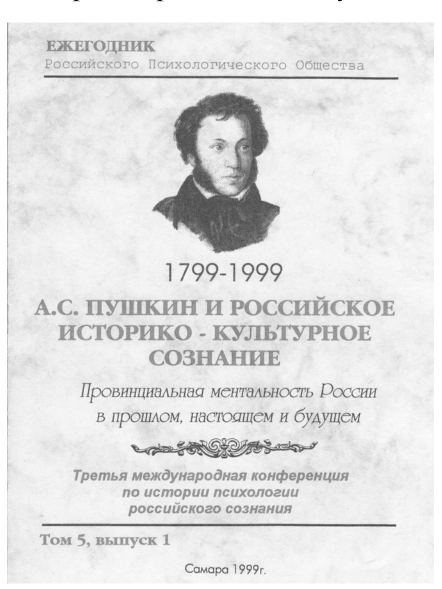

Рис. 4. Обложка сборника «А. С. Пушкин и российское историко-культурное сознание: Материалы III Международной конференции по исторической психологии российского сознания „Провинциальная ментальность России в прошлом, настоящем и будущем“» (Самара, 1999)

Любопытно отметить, что практически синхронно с пробуждением интереса к проблемам ментальности (менталитета) в советско-российской науке также и в зарубежной социогуманитаристике начались интенсивные исследования, связанные с категорией идентичности (социальной, этнической, национальной, религиозной и др.), в том числе с использованием инструментов анализа соответствующих дискурсов

(М. Фуко). Такая дифференциация изысканий, как можно предположить, соответствует социокультурным установкам индивидуальной либо коллективистской сущности человека в традициях западноевропейской и российской философской и научной мысли.

Современная социокультурная ситуация, обусловленная глобальными процессами информатизации, всемерной технологизации, роботизации и перспективной цифровизации (подробнее см., например: Психологические исследования глобальных... 2012; и др.), с одной стороны, «сглаживает» противоположность двух концепций человека, с другой – определяет ряд новых серьезных проблем субъективного отражения его жизнедеятельности и новых информационных сообществ в научно-психологических категориях. В связи с несомненными достижениями в области исследования системы «мозг–психика» на первый план в описании, объяснении и прогнозировании явлений субъективности выходит категориальный аппарат проблемы сознания.

Рис. 5. Обложка книги «Ментальность российской провинции: Сборник материалов IV Всероссийской конференции по исторической психологии российского сознания» (Самара, 2005)

Последняя, четвертая по счету, конференция по исторической психологии российского сознания состоялась в 2004 г. От первой ее отделил временной отрезок ровно в 10 лет. По предложению А. И. Донцова часть полного названия конференции была инверсивно изменена на «Ментальность российской провинции», что более корректно определяло предмет и содержательные коннотации. Расширилась география и возрос научный уровень представленных материалов: существенно уменьшилось количество статей в жанре эссе, публицистики, тезисных набросков. Была теоретически и эмпирически обоснована полиментальная структура российского сознания, отчетливо определились ее основные менталитеты (Семёнов, 2005).

Во всем поле исследований наиболее отчетливо по критерию

оформленности проступают следующие четыре области. Во-первых, произошло серьезное укрепление позиций исторической психологии, ранее представленной (в объединении с историей психологии) трудами сотрудников лаборатории ИП РАН под руководством В. А. Кольцовой, а также учеников и соратников В. А. Шкуратова (РГУ, Ростов-на-Дону). Судя по материалам самарских конференций, возросло число исследователей данной области (в частности, отметим работу А. А. Королёва по рефлексивному анализу предмета и структуры исторической психологии (Королёв, 2008)), определилось более широкое содержание этого направления, способное в некоторой степени компенсировать переход школы «Анналов» на платформу М. Фуко. Во-вторых, появилась возможность выделения такой отрасли психологии, как психология ментальности (менталитета) (Н. И. Губанов, Н. Н. Губанов, В. Е. Семёнов, Т. В. Семёнова, В. А. Сонин, А. В. Сухарев и др.). В-третьих, новое развитие получила такая отрасль, как экономическая психология, включающая проблемы экономического сознания и поведения, нравственной ориентированности предпринимателей и других субъектов экономической деятельности (А. Л. Журавлев, Н. А. Журавлева, А. Б. Купрейченко, В. П. Позняков и мн. др.). В-четвертых, существенно обновилось и обогатилось содержание психологии сознания, что также соответствовало значительно возросшему интересу к этой проблеме в зарубежных странах в 1970–1990-е гг.

Таким образом, историческая психология предстала в своем более широком предметном оформлении. Поскольку стержневым компонентом для перечисленных направлений является категория сознания, то в этом контексте можно говорить об *исторической психологии сознания*. Сам факт проведения четырех самарских конференций и все их творческое наследие являются источниковедческими материалами (не только научного характера) для историко-психологического анализа сознания соответствующей социальной общности людей в ситуации разрушения большой социально-экономической системы, ее перехода в другую. Развитие новых представлений о сознании в процессе перехода (А. Ю. Агафонов, Г. В. Акопов, В. М. Аллахвердов, О. С. Дейнека, А. Л. Журавлев, В. П. Зинченко, А. В. Карпов, В. И. Панов, В. Ф. Петренко и др.) определило новую методологию исследований сознания.

Замысел проведения каждой из четырех самарских конференций был поддержан профессиональным психологическим сообществом (РПО), Министерством образования и науки РФ, Управлением образования Самарской области, Институтом социальных и педагогических проблем РАО и Институтом психологии РАН, руководите-

ли и сотрудники которого оказали всемерную помощь в подготовке и проведении конференций.

Литература

А. С. Пушкин и российское историко-культурное сознание. Материалы III Международной конференции по исторической психологии российского сознания «Провинциальная ментальность России в прошлом, настоящем и будущем» (17–19 мая 1999 г., Самара) / Отв. ред. Г. В. Акопов, В. А. Шкуратов, В. А. Кольцова, Н. М. Симонова // Ежегодник Российского психологического общества. 1999. Т. 5. Вып. 1–2.

Акопов Г. В. Сознание и воля в исканиях счастья // Российское сознание: психология, феноменология, культура: Межвузовский сборник научных работ / Отв. ред. В. А. Шкуратов. Самара: Изд-во СамГПИ, 1994. С. 77–99.

Акопов Г. В. Красота, здоровье, лень, ожидание: временная специфика характерологических впечатлений иностранцев о России // Российское сознание: психология, культура, политика: Материалы II Международной конференции по исторической психологии российского сознания «Провинциальная ментальность России в прошлом и будущем» (4–6 июля 1997 г., Самара) / Отв. ред. Г. В. Акопов, В. А. Кольцова, В. А. Шкуратов. Самара: Изд-во СамГПУ, 1997. С. 164–170.

Акопов Г. В. Категория сознания в современной психологии. Самара: ООО «Порто-принт», 2019.

Асмолов А. Г. Реформы, разбивающиеся о психологию // Провинциальная ментальность России в прошлом и настоящем: Тезисы докладов I конференции по исторической психологии российского сознания (4–7 июля 1994 г., Самара) / Отв. ред. Г. В. Акопов, О. М. Буранок, Р. Ф. Ихсанов, О. Д. Наумова, Н. М. Симонова, В. А. Шкуратов. Самара: Изд-во СамГПИ, 1994. С. 6–8.

Губанов Н. И., Губанов Н. Н. Менталитет в системе движущих сил социального развития // Историческая психология и социология истории. 2014. № 7 (2). С. 149–163.

Дмитриев А. Н. Русское национальное сознание: характер и культура // Российское сознание: психология, феноменология, культура: Межвузовский сборник научных работ / Отв. ред. В. А. Шкуратов. Самара: Изд-во СамГПИ, 1994. С. 213–227.

Дмитриев А. Н. Западный и российский менталитеты // Российское сознание: психология, культура, политика: Материалы II Между-

народной конференции по исторической психологии российского сознания «Провинциальная ментальность России в прошлом и будущем» (4–6 июля 1997 г., Самара) / Отв. ред. Г. В. Акопов, В. А. Кольцова, В. А. Шкуратов. Самара: Изд-во СамГПУ, 1997. С. 181–186.

Журавлев А. Л., Журавлева Н. А. Динамика экономического сознания российских предпринимателей в 90-е годы XX века // Современные проблемы психологии управления / Отв. ред. Т. П. Емельянова, А. Л. Журавлев, Г. В. Телятников. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2002. С. 122–144.

Журавлев А. Л., Купрейченко А. Б. Нравственно-психологическая регуляция экономической активности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2003.

Историогенез и современное состояние российского менталитета. Вып. 2 / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова, Е. Н. Холондович. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.

Кольцова В. А., Журавлев А. Л. Сущностные характеристики и факторы формирования российского менталитета // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 3. С. 5–17.

Кольцова В. А., Медведев А. М. История психологии, историческая психология, этническая психология: к проблеме синтеза // Провинциальная ментальность России в прошлом и настоящем: Тезисы докладов I конференции по исторической психологии российского сознания (4–7 июля 1994 г., Самара) / Отв. ред. Г. В. Акопов, О. М. Буранок, Р. Ф. Ихсанов, О. Д. Наумова, Н. М. Симонова, В. А. Шкуратов. Самара: Изд-во СамГПИ, 1994. С. 163–165.

Кольцова В. А., Олейник Ю. Н. Социальное самочувствие человека как индикатор его психического состояния // Российское сознание: психология, куль тура, политика: Материалы II Международной конференции по исторической психологии российского сознания «Провинциальная ментальность России в прошлом и будущем» (4–6 июля 1997 г., Самара) / Отв. ред. Г. В. Акопов, В. А. Кольцова, В. А. Шкуратов. Самара: Изд-во СамГПУ, 1997. С. 85–87.

Конев В. А. Философия бытия-события М. Бахтина // Российское сознание: психология, феноменология, культура: Межвузовский сборник научных работ / Отв. ред. В. А. Шкуратов. Самара: Изд-во СамГПИ, 1994. С. 3–42.

Королёв А. А. Историческая психология: предмет и структура (опыт научной рефлексии) // Вестник РУДН. Сер. «Психология и педагогика». 2008. № 2. С. 7–19.

Королёв А. А., Журавлев А. Л., Кольцова В. А. История и психология: неумолчный диалог: Учеб. пособ. / Под ред. А. А. Королёва. М.: Изд-во МосГУ, 2011.

Лехциер В. Л. Богочеловеческая религия Достоевского // Российское сознание: психология, феноменология, культура: Межвузовский сборник научных работ / Отв. ред. В. А. Шкуратов. Самара: Изд-во СамГПИ, 1994. С. 65–77.

Ментальность российской провинции: Сборник материалов IV Всероссийской конференции по исторической психологии российского сознания (1–2 июля 2004 г., Самара). Ежегодник Российского психологического общества. Самара: Изд-во СГПУ (факультет психологии), 2005.

Нестик Т. А., Журавлев А. Л. Коллективный образ будущего в условиях неопределенности // Мир человека: неопределенность как вызов / Отв. ред. Г. Л. Белкина. М.: Ленанд, 2019. С. 295–311.

Омельченко Е. Л. Что «они» здесь потеряли? Путешествие в детство, или поездка за экзотикой. Краткое эссе на тему: российская провинция глазами иностранцев // Российское сознание: психология, культура, политика: Материалы II Международной конференции по исторической психологии российского сознания «Провинциальная ментальность России в прошлом и будущем» (4–6 июля 1997 г., Самара) / Отв. ред. Г. В. Акопов, В. А. Кольцова, В. А. Шкуратов. Самара: Изд-во СамГПУ, 1997. С. 188–191.

Проблемы социальных конфликтов в современной психологии: сущность, детерминанты, регулирование / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Соснин, Д. А. Китова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018.

Провинциальная ментальность России в прошлом и настоящем: Тезисы докладов I конференции по исторической психологии российского сознания (4–7 июля 1994 г., Самара) / Отв. ред. Г. В. Акопов, О. М. Буранок, Р. Ф. Ихсанов, О. Д. Наумова, Н. М. Симонова, В. А. Шкуратов. Самара: Изд-во СамГПИ, 1994.

Психологические исследования глобальных процессов: предпосылки, тенденции, перспективы / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Д. А. Китова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018.

Российское сознание: психология, феноменология, культура: Межвузовский сборник научных работ / Отв. ред. В. А. Шкуратов. Самара: Изд-во СамГПИ, 1994.

Российское сознание: психология, культура, политика: Материалы II Международной конференции по исторической психологии российского сознания «Провинциальная ментальность России в про-

шлом и будущем» (4–6 июля 1997 г., Самара) / Отв. ред. Г. В. Акопов, В. А. Кольцова, В. А. Шкуратов. Самара: Изд-во СамГПИ, 1997.

Свеницицкий А. Л. Социально-психологические аспекты предпринимательства // Провинциальная ментальность России в прошлом и настоящем: Тезисы докладов I конференции по исторической психологии российского сознания (4–7 июля 1994 г., Самара) / Отв. ред. Г. В. Акопов, О. М. Буранок, Р. Ф. Ихсанов, О. Д. Наумова, Н. М. Симонова, В. А. Шкуратов. Самара: Изд-во СамГПИ, 1994. С. 118–119.

Семёнов В. Е. Православная ментальность и борьба менталитетов в современной России // Ментальность российской провинции: Сборник материалов IV Всероссийской конференции по исторической психологии российского сознания (1–2 июля 2004 г., Самара). Ежегодник Российского психологического общества. Самара: Изд-во СГПУ (факультет психологии), 2005. С. 93–97.

Семёнов В. Е. Современная российская полиментальность и ментальные типы молодежи // Ментальность российской провинции: Сборник материалов IV Всероссийской конференции по исторической психологии российского сознания (1–2 июля 2004 г., Самара). Ежегодник Российского психологического общества. Самара: Изд-во СГПУ (факультет психологии), 2005. С. 159–163.

Сердюкова О. И. Национальное русское сознание в переводной идиллии В. А. Жуковского «Овсяный кисель» // Российское сознание: психология, феноменология, культура: Межвузовский сборник научных работ / Отв. ред. В. А. Шкуратов. Самара: Изд-во СамГПИ, 1994. С. 43–64.

Соснин В. А., Журавлев А. Л., Китова Д. А., Нестик Т. А., Юревич А. В. Массовое сознание и поведение: тенденции социально-психологических исследований. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017.

Шкуратов В. А. Двойники. Эпизод письменной ментальности XIX в. // Российское сознание: психология, феноменология, культура: Межвузовский сборник научных работ / Отв. ред. В. А. Шкуратов. Самара: Изд-во СамГПИ, 1994. С. 124–157.

Шкуратов В. А. Историческая психология. М.: Смысл, 1997а.

Шкуратов В. А. Страна без места // Российское сознание: психология, культура, политика: Материалы II Международной конференции по исторической психологии российского сознания «Провинциальная ментальность России в прошлом и будущем» (4–6 июля 1997 г., Самара) / Отв. ред. Г. В. Акопов, О. М. Буранок, Р. Ф. Ихсанов, О. Д. Наумова, Н. М. Симонова, В. А. Шкуратов. Самара: Изд-во СамГПУ, 1997б. С. 4–18.

Концепты *душа* и *дух* в русской языковой картине мира XIX–XX столетий

Л. В. Куликов

doi: 10.38098/thry.2020.25.72.034

Язык выступает базисом индивидуального и коллективного сознания, становления менталитета, осознания этнической идентичности. Коммуникация и взаимодействие между членами общности возможны, потому что, несмотря на принципиальные различия носителей двух классов психических явлений — индивидуальных и социально-психологических (Ломов, 1984), — индивидуальные и групповая картины мира имеют необходимую общность. Координация между этими двумя носителями психических явлений, развитие отдельного человека и человеческой общности возможны, если коммуникация и взаимодействие опираются на определенный базис, в качестве которого выступает языковая картина мира как коллективный, групповой феномен, если имеет место необходимая мера общности картин мира у индивидов, принадлежащих определенному сообществу.

Языковой базис сознания и самосознания в той части, которая доступна исследователю для наблюдения и фиксации, несет ценнейшую информацию о природе самих этих феноменов. Лингвостатистический анализ открывает богатые возможности для изучения многих концептов, функционирующих в обыденной картине мира. Данные, которые мы получаем с его помощью, позволяют изучать многие важные феномены функционирования индивидуального и народного (коллективного) сознания носителей русского языка. В нашем предшествующем исследовании (Куликов, 2018) был выявлен перечень лексем, обозначающих антропные феномены, т. е. те, что связаны с миром людей, свойственны человеку и раскрывают сущность его активности. Названный перечень был составлен на основании статистики сочетаемости лексем, именующих индивидуальных субъектов (индивид, индивидуум, субъект, личность, персона, человек). Для сбора статистики использовался Националь-

Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 18-013-01194.

ный корпус русского языка – доступный для поиска электронный корпус русских письменных текстов[1] (далее – НКРЯ). В список наиболее частотных вошли (в скобках указано число вхождений при поиске в НКРЯ): душа (1111), деятельность (926), отношение (753), состояние (571), сознание (513), воля (411), поведение (404), потребность (340), характер (331), чувство (318), ум (241), дух (205). Отчетливо видно, что душа и дух представляют собой концепты, которые могут быть отнесены к семантическим доминантам сознания. Однако, несмотря на высокий уровень значимости данных концептов для языковой картины мира, их семантические характеристики и связи изучены явно недостаточно.

Предметом данного исследования выступили исторические аспекты двух концептов, без которых трудно представить описание внутреннего мира человека и обыденного сознания: душа и дух. Был проведен лингвостатистический анализ языковых репрезентантов исследуемых концептов в текстах, входящих в НКРЯ с годами издания или создания (записок и писем частных лиц) с 1800 г. по 2015 г., а также качественный анализ высказываний, в которых они встречаются.

В исследовании использовались методы и методики корпусной лингвистики. Источником фактического материала служил НКРЯ. Мы обратились к нехудожественным текстам – автобиографиям, биографиям, дневникам, записным книжкам, мемуарам, запискам, личным письмам.

С помощью поисковой системы был произведен сбор статистических данных в НКРЯ (см. таблицу 1). Представлены относительные частоты – частные от деления частот искомых вхождений (обнаруженных поисковой программой в НКРЯ) на число слов в соответствующем подкорпусе. При подсчете частоты встречаемости лексемы *душевный* были взяты полная и краткая формы прилагательного (*душевный* и *душевно*), а также производное существительное *душевность*. Для подсчета частоты определений, производных от лексемы *душевный* и несущих позитивную оценку, были взяты три наиболее частотных прилагательных – *добродушный, великодушный, простодушный* – и три существительных – *добродушие, великодушие, простодушие* (показатели представлены в строке «Добродушие»). Для подсчета частоты определений с негативной оценкой были взяты три прилагательных – *равнодушный, бездушный, малодушный* – и три существительных – *равнодушие, бездушие, малодушие* (показатели представлены в строке «Равнодушие»). Из частоты

1 URL: http://dict.ruslang.ru.

встречаемости лексемы *дух* вычиталось количество словосочетаний со словом *Святой,* (в предпозиции и постпозиции). В разные исторические периоды их частота составляла от 3,47 (1988–2000 гг.) до 7,85 (1800–1917 гг.) на миллион слов. Для того, чтобы снизить долю учитываемых словоупотреблений церковного контекста (духовная семинария, академия...), статистика определения *духовный* была подсчитана для шести наиболее частотных сочетаний прилагательного *духовный* с существительными, именующими явления светской жизни: *жизнь, культура, развитие, мир, сила, ценность.*

Частота использования в нехудожественных текстах существительного *душа* и производного прилагательного *душевный* на протяжении двух с лишним веков монотонно убывает. Хорошо заметна тенденция снижения частоты употребления слова *душа:* в конце прошлого века и начале нынешнего она почти в полтора раза меньше, чем в дореволюционный период. Еще более отчетливо данная тенденция касается прилагательного *душевный:* снижение частоты его употребления за исследуемый период времени произошло почти в два раза. Довольно сильно снизилась частота его использования в описаниях черт характера. Позитивные определения – добродушный, великодушный, простодушный – давались авторами текстов чаще, чем негативные – равнодушный, бездушный, малодушный, но только в дореволюционный период. В последующие периоды более частотны негативные определения. Отчетливо заметно умень-

Таблица 1

Частота встречаемости лексем *душа, дух, душевный, духовный* (на один миллион слов) в нехудожественных текстах 1800–2015 гг.

Слова и сочетания слов	**1800–1917**	**1918–1987**	**1988–2000**	**2001–2015**
Душа	92,30	76,86	65,58	64,34
Душевный	103,51	86,83	70,03	55,94
Добродушие	120,70	56,26	46,36	38,93
Равнодушие	99,25	73,76	59,50	50,61
Дух	73,24	61,46	55,6	59,63
Духовный	11,66	18,41	14,01	15,57
Сила духа	2,77	3,51	2,61	4,10
Количество слов в текстах конкретного временного периода (млн)	*13,38*	*21,95*	*9,21*	*4,88*

шение востребованности слова *душа* и однокоренных с ним в нехудожественных описаниях.

Частота использования слова *дух,* как и его производных (*духовный, сила духа*), имеет иную картину: наблюдается незначительное ее снижение у слова *дух* в период 1988–2000 гг. и некоторое повышение относительно среднего уровня у слова *духовный* в советский период. К числу наиболее частотных сочетаний слова *дух* с существительными относится *сила духа.* В качестве иллюстрации данного факта приведем примеры высказываний из текстов разных исторических периодов. (Все цитирования даны по НКРЯ с сохранением орфографии и пунктуации фрагментов текстов этого ресурса).

- *Сильный дух и в эти раздирающие минуты превозмог плоть* (М. А. Корф. Записки. 1838–1852).
- *Был ты телом калека, а душа поражала!* (Виктор Старков. Дневник. 1963–1964).
- *Когда дух очень силен, тело (если оно не совсем уж немощно) просто вынуждено следовать за ним* (А. Козинцев. В очах души. 1986).
- *Зубная боль сильнее (грубее) душевной. Но умирают – от душевной, от зубной – нет* (М. И. Цветаева. Дневниковые записи. 1917–1941).
- *Во всей советской литературе нельзя найти такой, например, фразы – «с глубокой душевной болью»* (К. Воробьев. Из записных книжек. 1960–1973)[1].
- *Куприн делается все равнодушнее к эмиграции и ее политике* (К. А. Куприна. Куприн – мой отец. 1979).
- *Потянуло в историю, потянуло к великим духом людям* (Георгий Бурков. Хроника сердца. 1953–1990).
- *Здесь дух команды зависит от ее лидеров* (Вячеслав Фетисов. Овертайм. 1997).
- *Для духовного развития актера важны: большие цели, большие задачи и большие примеры* (А. С. Демидова. Бегущая строка памяти. 2000).
- *Когда романтический дух солидарности и самопожертвования, присущий первой пятилетке, сменился меркантилизмом рыночных отношений, китайцы сильно изменились* (В. В. Овчинников. Калейдоскоп жизни. 2003).
- *Думаю, только классическая музыка полностью адресуется духовному миру* (Юрий Башмет. Вокзал мечты. 2003).

---

1 Проверка показала, что до апреля 2020 г. в составе НКРЯ действительно не было ни одного текста, содержащего это выражение.

Заметно, что частота использования определения *душевный* в рассматриваемые исторические периоды монотонно снижается. Для уточнения этой картины важно осуществить сопоставление динамики этой частоты с частотой других определений качеств человека. Для такого сравнения были использованы два набора оценочных прилагательных, названные нами шкалами позитива и притяжения. В шкалу позитива вошли шесть определений: *добрый, честный, хороший, благородный, порядочный, простой;* в шкалу притяжения – одиннадцать: *милый, красивый, прекрасный, приятный, симпатичный, скромный, любимый, любезный, нежный, интересный, обаятельный.* Статистика собиралась только для словосочетаний перечисленных определений с одним из существительных, именующих персону. В этот перечень вошли 22 наименования персоны: *человек, женщина, жена, девушка, парень, мальчик, старик, ученик, муж, работник, учитель, мужик, девочка, девица, баба, гражданин, личность, старуха, дама, мужчина, юноша, особа.* Это набор высокочастотных имен существительных, не имеющих выраженной эмоциональной коннотации. Сравнивать абсолютные величины найденных частот (лексемы *душевный* с другими лексемами) некорректно, поскольку в запросах частоты определения *душевный* не было ограничения в виде сочетаний с существительным, именующим человека (вообще) или человека определенного пола, возраста или социальной роли. Но поскольку предметом нашего рассмотрения выступает динамика встречаемости определений (сравнение частот в различные исторические периоды), то для данного сопоставления можно формировать любые списки. Важно, чтобы они были одинаковыми в запросах по разным периодам времени. Это открывает возможность вычисления суммарных частот групп определений. Суммы частот для каждого рассматриваемого периода времени представлены в нижней строке таблицы 2.

По данным, представленным в таблице, видно, что наибольшая частота встречаемости названных оценочных определений обнаруживается в текстах дореволюционного периода. В последующие периоды суммы взятых для сравнения перечней определений отличаются незначительно.

Два обсуждаемых концепта – *душа* и *дух* – имеют множество семантических связей. Они оба вполне могут быть отнесены к самым верхним уровням понятийного аппарата психологии внутреннего мира человека, поэтому так много смыслов имеют в обыденном, народном сознании.

Лингвостатистический анализ не выявил существенной роли мистического смысла в контекстах тех описаний, которые выступи-

Таблица 2

Частота встречаемости (на один миллион слов) оценочного определения *душевный* и определений из шкал позитива и негатива в нехудожественных текстах 1800–2015 гг.

Оценочные определения	**1800–1917**	**1918–1987**	**1988–2000**	**2001–2015**
Определение *душевный*	*103,51*	*86,83*	*70,03*	*55,94*
Шесть определений из шкалы позитива	124,96	78,68	75,46	90,57
Одиннадцать определений из шкалы притяжения	61,29	69,34	81,00	97,54
Сумма частот	289,76	234,85	226,49	244,05

ли объектом исследования. Рассмотрение временной динамики (исторического масштаба) частоты концептообразующих слов показывает их различную востребованность в самоописаниях, описаниях обыденной жизни автора и событий его жизненного пути. Собранные данные продемонстрировали ряд различий, которые на сегодняшний день вряд ли могут быть полностью объяснены. Для того чтобы продвинуться в понимании природы этих концептов, необходим методологический базис, на котором могли бы быть продуктивно синтезированы психологические, культурологические, антропологические, социологические, этнолингвистические концепции. Можно лишь гипотетически предположить, что концепт *духа* обладает большим, в сравнении с концептом *душа,* объяснительным и конструктивным потенциалом. Его роль заключается, в частности, в том, что без него не удается представить организационную вертикаль человеческого существа. Причем эта его востребованность характерна как для научной (специальной, а не общей), так и для народной (общей) картины мира человека и общества.

Контексты употребления лексемы *душа* и производных от нее словоформ разнообразнее и шире, чем контексты лексемы *дух*. Это различие стоит отметить, учитывая лингвостатистические показатели, в том числе представленные выше.

В текстах разных исторических периодов обнаруживается немалая внутренняя противоречивость, двойственность концепта *душа*. Душа предстает воплощением живого, жизненной энергии. Ее уход из тела означает прекращение жизни. Но, с другой стороны, ее существование вне тела или без тела бессмысленно: если нечего оживлять,

то и определенность ее роли, ее назначение пропадает. Оживляющее начало души должно в чем-либо проявляться, давать чему-то энергию. Если что-либо делают «без души», то дело еле движется. Вот пример характерной в этом плане оценки: *Но душа у них была, что называется, «вынута»* (Георгий Арбатов. «Человек Системы». 2002).

В предпочтениях, решениях, выборах, производимых субъектом, душа предстает иррациональным началом, противостоящим рациональному. Как чувствилище (определение Аристотеля), средоточие чувств, она не подчиняется разуму, предстает переживающим началом, существующим по своим законам, отличным от законов разума; ее законы не поддаются экспликации. Она аккумулирует все ощущения, не только сенсорные: от ощущения смысла слова до мироощущения. В этом ее биологический смысл (как некоего органа) и смысл психологический: любое ощущение живое существо не может не принимать как данность, без этого принятия оно теряет связь с миром, утрачивает способность к саморегуляции. Без интуитивных ходов мысли, без постоянного чувствования человеческий разум не способен построить картину мира как целостность. Приведем иллюстрацию этого положения: *Моя душа превратилась в сплошную незаживающую рану* (Александр Зиновьев. Русская судьба, исповедь отщепенца. 1988–1998).

Неотъемлемым качеством души выступает ее открытость душам других людей. Чем больше открытость, тем шире ее размах, тем большей в ней душевной теплоты, тем притягательнее человек. Возникновение языка преобразило коммуникацию в человеческом сообществе. Язык дал возможность делиться не только знаниями, но и чувствами, переживаниями, всем происходящим во внутреннем мире. Он вывел человеческую коммуникацию на качественно иной уровень, дал возможность открывать свою душу и проникать в душу Другого. Рефлексия невозможна без языка, выступающего неотъемлемым механизмом накопления и обобщения опыта, расширения самопознания. Усмотрение бездушия представляет собой весьма негативную характеристику. Например: *Эта бездушная, ограниченная и даже подлая личность заправляет без всякого контроля всеми императорскими театрами...* (П. И. Чайковский. Письма Н. Ф. фон-Мекк. 1881).

В обращении *душа моя,* так любимом А. С. Пушкиным, есть не только уважение, благожелательность, но и признание того, что человек душевен, что субъект высказывания признает Другого частью своей души, подчеркивая его высокую ценность. Например: *Вздор, душа моя; не хандри – холера на днях пройдет, были бы мы живы, будем когда-нибудь и веселы* (А. С. Пушкин. Письмо П. А. Плетневу. 1831.07.22).

Стремление сберечь душу выступало главнейшей нравственной ценностью; небрежение к ней разрушало общинный уклад, гармонию отношений: *Мужики нам продали свою душу за кусочек земли, и так все вокруг изолгались, что невозможно стало жить без соглашений с ворами* (М. М. Пришвин. Дневники. 1918). Ощущение человеком своей общности с миром людей, с человечеством может вступать в противоречие с осознанием принадлежности к какой-либо определенной группе, коллективу. Поэтому нередко «душа не велит» поступать так, как принуждает близкое окружение.

Можно предположить, что многомерность концепта *душа* приводит к сужению области его использования в описаниях внутреннего мира человека, и постепенно участки его лексико-семантического поля занимают другие определения, которые воспринимаются пишущими как более точные. Такое предположение позволяет нам сделать произведенный выше анализ сумм оценочных определений (см. таблицу 2). Впрочем, не стоит исключать и влияния изменения ценностных координат оценки человека, переноса внимания на другие человеческие качества в ходе исторического развития русской языковой картины мира.

***

Языковой базис *сознания* и *самосознания* в той части, которая доступна исследователю для наблюдения и фиксации, несет ценнейшую информацию о природе этих явлений. В исследовании проведена попытка сочетать качественный и количественный анализ в изучении такого сложного предмета, как внутренний мир человека. Проведенный анализ позволяет утверждать, что концепты *душа* и *дух* являются узловыми в русской языковой картине внутреннего мира человека, – как в научной, так и в народной (обыденной, наивной). Они репрезентируют ту часть субъективной реальности, без изучения которой не удастся построить целостную теорию организации человека, его жизнедеятельности и социального поведения.

Опираясь на анализ нехудожественных текстов, входящих в НКРЯ, можно утверждать, что контексты употребления лексемы *душа* и производных от нее словоформ разнообразнее и шире контекстов употребления лексемы *дух*. Об этом говорят не только лингвостатистические показатели, в том числе те, что представлены выше. Обращает на себя внимание внутренняя противоречивость концепта *душа* в разные исторические периоды. Можно выделить три аспекта данного концепта, которые в разных контекстах выходят на передний план: 1) воплощение живого, жизни, жизненности; 2) ощущение (автора

высказывания), охватывающее многие явления мира и самого себя целостно и непосредственно, в отличие от разума; 3) признание высокой ценности обобщенного Другого, имеющего душу, тяга к нему. Выявленные вариации лингвостатистических показателей целесообразно подвергнуть дополнительной проверке с использованием других корпусов текстов и других лексических индикаторов для получения более определенных выводов.

В предмет психологии входят все психические явления и субъективная реальность как неотъемлемая часть человеческой природы. Общая теория функционирования психики может возникнуть, если в ее понятийном аппарате найдет свое отражение весь спектр феноменов субъективной реальности и их иерархическая структура. В настоящее время такого соответствия нет. Подтверждением служат результаты анализа тенденций развития психологии на основе выявления динамики частоты использования психологических терминов. С. Б. Потемкин, Л. А. Хасин, П. Л. Хасина, Е. В. Щедрина составили частотный словарь психологических терминов по корпусу научных публикаций журнала «Вопросы психологии», старейшего научного периодического издания по психологии в нашей стране, за период 1980–2010 гг. В перечень наиболее частотных психологических терминов не вошли такие, как душа, душевность, дух (термин духовность входит), ценность (термин ценностный входит), состояние, настроение, волнение, страдание, страсть, любовь, ненависть. Авторы отмечают, что одним из доминирующих направлений современной психологии является когнитивная психология. Добавим, что за прошедшие пять лет со времени публикации упомянутой статьи такая расстановка приоритетов не изменилась, скорее наоборот, когнитивные науки занимают все большую долю среди различных направлений, как в психологии, так и в других науках.

Литература

Куликов Л. В. Групповой субъект в языковой картине // Институт психологии РАН. Социальная и экономическая психология. 2018. Т. 3. № 4 (12). С. 43–60.

Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984.

Потемкин С. Б., Хасин Л. А., Хасина П. Л., Щедрина Е. В. Анализ тенденций развития психологии на основе выявления динамики частоты использования психологических терминов // Вопросы психологии. 2015. № 6. С. 95–103.

Праздник в преломлении языкового сознания современников

А. М. Борисова

doi: 10.38098/thry.2020.25.72.035

Исследование такого феномена, как праздник, требует междисциплинарного подхода, поскольку он затрагивает сразу несколько сфер жизнедеятельности человека, начиная с личностной и включая культурную, общественную, социально-политическую, экономическую и другие области. Так, рассмотрение праздничного календаря с позиций исторической науки позволяет проследить, как конкретная культурно-историческая ситуация влияла на формирование коллективных норм и устоев общества и вместе с этим отражала бытующие на данном этапе образцы и установки данного сообщества. С позиций же психологии можно проанализировать, каким образом те или иные изменения, затрагивающие сферы жизнедеятельности человека, воздействовали на мировосприятие и мироощущение как сообщества в целом, так и его членов в отдельности. Каждое из направлений гуманитарного знания привносит свой «взгляд» на праздничную тематику, что позволяет получить более целостную картину этого многогранного и непростого явления, дополняя ее все новыми деталями.

Непреходящий интерес к теме праздника в основном обусловлен тем, что его существование в качестве постоянного элемента человеческой культуры насчитывает тысячелетия и человечество не предпринимает попыток отказаться от данной формы коллективной жизнедеятельности. По-видимому, в нем заложены основополагающие механизмы, с помощью которых человеческое сообщество утверждает свое существование путем актуализации выработанной системы ценностных ориентиров и предпочтений, одобряемых большинством. Аккумулируя и транслируя наиболее важные для того или иного общества ценности, праздник задает определенный ритм жизни человека, встраиваемый в общие ритмы (общества, природы, вселенной) и существующий в соответствии с ними. На глубинном

Статья подготовлена по Госзаданию № 0159-2020-0003.

уровне праздник является тем особым периодом, когда происходит контакт двух сфер человеческого бытия – мирской и сакральной, и человеку дается возможность разрешить имеющиеся противоречия между ними, а также осуществить ценностный выбор в пользу порядка и гармонии или хаоса и разрушения. Нашими предками праздник воспринимался как время «сакральное», противопоставленное повседневному, «профанному». Он отличался от будней запретом на все или некоторые виды работ. Праздники воспринимались как граница между «тем» и «этим» миром, как период «перехода» из одного состояния в другое, во время которого должны были соблюдаться определенные правила (обряды и ритуалы), чтобы «переход» оказался правильным. Отсюда и очень серьезное и полностью осознанное отношение к данному периоду, исключающее какие-либо отступления от установленных правил.

Современные люди во многом утеряли (в силу целого ряда как объективных, так и субъективных причин) это понимание и особое состояние, при котором совершались праздники в былые времена, но все же формальные процедуры подготовки к ним и их проведения (здесь и далее речь пойдет не о религиозных праздниках) большая часть населения по-прежнему соблюдает. Сейчас смысловая составляющая все больше отходит на второй план, уступая место форме и внешним атрибутам, тем самым превращая праздник в своеобразное мероприятие. Очевидно, что современный темп жизни требует нового формата многих сфер жизни, в том числе и праздничной, однако скоропалительные решения не всегда бывают эффективны, особенно в деле социального переустройства. И таких примеров довольно много в истории любого и, в частности, нашего государства. В связи с этим представляется актуальным рассмотрение вопросов, связанных с выявлением определенных констант, на протяжении длительного времени остающихся неизменными и тем самым дающих веские основания считать их определяющими, характеризующими то или иное явление или какой-либо процесс. Подобные константы могут оказаться в роли стабилизаторов, обеспечивающих привычную и полноценную жизнедеятельность общества и государства.

Предполагается, что праздник обладает набором подобных констант – определенных признаков, являющихся специфическими, характеризующими его как феномен, и одновременно с этим присутствующих в его содержании в почти неизменном виде на протяжении разных временных периодов.

Информация о том, каким представляют себе праздники наши современники, была получена с помощью анкеты открытого типа

(за период 2001–2016 гг.), одним из пунктов которой была просьба назвать первые пришедшие в голову слова в связи со словом «праздник». Выборка – 281 человек, жители России (Москва, Московская область, Иркутск и область, Красноярск), средний возраст респондентов 41 год.

Данные о празднике позднего советского и раннего постсоветского периодов приводятся по материалам «Ассоциативного тезауруса современного русского языка», созданного учеными двух ведущих научно-исследовательских институтов РАН: Института русского языка им. В. В. Виноградова и Института языкознания. Ценность данного труда состоит в том, что он представляет собой довольно обширную ассоциативно-вербальную сеть языка, которая была выявлена путем многоэтапного и массового эксперимента с его носителями. Примечательной чертой тезауруса является и период его создания – десятилетие на «изломе эпох», 1986–1996 гг. Собранный в нем материал в какой-то степени уникален, поскольку представляет собой своего рода моментальный снимок языкового сознания русских, сделанный в эпоху глобальных перемен, когда общество столкнулось с необходимостью дальнейшего самоопределения, требующего осмысления и своей истории, и имеющегося настоящего. Проследить, как менялось национальное самосознание и социальное устройство общества, возможно, обратившись к зафиксированным в тезаурусе словам-ассоциациям, которые являются отражением и свидетельством происходивших в то время процессов.

Применение ассоциативных методов в нашем исследовании представляется нам обоснованным исходя из следующих посылов. Ассоциация является первой реакцией, первым пришедшим в голову ответом на слово-стимул; сумма всех реакций (ответов) составляет ассоциативное поле данного слова-стимула; совокупность таких полей – ассоциативно-вербальную сеть, которая признана коррелятом языкового сознания среднего носителя языка (Чулкина, 2016).

Языковое сознание как понятие требует отдельного пояснения, поскольку играет особую роль, выступая в качестве механизма взаимодействия человеческой психики и речи. Так, Т. Н. Ушакова отмечает, что данный термин «подчеркивает объединение, слитность главных составляющих речевой деятельности: психологического и лингвистического элементов. <…> Понятие (термин) „языковое сознание“ имеет свою специфику, подчеркивая момент смыкания, совокупности феномена сознания, мысли, внутреннего мира человека с внешними по отношению к нему языковыми и речевыми про-

явлениями. Этот важный момент высвечивает главную сущность языка/речи – быть выразителем психического состояния говорящего» (Ушакова, 2000, с. 22). А также, добавим, и его индивидуального опыта, который осмысливается в терминах того языка, посредством которого индивидуум приобщился к общечеловеческому опыту. «Засвидетельствованный в языке опыт устанавливает границы мыслительной деятельности, а структурная организация, запечатленная в языковой классификации опыта, детерминирует ее направления, образуя национальное мировоззрение. Лингвистическая модель мира в этом случае полностью сливается с той внутренней моделью, которая создается в сознании человека в процессе накопления им опыта и которая, по сути, и является тем, что именуется сознанием» (Звегинцев, 2001, с. 159).

Поскольку язык является не только средством общения, но и инструментом, с помощью которого происходит накопление и передача разного рода информации об окружающем мире, он, в конечном итоге, превращается в своеобразный социальный запас знаний, причастность к которому всех членов общности позволяет устанавливать определенные правила взаимодействия. Язык можно охарактеризовать и как «вербальную память», которая содержит в языковом сознании способы хранения информации, связанной с местами национальной памяти (по Ю. Н. Караулову). Подход Ю. Н. Караулова к исследованию национально-культурной памяти русских представляет большой интерес, поскольку праздники в определенной степени являются «трансляторами» этой памяти. Под национально-культурной памятью данный автор понимает «„кладезь“ сведений, эмоций, фактов, откуда мы в нашей повседневности и обыденности черпаем данные для ответа на сакраментальные вопросы: кто мы есть, откуда мы и куда идем <...>. Это не история в чистом виде, а то, как прошлое представлено в нашей сегодняшней мысли и как оно вписывается в наши знания о современном мире... Речь пойдет о тех образах, понятиях, представлениях, названиях, личностях, фактах, вещах, словах и „местах“ из отечественной истории, которые живут в сознании, в спонтанной памяти среднестатистического носителя русского языка и актуализируются с разными целями в повседневно производимых им текстах» (цит. по: Чулкина, 2016, с. 49). Данное высказывание как нельзя лучше соотносится с предметом исследования исторической психологии, стремящейся воссоздать жизнь людей прошлого, психический мир которых сохраняет след в культуре и психике современного человека, в его памяти, менталитете, обычаях, стереотипах поведения и т. п.

Возвращаясь к целям нашей работы и учитывая все вышесказанное, мы предприняли попытку обнаружить в языковом сознании современников «следы» нашего недавнего праздничного прошлого – позднесоветского периода, и проследить, как оно представлено в нашей сегодняшней мысли и встроено ли в нашу повседневную действительность. Если в найденных таким образом «следах» будут присутствовать оба этих момента (представленность и встроенность), то они могут считаться теми самыми константами, о которых говорилось выше.

Все приведенные в ассоциативном словаре (Русский ассоциативный словарь..., 2002) ассоциации на слово-стимул «праздник» мы распределили по группам. Указанная цифра в скобках отражает число реакций на слово-стимул.

- названия праздников: *Новый год* (*37*)*, 1 мая* (*24*)*, Октября* (*10*)*, 8 марта* (*7*)*, день рождения* (*6*)*, новогодний* (*6*)*, 7 ноября* (*5*)*, Первое мая* (*5*)*, Победы* (*4*)*, 9 мая* (*4*)*, Нептуна* (*3*)*, Первомай* (*3*)*, Рождество* (*2*);
- лица-участники: *друзья* (*2*), *люди, гости;*
- эмоциональное состояние, настроение: *веселый* (*59*)*, веселье* (*28*)*, души* (*21*)*, радость* (*18*)*, весело* (*10*)*, веселое настроение, жизни* (*7*)*, радостный* (*7*)*, счастье* (*7*)*, удался* (*5*)*, грустный* (*3*)*, любимый* (*3*)*, скучный* (*3*)*, шумный* (*3*)*, горе* (*2*)*, испорченный* (*2*)*, любви* (*2*)*, мира* (*2*)*, настоящий* (*2*)*, радостный день* (*2*)*, светлый* (*2*)*, святой* (*2*)*, сердца* (*2*)*, хорошо* (*2*);
- основные действия, занятия: *демонстрация, застолье* (*2*)*, выпивка* (*2*)*, песни* (*2*)*, гулянье, гулять, стол* (*2*)*, телевизор, выставка;*
- атрибуты: *флаги, цветы, шарик* (*2*)*, фейерверк* (*2*)*, красный цвет, красное, еда, елка, бутылка, огни, подарки, подарок, цветы и музыка;*
- характеристики, указывающие на «общность», «массовость» праздника: *великий* (*2*)*, большой, всенародный, наш, общий, для всех, всеобщий.*

Такой же схемы будем придерживаться и при перечислении ассоциаций на слово «праздник», указанных нашими современниками.

- названия праздников: *Новый год* (*26*)*, день рождения* (*13*)*, День Победы* (*3*)*, победа, Рождество* (*3*)*, Пасха* (*2*)*, юбилей* (*2*)*, Масленица* (*2*)*, новогодний;*
- лица-участники: *друзья* (*33*)*, семья* (*15*)*, сбор всей семьи, семьи, близкие люди* (*4*)*, родные* (*3*)*, родственники* (*3*)*, родители* (*3*)*, мама* (*3*)*, дети, папа, брат, люди* (*6*)*, гости* (*18*);

- эмоциональное состояние, настроение: *веселье* (*115*)*, весело* (*7*)*, душевно, радостно, радость* (*97*)*, интересно, приятно, тепло* (*4*)*, теплота, жизнь, любовь* (*2*)*, счастье* (*28*)*, вдохновение, внутренний подъем, мир* (*2*)*, добро, эмоции* (*4*)*, положительные эмоции* (*2*)*, позитив* (*2*)*, настроение* (*2*)*, хорошее настроение* (*12*)*, прекрасное настроение, отличное настроение, ликование* (*2*)*, восторг* (*5*)*, смех* (*20*)*, улыбки* (*19*)*, улыбка* (*4*)*, светлый, светло, благополучие, удовлетворение* (*3*)*, хорошо;*
- основные действия, занятия: *застолье* (*13*)*, застолье с родственниками, песни* (*11*)*, пение, танцы* (*21*)*, гулянье* (*2*)*, гулять, прогулки* (*2*)*, прогулки по улицам, демонстрация* (*2*)*, митинг* (*2*)*, парады, поздравления* (*5*)*, общение* (*3*)*, интересное общение, беседы, встреча* (*6*)*, встреча с друзьями* (*3*)*, свидание с родными;*
- мероприятия: *банкет* (*2*)*, торжество* (*4*)*, концерты, вечеринка, дискотека, шоу, фестиваль, карнавал, конкурсы* (*2*)*, розыгрыши* (*2*)*, сюрпризы* (*3*)*, игры* (*4*)*, представление, утренник в детском саду, путешествие;*
- атрибуты: *музыка* (*29*)*, громкая музыка* (*3*)*, подарки* (*48*)*, подарок* (*7*)*, цветы* (*11*)*, шарики* (*24*)*, воздушные шары* (*7*)*, шары* (*6*)*, китайские фонарики, бенгальские огни, хлопушка* (*3*)*, фейерверк* (*11*)*, фейерверки* (*2*)*, салют* (*15*)*, цвет, яркие цвета, яркие краски, елка* (*7*)*, запах елки* (*2*)*, запах мандаринов, свет* (*2*)*, свет огней, золотой свет, свечи, колокольный звон, наряд* (*2*)*, наряды, нарядные платья, праздничная одежда;*
- характеристики, указывающие на «общность», «массовость» праздника: *великий* (*2*)*, единение* (*2*)*, единство* (*2*)*, объединение, сплоченность, массовость, традиция* (*2*)*, народное гулянье, наш, вместе, компания друзей, много друзей* (*3*)*, компания* (*3*)*, много людей* (*2*)*, люди в хорошем настроении, народ, много народу, общество* (*2*).

Такой атрибут праздника, как «стол» и связанные с ним элементы, требует отдельной рубрики, поскольку получил наиболее разнообразное и подробное описание: *стол* (*4*)*, оригинальный стол, хороший стол, вкусный стол, красивый стол, праздничный стол, большой стол, еда* (*3*)*, вкусная еда* (*5*)*, ужин, вкусный ужин, праздничный ужин, угощение* (*4*)*,торт* (*14*)*, тортики, сладости* (*2*)*, вкусности* (*конфеты*)*, шоколадные конфеты, мороженое* (*2*)*, мандарины* (*2*)*, апельсины* (*3*)*, салат Оливье* (*3*)*, пироги* (*2*)*, шашлык* (*2*)*, выпивка* (*2*)*, алкоголь* (*3*)*, шампанское* (*6*)*, коньяк, водка, кока-кола* (*4*).

Столь большое разнообразие пищевых пристрастий имеет и обратную сторону, которая также была представлена в описании наших

респондентов: *хлопоты* (*3*)*, хлопотно, приятные хлопоты, радостные хлопоты, предпраздничные хлопоты, заботы* (*2*)*, готовка* (*2*)*, суета* (*3*)*, затраты, уборка, усталость, не высплюсь, головная боль, грязная посуда, мусор.*

Можно отметить, что ассоциативно-вербальное поле слова «праздник» у наших современников гораздо шире, чем у респондентов советской эпохи. Заметно и изменение состава праздничного календаря: в советский период это 1 Мая, Новый год, «праздник Октября» (7 ноября), 8 марта, день рождения, а у современников – Новый год, день рождения, День Победы, Рождество, Пасха, Масленица. В советский период по количеству упоминаний лидирует Первомай, а в нынешнем календаре – Новый год. Отсутствуют у современников и исключительно советские клише – *всенародный, всеобщий* и т. п., среди атрибутов праздничной обстановки уже не найти *флагов* и других предметов (ленточек, гвоздик, шаров и др.) преимущественно *красного цвета,* которым на смену пришло гораздо большее количество других атрибутов, зачастую не несущих определенной символики. Последняя деталь довольно четко свидетельствует о современной тенденции к избыточному увлечению внешним антуражем в ущерб пониманию содержательного наполнения праздника. Можно предположить, что эта же причина лежит в основе столь выраженного интереса к гастрономическому аспекту празднования. Игнорирование (по незнанию или нежеланию) тех или иных ритуалов и обрядов оставляет свободное пространство в празднике, которое очень быстро заполняется более простым содержанием, – например, как в данном случае, едой.

Интересно, что лица-участники праздника у респондентов советского периода представлены всего тремя «персонажами» и упоминаются очень редко, в то время как у современников упоминание участников отличается разнообразием и высокой частотой. Возможно, это связано с особенностями идеологии: в советский период приветствовались коллективные проявления и ориентация в большей степени на социум, на группу, а не на кого-то конкретного или себя.

При рассмотрении каждого из двух ассоциативно-вербальных полей слова «праздник» в их целостности становится очевидно, что они различаются по составу и производят разное впечатление. Чтобы наглядно продемонстрировать этот факт, было решено свести в общую таблицу те слова-реакции, которые получили наибольшее количество упоминаний (шесть и выше) (см. таблицу 1).

Любопытно, что если в левой половине таблицы ассоциации даются в большей степени как продолжение слова «праздник» (празд-

Таблица 1

Реакции респондентов на слово-стимул «праздник»

1986–1996 гг.		2001–2016 гг.	
Реакции	**Частота упоминаний**	**Реакции**	**Частота упоминаний**
веселый	59	веселье	115
Новый год	37	радость	97
веселье	28	подарки	48
1 Мая	24	друзья	33
детства	21	музыка	29
души	21	счастье	28
радость	18	Новый год	26
каждый день	16	шарики	24
весны	11	танцы	21
весело	10	смех	20
Октября	10	улыбки	19
демонстрация	9	гости	18
большой	8	отдых	16
8 Марта	7	семья	15
будни	7	салют	15
жизни	7	торт	14
радостный	7	день рождения	13
счастье	7	застолье	13
день рождения	6	фейерверк	13
новогодний	6	песни	11
		цветы	11
		шум	9
		выходной	7
		весело	7
		подарок	7
		елка	7
		воздушные шары	7
		шампанское	6
		люди	6
		шары	6

ник души, веселый праздник), то в правой это в основном самостоятельные слова, не предполагающие построения словосочетания. Возможно, это связано с разной формулировкой инструкции, предъявляемой респондентам, а может быть и с некоторыми изменениями в механизмах восприятия действительности и способах ее интерпретации, связанных с переменами уклада жизни и мировоззрения.

Примечательно, что в полном списке слов-реакций периода 1986—1996 гг. присутствуют такие, которые представляют собой амбивалентную картину праздника, что является для него характерным: праздник по своей природе амбивалентен. Вот несколько примеров словесных пар, отражающих противоположные характеристики: *грустный—радостный, скучный—веселый, горе/несчастье—радость/счастье, на улице—на селе, удался—не удался, пришел—прошел, будет—не будет, кончился—начался, настоящий—выдуманный, отдых—труд, общий—мой* и др. В ответах наших современников подобной закономерности обнаружить не удалось. Данный факт указывает на тенденцию к постепенному отклонению праздника от своего «классического» («подлинного») способа бытования, отражавшего всю его специфичность как времени перехода, выбора направления движения к одному из полюсов, о чем и говорилось в самом начале статьи.

Отдельного рассмотрения требует одна из основных черт праздника, отличающих его от повседневности – освобождение от труда. У наших современников это *выходной день* (*2*), *выходной* (*7*), *лишний выходной день, отдых* (*16*), *отдохновение, отдых от повседневных будней, чувство расслабленности и отдыха, свобода* (*6*). Реакции наших соотечественников советского периода выглядят следующим образом: *выходной* (*5*), *отдых* (*4*), *свобода, свободное время.* Снова бросается в глаза разница в количестве и разнообразии реакций (с перевесом у современников), но важным является и сам факт сохранения и представленности в языковом сознании этой основополагающей характеристики праздника. Расценивание праздничного периода как времени, свободного от труда и забот, было всегда и по-прежнему остается сейчас.

Теперь обратим внимание на то, что же осталось неизменным в празднике, какие слова-реакции присутствуют в обоих рассматриваемых нами периодах: *веселье, радость, Новый год, счастье, весело, день рождения.* Именно эти слова сохраняют так называемый «след» в языковом сознании среднего носителя языка и остаются встроенными в него, что отражено в их количественном показателе. Объединив однокоренные слова *весело* и *веселье,* получаем своеобразную триаду «веселье—радость—счастье», в которой заключены

важные для человека чувства, так необходимые ему на протяжении всей жизни. А Новый год и день рождения можно рассматривать в качестве образца настоящего праздника, который выбирается большинством респондентов как советского, так и нынешнего периодов вот уже на протяжении тридцати с лишним лет.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что лидирующими оказываются элементы не предметного мира человека (пища, одежда, хлопушки и т. п.), а явления его более тонкой сферы — эмоционально-душевной. В своих исследованиях структуры индивидуального опыта Е. Ю. Артемьева указывала на высокую значимость эмоционально-оценочных свойств. Результаты проводимых ею с коллегами экспериментов позволили выявить особую устойчивость эмоциональных признаков и их обязательную представленность в оценочных системах субъекта. Это послужило основанием для ее предположения о том, что «на некотором этапе генезиса перцепта „субъективные“ системы, т. е. системы, включающие субъективно значимые (в том числе и эмоциональные) свойства, являются первичными. <...> и, следовательно, можно говорить не только о сенсорных, но и об эмоциональных универсалиях» (Артемьева, 2007, с. 28). Е. Ю. Артемьева полагала, что данные универсалии выполняют роль регуляторов построения образа. «Пережитые эмоции, подобно пережитым манипуляциям с объектами, изменяют состав субъективного опыта, создают системы шкал и оценок, существенно определяющие отношение индивида к воспринимаемым объектам и ситуациям и, следовательно, его поведение» (там же). Возможно, сохраняющиеся в восприятии праздника веселье, радость и счастье и являются примерами таких эмоциональных универсалий, или констант. Будучи закрепленными в языковом сознании носителей языка, они играют роль трансляторов накопленного опыта предыдущих поколений и общей национальной памяти.

***

Основываясь на понимании языкового сознания как механизма взаимодействия психики, мышления и языка, мы можем утверждать, что рассмотрение ассоциативных реакций конкретных носителей языка на слово-стимул, зафиксированных в определенный момент исторического времени, дает возможность исследовать их представления о том или ином явлении и изучать их динамику.

Предпринятое нами сравнение ассоциативно-вербальных полей слова «праздник» позднесоветского и современного периодов позволило обнаружить как существенные различия в восприятии

праздника жителями нашей страны в разные исторические эпохи, так и наличие сходных неизменных черт – констант. В случае создания новых или реформирования прежних праздников знание о наличии таких черт и понимание их особенностей поможет избежать целого ряда негативных последствий в процессе разработки праздничного календаря.

Литература

Артемьева Е. Ю. Психология субъективной семантики. М.: Изд-во ЛКИ, 2007.

Звегинцев В. А. Язык и лингвистическая теория. М.: КД «Либроком», 2001.

Караулов Ю. Н. Показатели национального менталитета в ассоциативно-вербальной сети // Языковое сознание и образ мира: Сборник научных статей / Отв. ред. Н. В. Уфимцева. М.: Ин-т языкознания РАН, 2000.

Русский ассоциативный словарь: В 2 т. / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов. М.: АСТ–Астрель, 2002. URL: http://tesaurus.ru (дата обращения: 23.12.2020).

Русский ассоциативный словарь. Ассоциативный тезаурус современного русского языка: В трех частях, шести книгах / Ю. Н. Караулов, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов, Н. В. Уфимцева, Г. А. Черкасова. Кн. 1, 3, 5. Прямой словарь: от стимула к реакции. Книга 2, 4, 6. Обратный словарь: от реакции к стимулу. М.: ИРЯ, 1994, 1996, 1998.

Ушакова Т. Н. Языковое сознание и принципы его исследования // Языковое сознание и образ мира: Сборник научных статей / Отв. ред. Н. В. Уфимцева. М.: Ин-т языкознания РАН, 2000. С. 13–23.

Чулкина Н. Л. Мир повседневности в языковом сознании русских: Лингвокультурологическое описание. М.: КД «Либроком», 2016.

Структура интереса к Петру I и его реформам (на материале поисковых запросов в Яндексе)

А. Л. Журавлев, Д. А. Китова

doi: 10.38098/thry.2020.25.72.036

На начало 2020 г. более 4,5 миллиарда людей пользуются Интернетом, а аудитория социальных сетей превзошла отметку в 3,8 миллиарда. В современных условиях развития информационных технологий изучение важнейших психологических явлений стало возможным посредством беспрецедентно масштабного анализа продуктов деятельности человека – текстов, сообщений, информационных релизов, пользовательских запросов в Интернете и т. д. Непрерывное увеличение текстов, а также вычислительных мощностей делает исследования подобного типа насущной необходимостью.

Автоматизированный анализ текстов оказался применимым и для выявления разнообразных психологических состояний и свойств человека и общества, и для анализа соответствующих психологических проблем, таких как индивидуальные различия, уровень интеллекта, характер интереса и мотивации, ложные утверждения в текстах, групповая динамика, культурные изменения, особенности разного рода отношений и др.

Следующая исследовательская позиция связана с тем, что историческая психология традиционно рассматривается в рамках триады: историческая психология, психологическая история и историческая психология/психоистория современников. При анализе исторических событий, фактов, персоналий в представлениях человека, групп и общества объектом исследования становится *историческая память современников, «живая память»*. Такой подход уже продолжительное время реализуется в научных источниках (Емельянова, 2019; Лотман, 2000; Парыгин, 1992; Хальбвакс, 2005; и др.). Исследователями отмечается, что представления о прошлом широко варьируются в зависимости от исторического времени, от происходящих в обществе перемен, смены поколений, появления новых потребностей, практик и смыслов (Репина, 2011). Разнообразие исторических ситуаций

Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 20-013-42001.

и их восприятия создает широкое научное поле для психологических исследований. Одновременно с данными тенденциями, в конце XX–начале XXI в. в исторической науке большое внимание стало уделяться мемориальной проблематике, где в центре исследования находится не событие и дата, а формирование исторической памяти о них. Таким образом, проблема исторической памяти и факторов ее избирательности становится одной из наиболее актуальных и вместе с тем дискуссионных проблем современности (Дмитриева, 2015).

Впервые проблему исторической памяти в научной литературе поднял М.А. Барг, обратив внимание на то, что «ошибочно отождествлять историческое сознание и историческую память, ведь это означает отождествить его лишь с опытом прошлого, лишая измерений настоящего и будущего» (Барг, 1987, с. 79). Отечественные исследователи также придерживаются данной позиции, отмечая, в частности, что «в основе всякого историописания лежит, прежде всего, историческое сознание, объединяющее прошлое с настоящим, проецируемым в будущее» (Репина, 2011, с. 49).

С опорой на изложенные теоретические положения нами было проведено исследование, целью которого стало выявление представлений наших современников о жизни и деятельности Петра I как об исторической персоне. Предполагалось, что структура данного интереса позволит с опорой на уже известные в психологии факты объяснить его причинные характеристики, увязать их с оценками эффективности деятельности этой исторической персоны, которые в определенном ракурсе можно рассматривать как показатели способностей личности. Данная позиция основывается на известном в психологии теоретическом положении о том, что способности формируются, проявляются и развиваются в конкретной деятельности (Теплов, 1985; Дружинин, 1994; Шадриков, 2019).

В качестве доказательства актуальности избранной проблемы может служить высказывание о том, что «переломное для исторического сознания россиян петровское время и XVIII столетие в целом в настоящее время находятся на периферии мемориальных исследований за немногими исключениями» (Ростовцев, Сосницкий, 2014, с. 112). Это замечание непосредственно относится и к историко-психологическим исследованиям.

Теоретико-методологические подходы и методы исследования

Одним из теоретических оснований проведенного исследования выступило *положение о неоднозначности отношения* современников к од-

ним и тем же фактам истории, историческим событиям и личностям. Так, при изучении воспоминаний о Маргарет Тэтчер (Gaskell, 1997) оказалось, что более высокие оценки давали ей респонденты из тех высших слоев общества, которые считали ее уход «событием, расколовшим консервативную партию», что свидетельствует прежде всего об *эмоциональных механизмах* запоминания исторических событий. В свою очередь, Т. П. Емельянова отмечает: исследования, проведенные в последние десятилетия, убедительно продемонстрировали, что историческое знание *конструируется* по особым законам, а не зеркально отражает прошлое (Емельянова, 2019).

Отдельно можно отметить важные положения, полученные в ходе исследования коллективной исторической памяти. Так, М. Конвей, изучая ее природу, установил, что члены каждой поколенческой когорты хотя и разделяют в определенной мере общность «смысловой памяти», не будут разделять один и тот же опыт или идентичные концептуальные знания (Conway, 2005). В своих исследованиях Д. У. Пенабакер и Б. Л. Банасик выявили, что коллективная память запечатлевает прежде всего события, которые тесно связаны для группы с ее собственным позитивным или негативным образом (Pennebaker, Banasik, 1997, p. 5). Известен также такой феномен, как «заговор молчания», или «молчаливая память», связанный с искажением или замалчиванием негативных исторических событий и направленный на забывание/сглаживание исторических фактов, травмирующих группу. Также известны «поколенческие эффекты исторической памяти», состоящие в различном восприятии одних и тех же событий и фактов представителями разных поколений (Емельянова, 2019).

С методологических позиций в исследовании использовано обращение к *праксиметрическим методам* психологического анализа – способам изучения уже совершенных действий или анализа продуктов деятельности субъектов, которые широко применяются в историко-психологических исследованиях. Продуктами деятельности в психологии, как хорошо известно, могут выступать тексты, представленные на различных носителях: архивные материалы, художественные произведения, интервью и т. д.). В нашем исследовании используется цифровая информация, размещенная в Интернете. Отличительная особенность данного метода заключается в возможности анализа уже представленной информации или имевших место (уже совершенных) событий без необходимости непосредственного управления переменными, и эта позиция относится как к основным достоинствам метода, так и к его недостаткам. Несомненным плюсом является то, что изучаемая информация заранее зафиксиро-

вана на конкретном носителе и позволяет преодолеть основной недостаток опросных или экспериментальных методов в психологии, связанный с известным желанием респондентов или испытуемых «предстать в лучшем свете» перед исследователем, а также с их «смущением» в его присутствии.

В качестве ведущего метода обработки результатов исследования использовался *контент-анализ* (подробнее см.: Социальная психология, 2002, с. 43–47; и др.). Анализ содержания текстов был осуществлен путем систематического изучения и распределения информации по смысловым категориям, после чего произведен их количественный анализ – регистрация частоты появления тех или иных категорий. Выделение единиц анализа и распределение информации по смысловым категориям произведены методом *экспертных оценок*.

В основу поисковых запросов было положено наименование «Петр I», вместе с которым учитывались сопутствующие слова или словосочетания. Выяснилось, что запросы производились не строго, а осуществлялись в основном в трех различных вариантах: «Петр I», «Петр первый» и «Петр 1».

Выделение смысловых категорий было осуществлено путем тематического распределения запросов в зависимости от используемых в них слов и словосочетаний: «реформы», «семья», «соратники», «характер», «быт» и т. д. Сбор и обработка эмпирических данных производились в поисковой системе «Яндекс» в течение одного полного месяца – с 11 февраля по 11 марта 2020 г. В общей сложности было собрано и обработано 50870 поисковых запросов пользователей.

Выбор регионов для анализа был осуществлен с помощью соответствующего сервиса системы «Яндекс» (в настройках портала), которая регулирует запросы исходя из IP-адресов пользователей. В нашем случае были собраны запросы без ограничения территории, т. е. анализу подвергались все запросы Яндекса, осуществленные на русском языке. Тем не менее, сервис позволяет рассматривать полученные запросы с учетом территорий, с которых они были произведены: из различных стран, конкретных Федеральных округов, городов и поселений РФ.

Обратимся к эмпирическим результатам исследования. Прежде всего, важно отметить, что интерес к персоне Петра I – его личности, жизни и деятельности – проявляют не только россияне, он существует и на международном уровне. Если сравнивать *количество запросов* пользователей из разных стран мира, то этот интерес явно

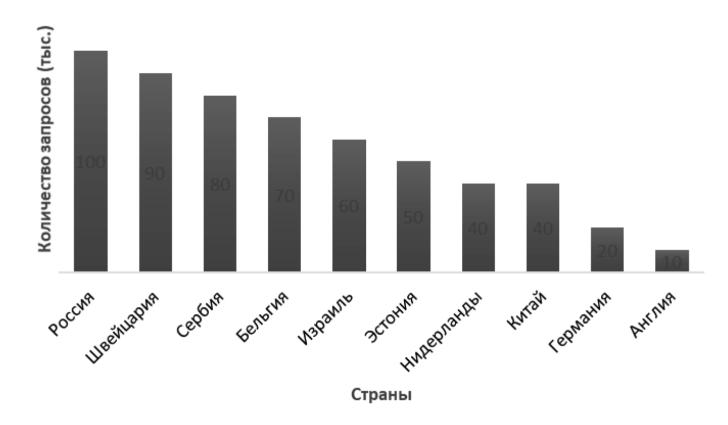

Рис. 1. Выраженность интереса к персоне Петра I среди 10 стран мирового сообщества

выражен в целом ряде государств (см. рисунок 1). Если активность запросов россиян в месяц принять за 100%, то можно сопоставить ее с уровнем активности представителей других стран. Так, Швейцария уступает России по количеству запросов лишь на 10%, а Сербия – на 20%. Уровень интереса довольно высок в Бельгии – 70% относительно количества запросов россиян, в Израиле (60%) и Эстонии (50%). Выраженность такого интереса в Нидерландах и Китае также можно признать относительно высокой, так как он достигает 40% от таких же запросов в России. Невысокий, но стабильный интерес к эпохе Петра I проявляют пользователи Интернета в Германии и Англии: 20% и 10%, соответственно.

На следующем этапе исследования была выявлена *региональная популярность* запроса «Петр I»[1]. Она рассчитывается поисковой системой «Яндекс» исходя из доли общих показов, деленной на долю показов, приходящихся на конкретный регион (affinity index), и показывает соотношение рейтинга по целевой аудитории и рейтинга по базовой аудитории.

Для наглядного восприятия результатов запросы из разных стран мира были сведены в общий список (облака тегов). На рисунке 2 представлен взвешенный список 50 стран, из которых поступали запро-

1 Региональная популярность слова (affinity index) исходя из общих показов, равная 100%, означает, что данное слово в данном регионе ничем не выделено, т. е. является относительно нейтральным. Если популярность более 100%, то в данном регионе существует повышенный интерес к этому слову, если меньше 100% – пониженный. Показатель автоматически рассчитывается поисковой системой «Яндекс».

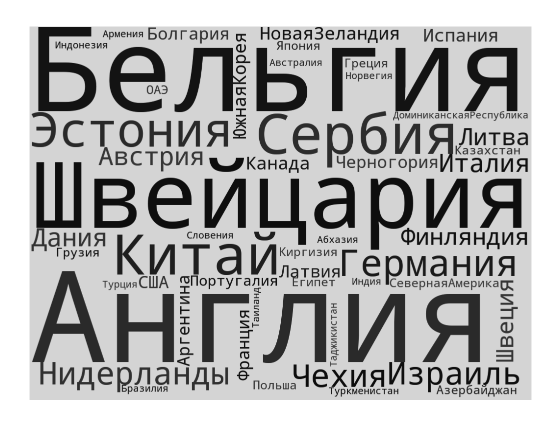

Рис. 2. Интерес к Петру I в различных странах мира (величина шрифта отражает степень популярности)

сы соответствующего характера. Частота запросов из каждой страны соотносится с размером шрифта (чем он больше, тем она выше). Как видно из рисунка 2, интерес к Петру I является достаточно высоким не только у россиян: его активно реализуют пользователи из Бельгии, Англии, Швейцарии, Сербии и Китая; он не столь высок, но стабилен в Эстонии, Нидерландах, Чехии и Израиле; наконец, его не лишены Дания, Австрия, Италия, Финляндия и Литва. Эту ситуацию можно определить и как основной *психологический фон отношения* пользователей поисковой системы Яндекс к персоне Петра I, который позволяет еще раз отметить, что интерес к ней на международном уровне довольно высок: запросы пользователей характеризуются *активностью* (высокой частотой) и *стабильностью* (достаточной популярностью по сравнению с общим уровнем других поисковых запросов).

Не менее важно отметить, что очень низкую заинтересованность проблемой демонстрируют представители южных стран СНГ: Туркменистана, Азербайджана, Таджикистана, Киргизии. Мало интересуются Петром I и в странах отдаленных контингентов, среди которых могут быть названы Бразилия, Индонезия, Австралия, Северная Америка и др. Таким образом, выделяется целый ряд стран (из ближнего и дальнего зарубежья), с территорий которых практически не проявляют интереса к Петру I, по крайней мере, в Интернете.

На следующем этапе исследования мы обратились к оценке региональной популярности имени Петра I в различных федеральных округах нашей страны. Данные были получены с помощью сер-

виса «Статистика ключевых слов на Яндексе». Как оказалось, тот или иной интерес к императору Петру проявляется во всех округах Российской Федерации, но его популярность различна. Наибольший интерес к его персоне проявляют пользователи Северо-Западного федерального округа, стабильно высокий интерес демонстрируют пользователи Северо-Кавказского и Дальневосточного округов, не очень высокий, но устойчивый интерес проявляют пользователи Центрального федерального округа (см. рисунок 3). Количество запросов в Сибирском, Приволжском и Забайкальском федеральных округах относительно невысокое, региональная популярность ниже 100%. Пониженный интерес к персоне Петра I у пользователей Республики Крым, где выявлена минимальная популярность анализируемых запросов.

Исходя из этих результатов можно сделать вывод, что наиболее высокий интерес к Петру I проявляют пользователи тех регионов, историческое развитие которых тесно связано с его жизнью и деятельностью: Северо-Западного федерального округа и Санкт-Петербурга. Для дальнейшего прояснения психологических оснований выявленного интереса здесь и далее уместно сделать некоторые исторические отступления. Основание Санкт-Петербурга, как известно, стало результатом тщательно продуманного замысла императора, целью которого было обеспечить выход к Балтийскому морю и создать российский флот. Принятое решение впоследствии позволило России укрепить военные позиции в регионе и организовать торговые отношения с европейскими странами. позиции в регионе и организовать торговые отношения с европейскими странами.

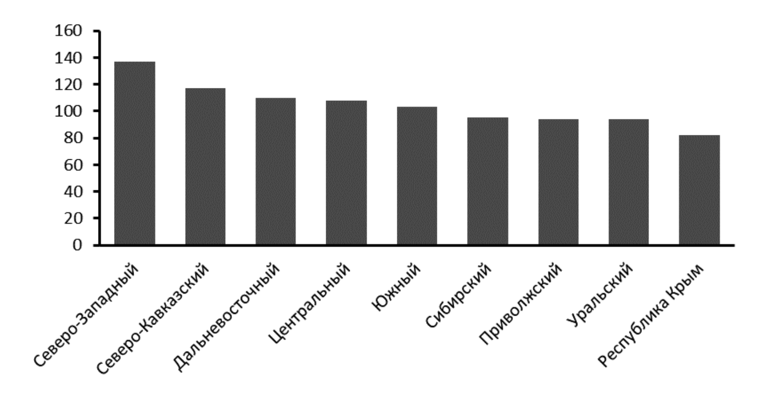

Рис. 3. Региональная популярность имени «Петр I» в запросах российских пользователей (в %)

С объективной точки зрения, достоверным показателем и прямым следствием принятых и реализованных императором эффективных решений, которые практически увековечили его имя в этом регионе, является тот факт, что Санкт-Петербург до сих пор является крупнейшим городом федерального значения, продолжающим воплощать идеи Петра I в жизнь.

С социально-психологических позиций, существуют и субъективные факторы, определяющие популярность персоны Петра I в Северо-Западном регионе. Так, исследования *механизмов формирования исторических образов прошлого* как «феноменов исторической памяти» показали, что «именно образы событий и персонажей прошлого, созданные в произведениях художественной культуры, являются основой обыденных представлений о прошлом» (Леонтьева, 2011, с. 34). Через их анализ можно наглядно проследить процесс «превращения фактов реальности в факты исторической памяти» (там же). Здесь невольно вспоминаются широко известные строки А. С. Пушкина «Отсель грозить мы будем шведу <...> Природой здесь нам суждено в Европу прорубить окно». Это первый субъективный фактор, позволяющий удерживать интерес населения к императору. Во-вторых, существенно влияют на сохранение исторической памяти о Петре Великом многочисленные места культурного наследия (памятники истории и культуры) – «места памяти», а также использование имени Петра I в названиях современных социальных и коммерческих объектов, которые, по меткому определению академика Д. С. Лихачева, принято называть «культурообразующими скрепами между прошлым, настоящим и будущим» (Запесоцкий, 2017, с. 13). Таким образом, полученная в ходе исследования информация служит развитию сложившихся в мемориальной историографии представлений о том, что «образы прошлого не могут существовать без мест памяти, так как им необходима конкретная форма фиксации, на базе которой они могут сформироваться» (Дмитриева, 2015, с. 133). В этом отношении «места памяти» являются одним из базовых элементов «конструирования и визуализации образов прошлого» (там же).

Представленные выше позиции можно обнаружить и в других регионах, следующих по уровню популярности запросов за Северо-Западным Федеральным округом. Так, не понаслышке знают о Петре I и на Кавказе. Как известно, он первым из русских государственных деятелей оценил значение Кавказа для России как одного из возможных объектов ведения военных действий против Турции, оставив тем самым в регионе значимый исторический «след».

Характер его оценок Кавказа также определялся торговыми и военными нуждами страны, которые требовали прорыва морской изоляции и обеспечения прямого выхода к Черному и Каспийскому морям. Здесь можно указать и на другие события из истории России, в частности, на то, что Кавказ вошел в состав России и, до сих пор являясь частью Российской Федерации, служит реализации целей, определенных в свое время императором.

Третью позицию по уровню интереса к Петру I занимают представители Дальневосточного федерального округа. Объясняя причины этого, следует опереться на следующие известные факты: именно при Петре началось активное освоение Дальнего Востока Россией, практически сразу после Полтавской победы и окончания Северной войны. Здесь императора интересовали также морские пути, но уже в Индию и Китай, а также распространение влияния России на восточную часть мира. Исторически в Дальневосточном регионе всегда сохранялись и реализовывались цели, определенные еще Петром I.

Таким образом, главными объективными целями политики российского государства в период правления Петра I были обеспечение государственной безопасности и создание условий для свободной и безопасной торговли России с другими странами. Значимость и эффективность заложенных Петром I и во многом реализованных управленческих решений указывают на его высокую политическую прозорливость. С психологической точки зрения выявленные особенности можно связать с уже известными в науке фактами, которые указывают на субъективную обусловленность исторической памяти (Емельянова, 2019), на наличие эмоциональных механизмов запоминания, передающихся из поколения в поколение (Rime, Christophe, 1997), работе которых способствуют обсуждения событий с другими людьми (Емельянова, 2019). Таким образом, вовлеченность того или иного региона в исторические события петровского времени, активное участие императора Петра I в его становлении и развитии – все это усиливает и актуализирует историческую память пользователей, проживающих в данном регионе, о Петре I и его деятельности, способствует сохранению интереса к его персоне. Все эти эффекты наглядно проявляют себя в запросах о Петре I представителей различных российских регионов, в чем мы убедились выше.

Этот же эффект наблюдается и при анализе региональной популярности слова «Петр I» в различных странах. Наиболее высокий интерес к его персоне проявляют пользователи из стран, исторически вовлеченных в политическое взаимодействие с Россией того периода, – в частности, в организацию торгово-экономических связей

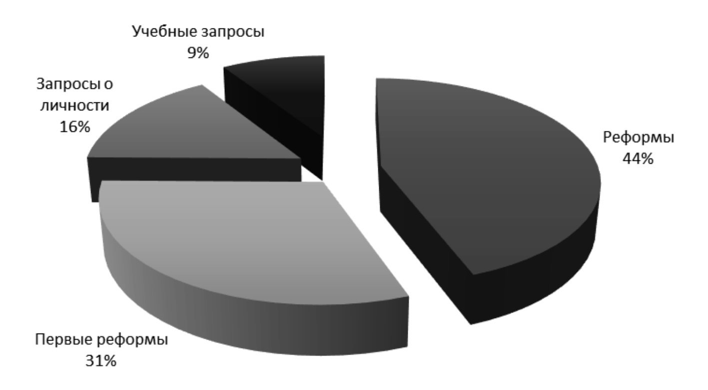

Рис. 4. Характер интереса к жизни и деятельности Петра I (в %)

и основание соответствующих морских и сухопутных маршрутов, которые сохраняют свою значимость и сегодня (Бельгия, Англия, Швейцария и др.).

На следующем этапе исследования мы провели анализ содержания и структуры поисковых запросов (см. рисунок 4). Как оказалось, пользователей в основном интересуют реформы, осуществленные императором (35592 запроса). Довольно популярен запрос «первые реформы» (14588). В самостоятельную группу выделены запросы, обусловленные учебными целями, которые содержат дополнительные слова, такие как *курсовая работа, реферат, доклад* и т. д. Доля остальных запросов небольшая (7344): они связаны с интересом к личностным характеристикам Петра Великого и к условиям его проживания (вкусовые предпочтения, взаимоотношения с близкими и т. д.).

Полученные результаты позволяют утверждать, что интерес к персоне Петра I в большей степени обусловлен его историческими достижениями и в меньшей связан с его индивидуально-психологическим характеристиками и особенностями частной жизни, хотя такой интерес тоже существует и достаточно выражен.

Содержательный анализ запросов показал разнообразие интересов пользователей и в отношении самих реформ: запрашиваются девять конкретных видов реформ, начиная от военной (максимальное количество запросов) и завершая метрологической (минимальное количество запросов) (см. рисунок 5).

Анализируя количественные показатели запросов по видам реформ, можно оценить их значимость в восприятии образа Петра I. В частности, наибольший интерес вызывают реформы, обеспечившие укрепление и развитие российской государственности на *меж-*

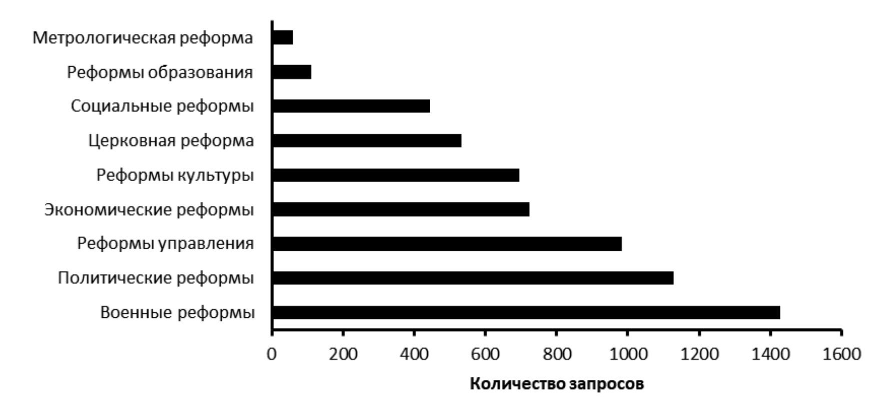

Рис. 5. Распределение запросов пользователей о различных видах реформ Петра I

дународном уровне, т. е. военные реформы. Второе место по уровню интереса пользователей занимают реформы, отражающие *внутренние* преобразования в России, которые связаны с ее выходом на более эффективные технологии управления государством и страной, т. е. политические и экономические реформы, а также реформы административного управления. На третьем месте по уровню интереса пользователей находятся реформы, относящиеся к социальным проблемам обустройства страны, которые оказывают влияние большей частью на социальное и психологическое самочувствие человека и в меньшей степени влияют на объективное экономическое развитие страны: трансформациям подверглись культура, религия и быт россиян. Менее всего внимание пользователей обращено к метрологической реформе, которая была связана не только с началом ввоза измерительных приборов для нужд армии и флота, но и с созданием собственной инфраструктуры приборостроения при Академии наук и контрольно-измерительных лабораторий на оружейных заводах. К большому сожалению, не привлекают значительного интереса реформы образования и науки (массовое создание школ, введение азбуки, издание первой печатной газеты, открытие Общественной библиотеки, создание Академии наук и т. д.), значение которых невозможно переоценить как для страны в целом, так и для повышения качества жизни ее населения. Возможно, это связано с тем, что их результаты проявляют себя главным образом опосредованно, вплетаясь в более поздние достижения различного рода в данных областях.

Обобщая разговор о специфике интереса современных интернет-пользователей к петровским реформам, следует отметить, что их

наибольшее внимание привлекают события, связанные с великими достижениями и прорывами, наименьшее – с качеством жизни населения, что требует специального изучения и объяснения. Все эти реформы, обеспечившие беспрецедентный прорыв в наращивании государственной мощи Российской империи, сопровождались многими человеческими жертвами, как явными, связанными с многочисленными смертями, так и опосредованными – через возрастание суицидальных актов, нанесение психических травм и усиление негативных психологических состояний населения (нервные срывы, стрессы, депрессии, фрустрации и т. д.), что говорит о необходимости дополнительного изучения гуманистической составляющей реализованных реформ. Примечательно и то, что в запросах пользователей сети практически нет позиций, которые были бы связаны с насилием в период правления императора, с количеством человеческих жертв, с числом недовольных стилем его правления и т. д. Это лишь частично можно объяснить проявлением эффекта «заговора молчания» («молчаливой памяти»), направленного на «забывание» исторических фактов, травмирующих социальную группу. Данную проблему в перспективе так же необходимо рассмотреть в самостоятельном контексте.

Сделаем еще одно небольшое отступление. С теоретических позиций, при оценке жизни и деятельности Петра I как политика (монарха) возникает важный и острый вопрос о взаимосвязи *эффективности государственной деятельности* (включая способности личности к такой деятельности) и *ценностных и мировоззренческих ориентаций общества,* т. е. вопрос о необходимости «соизмерять» достигнутые экономические результаты с социальным и психологическим самочувствием человека. В дальнейшем предполагается выделить в самостоятельное исследовательское направление *анализ этических принципов управленческой деятельности* как неизменный фактор оценки качества социальной деятельности, что прежде всего соответствует требованиям сегодняшнего дня (Китова, 2003; Узденов, Китова, 2009; Хубиева, Китова, 2009; и др.). Такое рассмотрение проблемы должно стать объектом общего внимания представителей социогуманитарных отраслей науки.

Возвращаясь к изложенному выше исследовательскому материалу, следует отметить, что каждая реформа требует глубокого и самостоятельного психологического анализа с выделением особенностей ее протекания и психологического фона ее реализации и интеграции в жизнедеятельность людей и государства, что невозможно сделать в рамках одной публикации. Вместе с тем даже в изложенном

небольшом блоке информации можно выделить общий тренд отношения пользователей сети к реформам, обратившись к связанным с ними *тематическим запросам*.

В соответствии с полученной информацией можно, во-первых, отметить великое разнообразие реформ того периода; во-вторых, интерпретировать данный факт с психологической точки зрения как показатель *неординарности* личности Петра I, отдать должное его *волевым качествам, организационным и управленческим способностям,* а с учетом продолжительности периода реформирования отметить и *цельность* его *характера,* и его *мировоззренческую устойчивость.*

Снова обращаясь к представленному выше анализу объективной эффективности реформ, осуществленных Петром I, можно отметить также *высокое качество его интеллектуальных характеристик: практического интеллекта, способности к стратегическому мышлению, политической прозорливости.*

***

Эмпирический анализ представленной проблемы позволяет утверждать, что интерес к Петру I носит международный характер и более обусловлен его историческими достижениями, чем личностными характеристиками. Иными словами, *ведущим основанием обращения пользователей сети Яндекс к личности Петра I выступает отношение к нему как к государственному деятелю, чьи достижения в сфере государственного управления вызывают высокий познавательный интерес.*

Обобщая полученные результаты исследования, можно выделить еще несколько самостоятельных позиций, которые заслуживают серьезного внимания.

Во-первых, в масштабах общества историогенез психологических явлений, в частности, феномена исторической памяти, составляет одну из важных основ *становления национальной идентичности,* в силу чего становится объектом борьбы политических, социальных и экономических элит. Результатом такой идеологической борьбы становятся не только соотносимые между собой ценности и идеалы настоящего и будущего, но и исторического прошлого, которое представляет собой «скорее процессы конструирования интерпретаций исторических событий, соответствующих целям и ценностям конкретной социальной общности, чем собственно воспоминания» (Емельянова, 2019, с. 49). При этом политическое манипулирование исторической памятью становится мощным средством воздействия на сознание человека и общества, а «конструированием приемлемых версий исторической памяти заняты не только официальные

власти, но также оппозиционные силы и различные общественные движения» (Репина, 2011, с. 31). Можно согласиться и с утверждением о том, что борьба за политическое лидерство нередко проявляется как соперничество различных версий исторической памяти (там же). Такого рода социальная конкуренция усиливает ответственность представителей научного сообщества как за изучение самих исторических событий и фактов, так и за их верную интерпретацию.

Во-вторых, современному научному сообществу необходимо обратить серьезное внимание на развитие «цифровых» технологий, использование которых позволяет производить масштабные эмпирические «срезы», создавать системы изучения общественного мнения/настроения в режиме реального времени и организовывать широкий междисциплинарный анализ сложных социальных проблем. Обращение к исследованиям в Интернете тесно связано как с перспективным развитием собственно научных технологий, так и с высокой востребованностью в сфере социального и государственного управления обоснованных знаний, релевантных обществу в целом.

Литература

Барг М.А. Эпохи и идеи. Становление историзма. М.: Мысль, 1987.

Дмитриева О.О. Историческая память и механизмы ее формирования: анализ историографических концепций в отечественной науке // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 6 (361). С. 132–137.

Дружинин В.Н. Ситуационный подход к психологической диагностике способностей // Психологический журнал. Т. 15. 1994. № 12. С. 94–105.

Емельянова Т.П. Коллективная память о событиях отечественной истории: социально-психологический подход. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2019.

Запесоцкий А.С. Культурологическое наследие Д.С. Лихачева // Вопросы философии. 2017. № 5. С. 5–14.

Китова Д.А. Материальное самообеспечение личности в изменяющихся социально-экономических условиях России: Дис. ... д-ра психол. наук. Ставрополь, 2003.

Леонтьева О.Б. Историческая память и образы прошлого в российской культуре XIX–начала XX вв. Самара: Книга, 2011.

Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб, 2000.

Парыгин Б.Д. Социальная психология: Учеб. пособ. СПб.: Изд-во СПбГУП, 2003.

Репина Л. П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв. М.: Кругъ, 2011.
Ростовцев Е. А., Сосницкий Д. А. Направления исследований исторической памяти в России // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2014. Сер. 2. № 2. С. 106–126.
Социальная психология: Учебное пособие для студентов вузов / Отв. ред. А. Л. Журавлев. М.: Пэр Сэ, 2014.
Теплов Б. М. Избранные труды: В 2 т. Т. 1. М.: Педагогика, 1985.
Узденов Т. М., Китова Д. А. Представления студентов о целях и средствах достижения экономического благополучия // Гуманизация образования. 2009. № 3. С. 129–133.
Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Память о войне 60 лет спустя. Россия, Германия, Европа. М.: Новое литературное обозрение, 2005. С. 229–239.
Хубиева Р. Т., Китова Д. А. Психологическая готовность молодежи к экономическим отношениям в современных условиях // Гуманизация образования. 2009. № 1. С. 104–109.
Шадриков В. Д. К новой психологической теории способностей и одаренности // Психологический журнал. Т. 40. 2019. № 2. С. 15–26.
Conway M. A. Memory and the self // Journal of Memory and Language. 2005. № 53. P. 594–628.
Gaskell G. Group differences in memory for a political event // Collective memory of political events: Social psychological perspectives. Mahwah, N. J.: Lawrence Erlbaum Associates, 1997. P. 175–189.
Pennebaker J. W., Dario P., Rime B. Collective Memory of Political Events. Mahwah, N. J.: Lawrence Erlbaum Associates, 1997.
Rime B., Christophe V. How individual emotional episodes feed collective memory // Collective memory of political events: Social psychological perspectives. Mahwah, N. J.: Lawrence Erlbaum Associates, 1997. P. 131–146.

Трансспектива безопасности в русских народных пословицах и поговорках

Т. М. Краснянская, В. Г. Тылец

doi: 10.38098/thry.2020.25.72.037

Безопасность в качестве универсальной вневременной ценности устойчиво воспроизводит по отношению к себе общесоциальный и научный интерес в социологии, экономике, праве, педагогике, психологии и других отраслях знания. Так, она уже достаточно традиционно рассматривается в педагогической, юридической, организационной психологии, психологии личности, дискурса, труда и спорта, что позволило детально обозначить многие оценочно-аналитические и организационно-практические аспекты безопасности (Ахмадеева, 2019; Бубновская, Леонидова, 2019; Краснянская, Тылец, 2016а; Поляков, Унусян, 2020; Психология дискурса..., 2016; Психология повседневного..., 2016; Тарабрина, Журавлев, 2012; и др.).

Значительно меньше категория безопасности изучена в историческом измерении: в единичных работах освещаются особенности переживания безопасности субъектами в связи с использованием различных объектов-носителей, экстериоризовавших в ходе социально-исторического процесса ее отдельные идеи, – например, артефактов безопасности (Котова и др., 2016), примет и обычаев безопасности (Краснянская, Тылец, 2015). Полученные результаты не только обозначили присутствие и значимость опыта безопасности в массовом социальном сознании, но и высветили проблему практической ценности его объектов-носителей в обеспечении межпоколенческой преемственности разноаспектно и пролонгированно апробированных позиций в соответствующей сфере. Общесоциальная и персональная востребованность ускоренного, адекватного и творческого усвоения опыта безопасности обостряет потребность в привлечении ресурсов социальных носителей его идей. Вместе с тем неоднократно подчеркивалась феноменологическая сложность безопасности (Краснянская, Тылец, 2016в). В частности, охарактеризовано обладание безопасности ярко выраженным темпоральным измерением, которое детерминирует необходимость обращения к параметрам

прошлого, настоящего и будущего ее субъекта, ситуации-актуализатора и их взаимодействия в рамках решения прогностических и экспертных задач соответствующей проблематики (Краснянская, Тылец, 2016б). Пословицы и поговорки как раз и представляют собой пришедший из прошлого носитель информации о поведении, наиболее приемлемом при возникновении актуальных ситуаций опасности и вероятных угроз безопасности, т. е. сочетают в себе прошлое, настоящее и будущее. На основе вышесказанного формулируется *проблема:* может ли темпоральная сторона безопасности, представленная в пословицах и поговорках о ней, быть в полной мере, т. е. в виде трансспективы, воспринята в ситуации актуальных угроз безопасности?

Гипотезой нашего исследования выступило предположение, в соответствии с которым в условиях актуальных угроз безопасности ценностное восприятие темпоральной стороны пословиц и поговорок о ней будет неравномерным, сдвинутым к приоритетности рекомендаций о поведении в настоящем, т. е. в момент текущей опасности.

Целью исследования стало изучение особенностей темпоральной стороны безопасности в оценках субъектов восприятия русских народных пословиц и поговорок о ней.

Достижение цели исследования предполагало решение следующих *задач:*

1) разработка подходов к изучению субъектных оценок темпоральности русских народных пословиц и поговорок о безопасности;
2) выявление особенностей оценки темпоральной стороны безопасности у субъектов восприятия пословиц и поговорок соответствующей тематики;
3) установление востребованности рекомендаций пословиц и поговорок о поведении в прошлом, настоящем и будущем.

Организация исследования

Отсутствие данных по проведению подобных исследований определило поисковый характер данной работы и значительный удельный вес ее подготовительного этапа.

Поисковый характер исследования сделал приоритетным использование в нем методик, легко адаптируемых к избираемой проблематике. Направленность заявленной исследовательской цели на изучение субъектных оценок определенного тематического материала послужила причиной выбора метода многомерного шкалирования

в качестве основного способа получения эмпирического материала. В качестве вспомогательного использовался метод экспертной оценки.

Метод многомерного шкалирования позволяет получить субъектные оценки заданного исследователем материала в любом формате (вербальном или графическом) по интересующим его параметрам с использованием определенной шкалы. В нашем исследовании в качестве оцениваемого материала (элементов) выступил авторский пакет русских народных пословиц и поговорок о безопасности с темпоральным смыслом, параметрами оценки служили три формы времени: прошлое, настоящее и будущее.

Подбор пакета русских народных пословиц и поговорок о безопасности с темпоральным аспектом (элементов оценивания) осуществлялся исходя из следующих позиций:

- при поиске материала приоритетными считались источники, однозначно указывающие на принадлежность пословиц и поговорок к сфере «опасность/безопасность» (тем самым был преодолен этап обоснования предметной специализации материала);
- в итоговом пакете должно достигаться парциальное сочетание материала с явным и неявным предписаниями поведения в ситуации опасности (явность связана с предложением некоторого алгоритма действия и с использованием понятий «опасность», «опасение», «спасение», «беда», «пожар» и т. п.; неявность предполагает иносказательность);
- необходимо охватить самые разнообразные ситуации опасности: физической (смерть, ранение), материальной (ущерб, потеря), психической (психическая травма, разочарование); данный пункт основывается на предшествующих исследованиях, показавших распределенность субъективно значимых сфер опасности и безопасности (Смирнова, 2020; Тылец, Краснянская, 2020);
- в итоговом пакете должны быть представлены темпорально окрашенные ситуации, подразумевающие или прямо указывающие на прошлое, настоящее и/или будущее, что определяется тематикой данного исследования.

Начальным шагом составления пакета пословиц и поговорок о безопасности явился поисковый запрос в интернет-сети «русские пословицы и поговорки о безопасности». По итогам поисково-аналитического рассмотрения исходного массива найденного материала был составлен пакет из 60 пословиц и поговорок о безопасности.

Далее экспертам (трем профессиональным психологам со стажем от 10 лет) было предложено автономно друг от друга оценить в каж-

дой из пословиц явность/неявность описания ситуации опасности (Я/НЯ) и подразумевающиеся в них времена (П, Н, Б). Результатом считался ответ, совпадающий хотя бы у двух экспертов.

Пакет пословиц и поговорок об опасности получил следующую экспертную оценку:

Без забора, без запора не уйдешь от вора. (Я, Н-Б)
Берегись бед, пока их нет! (Я, Н-Б)
Будь ниже травы, тише воды! (НЯ, Н-Б)
Быстрая вошка первая попадает на гребешок. (НЯ, Н-Б)
В руках спичка была, да изба сплыла. (НЯ, П)
Водой пожар тушат, а умом предотвратят. (Я, Н-Б)
Гляди под ноги: ничего не найдешь, так хоть ноги не зашибешь. (Я, Н-Б)
Гни, поколе не треснет. (НЯ, Н-Б)
Догадаешься, как проиграешься. (НЯ, П-Н-Б)
Знать бы, где упасть – соломки б постелил. (НЯ, П-Н-Б)
Иди вперед, а оглядывайся назад! (Я, П-Н-Б)
Искру туши до пожара, беду отводи до удара. (Я, Н-Б)
Каждый человек загодя думает о пожаре. (Я, Н-Б)
Когда увижу, тогда и поверю. (НЯ, Б)
Кто в море не бывал, тот горя не видал. (НЯ, П)
Кто огня не бережется, тот скоро обожжется. (Я, Н-Б)
Кто сам себя стережет, того и Бог бережет. (Я, Н)
Лишь глупый да малый без опасу живут. (Я, Н)
Москва от копеечной свечи сгорела. (НЯ, П)
На Бога и людей надейся, а сам не плошай. (Я, Н-Б)
Не груби малому, не вспомянет старый. (Я, Н-Б)
Не доглядишь оком, заплатишь боком. (НЯ, Н-Б)
Не дразни собаку, так не укусит. (Я, Н-Б)
Не думай, щука, как влезть, думай, как вылезть. (Я, Н-Б)
Не играй, кошка, с огнем – лапу обожжешь. (Я, Н-Б)
Не клади волку пальца в рот. (Я, Н-Б)
Не лезь в воду, не зная брода. (Я, Н-Б)
Не надейся на участь, не купи коня хромого. (НЯ, Н-Б)
Не окрикнув лошади, в стойло не лезь. (НЯ, Н-Б)
Не плюй в колодезь, пригодится напиться. (НЯ, Н-Б)
Не подкладывай к огню соломы, не поджигай, так и не сгорит. (Я, П-Н-Б)
Не радуйся под гору: подъем круче. (НЯ, Н-Б)
Не ступай, собака, на волчий след: оглянется, съест. (НЯ, Н-Б)
Не шути с огнем – обожжешься. (Я, Н-Б)
Носи бороду на плече (*оглядывайся*). (НЯ, Н-Б)
Обожжешься на молоке, станешь дуть и на воду. (НЯ, П-Н-Б)

Огонь – не вода, схватит – не всплывешь. (НЯ, Н-Б)
Огонь тушат, пока не разгорелся. (Я, Н-Б)
Одно дело в баню войти, другое – выйти. (НЯ, Н-Б)
Опасайся бед, пока их нет. (Я, Н-Б)
Опасенье – половина спасенья. (НЯ, Н-Б)
Оптимист видит возможность в каждой опасности, пессимист видит опасность в каждой возможности. (НЯ, Н)
От беды не упасешься. От греха не уйдешь (*не ухоронишься*). (НЯ, Н-Б)
От искры пожар рождается. (НЯ, Н-Б)
От малого опасенья великое спасенье. (НЯ, Н-Б)
Пока искра в пепле, тогда и туши. (Я, Н-Б)
Посиди у моря, пожди погоды. (НЯ, Н-Б)
Поспешность приводит к раскаянию, а осторожность – к благополучию. (Я, Н-Б)
Пуганая ворона куста боится. (НЯ, П-Н)
Семь раз примерь, один раз отрежь! (НЯ, Н-Б)
Сидя на колесе, думай, что будет (*что будешь*) *под колесом.* (НЯ, Н-Б)
Скорый напереди, осторожный назади. (НЯ, Н-Б)
Там не загорится, где огня нет. (Я, Н-Б)
Тише едешь – дальше будешь. (Я, Н-Б)
Туда-то так, да оттуда-то как (*сказала лиса, нюхая под углом курятника*). (НЯ, П-Б)
Упустишь огонь – не потушишь. (НЯ, Н-Б)
Утром, вечером и днем осторожен будь с огнем. (Я, Н-Б)
Цыплят по осени считают. (НЯ, Н-Б)
Чем суетиться при опасности, лучше подумай, как ее устранить. (Я, Н-Б)
Что ни делай, а на свой хвост оглядывайся! (Я, П-Н-Б)

По итогам экспертной деятельности было установлено, что в составленном списке ситуации с явным и неявным описанием опасности достаточно высоко сбалансированы (28 к 32, соответственно, 46,7% и 53,3%). При этом, по мнению экспертов, большая часть пословиц и поговорок (50 из 60, т. е. 83,3%) оперируют как минимум двумя временами, т. е. имеют темпоральный смысл безопасности. Таким образом, представленный пакет пословиц и поговорок обладает содержанием, позволяющим использовать его в исследовании в качестве элементов оценивания.

Для оценивания 60 элементов по трем параметрам была привлечена 7-балльная шкала (1 – минимальное, 7 – максимальное присутствие конкретного времени).

Исследование проводилось во второй половине марта – первой половине апреля 2020 г., в период общесоциального и индивидуаль-

ного обострения проблем безопасности в связи с пандемией коронавируса и введением в стране режима самоизоляции, что, по-нашему мнению, актуализировало интерес к соответствующему опыту. Опрос был реализован в онлайн-режиме, дистанционно в Интернете. В нем на добровольной основе приняло участие 60 человек в возрасте от 18 до 24 лет. Испытуемыми выступили студенты гуманитарных факультетов Московского гуманитарного университета (МосГУ), Московского филиала Российской международной академии туризма (РМАТ) и Московского государственного лингвистического университета (МГЛУ). Была достигнута достаточная сбалансированность по гендерному признаку: 35 девушек и 25 юношей.

Для сбора эмпирического материала респондентам была предложена таблица 60×3, в которой строками выступили пословицы и поговорки об опасности, столбцами – три времени: прошлое, настоящее и будущее. Давалась следующая инструкция: «Для выполнения задания Вам дается набор пословиц и поговорок в виде 60 высказываний. Необходимо каждое высказывание оценить, насколько оно предполагает учитывать в интересах безопасности опыт прошлого (П), особенности настоящего (Н) и ожидания будущего (Б). Для этого нужно заполнить возле каждого высказывания три столбца, используя при оценивании следующую шкалу: 1 – совершенно не предполагает это время; 2 – не предполагает это время; 3 – скорее не предполагает, чем предполагает это время; 4 – сомневаюсь: и предполагает, и не предполагает это время; 5 – скорее предполагает, чем не предполагает это время; 6 – предполагает это время; 7 – полностью предполагает именно это время».

Время выполнения задания не ограничивалось. Собранные от каждого студента матрицы оценок далее поэлементно суммировались друг с другом (по идентичным позициям накладывались друг на друга). Полученная общая (итоговая) матрица оценок 60×3 далее подвергалась математико-статистической обработке с целью решения поставленных задач.

При обработке эмпирического материала использовались простые математические статистики (средние по выборке – $X_{ср}$ и по трем временам – $x_п$, $x_н$, $x_б$, а также процентное распределение) и непараметрический критерий φ^* – угловое преобразование Фишера.

Результаты исследования

Анализ средних по выборке оценок времен показал достаточно высокий процент совпадения темпорального содержания, приписанно-

го экспертами и испытуемыми пословицам и поговоркам о безопасности – 54 из 60, т. е. 90%. Расхождение обнаружились по следующим шести текстам:

Водой пожар тушат, а умом предотвратят (Н-Б/П-Б, здесь и далее, соответственно, эксперты/респонденты).
Кто огня не бережется, тот скоро обожжется (Н-Б/Н).
Огонь тушат, пока не разгорелся (Н-Б/Б).
Поспешность приводит к раскаянию, а осторожность – к благополучию (Н-Б/Б).
Сидя на колесе, думай, что будет (*что будешь*) *под колесом* (Н-Б/Н).
Туда-то так, да оттуда-то как (*сказала лиса, нюхая под углом курятника*) (П-Б/П-Н).

При этом отметим, что данное расхождение носит частичный характер, так как касается только одного из указанных сторонами времен.

Таким образом, с достаточно высоким уровнем допущения можно признать стабильность выявленного нами темпорального аспекта составленного пакета пословиц и поговорок о безопасности.

Нахождение среднего всех оценок времен по выборке студентов привело к получению $X_{ср} = 4{,}34$, что в целом указывает на склонность испытуемых признавать темпоральную сторону представленного им пакета пословиц и поговорок о безопасности. В наименьшей степени временная трансспектива прослежена студентами в следующих пословицах и поговорках (n=12, т. е. 20%):

Опасенье – половина спасенья ($x_{ср} = 3{,}1$, максимальное $x_{н} = 5{,}6$).
Там не загорится, где огня нет ($x_{ср} = 3{,}2$, максимальное $x_{н} = 5{,}5$).
От искры пожар рождается ($x_{ср} = 3{,}6$, максимальное $x_{н} = 4{,}7$).
Лишь глупый да малый без опасу живут ($x_{ср} = 3{,}6$, максимальное $x_{н} = 6{,}5$).
Москва от копеечной свечи сгорела ($x_{ср} = 3{,}6$, максимальное $x_{п} = 7{,}0$).
Искру туши до пожара, беду отводи до удара ($x_{ср} = 3{,}7$, максимальное $x_{н} = 5{,}0$, $x_{б} = 5{,}0$).
Кто сам себя стережет, того и Бог бережет ($x_{ср} = 3{,}7$, максимальное $x_{н} = 5{,}5$).
Одно дело в баню войти, другое – выйти ($x_{ср} = 3{,}7$, максимальное $x_{б} = 5{,}5$).
Оптимист видит возможность в каждой опасности, пессимист видит опасность в каждой возможности ($x_{ср} = 3{,}8$, максимальное $x_{н} = 5{,}5$).
Огонь тушат, пока не разгорелся ($x_{ср} = 3{,}8$, максимальное $x_{б} = 5{,}6$).
Кто в море не бывал, тот горя не видал ($x_{ср} = 3{,}8$, максимальное $x_{п} = 6{,}1$).
Когда увижу, тогда и поверю ($x_{ср} = 3{,}9$, максимальное $x_{б} = 6{,}9$).

В большинстве случаев в них признается значимость только одного времени, другие времена оцениваются баллом, обозначающим его незначительность для безопасности. В остальных пословицах и поговорках (n=48, т.е. 80%) значимыми с позиций безопасности выступают обычно два времени: настоящее и будущее.

Выявленная закономерность подтверждается сравнением по общей выборке средних оценок времен. Данные оценки распределились следующим образом: прошлое время ($x_п$) – 2,8; настоящее время ($x_н$) – 5,3; будущее время ($x_б$) – 4,3. Анализ распределения средних по выборке оценок пословиц и поговорок показал, что по доминированию своей оценки каждое из времен по отношению к остальным временам распределяется следующим образом: настоящее – 35 (58,3%), будущее – 17 (28,3%), прошлое – 3 (5%). Полученное распределение позволяет предполагать, что в пословицах студенты видят прежде всего рекомендации, относящиеся к текущему моменту жизни, в меньшей степени ($p \leq 0{,}01$; $\varphi^*_{эмп}=4{,}356$; $\varphi^*_{0{,}01}=2{,}31$) – к планируемому будущему. При том, что прошлое время, согласно полученным оценкам, набрало всего 5,0%, оценка прошлого в 2,8 балла приближена к оценке в 3 балла («скорее не предполагает, чем предполагает это время»), соответствующей определенной доле сомнения в незначимости прошлого для безопасности в рассматриваемых пословицах и поговорках. Таким образом, отмечая доминирование ценности плана настоящего, можно все-таки обозначить существование тенденции к воссозданию студентами на рассматриваемом материале трансспективы безопасности.

Полностью трансспектива безопасности, охватывающая три времени, обнаружилась в оценках следующих пословиц и поговорок (n=5, т.е. 8,3%):

Догадаешься, как проиграешься ($x_п$ = 4,2, $x_н$ = 4,7, $x_б$ =7,0).
Знать бы, где упасть – соломки б постелил ($x_п$ = 4,1, $x_н$ = 4,2, $x_б$ =6,1).
Иди вперед, а оглядывайся назад! ($x_п$ = 5,0, $x_н$ = 6,1, $x_б$ =7,0).
Не подкладывай к огню соломы, не поджигай, так и не сгорит ($x_п$ = 4,0, $x_н$ = 4,5, $x_б$ =5,5).
Что ни делай, а на свой хвост оглядывайся! ($x_п$ = 5,5, $x_н$ = 6,0, $x_б$ =5,5).

Согласно полученным результатам, значимость для студентов темпоральной стороны безопасности в пословицах и поговорках не зависит от явности или неявности ее описания в них. Среди материала со средней оценкой времени (более 4 баллов) с явным, по мнению экспертов, описанием безопасности оказалось 23 из 28 (т.е. 82,1%), с неявным – 25 из 32 (т.е. 78,1%) пословиц и поговорок, что, по кри-

терию углового преобразования Фишера, дает статистически не значимые различия ($\varphi^*_{эмп}= 0,707$; $\varphi^*_{0,05}=1,64$). Вероятно, иносказательность не выступает ограничением для понимания темпорального содержания пословиц и поговорок о безопасности.

***

Представленный материал содержит попытку выявления субъектной восприимчивости к опыту безопасности, заключенному в пословицах и поговорках, т. е. в объектах-носителях исторического сознания. В процессе подготовки исследования был сформирован пакет русских народных пословиц и поговорок о безопасности, включающих, как было доказано на опытной основе, темпоральное содержание. На его основе реализована опытная часть исследования, которая позволяет сформулировать следующие *выводы:*

1. Русские пословицы и поговорки о безопасности содержат темпоральный смысл в объеме, который образует тенденцию к субъектному воспроизводству в них трансспективы безопасности.
2. Наиболее актуальным временем в пословицах и поговорках о безопасности выступает настоящее время, отражающее приоритетность текущих жизненных обстоятельств.
3. Русские народные пословицы и поговорки в наименьшей степени предрасполагают учитывать опыт прошлого для обеспечения безопасности, поскольку служат прежде всего предостережением, напутствием и потому обращены к настоящему и будущему. Вместе с тем они в неявном виде репрезентируют прошлое, таким образом воссоздавая трансспективу безопасности.
4. Выявление темпоральности в пословицах и поговорках не зависит от явности или неявности описания в них ситуации опасности.

Таким образом, выдвинутая в начале исследования гипотеза в целом подтвердилась. Пословицы и поговорки о безопасности содержат опыт в виде трансспективы. В условиях актуальных угроз безопасности ценностное восприятие темпоральной стороны пословиц и поговорок обнаруживает неравномерность, сдвинутость к приоритетности рекомендаций о поведении в настоящем.

Источником возможных погрешностей в выводах, сделанных в данном исследовании, является отсутствие в нем контроля за влиянием на восприятие респондентами значимости трех времен в пословицах и поговорках о безопасности внешнего фактора угрозы здоровью, жизни и материальному благополучию. Вместе с тем ма-

териалы, изложенные в статье, можно рассматривать как начальную часть исследовательской работы заявленной проблематики. Исследование может быть продолжено на большем объеме выборки с использованием предложенных подходов к изучению темпоральных проявлений безопасности и на материале разработанного пакета пословиц и поговорок о безопасности с темпоральным содержанием.

Литература

Ахмадеева Е. В. Психологическая безопасность личности педагога высшей школы // Педагогическая наука и педагогическое образование в классическом вузе: Материалы ежегодной международной научно-практической конференции / Отв. ред. А. С. Газов. Уфа: БГУ, 2019. С. 24–27.

Бубновская О. В., Леонидова В. В. Безопасность личности в образовательном пространстве в эпоху цифровизации // Сетевое образовательное взаимодействие в подготовке педагога информационного общества: Международная научно-практическая конференция. Владивосток: Дальневосточный федеральный университет, 2019. С. 358–364.

Котова И. Б., Краснянская Т. М., Тылец В. Г., Веселова В. Г., Иохвидов В. В. Артефакты личной безопасности в субъектном пространстве студентов вуза // Российский психологический журнал. 2016. Т. 13. № 4. С. 51–67.

Краснянская Т. М., Тылец В. Г. Визуализация практики самообеспечения безопасности в приметах и обычаях студентов вуза // Психология и психотехника. 2015. № 11. С. 1158–1166.

Краснянская Т. М., Тылец В. Г. Возможности сценарного подхода в проектировании психологической безопасности личности // Психолог. 2016а. № 4. С. 67–78.

Краснянская Т. М., Тылец В. Г. Время опасности и безопасности в субъектном опыте студентов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Акмеология образования. Психология развития. 2016б. Т. 5. № 3. С. 231–236.

Краснянская Т. М., Тылец В. Г. Психологический анализ уровней безопасности человека // Известия Гомельского государственного университета им. Ф. Скорины. 2016в. № 2. С. 31–36.

Поляков А. В., Унусян У. В. Социологические аспекты оценки безопасности на организационном уровне (на примере дошкольных учреждений) // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. «Социология». 2020. Т. 20. № 1. С. 124–136.

Психология дискурса: проблемы детерминации, воздействия, безопасности / Под ред. А. Л. Журавлева, Н. Д. Павловой, И. А. Зачесовой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.

Психология повседневного и травматического стресса: угрозы, последствия и совладание / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко, Н. В. Тарабрина, Н. Е. Харламенкова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.

Смирнова О. В. Представления о безопасности в юношеском возрасте: половой и гендерный аспект // Женщина в российском обществе. 2020. № 1. С. 85–100.

Тарабрина Н. В., Журавлев А. Л. Психологическая безопасность: на пути к комплексным, междисциплинарным исследованиям (вместо предисловия) // Проблемы психологической безопасности / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Н. В. Тарабрина. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 5–21.

Тылец В. Г., Краснянская Т. М. Психолингвистическое исследование концептов «опасность» и «безопасность» в языковом сознании студентов // Вопросы психолингвистики. 2020. № 1 (43). С. 84–97.

Сведения об авторах

Акопов Гарник Владимирович – доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей и социальной психологии Самарского государственного социально-педагогического университета, akopovgv@gmail.com.

Акопян Любовь Суреновна – доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры педагогики и психологии Самарского государственного социально-педагогического университета, akolubov@mail.ru.

Артемьева Тамара Ивановна – кандидат психологических наук, старший научный сотрудник лаборатории истории психологии и исторической психологии Института психологии РАН.

Бакшутова Екатерина Валерьевна – доктор философских наук, кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой психологии и педагогики Самарского государственного технического университета, bakshutka@gmail.com.

Борисова Анастасия Михайловна – младший научный сотрудник лаборатории психологии личности Института психологии РАН, borisovaam@yandex.ru.

Борисова Наталья Владимировна – кандидат психологических наук, старший научный сотрудник лаборатории истории психологии и исторической психологии Института психологии РАН, borisova07@bk.ru.

Воловикова Маргарита Иосифовна – доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник лаборатории психологии личности Института психологии РАН, margarita-volovikova@yandex.ru.

Гавронова Юлия Дмитриевна – кандидат психологических наук, ассистент кафедры иностранных языков Смоленского государственного университета, gavronova0104@yandex.ru.

Гильманов Сергей Амирович – доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики и психологии Югорского государственного университета, gilmanovsa1109@gmail.com.

Горюнова Людмила Николаевна – кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры эргономики и инженерной психологии Санкт-Петербургского государственного университета, Lgorynova@mail.ru.

Гостев Андрей Андреевич – доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории истории психологии и исторической психологии Института психологии РАН, aagos06@rambler.ru.

Григорьев Андрей Александрович – доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник лаборатории психологии и психофизиологии творчества Института психологии РАН, andrey4002775@yandex.ru.

Дворникова Ирина Николаевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и практической психологии Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского (Арзамасский филиал), din4@mail.ru.

Дробышева Мария Михайловна – соискатель лаборатории истории психологии и исторической психологии Института психологии РАН, mmdrob@mail.ru.

Екинцев Владислав Иванович – доцент, кандидат психологических наук, доцент кафедры философии и юридической психологии Владивостокского государственного университета экономики и сервиса, ekintsev@mail.ru.

Журавлев Анатолий Лактионович – академик РАН, доктор психологических наук, профессор, научный руководитель Института психологии РАН, alzhuravlev2018@yandex.ru.

Кабанова Ксения Владимировна – аспирантка кафедры социальной и этнической психологии Московского гуманитарного университета, i_kseniya@mail.ru.

Калинина Татьяна Валентиновна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры психологии и педагогики Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского (Арзамасский филиал), kalininatv@list.ru.

Китова Джульетта Альбертовна – доктор психологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник лаборатории истории психологии и исторической психологии Института психологии РАН, j-kitova@yandex.ru.

Константинов Всеволод Валентинович – доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей психологии Пензенского государственного университета, konstantinov_vse@mail.ru.

Краснянская Татьяна Максимовна – доктор психологических наук, профессор кафедры социальной и этнической психологии Московского гуманитарного университета, ktm8@yandex.ru.

Куликов Леонид Васильевич – доктор психологических наук, профессор кафедры социальной психологии Санкт-Петербургского государственного университета, leon-piter@mail.ru.

Леонтьева Ольга Борисовна – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры российской истории Самарского национального исследовательского университета им. акад. С. П. Королёва, oleontieva@yandex.ru.

Литвинюк Ольга Ивановна – независимый исследователь, Днепр, Украина, lytvyniukoi@gmail.com.

Мазилов Владимир Александрович – доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей и социальной психологии Ярославского государственного педагогического университета, v.mazilov@yspu.org.

Мироненко Ирина Анатольевна – доктор психологических наук, профессор кафедры психологии личности Санкт-Петербургского государственного университета, mironenko. irina1@gmail.com.

Осин Роман Викторович – кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии Пензенского государственного университета, june-89@mail.ru.

Патрикеева Элла Геннадьевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии и педагогики Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского (Арзамасский филиал), ellapatrik@mail.ru.

Позняков Владимир Петрович – доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник лаборатории истории психологии и исторической психологии Института психологии РАН, pozn_v@mail.ru.

Почебут Людмила Георгиевна – доктор психологических наук, профессор кафедры социальной психологии Санкт-Петербургского государственного университета, ludmila.pochebut@gmail.com.

Разина Лидия Сергеевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии Смоленского государственного университета, lidia722@yandex.ru.

Рафикова Вероника Айдаровна – аспирант кафедры психологии личности факультета психологии Санкт-Петербургского государственного университета, veronikarafikova1996@gmail.com.

Самохвалов Дмитрий Сергеевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры источниковедения Белорусского государственного университета, dzsarea.com@tut.by.

Серова Ольга Евгеньевна – кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник Психологического института Российской академии образования, s_olga953@mail.ru.

Стоюхина Наталья Юрьевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии управления Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского (Арзамасский филиал), natast0@rambler.ru.

Сулейманян Андраник Грантович – кандидат психологических наук, член Российского психологического общества, andranikgr@mail.ru.

Титовец Татьяна Евгеньевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры общей и дошкольной педагогики Белорусского государственного педагогического университета им. М. Танка, t_titovets@mail.ru.

Тылец Валерий Геннадьевич – доктор психологических наук, профессор кафедры психологии и педагогической антропологии и кафедры фонетики и грамматики французского языка Московского государственного лингвистического университета, tyletsvalery@yandex.ru.

Федоркова Ирина Рудольфовна – кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии и истории психологии Московского гуманитарного университета, ira_kislova@mail.ru.

Харитонова Елена Владимировна – кандидат психологических наук, старший научный сотрудник лаборатории истории психологии и исторической психологии, ученый секретарь Института психологии РАН, kharitonova-fish@mail.ru.

Холондович Елена Николаевна – кандидат психологических наук, старший научный сотрудник лаборатории истории психологии и исторической психологии Института психологии РАН, holelena@bk.ru.

Юров Игорь Александрович – кандидат психологических наук, психолог частной практики, sov36@mail.ru.

Научное издание
Серия «Методология, история и теория психологии»

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ:
ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ

doi: 10.38098/thry.2020.25.72.000

Редактор – *Т. А. Сарыева*
Оригинал-макет, обложка и верстка – *В. П. Ересько*

Издательство «Институт психологии РАН»
129366, Москва, ул. Ярославская, д. 13, к. 1
Тел.: +7 (495) 540-57-27
www.ipras.ru
E-mail: vbelop@mail.ru

Сдано в набор 20.12.20. Подписано в печать 31.12.20
Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Печать офсетная
Гарнитура NewtonC. Усл.-печ. л. Уч.-изд. л.
Тираж 500 экз. Заказ 0145.
Отпечатано в ПАО «Т8 Издательские Технологии»
109316, г. Москва, Волгоградский проспект, д. 42, корп. 5, ком. 6